Кн. В. П. Мещерскій.

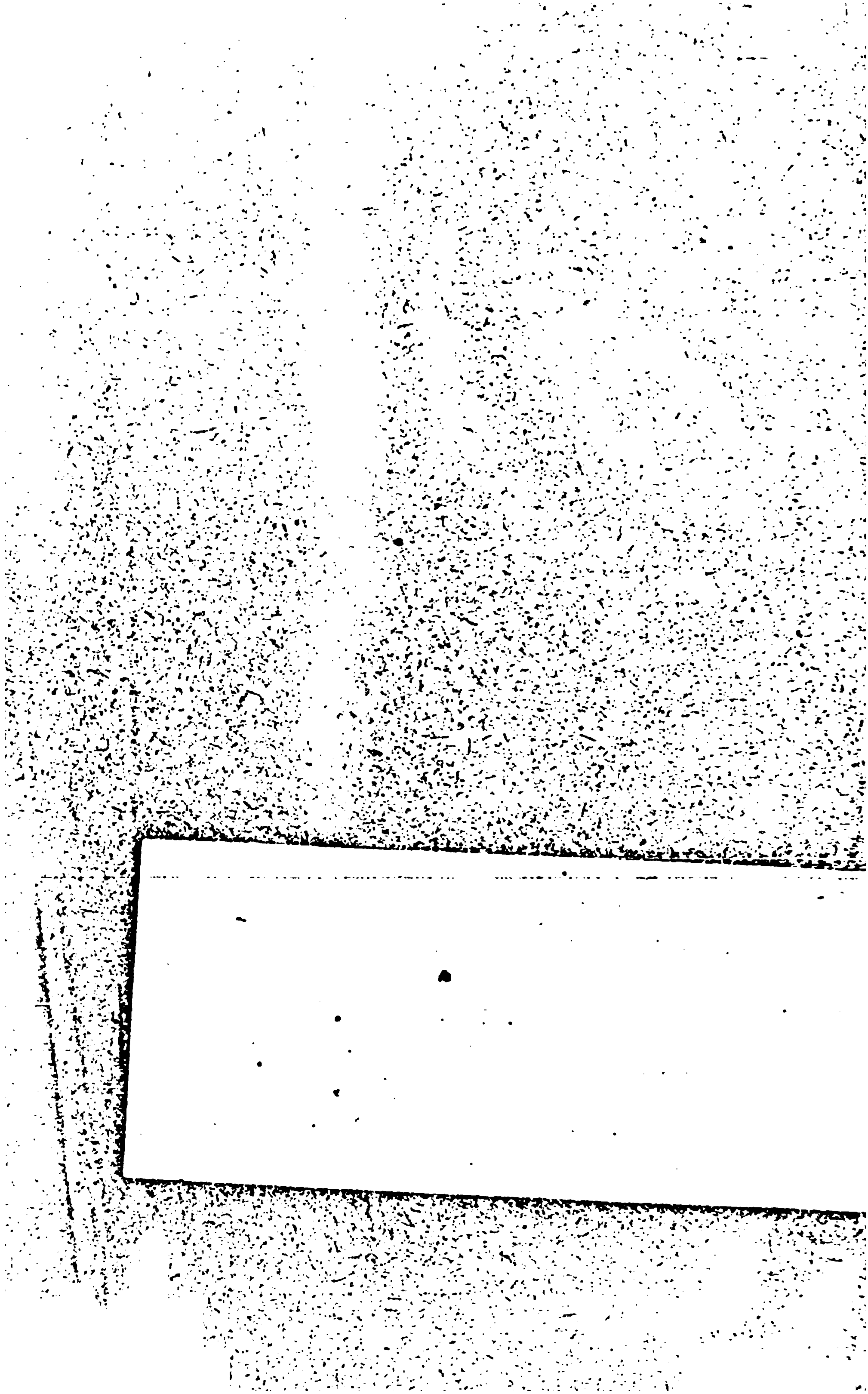
Meshcherskii, Vladimir Petrovich, kniaz'

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1865—1881 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская, № 27.
1898.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

(1865 годъ).

Присяга Цесаревича.—Его личность.—Его мысли.—Его чувства.

Въ это лѣто назначено было торжественное принесеніе присяги новымъ Наслѣдникомъ Престола. Дворъ наканунѣ дня присяги переѣхалъ въ Елагинъ дворецъ. Впервые послѣ Императора Николая Дворъ поселялся въ Елагиномъ дворцѣ.

Вечеромъ я посѣтилъ Цесаревича въ одномъ изъ флигелей возлѣ дворца. Онъ предложилъ мнѣ съ нимъ пойти пѣшкомъ гулять. Во время прогулки Великій Князь былъ невеселъ и неразговорчивъ. Понимая его душевное состояніе я воздерживался отъ того, что называется занимать собесѣдника. На берегу Невы мы присѣли на скамейку. Цесаревичъ сѣлъ и вздохнулъ.

Я обернулся къ нему и спрашиваю: тяжело вамъ?

— Ахъ, Владиміръ Петровичъ,—отвѣтилъ мнѣ Цесаревичъ.—Я одно только знаю, что я ничего не знаю, и

ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а отъ судьбы не уйдешь.

— А унывать нечего: есть люди хорошіе и честные, они Вамъ помогутъ.

— Я и не думаю унывать. Это не въ моей натурѣ. Я всегда на все глядѣлъ философомъ. А теперь нельзя быть философомъ. Прожилъ я себѣ до 20-ти лѣтъ спокойнымъ и беззаботнымъ, и вдругъ сваливается на плеча такая ноша. Вы говорите: люди; да, я знаю, что есть и хорошіе и честные люди, но и не мало дурныхъ, а какъ разбираться, а какъ я съ своимъ временемъ управлюсь? Строевая служба, придется командовать, учиться надо, читать надо, людей видѣть надо, а гдѣ же на все это время?...

Дѣйствительно, дѣла предстояло бѣдному Великому Князю страшно много. Ему надо было серьезно заниматься военною службою, и Ему нельзя было избѣгнуть оффиціальной стороны своего новаго положенія, т. е. пріемы и обязанность быть вездѣ тамъ, гдѣ Государь бываетъ. При покойномъ Цесаревичѣ былъ графъ Строгоновъ, который отвоевывалъ для своего воспитанника право не ѣздить никуда въ часы урочныхъ занятій; но для новаго Наслѣдника никто не могъ отвоевывать ему отъ Государя этихъ льготъ, тѣмъ болѣе, что Государь съ самаго начала началъ показывать, на сколько Онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы новый Наслѣдникъ вездѣ являлся и вездѣ Его сопровождалъ.

Послѣ прогулки я проводилъ Цесаревича до Его жилища и мы разстались... Въ этотъ же вечеръ Государь пришелъ къ Своимъ Сыновьямъ въ комнаты и обоимъ старшимъ подарилъ флигель-адъютанскіе мундиры.

Не смотря на лѣтнее время, съѣздъ былъ къ выходу

многочисленный. Цесаревичъ прочелъ присягу взволнованнымъ, но громкимъ и яснымъ голосомъ. Послѣ присяги я зашелъ къ Цесаревичу поздравить Его и передать Ему впечатлѣнія торжества!

Люди! Все дѣло въ нихъ: отъ нихъ зависятъ всѣ впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ извѣстная личность мало-по-малу обрисовываетъ свои взгляды на главные вопросы жизни и въ особенности на свои нравственныя обязанности относительно людей. Всякій воспринимаетъ вліяніе людей не только смолода, но въ продолженіе всей жизни. Это вліяніе происходитъ не отъ всѣхъ и не отъ всякихъ людей, но отъ тѣхъ, съ которыми человѣкъ чаще всего и, такъ сказать, постоянно сталкивается... Эти люди составляютъ то, что принято называть средою...

Какая среда людей должна быть средою Наслѣдника Престола, т. е., кто и гдѣ тѣ люди, которые должны вліять на постепенное образованіе его личности и его взглядовъ на жизнь... Тутъ предстоитъ и знакомство съ Россіею, въ видѣ многосложной задачи, и знакомство съ человѣческою жизнью, и знакомство съ эпохою, въ политическомъ смыслѣ, и все это предстояло новому Наслѣднику Престола узнавать отъ людей...

А какъ?

Всѣ эти вопросы тысячу разъ приходили на душу, и всего чаще въ бесѣдѣ съ такимъ прекраснымъ человѣкомъ и такимъ прекраснымъ другомъ молодого Цесаревича, какимъ былъ его главный воспитатель, графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Его мучилъ этотъ вопросъ его сердца и его совѣсти. А между тѣмъ, строй жизни Великихъ Князей былъ таковъ, что случайно могли, такъ сказать, подвертываться люди, но подбираться не могли.

Хорошо, если подвернувшійся человѣкъ оказывался хорошимъ и честнымъ, а что, если, наоборотъ, онъ оказывался нехорошимъ...

Въ сущности, какъ я наблюдалъ за эти годы, Великіе Князья знакомились съ людьми въ гостиныхъ и видѣлись съ ними въ гостиныхъ. Въ тѣ годы главною сценою для знакомствъ и для сношеній бывали зимнія катанья на конькахъ въ Таврическомъ саду, введенныя въ моду покойнымъ Цесаревичемъ. Буквально весь бомондъ сталъ кататься на конькахъ, чтобы ежедневно бывать отъ 2 до 4 час. на Таврическомъ каткѣ въ обществѣ Великихъ Князей. Другой, болѣе оживленной сцены для знакомствъ Великихъ Князей въ то время не было.

Во всякомъ случаѣ, они знакомились съ людьми съ парадной или чистой стороны, съ людьми всегда улыбающимися, всегда соглашающимися съ ними, всегда ими восхищающимися, а знакомство съ человѣкомъ въ его будничномъ неглижэ для нихъ не существовало... Вслѣдствіе этого объ сей сторонѣ людской жизни, къ сожалѣнію, они получали понятія только отъ услужливыхъ сплетниковъ, отъ любителей въ великой наукѣ придворныхъ разговоровъ...

Само собою разумѣется, что эта среда людей мало могла способствовать развитію въ молодомъ человѣкѣ практическихъ и серьезныхъ въ то же время взглядовъ на жизнь, и очень мало могла давать пищи, какъ духовный матеріалъ для саморазвитія. Въ обоихъ случаяхъ, и тѣ, которые хотѣли улыбками и лестью снискать себѣ благорасположеніе Великаго Князя, и тѣ, которые промышляли сплетнями и увеселительными разговорами, всего менѣе думали и могли думать о Великомъ Князѣ съ точки зрѣнія его пользы... И, увы, эта среда много

заключаетъ въ себѣ прямо вреднаго, пріучая молодой умъ и молодое сердце, съ одной стороны, къ легкому обращенію съ вопросами серьезными и въ томъ числѣ съ личностью человѣка вообще, а съ другой стороны—смотрѣть на людей, ихъ окружающихъ, свысока и даже презрительно... Какъ это дѣлалось — я видѣлъ это ясно уже тогда: большая часть людей этой среды, разумѣется, того не замѣчая, практиковали на самихъ себѣ школу пренебреженія къ человѣку: они на себѣ учили того или другого изъ великихъ міра сего въ грошъ не ставить ихъ достоинство и ихъ личность, и сколько разъ съ удивленіемъ мнѣ приходилось видать, что случайное проявленіе въ Великомъ Князѣ къ какому-нибудь человѣку почти презрѣнія доставляло этому человѣку удовольствіе: то, что французы называютъ: être traité sous jambes,—считалось для иныхъ признакомъ интимности...

Это была одна среда; другая была среда учебная и воспитательная; но она имѣла очень ограниченное вліяніе на развитіе личности въ Великихъ Князьяхъ, такъ какъ къ воспитателямъ Они слишкомъ привыкали, а учителей видѣли только въ классахъ. И притомъ, учителя съ вліяніемъ на жизнь были рѣдкостью. Таковыми были: Буслаевъ, Побѣдоносцевъ и немного Бабстъ.

Но въ эту минуту, когда Богу было угодно на Великаго Князя Александра Александровича возложить призваніе Наслѣдника Престола, задавая вопросъ: гдѣ люди и откуда ихъ взять,—можно было въ то же время быть увѣреннымъ, что та среда свѣтско-придворная, о которой я сейчасъ говорилъ, на него вліяніе дурного уже имѣть не будетъ...

Его нравственная личность до того была уже сложена твердо въ свою самобытную, такъ сказать, конститу-

цію, что опасеній за тлетворное вліяніе куртизановъ можно было не имѣть...

Сознавать это въ такія наступившія трудныя минуты жизни Цесаревича — было неизмѣримо отрадно... Много людей Онъ перевидалъ въ эти годы; но когда о нихъ заговаривали, Онъ скользилъ мыслію надъ ними, со дна Его души вылетали отрывками воспоминанія лишь о двухъ, трехъ друзьяхъ или товарищахъ дѣтства; дѣтскую симпатію смѣнило уваженіе молодого человѣка къ этимъ нѣсколькимъ, а къ масс. придворныхъ его не только не тянуло, но они не существовали для Него... Какъ все это произошло, разскажу сейчасъ.

Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ шутку называлъ себя философомъ.

Но это не было шуткою — Онъ дѣйствительно былъ философомъ, въ смыслѣ такого имъ добытаго міровоззрѣнія, и такихъ особенностей его духовнаго существа, ко-которыя позволяли ему, во-первыхъ, жить отдѣльною отъ другихъ жизнью, и не испытывать вліянія людей въ той степени, въ какой обыкновенно испытываетъ большая часть людей, а тѣмъ паче, вліянія придворной людской среды...

Онъ могъ казаться философомъ и въ отсутствіи въ немъ всякихъ, такъ сказать, прихотей матеріальной жизни: будь онъ перенесенъ сразу въ крестьянскую избу, онъ не почувствовалъ бы ни лишеній, ни стѣсненій для своего физическаго существа; и, рядомъ съ этимъ, онъ былъ философомъ въ смыслѣ отсутствія всякихъ тѣлесныхъ страстей...

Философомъ, но какой школы?

Разумѣется, философомъ—христіанской школы... Не-

вѣрно было бы сказать, что онъ былъ просто хорошимъ христіаниномъ; нѣтъ, онъ именно былъ философомъ-христіаниномъ; потому что не изъ одного христіанства онъ черпалъ свой стоицизмъ, но изъ своего собственнаго мышленія, изъ того процесса саморазвитія, который сложилъ его личность въ безусловно оригинальную...

Она сложилась за послѣдніе годы подъ сѣнью, такъ сказать, и подъ вліяніемъ духовнаго міра его старшаго брата... Они жили эти послѣдніе годы, что называется, душа въ душу... И это не было слѣпое подчиненіе младшаго брата старшему; совсѣмъ нѣтъ, это былъ взаимный обмѣнъ и мыслями, и чувствами и впечатлѣніями, при которомъ одинъ дополнялъ другого. Дружба эта была объединеніемъ двухъ совсѣмъ различныхъ и самостоятельныхъ при томъ существъ. Въ старшемъ братѣ не было никакихъ элементовъ философіи; напротивъ, своимъ чуткимъ и воспріимчивымъ ко всѣмъ оттѣнкамъ окружавшаго его міра, своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, понимавшимъ сразу намеки на мысль, онъ всецѣло воспринималъ и вліянія на себя жизни, или считался съ нею, и признавалъ ея силу; младшій братъ потому и представлялся философомъ, что, наоборотъ, онъ не подчинялся, такъ сказать, силѣ окружавшей его жизни, не моделировалъ себя по ней, не дорожилъ никакимъ «on dit», и крупными и цѣльными, такъ сказать, штрихами выражалъ свой образъ мыслей и свой духовный міръ, минуя тѣ оттѣнки и утонченности, которые въ личности старшаго брата играли свою роль и имѣли свое значеніе. Первый былъ художникъ мысли, второй былъ ея философъ своей собственной школы; и чтобы конкретнѣе выразить это различіе, я бы сравнилъ перваго съ искуснымъ

столяромъ, а второго съ плотникомъ съ вѣрнымъ взглядомъ и съ вѣрною рукою.

И вотъ, въ этомъ общеніи послѣднихъ лѣтъ, именно подъ сѣнью своего даровитаго, блестяще развившагося и богато образовавшагося брата, Великій Князь Александръ Александровичъ воспринималъ отъ него, не мѣняя своего характера, своего основного міровоззрѣнія, множество мыслей, свѣдѣній, впечатлѣній, которыя подъ вліяніемъ самой полной и самой искренней дружбы сердца служили для него главнымъ матеріаломъ и главнымъ подспорьемъ для самообразованія.

Когда въ эту пору начались наши ежедневныя бесѣды и занятія, я сразу убѣдился въ двухъ вещахъ, которыя слишкомъ ясно доказывали, какъ ошибались тѣ, которые, мало и только поверхностно зная Великаго Князя Александра Александровича, могли думать, что онъ мало знаетъ и мало думаетъ... Одна вещь—была открытіе, какъ мало изъ того, что приходилось ему сообщать, было ему неизвѣстно, и вторая—это невозможность поколебать извѣстные имъ добытые основные взгляды и убѣжденія: до того они были въ немъ прочны и неотдѣлимы отъ его духовнаго самобытнаго міра... Передъ самою кончиною Цесаревича Николая Александровича послѣдній откликъ своихъ умиравшихъ умственныхъ силъ былъ для брата; умиравшую мысль, какъ потухавшее пламя, онъ на мигъ оживилъ послѣднимъ дуновеніемъ своей любви къ брату, чтобы повѣдать Россіи, кому онъ оставлялъ свое преемство; въ нѣсколькихъ словахъ онъ сдѣлалъ изъ характеристики его души чудную картину, и сдѣлалъ потому, что онъ одинъ въ послѣдніе годы своей жизни понялъ и оцѣнилъ и правдивую красоту и простую твердость его души. Онъ одинъ понялъ эту душу, ибо, съ одной сто-

роны, лелѣялъ ее и трудился надъ ея развитіемъ, а съ другой стороны—самъ испыталъ на себѣ ея благотворное вліяніе и успѣлъ оцѣнить ея самобытныя качества...

Но, отстаивая всѣми силами своей природы философа-христіанина свою самобытность и свою самостоятельность въ прекрасныхъ чертахъ самой природы, Великій Князь Александръ Александровичъ поражалъ тѣмъ, что насколько онъ своимъ качествамъ придавалъ инстинктивную, такъ сказать, цѣну, настолько онъ себѣ не придавалъ никакой цѣны, и именно поражалъ своимъ смиреніемъ... Ему не было предѣловъ, и это заставляло при сближеніи съ нимъ благоговѣть предъ нимъ, ибо въ этомъ смиреніи чувствовалась сила его нравственности...

Но кромѣ самого себя новый Цесаревичъ вовсе не цѣнилъ еще другое: это усилія людей ему понравиться и обратить на себя его вниманіе...

Со свѣтомъ и съ придворнымъ міромъ онъ успѣлъ уже ознакомиться настолько близко, что лесть, заискиваніе, ломанье шута или вкрадчивость куртизана—все это отталкивало отъ него человѣка подъ вліяніемъ непосредственнаго и инстинктивнаго побужденія...

А въ этихъ усиліяхъ людей къ нему прилаживаться недостатка не было. Можно сказать, что съ перваго же дня его новаго положенія и въ свѣтѣ и при Дворѣ стали со всѣхъ сторонъ проявляться усиленныя заботы и превозносить новаго Цесаревича, и заискивать у него, но на то и другое въ отвѣтъ онъ оставался непобѣдимымъ философомъ, подтрунивая надъ тѣмъ, что вдругъ для многихъ онъ сдѣлался такимъ интереснымъ.

Въ особенности онъ не любилъ фразъ... Бѣднаго Валуева онъ не любилъ именно за избытокъ фразъ. Про него онъ весьма вѣрно говорилъ: онъ столько наговоритъ

посторонняго и ненужнаго, что до нужнаго и не доберешься... Наоборотъ, краткая, простая, правдивая рѣчь ему нравилась, и только къ ней онъ прислушивался съ довѣріемъ и со вниманіемъ. Сколько разъ, помню, приходилось видѣть, какъ человѣкъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы плѣнить Великаго Князя своимъ краснорѣчіемъ говорилъ, говорилъ, и уходилъ съ упованіемъ, что произвелъ впечатлѣніе, а Великій Князь съ его уходомъ—говорилъ про него: какой болтунъ, или какой пустомеля. Придворный міръ былъ не по сердцу Великому Князю издавна, по той простой причинѣ, что онъ грѣшилъ двумя вещами, ему антипатичными,—отсутствіемъ правдивости и избыткомъ угодливости...

Тѣ же причины въ немъ объясняли очень ясно одну изъ самыхъ симпатичныхъ и прекрасныхъ чертъ его характера: уваженіе къ чужому мнѣнію. Онъ уважалъ чужое мнѣніе, во-первыхъ, потому, что любилъ инстинктивно и всѣми фибрами своего нравственнаго существа правду; во-вторыхъ, потому, что столь же инстинктивно ненавидѣлъ угожденіе ему и, въ третьихъ, потому что былъ смиренъ.

Въ мелочахъ чисто будничнаго обихода молодой Цесаревичъ иногда бывалъ упрямъ, въ главныхъ принципахъ и основныхъ убѣжденіяхъ своихъ онъ былъ непреклоненъ, но затѣмъ между этою маленькою чертою и этою крупною чертою его характера—оставалась цѣлая широкая область вопросовъ и мнѣній, по которымъ онъ любилъ выслушивать мнѣнія людей и обязывалъ, такъ сказать, своего собесѣдника съ нимъ спорить, и если ему удавалось доказать, что онъ правъ и что неправъ Великій Князь, то послѣдній всегда убѣждался...

Вотъ эта то черта давала необыкновенную прелесть

близкимъ къ нему отношеніямъ... Слово, искренно сказанное, съ цѣлью или убѣдить или разубѣдить Цесаревича, никогда не пропадало даромъ.

А затѣмъ, въ заключеніе характеристики его духовной личности въ то время слѣдуетъ сказать, что уже тогда въ немъ образовалась одна прекрасная черта, которая въ немъ развилась и окрѣпла,—это прочность его привязанности къ человѣку... Онъ отстаивалъ противъ нападокъ того человѣка, котораго онъ любилъ, и онъ презрительно относился къ личностямъ тѣхъ, которые сплетничали или клеветали, стараясь вредить въ его глазахъ человѣку, которому онъ вѣрилъ.

Черта эта была послѣдствіемъ двухъ внутреннихъ причинъ... Одна происходила отъ его честности: честный во всемъ, въ маломъ и большомъ, онъ былъ честенъ въ своихъ привязанностяхъ, а затѣмъ онъ отстаивалъ своего близкаго и презиралъ на него клевету, потому что былъ философъ; именно, какъ философъ онъ былъ и снисходителенъ къ слабостямъ людей, не ждалъ отъ нихъ ни героизма, ни святости и, зная, что всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, прощалъ ихъ каждому и цѣнилъ въ человѣкѣ хорошія стороны.

Изъ всего этого духовнаго матеріала, далеко не скуднаго, въ день, когда Великій Князь сталъ Наслѣдникомъ Престола, у него сразу явилось владычествующимъ началомъ его жизни—сознаніе долга...

Онъ ясно и во всей его полнотѣ созналъ свой долгъ и началъ для него жить, но опять-таки по своему, безъ всякихъ манифестацій, безъ всякихъ фразъ, безъ всякой наружной вывѣски, а совсѣмъ просто, совсѣмъ обыкновенно и почти незамѣтно...

Осень какъ лѣто, а зима какъ осень 1865 года про-

шли мирно и тихо. Осенью возобновились въ Царскомъ Селѣ простыя вечернія собранія въ Китайской гостиной, на которыхъ очень рѣдко присутствовала Императрица, и эта тихая уединенная жизнь Двора продолжалась и по переѣздѣ изъ Царскаго въ Петербургъ въ концѣ ноября. Ежедневно мы видѣлись съ Цесаревичемъ. Въ это время я далъ ему совѣтъ, который ему понравился и который Онъ принялъ: писать свой дневникъ но аккуратно, то-есть, записывать каждый день, что случилось и дневныя мысли и впечатлѣнія. Мнѣ казалось, что веденіе дневника, кромѣ удовольствія для будущаго, кромѣ практической пользы, какъ справочной книги, имѣло и ту пользу, что, съ одной стороны, служило упражненіемъ для памяти, а съ другой стороны, пріучало умъ къ резюмированію впечатлѣній и мыслей, и могло изображать собою извѣстную умственную гимнастику. Я подарилъ Великому Князю толстую переплетенную съ замкомъ книгу in quarto, и Онъ началъ ежедневно писать свой дневникъ; съ своей стороны, и я въ то время писалъ дневникъ, и ежедневно по вечерамъ, по окончаніи дня, мы обмѣнивались чтеніемъ нашихъ дневниковъ, которые затѣмъ служили темами для разговоровъ, а разговоры, въ свою очередь, служили темами для дневниковъ.

Вспоминаю наше чтеніе 31 декабря. Около 11 часовъ вечера, по обычаю, я приходилъ къ Великому Князю. Онъ возвращался къ тому времени отъ Своихъ Родителей. На столѣ его ждалъ самоваръ. Онъ разливалъ чай, начиналась бесѣда, а потомъ мы переходили въ его кабинетъ, гдѣ у письменнаго его стола начиналось чтеніе дневниковъ. Цесаревичъ тогда жилъ одинъ, въ комнатахъ своего покойнаго брата, въ павильонѣ, возлѣ Эрмитажа. 31 декабря кончался печальный годъ. Въ эту ночь, около

двѣнадцати часовъ, отворилась дверь кабинета и вошелъ Государь. Цѣль его посѣщенія была привѣтствовать Цесаревича съ Новымъ годомъ и благословить его. Нѣжно обнявъ и благословивъ его три раза, Государь и мнѣ протянулъ руку, и при этомъ, сказавъ мнѣ глубоко тронувшія меня сердечныя слова, добавилъ: Я увѣренъ, что ты будешь ему,—при этомъ Государь положилъ руку на плечо сына,—всю свою жизнь вѣрнымъ слугою. Я поцѣловалъ съ глубокимъ волненіемъ руку Государя и чѣмъ инымъ, какъ не обѣтомъ жизнь свою посвятить Цесаревичу, могъ я отвѣтить. Государь, затѣмъ спросилъ, чѣмъ мы занимаемся и удалился, провожаемый Сыномъ. Я остался на нѣсколько минутъ одинъ въ комнатѣ.

Такой ночи мнѣ не забыть. И доселѣ припоминается она мнѣ, тихая, мирная, какъ она была, безъ шампанскаго, безъ гостей, безъ яркаго освѣщенія и безъ громкихъ пожеланій, а все-таки въ сіяніи, но въ сіяніи чего-то торжественнаго, дорогого и таинственнаго. Комната, въ полумракѣ, гдѣ два года назадъ раздавалась живая и полная надеждъ на будущее рѣчь покойнаго Цесаревича, гдѣ возлѣ него глядѣлъ на жизнь весело и беззаботно, бѣдный Александръ Александровичъ теперь одинокъ, задумчивъ и озабоченъ передъ цѣлымъ громаднымъ неизвѣстнымъ будущимъ, эти дрожавшія еще въ воздухѣ задушевныя слова Государя и этотъ въ таинственной тишинѣ полутемнаго уголка Зимняго Дворца наступающій Новый неизвѣстный годъ, — все это переполняло тогда душу впечатлѣніями святыми и глубокими, оживающими 30 лѣтъ спустя съ такою силою, точно все это происходило вчера...

Чтеніемъ и мирною бесѣдою мы встрѣтили новый годъ.

Въ ту зиму Великій Князь усиленно занимался политическими и юридическими науками: по законовѣдѣнію его профессоромъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ, по финансовой наукѣ ему читалъ лекціи Ф. Г. Тернеръ.

II.

(1866 годъ).

4 апрѣля и его послѣдствіе.—Коммиссаровъ.

---

4 апрѣля, днемъ, въ третьемъ часу, я ѣздилъ по городу и, вдругъ, послѣ трехъ часовъ, сталъ замѣчать какую-то необыкновенную суету на улицахъ: кое-гдѣ замѣчалъ кучки, быстро расходившіяся, затѣмъ вижу въ парадныхъ мундирахъ спѣшатъ военные по направленію къ Зимнему Дворцу. Выѣхавъ на Дворцовую площадь, я вижу, какъ экипажи подъѣзжаютъ къ подъѣздамъ Дворца, вижу уже съѣздъ экипажей.

Я остановился у Комендантскаго подъѣзда, соскочилъ съ дрожекъ и бѣгу къ швейцару узнать: въ чемъ дѣло?..

Какъ громомъ поразили меня три слова: въ Государя стрѣляли! Никогда ничего ужаснѣе этихъ трехъ словъ не слышалъ со дня рожденія по эту минуту. Я не смѣлъ спросить: что дальше?.. да и не къ чему было: швейцаръ отвѣтилъ на вопросъ, читая его въ лицѣ спрашивавшихъ: слава Богу, мимо,—сказалъ онъ.

Я поспѣшилъ домой, одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ во Дворецъ.

Съѣздъ все усиливался. Всѣ залы переполнились людьми въ мундирахъ и безъ мундировъ, дамами, купечествомъ и

само собою образовался громадный по численности лицъ, выходъ. Когда двери изъ Золотой гостиной открылись и Императрица, стоя у дверей, съ лицомъ облитымъ слезами, но съ радостью во взорѣ, пропустила Государя и Онъ вышелъ, произошло что-то необыкновенное. Это былъ взрывъ такого восторга, такой радости, такого душевнаго состоянія, которыя разъ въ жизни можно увидѣть и услыхать. Окна дрожали точно отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Къ Государю бросились со всѣхъ сторонъ, цѣловали Ему руки, плечи, одни плакали, другіе благословляли спасшагося Царя. Государя лицо сіяло благоговѣйною радостью. Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при чтеніи благодарственной молитвы, было глубоко умилительно.

До появленія Государя я увидѣлъ въ одной изъ залъ шествіе Комиссарова, ведомаго княземъ Суворовымъ къ Государю. Помню, что всѣ глядѣли на него съ ч вствомъ зависти; ему завидовали за жребій судьбы, избравшей его орудіемъ Провидѣнія для спасенія Русскаго Государя. Видъ его представлялъ въ этомъ морѣ золота и сіяющихъ лицъ картину въ высшей степени любопытную. Въ потертомъ костюмѣ мастероваго (онъ былъ рабочій у шляпочнаго мастера), съ лицомъ скорѣе пріятнымъ и съ правильными чертами, выражавшимъ полную растерянность, онъ внушалъ кромѣ зависти, и жалость, ибо выражалъ лицомъ душевную муку; потъ съ него лилъ градомъ, глаза или глядѣли внизъ, или растерянно блуждали, онъ двигался точно во снѣ, или въ летаргіи, не понимая какъ будто, что происходитъ около него и съ нимъ. Къ нему подходили со всѣхъ сторонъ, жали ему руки, цѣловали его, а онъ скорѣе былъ похожъ на осужденнаго послѣ приговора. Тутъ мы узнали подробности. Государь, по обычаю, гулялъ одинъ съ своимъ Милордомъ, чернымъ

сетеромъ, въ Лѣтнемъ саду, и послѣ прогулки выходилъ въ ворота на набережной, чтобы сѣсть въ коляску. Стоять около коляски при выходѣ Государя дозволялось всякому: были тутъ обычный жандармъ, обычный полицейскій городовой и обычный сторожъ сада. Всѣ они, при приближеніи Государя, становясь во фронтъ, стояли къ нему лицомъ, и спиною, увы, къ той кучкѣ, гдѣ былъ злоумышленникъ Каракозовъ. Едва Государь сѣлъ въ коляску, какъ раздался надъ Его головою выстрѣлъ: пуля пролетѣла мимо благодаря тому, что стоявшій рядомъ съ Каракозовымъ Коммисаровъ въ мигъ, когда первый цѣлилъ въ Государя, подтолкнулъ его руку подъ локтемъ. Преступникъ былъ схваченъ немедленно. Государь вернулся въ Зимній Дворецъ.

Въ одной изъ залъ дворца сошлись дворяне петербургской губерніи, во главѣ ихъ былъ старикъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Онъ предложилъ дворянамъ просить Государя о дарованіи крестьянину Комиссарову дворянскаго достоинства за спасеніе Русскаго Государя. Въ этой кучкѣ нашлись благоразумные протестанты, которые основательно замѣтили, что Сусанинъ не былъ пожалованъ въ дворяне, а былъ прославленъ Царемъ и Россіею именно въ своемъ крестьянскомъ быту на вѣки вѣчные. Но эти голоса не были послушаны, къ сожалѣнію. Восторгъ минуты увлекъ большинство идеею, и случилось то, что,—увы, какъ предвидѣли одинокіе протестовавшие дворяне, погубило бѣднаго Комиссарова.

Въ это же время совершалось во дворцѣ другое важное событіе, важное въ государственномъ смыслѣ. Шефъ жандармовъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, явился въ эту минуту тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,—рыцаремъ и настоящимъ русскимъ вельможею. Блѣдный и раз-

строенный, онъ вошелъ къ Государю и сказалъ: это печальное и въ то же время счастливое событіе доказало мнѣ, что я плохой шефъ жандармовъ; я прошу принять отъ меня мою просьбу объ увольненіи меня отъ этой должности. Государь, со слезами на глазахъ, обнялъ князя Долгорукова и сталъ просить его оставаться; но князь былъ неумолимъ.

— Это нужно не для васъ, Государь, — сказалъ князь,—а для Россіи: надо, чтобы всѣ знали, что плохой шефъ жандармовъ увольняется немедленно, когда всѣ видятъ, что онъ плохой.

Тогда Государь спросилъ у князя: на кого же онъ можетъ указать, какъ на своего преемника?

— На графа Петра Андреевича Шувалова, моего бывшаго начальника штаба.

Государь послалъ за графомъ Шуваловымъ, и тутъ же ему предложилъ мѣсто шефа жандармовъ въ присутствіи князя Долгорукова. Въ 4 часа дня князь Долгоруковъ уже отослалъ свою придворную карету.

Я очертилъ событіе 4 апрѣля только въ главныхъ его чертахъ.

Такъ какъ въ немъ было много полныхъ живого интереса подробностей, и такъ какъ, увы, это событіе получило свое роковое историческое значеніе въ судьбахъ дальнѣйшаго царствованія, то считаю необходимымъ воспроизвесть въ моихъ воспоминаніяхъ цѣликомъ подробности тѣхъ дней въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были мною занесены въ «Дневникѣ» моемъ отъ того времени. Какъ читатель увидитъ, въ разсказѣ, писанномъ мною по памяти, вкрались нѣкоторыя неточности въ маленькихъ подробностяхъ, сравнительно съ текстомъ моего «Дневника».

«Въ понедѣльникъ, 4 апрѣля, проѣзжая отъ родителей, на Большую Милліонную, къ брату, въ дежурную комнату 1 батальона преображенскаго полка, я увидѣлъ громадный съѣздъ у Зимняго Дворца. У Комендантскаго подъѣзда я выскочилъ съ дрожекъ. У швейцара узналъ, что сейчасъ будетъ молебенъ и что въ Государя стрѣляли, и, слава Богу, пуля Его не тронула. Я бросился затѣмъ къ подъѣзду Наслѣдника, побѣжалъ на верхъ, но Его не засталъ; прислуга сказала, что Онъ у Государя, а подробностей о событіи она мнѣ не могла сообщить никакихъ, какъ только то, что въ Государя стрѣляли и Великій Князь немедленно побѣжалъ къ Государю и не возвращался. Я поѣхалъ домой, одѣлся въ мундиръ и вернулся во дворецъ. Залы были переполнены. Вездѣ восторгъ, слезы, оживленные разговоры. Здѣсь только отъ К. Гр. Ребиндера узналъ подробности. Государь садился въ третьемъ часу дня, въ коляску у воротъ Лѣтняго сада, послѣ прогулки въ немъ пѣшкомъ съ Принцессою Маріею Максимиліановною и съ Герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ. Оба, простившись съ Государемъ, продолжали прогулку, и вдругъ слышатъ выстрѣлъ. Государь, подойдя къ коляскѣ, одною ногою сталъ на подножку коляски, чтобы садиться, а городовой въ это время подавалъ Ему шинель. Какъ разъ въ это время, одѣтый по крестьянски неизвѣстный человѣкъ, пробравшись изъ заднихъ рядовъ толпы въ передній, поднималъ руку съ пистолетомъ; къ счастью, оказавшійся потомъ крестьяниномъ Комиссаровымъ замѣтилъ, какъ неизвѣстный человѣкъ пробирался впередъ и невольно не спускалъ съ него глазъ, и, увидя, какъ вдругъ онъ поднялъ руку съ пистолетомъ и сталъ цѣлиться въ Государя, быстрымъ движеніемъ успѣлъ толкнуть его руку подъ локоть, такъ что выстрѣлъ раз-

дался, но пуля пролетѣла мимо... Крестьянинъ этотъ оказался бывшій крѣпостной г. Кюстера, Костромской губ., Буйскаго уѣзда, Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ, который въ этотъ день былъ именинникъ, и, по обычаю своему шелъ на Петербургскую сторону, къ Спасителю помолиться и поставить свѣчу, но не могъ туда попасть, такъ какъ мостки черезъ Неву были сняты, и, отъ нечего дѣлать, увидя коляску у Лѣтняго сада, и узнавши, что она Государева, остановился у коляски, чтобы увидѣть Царя при Его выходѣ изъ сада. Послѣ выстрѣла Государь подозвалъ схваченнаго убійцу. Онъ назвалъ себя крестьяниномъ и имѣлъ настолько наглости, что на вопросъ Государя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ, дерзнулъ отвѣтить, обращаясь къ стоявшей толпѣ: «я сдѣлалъ это для васъ, братцы, потому васъ обидѣли землею». Государь велѣлъ отправить преступника въ III отдѣленіе и Самъ отправился туда. Тутъ онъ не зналъ ничего о роли Комиссарова. Князя Василія Андреевича Долгорукова не было дома, онъ былъ въ то время въ государственномъ совѣтѣ. За нимъ поѣхалъ, по приказанію Государя, Герцогъ Николай Максиміліановичъ Лейхтенбергскій. Государь его ждалъ. Какъ громомъ ударило въ средѣ государственнаго совѣта; всѣ онѣмѣли, когда узнана была вѣсть, потомъ перекрестились... Князь Долгоруковъ поспѣшилъ въ III отдѣленіе, и первое его показаніе о событіи 4 апрѣля выслушано было шефомъ жандармовъ изъ устъ Государя... Потомъ привезли арестанта. Онъ сталъ называть себя разными именами, и на всѣ вопросы отвѣчалъ или упорнымъ молчаніемъ, или явною ложью. Государь изъ III отдѣленія поѣхалъ въ Казанскій соборъ, и, тамъ, преклонивъ колѣна у Казанской Божіей Матери, поблагодарилъ Бога за спасеніе своей жизни. Въ соборѣ о событіи ин-

кто не зналъ. Изъ собора Государь поѣхалъ въ Зимній Дворецъ, и прямо прошелъ къ Императрицѣ, уже знавшей о событіи. Тутъ же были уже собраны всѣ Члены Императорской Фамиліи... Государь сказалъ Императрицѣ: Je viens d'échapper à un horrible accident (Я спасся отъ ужаснаго несчастья). Императрица, блѣдная какъ смерть, прервавъ Его сказала: Un attentat! (покушеніе) и потомъ поднявши глаза къ Небу, проговорила какъ-бы отъ всей души: pourvu que cela ne soit pas un Russe! (лишь-бы только это не былъ русскій!) Замѣчательно, что, почти въ одно и то же время, между собиравшимися въ Зимній Дворецъ съ поздравленіями членами государственнаго совѣта и министрами, въ пылу разговоровъ о событіи— раздался голосъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева и онъ, вѣрный себѣ, вѣрный своему космополитизму, изрекъ въ pendant къ чудному возгласу Императрицы— свое слово: pourvu que cela ne soit pas un polonais,—проговорилъ онъ съ помпезною интонаціею. Слово это повторялось съ негодованіемъ во всѣхъ гостиныхъ и вызвало противъ Валуева самыя ожесточенныя осужденія...

«Первое привѣтствіе Государь принялъ отъ государственнаго совѣта. Великій Князь Константинъ Николаевичъ взволнованнымъ голосомъ его высказалъ. Государь въ отвѣтъ сказалъ громко и твердо, между прочимъ, слѣдующія слова: видно Богу угодно, чтобы Я еще могъ быть полезенъ для Россіи; если нѣтъ, то да свершится Его воля... Слова эти произвели потрясающее впечатлѣніе... и вызвали крики: живи, живи для Россіи, Государь! Старики кричали точно молодые... Тутъ вбѣжалъ Наслѣдникъ. Онъ бросился въ объятія Государя и долго въ нихъ оставался. Отецъ и сынъ, и всѣ присутствовавшіе плакали.

«Съ этой минуты, до 20 апрѣля, двери Зимняго Дворца оставались открытыми для всякаго желавшаго видѣть и поздравить Государя. Всѣхъ и Государь, и Государыня принимали; всѣхъ Государь ласково выслушивалъ; всѣхъ, кого могъ, Онъ обнималъ; всякій, кто могъ, цѣловалъ Его добрую Царскую руку.

«Мы видѣли, понимали и чувствовали, что торжество спасенія Царевой жизни имѣло характеръ долго длившагося и непрерывавшагося ни на одну минуту простого, но великаго семейнаго праздника. Въ эти минуты также на площади днями толпились массы народа въ ожиданіи появленія Государя то на балконѣ, на который Онъ выходилъ часто, то на площади въ экипажѣ. Замѣчательно, что именно это событіе,—вмѣсто опасенія и предосторожности,—открыло настежъ широкій доступъ народа къ Царю, о какомъ дотолѣ никто не могъ себѣ даже представить.

«Въ этотъ день масса съѣхавшихся въ Зимній Дворецъ и опоздавшихъ на молебенъ въ Дворцовой церкви направилась въ Преображенскій соборъ, и тамъ былъ торжественно отслуженъ первый благодарственный молебенъ въ столицѣ. Въ театрахъ въ этотъ день произошли неподдающіяся описанію сцены народнаго восторга. Гимнъ требовался болѣе 10 разъ. Эти проявленія радости повторялись въ театрахъ ежедневно, а тамъ, куда пріѣзжалъ Государь,—проявленія восторженной радости длились болѣе четверти часа. Въ Михайловскомъ французскомъ театрѣ, во вторникъ, 5-го, кромѣ гимна, повтореннаго 8 разъ, милая старушка Вольнисъ устроила трогательную манифестацію всей семьи артистовъ и артистокъ. Она сочинила прелестные стихи для кантаты, капельмейстеръ подобралъ музыку, и вся труппа подъ звуки оркестра пѣла

эту кантату... съ г-жею Вольнисъ во-главѣ. Въ эту ночь рестораны были переполнены: вездѣ были импровизированныя трапезы радости, на которыхъ тысячи разъ провозглашался дорогой тостъ за Государя.

«Утромъ, 5-го, въ восемь часовъ, я отправился къ Зимнему Дворцу въ надеждѣ увидѣть Государя. Толпы народа покрывали площадь. Государь выѣхалъ въ коляскѣ, провожаемый криками и крестными знаменіями народа, и поѣхалъ по Дворцовой набережной. Я возымѣлъ мысль, что подальше по набережной онъ вѣроятно, пойдетъ пѣшкомъ и вернется пѣшкомъ, а потому пошелъ на набережную съ мыслью, можетъ-быть встрѣчу. Дѣйствительно, къ великой радости моей, увидѣлъ минутъ черезъ 15, издали Государя возвращающимся пѣшкомъ по набережной. Государь былъ одинъ и казался свѣтлымъ и бодрымъ. Онъ остановился, протянулъ мнѣ руку, которую, съ тѣмъ же чувствомъ, какое тогда испытывала вся Россія, я поцѣловалъ, и сказалъ Ему, что пришелъ Его привѣтствовать отъ имени моихъ больныхъ родителей. Никогда не забуду, съ какимъ ласковымъ и свѣтлымъ лицомъ, услышавъ мои слова, Онъ мнѣ отвѣтилъ: скажи отъ Меня твоимъ старикамъ, что Я ихъ благодарю и цѣлую ихъ, и тутъ же меня поцѣловалъ.

«Нечего говорить, какое зажглось во мнѣ настроеніе радости отъ этой встрѣчи и какъ глубоко тронулъ я порученіемъ Государя моихъ родителей. Въ это утро былъ торжественный молебенъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Никогда не видалъ такого стеченія въ немъ народа.

«На молебствіе должна была прибыть Императрица, но Государь упросилъ Ее не ѣхать, такъ какъ наканунѣ къ вечеру, послѣ волненій дня, Она почувствовала себя дурно. Когда прибылъ Наслѣдникъ, митрополитъ съ духо-

венствомъ вышелъ на средину собора и начался молебенъ. Вотъ уже была всеобщая по теплотѣ и искренности народная молитва»...

«Появленіе депутацій и адресовъ началось съ 5-го апрѣля и продолжается доселѣ: одною изъ первыхъ депутацій явилась къ Ихъ Величествамъ уполномоченныя отъ русскихъ дамъ, съ просьбою о дозволеніи отслужить 5-го апрѣля молебенъ на мѣстѣ счастливаго событія: тутъ же родилась мысль о постройкѣ на этомъ мѣстѣ часовни. Государь согласился и дамы передали о томъ генералъ-губернатору князю Суворову. Дѣйствительно, на другой день митрополитъ служилъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ у воротъ Лѣтняго сада. при огромномъ стеченіи общества и народа. На молебствіе прибыли Ихъ Величества.

«Въ числѣ первыхъ прибыла депутація костромичей-дворянъ, родичей Комиссарова. Она явилась во дворецъ вмѣстѣ съ Комиссаровымъ, его женою и 8-ми-мѣсячнымъ груднымъ ребенкомъ, ихъ дочерью. Государь въ это время сходилъ по лѣстницѣ, чтобы ѣхать на парадъ. Онъ принялъ депутацію костромичей на лѣстницѣ; выслушавъ безъискусственное ихъ привѣтствіе, Государь ихъ поблагодарилъ, обнялъ Комиссарова, поцѣловалъ жену его и взялъ на руки ребенка. Въ этотъ же день говорили, будто, взявъ на руки дѣвочку, Государь сказалъ: это будущая фрейлина.

«Когда Государь уѣхалъ съ мѣста выстрѣла, Онъ не зналъ, что Богъ избралъ мужичка-фуражечника въ орудіе спасенія Его жизни: Онъ думалъ, что спасеніе Его произошло отъ случайнаго полета пули.

«Въ числѣ гулявшихъ въ Лѣтнемъ саду во время прогулки Государя былъ и генералъ Тотлебенъ. Онъ,

услыхавъ выстрѣлъ, направился къ мѣсту, гдѣ онъ раздался и засталъ только толпу въ недоумѣніи, въ страхѣ, въ негодованіи. На первый разспросъ ему указали на мужичка, скромно стоявшаго съ потупленнымъ къ землѣ взоромъ, какъ на спасителя Царской жизни. Тотлебенъ тогда обратился къ мужичку и сталъ его разспрашивать. Какъ сумѣлъ, Коммиссаровъ, въ отрывистыхъ рѣчахъ, передалъ содержаніе своего безсознательнаго почти подвига. Тогда Тотлебенъ взялъ Коммиссарова съ собою въ коляску и, послѣ оффиціальнаго показанія, у него отобраннаго у оберъ-полиціймейстера, повезъ его сперва къ себѣ и затѣмъ въ Зимній дворецъ. Здѣсь онъ былъ представленъ Ихъ Величествамъ. Выслушавъ разсказъ, Государь обнялъ Коммиссарова, а Императрица подала ему руку. Коммиссаровъ преспокойно взялъ да пожалъ руку Императрицѣ и пояснилъ потомъ это тѣмъ, что у нихъ не принято женщинѣ цѣловать руку...

«Государь взялъ Коммиссарова за руку и повелъ его въ залу, гдѣ всѣ были собраны. Здѣсь Онъ громогласно объявилъ, что жалуетъ крестьянина Коммиссарова потомственнымъ дворянствомъ на память о нынѣшнемъ днѣ: потомъ, обратившись къ стоявшимъ вблизи Его, Онъ сказалъ: Я думаю, что всѣ одобрятъ эту награду. Крики: да, да, всѣ, всѣ, и страшное «ура» были отвѣтомъ Государю на Его слова.

«Уже четверть часа спустя я увидѣлъ, какъ Коммиссаровъ пробирался по заламъ дворца, въ сопровожденіи коменданта и плацъ-адъютанта, въ своемъ длиннополомъ истертомъ сюртукѣ мастерового, съ выраженіемъ вытащеннаго изъ воды или пробужденнаго отъ тяжелаго сна человѣка, потъ лилъ съ него градомъ, глаза опущены были къ землѣ, такъ что глядя на его эскортъ, всякій

не знавшій, кто этотъ герой дня, могъ принять его за арестованнаго человѣка, ведомаго въ заключеніе.

«Любопытно было возвращеніе Комиссарова домой, въ то смиренное и убогое жилище, откуда онъ вышелъ утромъ, съ 15 коп. въ карманѣ, занятыми у кучера-земляка, и куда возвращали его потомственнымъ дворяниномъ. По дорогѣ къ дому его завезли въ магазинъ платья и одѣли его въ новое платье. Жена его давно поджидала къ обѣду и накинулась на него съ бранью за то, что пропадалъ. Плацъ-адъютантъ передаетъ женѣ о случившемся, та слушаетъ какъ во снѣ и ничему не вѣритъ, и когда ушелъ плацъ-адъютантъ, она говоритъ мужу: ты лучше ложись спать, а то съ-пьяна бредить сталъ... И Комиссаровъ, дѣйствительно, легъ, но не спалось, такъ до утра онъ пролежалъ какъ въ бреду. Утромъ опять вернулась дѣйствительность. Стали приходить посѣтители привѣтствовать его; затѣмъ Комиссарова торжественно перевезли съ женою и дѣвочкою въ нанятое ему помѣщеніе, въ домѣ Руадзе (на Большой Морской, гдѣ теперь Кюба). Затѣмъ Шармеръ (тогдашній первый портной) приходитъ брать съ него мѣрку и шьетъ ему платье, до фрака включительно, *даромъ*. Въ тотъ же день какой-то сапожникъ изъ Москвы предлагаетъ по телеграфу Комиссарову шить ему даромъ сапоги. Дня черезъ четыре по Невскому проспекту разносчики съ криками: Комиссаровъ, Комиссаровъ, продаютъ портреты „*спасителя*", какъ его стали тогда вездѣ называть, и появляются папироски Комиссаровскія. Его комната наполняется подарками со всѣхъ сторонъ, а въ особенности образами. 6-го апрѣля сонъ Комиссарова сталъ еще волшебнѣе. Ему приносятъ отъ Государя 50.000 руб. и 3,000 руб. ежегоднаго содержанія, и, съ Высочайшаго разрѣшенія, открывается под-

писка на составленіе капитала для пріобрѣтенія ему дома въ Петербургѣ и имѣнія.

«На третій день въ «Русскомъ Инвалидѣ» появилось мое небольшое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: 4-е апрѣля. Запомнилъ первые четыре стиха:

«Благословенно будь мгновенье,
Когда Всевышняго рука
Остановила преступленье
Рукой смиренной мужика».

«Четыре дня никто ничего не зналъ о преступникѣ. Всю Россію затомила эта неизвѣстность. Случай, какъ всегда у насъ, пришелъ на помощь юстиціи. Гдѣ-то на улицѣ, одинъ изъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ слышитъ, какъ въ разговорѣ одинъ господинъ говоритъ другому, что онъ навѣрное знаетъ, что въ Знаменской гостиницѣ живутъ темные люди безъ предъявленія паспортовъ. Послушавъ еще немного, агентъ вмѣшивается въ подслушанный разговоръ и узнаетъ отъ говорившаго господина, что онъ знаетъ тамъ человѣка, живущаго въ гостиницѣ и теперь безъ паспорта, и что возлѣ его номера есть номеръ три дня уже запертый, и бывшій въ немъ жилецъ неизвѣстно куда скрылся. Немедленно полиція отправилась съ этимъ господиномъ въ Знаменскую гостиницу; показанія относительно комнаты оказались справедливыми; запертую комнату открыли и въ ней нашли одну лишь шкатулку; но эта шкатулка сказала многое, ибо на ней оказались тѣ же буквы, которыя были на письмѣ, найденномъ въ пальто преступника; затѣмъ у печки обратили вниманіе на клочки изорваннаго письма; клочки эти были подобраны и возстановлены, и изъ нихъ составилось письмо, писанное кому-то въ Москву Каракозовымъ; имя и отчество адресата извѣстны полиціи.

Преступникъ продолжалъ все молчать, пока по найденному письму не былъ привезенъ изъ Москвы тотъ, кому оно было преступникомъ адресовано, и тотъ не узналъ въ предъявленномъ ему преступникѣ своего двоюроднаго брата, сына мелкопомѣстнаго помѣщика Саратовской губерніи, Каракозова. Затѣмъ было дознано, что онъ былъ въ университетѣ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Казани, но нигдѣ не кончилъ курса, что уже давно онъ привилъ къ себѣ крайне соціалистическія убѣжденія и, сверхъ того, страдаетъ меланхоліею и ненавистью къ людямъ, къ Государю, къ самому себѣ и къ жизни. Ничего другого не было узнано.

«Мало-по-малу онъ, какъ будто, смиряется и просилъ перо и бумагу, чтобы писать свою исповѣдь на имя Государя... Потомъ онъ впалъ въ религіозное настроеніе: часто и много плачетъ и просилъ о дозволеніи ему говѣть, что ему разрѣшили.

«Каракозовъ назвалъ только одно лицо: доктора Кобылина, адъюнкта Боткина въ медицинской академіи: онъ, будто бы, у него лѣчился и отъ него получалъ тѣ яды (синильную кислоту и стрихнинъ), которые были на немъ найдены въ день преступленія. Кобылинъ сталъ, было, съ перваго раза отпираться, но когда, съ одной стороны, самъ Боткинъ узналъ Каракозова и сказалъ, что онъ его видалъ однажды въ своей клиникѣ, а, съ другой стороны, сталъ его уличать Каракозовъ, причемъ открылось, что онъ даже ночевалъ у Кобылина, тогда Кобылинъ сознался, что онъ, дѣйствительно, лѣчилъ Каракозова и разъ изъ жалости дозволилъ ему ночевать. Но такъ какъ оказалось, что и тутъ Кобылинъ лгалъ, ибо ночевалъ у него Каракозовъ нѣсколько разъ и отъ

него получилъ яды, то Кобылинъ былъ арестованъ. Другихъ уликъ, болѣе серьезныхъ, однако, не обнаружено».

Но кромѣ этихъ двухъ именъ произносившихся по нѣсколько разъ въ день (Комиссаровъ и Каракозовъ), было нѣсколько, такъ сказать, героевъ этихъ дней.

Первымъ являлся графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, котораго 4-е апрѣля изъ его уединенія и покоя вновь вернуло къ дѣятельности. 9-го апрѣля онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи для выясненія событія 4 апрѣля.

Какъ у меня сказано въ «Дневникѣ» того времени, назначеніе это было вызвано напоромъ общественнаго мнѣнія. Всѣ слои петербургскаго общества одинаково негодовали въ то время на политику вилянія Валуева и на полную распущенность въ управленіи Петербургомъ, обращенную въ statu quo легкомысленнымъ княземъ Суворовымъ.

Громко говорили о необходимости энергическихъ мѣропріятій, искали людей съ энергіей, способныхъ,—и никого не находили, кромѣ графа Муравьева. Не смотря на свою старость, онъ принялъ предложенную ему страшно трудную должность безъ разсужденій, къ великой досадѣ его двухъ заклятыхъ враговъ, столь недавно праздновавшихъ его паденіе, Валуева и князя Суворова.

Муравьевъ, какъ говорили тогда, энергично взялся за дѣло и окружилъ себя энергичными людьми. Но замѣчательно, что результаты дѣятельности этой комиссіи остались тайною для всѣхъ. Что открылъ Муравьевъ, а главное—вопросъ: что такое было преступленіе 4-го апрѣля, одинокое дѣйствіе больного ума и испорченной воли или это было преступленіе коллективное, дѣло организованнаго кружка, коего Каракозовъ явился только исполнителемъ

и слѣпымъ орудіемъ,—этотъ самый важнѣйшій вопросъ, интересовавшій всякаго русскаго и для правительства имѣвшій важнѣйшее значеніе, такъ навсегда и остался тайною для всей Россіи.

Вторымъ героемъ дня явился Головнинъ.

Про него у меня въ тогдашнемъ «Дневникѣ» написано такъ: «Пока Головнинъ систематически, но безъ явнаго вреда для правительства давалъ растлѣвать нравственность будущей Россіи, то-есть, молодежи, и подготовлялъ изъ учащейся молодежи будущихъ дѣятелей революціи въ Россіи, основанной на низложеніи всѣхъ авторитетовъ, начиная съ божественнаго, его оставляли въ покоѣ, казалось, никому нѣтъ дѣла до молодежи въ Россіи, лишь бы только не было шума, и никого изъ нашихъ сановниковъ не безпокоили и не трогали»...

Но вотъ, 4 апрѣля точно обухомъ треснуло всѣхъ по головѣ: Государя чуть не убила пуля изъ рукъ какого-то человѣка, про котораго знали, что онъ побывалъ въ двухъ университетахъ, и вотъ этого сопоставленія было достаточно, чтобы привлечь къ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ мщенія и искупительныхъ жертвъ въ лицѣ Головнина... Замѣчательно, что это возбужденіе противъ Головнина появилось въ средѣ государственныхъ людей. До 4-го апрѣля никто изъ коллегъ Головнина не задумывался надъ вопросомъ: хорошо или дурно онъ ведетъ свое министерство народнаго просвѣщенія?.. Послѣ 4-го апрѣля вдругъ у нихъ пробуждается какая-то усиленная ревность по Россіи. Здѣсь умѣстно вспомнить, что нѣсколько мѣсяцевъ передъ 4-мъ апрѣлемъ, Цесаревичъ Александръ Александровичъ рѣшился сказать Государю, Своему Отцу, откровенное свое слово насчетъ Головнина. Онъ могъ разсчитывать, что

кто-либо изъ государевыхъ сановниковъ его тогда поддержитъ; но никто не осмѣлился поддержать Наслѣдника престола, и рѣчь о вредѣ, который приноситъ государству министръ, который отмѣнилъ постепенно всѣ преданія дисциплины въ учебномъ мірѣ, осталась гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ...

«Когда же назначили графа Муравьева предсѣдателемъ коммиссіи по слѣдствію надъ Каракозовымъ, и Муравьевъ послѣ нѣсколькихъ дней слѣдствія былъ поставленъ въ печальную необходимость донести Государю, что въ числѣ арестованныхъ по подозрѣнію въ составленіи политическихъ противоправительственныхъ кружковъ пришлось наложить руку на нѣсколько десятковъ учащейся молодежи, тогда Государю начали говорить тѣ же государственные люди: виноватъ Головнинъ... Государь призвалъ Головнина и сказалъ ему, что въ виду печальныхъ событій, обнаружившихъ связь 4-го апрѣля съ дурнымъ настроеніемъ въ учащейся молодежи, ему подвѣдомственной. Онъ считаетъ необходимымъ его уволить. Увольненіе состоялось милостивое, такъ какъ Головнину дали 12 тысячъ жалованья и назначили его членомъ государственнаго совѣта»...

Выборъ Государя преемника Головнину оказался, какъ говорили тогда, въ духѣ реакціи: онъ палъ на графа Дмитрія Андреевича Толстого, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Вопросъ же о томъ, кому быть оберъ-прокуроромъ, рѣшился весьма просто, такъ какъ Государь предложилъ графу Толстому оставить за собою обѣ должности, и графъ Толстой съ удовольствіемъ на это согласился.

По поводу этого соединенія двухъ вѣдомствъ у меня въ «Дневникѣ» сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Петербургѣ говорятъ, что сохраненіе за графомъ

Толстымъ поста оберъ-прокурора синода объясняется желаніемъ сблизить эти два вѣдомства, дабы духовное образованіе не расходилось съ гражданскимъ. При этомъ указываютъ на то, что Головнинъ наканунѣ своего ухода согласился съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ изъять народное образованіе изъ рукъ духовенства, что, очевидно, исходило изъ принципіальнаго неуваженія къ Церкви, а вовсе не изъ положенія школъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ онѣ въ рукахъ духовенства были въ очень хорошемъ состояніи. Замѣчательно, что при обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ всѣ подали голосъ за Головнина и за Безака, а протестовалъ только одинъ голосъ, и этотъ одинъ голосъ изображалъ собою графъ Толстой».

Немного ниже въ «Дневникѣ», по поводу Головнина, у меня записано слѣдующее:

«Сегодня узналъ, что не одинъ Наслѣдникъ подавалъ голосъ противъ Головнина... Зимою, подъ предсѣдательствомъ графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, по порученію Государя, была учреждена конфиденціальная комиссія, съ цѣлью изслѣдовать, такъ сказать, состояніе учебнаго дѣла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; комиссія эта будто бы не только обнаружила много неурядицъ, но прямо такіе безпорядки, которые явно свидѣтельствовали о злоумышленной неблагонадежности нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго учебнаго персонала. Докладъ графа Строгонова въ этомъ смыслѣ былъ представленъ Государю, но могучіе друзья Головнина спасли его и на этотъ разъ и до апрѣля 1866 года его не трогали»...

Третій герой дня былъ несомнѣнно шефъ жандармовъ князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ. Объ немъ у меня въ «Дневникѣ» переданы слѣдующія интересныя и пре-

красныя подробности. «Когда князь Василій Андреевичъ сознал, что онъ долженъ себя считать однимъ изъ виновниковъ событія 4 апрѣля, — прямо виня себя въ слабости и въ плохомъ веденіи тайной полиціи,—онъ явился къ Государю и говоритъ ему: Ваше Величество, у меня есть къ вамъ маленькая просьба, обѣщайте мнѣ ее исполнить...

— Какая?—спросилъ Государь.

— Маленькая и притомъ такая, которая касается только меня лично.

— Если маленькая, то я обѣщаю ее исполнить.

— Благодарю Васъ, Государь, — отвѣтилъ князь, — увольте меня отъ должности шефа жандармовъ.

— Ну, нѣтъ, это извини меня, я не сдѣлаю. Ты имѣешь мое довѣріе.

— Я утратилъ довѣріе Россіи,—отвѣтилъ князь, —и имѣю Ваше слово, Государь, Вы обѣщали мою просьбу исполнить...

Государь сталъ упрашивать князя. Но князь не только былъ неумолимъ, но онъ потребовалъ небывалаго: чтобы въ приказѣ не было сказано: *уволенъ по прошенію*, а просто «*уволенъ отъ должности*». Государь упрашивалъ его согласиться на слово: *по прошенію*, но князь Долгоруковъ и тутъ былъ неумолимъ, сказавши: «пусть вся Россія знаетъ, что я уволенъ за неумѣніе охранять моего Государя». Замѣчательно, что князь Долгоруковъ въ день своего увольненія выѣхалъ изъ казеннаго дома на частную квартиру. Не лишено тоже интереса, какъ характеристика этого идеала честности, когда графъ Шуваловъ, вступивъ въ должность, сталъ просматривать дѣла III-го отдѣленія, то нашелъ въ книгахъ его, что все время, пока сынъ князя жилъ у него въ казенномъ домѣ, князь

Василій Андреевичъ бралъ съ него квартирныя деньги, и вносилъ ихъ въ приходъ по жандармскому управленію, дабы нельзя было сказать, что сынъ его живетъ на казенной квартирѣ...

Четвертымъ героемъ этихъ дней, военнаго характера, былъ петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ. Казалось бы, послѣ покушенія, ему слѣдовало бы быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими во Дворцѣ; дѣйствительно, ему-ли было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія, и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ-будто объ этомъ не подумалъ. Онъ явился во Дворецъ разыгрывать комедію сентиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ, онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному, и говоря по-французски: вы всѣ веселитесь о спасеніи Государя, я одинъ плачу, я, генералъ-губернаторъ! Съ такими же слезами онъ предсталъ передъ Государемъ Императоромъ и Государынею, и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ Великихъ Князей, Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь, и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ Государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями Императорскихъ Особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-фрау Императрицы, и цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрноподданническія чувства. Такъ продолжалось это нѣсколько дней; тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ Государю и къ Императрицѣ гово-

рить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только этого и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодовавшимъ къ нему общественнымъ мнѣніемъ, князь Суворовъ въ Царскихъ ложахъ въ театрахъ, въ присутствіи Государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: ругайте, сколько хотите, а я, все-таки, генералъ-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ.

Назначеніе графа Шувалова на мѣсто шефа жандармовъ разсердило князя Суворова только потому, что последній, съ элегантною и тонкою своею манерою обращенія, его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрить въ сумасшествіи отъ бѣшенства: до того его поступки стали непристойны по ребяческой злобѣ и по безтактности. Такъ, напримѣръ, онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушались Муравьева и не исполняли его требованій. Чтобы судить о томъ, чѣмъ былъ тогда полицейскій режимъ въ Петербургѣ, достаточно припомнить, что тогда оберъ-полиціймейстеромъ былъ добрѣйшій и честнѣйшій генералъ Анненковъ, видъ котораго, всегда растерянный, всегда нерѣшительный, всегда добродушный, изображалъ собою добрую старушку, и больше ничего. Это былъ выборъ князя Суворова, и когда графъ Шуваловъ возбудилъ вопросъ о необходимости для Петербурга имѣть болѣе энергичнаго оберъ-полиціймейстера, князь Суворовъ пришелъ въ изступленіе отъ негодованія и побѣжалъ къ Государю сказать: что онъ безъ Анненкова не можетъ отвѣчать за спокойствіе Петербурга. Государь было согласился, но торжество Суворова было весьма непродолжительно. Графъ Бергъ, поощряемый къ тому графомъ Шува-

ловымъ и самъ отъ себя, видя безпомощное положеніе Петербурга, заговорилъ съ Государемъ о своемъ варшавскомъ генералъ-полиційместерѣ Треповѣ, какъ объ энергичномъ и расторопномъ человѣкѣ, прибавляя, что какъ ни велико будетъ для него горе лишиться Трепова, но что Петербургу теперь онъ нужнѣе, чѣмъ Варшавѣ. Государь приказалъ вызвать Трепова. Треповъ прибылъ изъ Варшавы и представился Государю. Государь ему предложилъ быть оберъ-полиційместеромъ въ Петербургѣ.

Треповъ на это предложеніе имѣлъ гражданское мужество отвѣчать Государю, что онъ согласенъ принять это мѣсто, но подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ?—спросилъ Государь.

— Быть единственнымъ хозяиномъ полиціи въ Петербургѣ.

— То-есть какъ же?

— Быть независимымъ отъ генералъ-губернатора во всѣхъ отношеніяхъ и отвѣчать только передъ Вашимъ Величествомъ за безопасность, порядокъ и тишину?..

Государь насупилъ брови.

Подумавши, Онъ гнѣвно отвѣтилъ Трепову, что Онъ такихъ условій не принимаетъ, а требуетъ отъ Трепова принять эту должность, какъ она есть.

— Слушаю-съ, Ваше Величество,—отвѣтилъ Треповъ,— Ваше приказаніе будетъ исполнено, я приму должность, но я предупреждаю Ваше Величество, что отвѣтственность за Петербургъ я принять не могу. Пусть она остается на генералъ-губернаторѣ. Треповъ и въ дальнѣйшемъ показалъ свою гражданскую доблесть, ибо отъ Государя отправился къ князю Суворову и передалъ ему содержаніе своего разговора съ Государемъ.

Князь Суворовъ и тутъ оказался вѣренъ себѣ и своей

жалкой личности: вмѣсто того, чтобы оцѣнить лойальность поведенія Трепова, онъ пришелъ въ негодованіе и объявилъ ему, что онъ во всемъ будетъ ему изъ мести препятствовать.

Но такая уже черезъ край непростительная безтактность Суворова была, къ счастью, причиною его политическаго паденія. Графъ Шуваловъ взялъ на себя рѣшимость добиться, во что бы то ни стало, освобожденія Петербурга отъ суворовскаго генералъ-губернаторства; раза три онъ представлялъ Государю о необходимости, въ интересахъ порядка, упразднить петербургское генералъ-губернаторство, но Государь все уклонялся отъ рѣшенія вопроса и отвѣчалъ: Я все готовъ сдѣлать, но этого никогда. Наконецъ, на четвертый приступъ графъ Шуваловъ увидѣлъ, что Государь слушалъ его спокойнѣе и безъ всякаго раздраженія. Когда графъ Шуваловъ кончилъ свое четвертое представленіе объ этомъ вопросѣ, Государь не отвѣтилъ ни единаго слова. Нѣсколько дней спустя Государь поѣхалъ на охоту въ Лисино, на тетеревей, и пригласилъ съ собою князя Суворова. Послѣ охоты и послѣ утренняго сна, Государь позвалъ князя Суворова въ другую комнату: всѣ замѣтили, какъ гордо и самодовольно князь Суворовъ послѣдовалъ за Государемъ, но какъ совсѣмъ инымъ онъ вышелъ изъ этой комнаты.

Когда они остались вдвоемъ, Государь сказалъ князю Суворову, что онъ призналъ необходимымъ для объединенія управленія Петербургомъ упразднить генералъ-губернаторскій постъ, поблагодарилъ его за вѣрную службу и назначилъ его генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты. Вотъ тутъ князь Суворовъ выказалъ себя во всей своей непривлекательной наготѣ. Имъ овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ Государю, и выйдя

изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного придти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и Государя и ѣдетъ въ свое новгородское имѣнье, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ 1-мъ.

Такою траги-комедіею закончило свое существованіе давнишнее учрежденіе петербургскаго генералъ-губернаторства. Князь Суворовъ всѣхъ рельефнѣе изобразилъ собою вредъ этого учрежденія, и когда онъ дѣйствительно уѣхалъ въ свою новгородскую деревню, разсказывали въ Петербургѣ, что розыски муравьевской комиссіи обнаружили, между прочимъ, что канцелярія генералъ-губернатора служила, между прочимъ, въ роли пріюта для нѣсколькихъ сильно скомпрометированныхъ вольнодумцевъ.

Треповъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ Петербурга, и всѣ вздохнули свободнѣе подъ его желѣзною, но разумною властью.

Въ заключеніе остается, для полноты характеристики князя Суворова и параллели между нимъ и княземъ В. А. Долгоруковымъ, прибавить, что когда 4 апрѣля князь Долгоруковъ сказалъ князю Суворову по-французски: «дорогой князь, намъ обоимъ долгъ чести велитъ подать въ отставку отъ нашихъ должностей, мотивируя ее нашею неспособностью», князь Суворовъ всталъ въ рыцарскую позу, и по-французски же отвѣтилъ:—«Какъ, мнѣ бросить въ такую минуту—никогда!» Отвѣтъ былъ достоинъ актера. Глядя со стороны, и не зная, какъ вреденъ былъ князь Суворовъ на своемъ посту, и какъ много онъ помогъ 4 апрѣлю и дальнѣйшему ходу политической пропаганды

своею игрою въ популярность и либерализмъ, такой отвѣтъ могъ бы показаться благороднымъ.

Три недѣли спустя, комедія съ ея послѣдствіями обнаружилась. Князь Долгоруковъ ушелъ въ ореолѣ славы и чести, а князя Суворова пришлось почти насильно лишить генералъ-губернаторской должности. Князь Долгоруковъ остался вѣрнымъ другомъ Государя. Князь Суворовъ послѣ увольненія рѣшился сказать громко, упавши до уровня капризнаго ребенка, что онъ отнынѣ врагъ Государя. Положимъ, что вскорѣ потомъ онъ успокоился, но тогда всѣ поняли, что онъ потому не послушалъ совѣта князя Долгорукова, что ему нравилась его должность, какъ игрушка его легкомысленнаго самолюбія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя мнѣ пришлось свидѣться съ глазу на глазъ съ этимъ самымъ, недавно казавшимся мнѣ ненавистнымъ, княземъ Суворовымъ, и мнѣ, скажу откровенно, стало его искренно жаль, до того онъ, сломанный событіями и горечью своего политическаго паденія, измѣнился, а какъ будто смирился.

— Что противъ меня имѣли, — добродушно говорилъ недавній хозяинъ Петербурга, — кажется, я не былъ ни золъ, ни деспотъ, какъ вашъ Муравьевъ?

— Извините меня,—отвѣтилъ я князю,—вотъ этого то Муравьева противъ васъ имѣли всѣ русскіе люди: мы не могли забыть, что вы съ Валуевымъ его топили въ такую минуту, когда онъ былъ нуженъ для блага Россіи.

— А что же, онъ теперь открылъ что-нибудь, ни шиша.

— [illegible] бвиняютъ, князь,—сказалъ я.—
[illegible] огъ; говорятъ, что вы за всякаго
[illegible]

— Ce sont des cerveaux fêlés,—сказалъ князь,—mais de bons diables, ces libéraux.

— Вы заблуждаетесь, князь; либералы партіи вовсе не cerveaux fêlés, и вовсе не bons diables, они отлично владѣютъ своимъ умомъ, и очень злого нрава...

— Вы а-ла Катковъ, говорите,—отвѣтилъ мнѣ князь,— въ нынѣшнее время нельзя жить по николаевскимъ уставамъ...

Фраза эта меня поразила. Ее и все предшествовавшее я записалъ тогда въ свой «Дневникъ», какъ характерныя рѣчи...

Въ концѣ свиданія князь сказалъ: впрочемъ, я рѣдко говорю, и сержусь по старой привычкѣ, теперь я ничего, никто моего мнѣнія не спрашиваетъ. И эта характерная фраза были сказана безъ злобы. Помню, что послѣ того случайнаго свиданія я предался размышленіямъ. Кто это со мною говорилъ? Извергъ или какой-нибудь Аракчеевъ въ отставкѣ? Нѣтъ! Это не былъ ни извергъ, ни дурной человѣкъ или злодей. Это былъ интересный типъ того времени, типъ enfant terrible слитый въ одно съ типомъ enfant gâté, не признававшій для своихъ проявленій воли, мысли и чувствъ никакихъ преградъ, никакихъ рамокъ. и эту избалованность принявшій къ своей натурѣ въ придворной атмосферѣ любимца и баловня съ раннихъ лѣтъ. Онъ игралъ самыми серіозными предметами совершенно также, какъ балованное дитя игрушками, то тѣшась ими, то неистовствуя и ломая ихъ въ дребезги въ припадкахъ злости. А рядомъ съ этимъ, какъ тотъ же enfant gâté, онъ боялся до невозможнаго размѣра за свое положеніе баловня и любимца, и ненавидѣлъ всякаго соперника.

Думая о немъ, невольно приходила въ голову мысль: какъ подчасъ придворная сфера расходится съ государ-

стнению. Избалованный неволею, какъ князь Суворовъ, былъ противъ своей воли, вреденъ въ государственной сферѣ. Нелюбимый въ придворной сферѣ, какъ былъ полезенъ въ государственной Муравьевъ. А между тѣмъ, положа руку на сердце, если заглушить свои чувства къ Суворову, доходившія подчасъ до ненависти, я долженъ признать, что какъ человѣкъ, онъ заслуживалъ снисхожденія потому, что всѣ недостатки, всѣ причины, заставлявшія ненавидѣть Суворова, въ сущности происходили отъ одного крупнаго качества: отъ полной его откровенности, отъ отсутствія въ немъ всякой скрытности, отъ полнѣйшаго неумѣнія быть хитрымъ и актеромъ; когда онъ являлся актеромъ, когда онъ, какъ выше я описывалъ, лилъ слезы направо и налѣво, и ругался, и выливалъ свою любовь, и изливалъ свою ненависть—все это вырывалось у него до такой степени не въ попадъ, но au naturel, что ребенокъ могъ понять всю подноготную его неискусной игры. И этотъ самый человѣкъ, который во власти своею непризнававшею никакой дисциплины несдержанною натурою такъ много вреда надѣлалъ Россіи въ эти послѣднія 10 лѣтъ, не разъ бывалъ въ своихъ проявленіяхъ столько же добрымъ внѣ сферы своей власти, сколько являлся злючкою въ сферѣ власти.

Этюдъ надъ государственнымъ человѣкомъ, прошедшимъ, какъ ураганъ легкомыслія, черезъ государственную жизнь шестидесятыхъ годовъ, меня заинтересовалъ потому, между прочимъ, что я, который осуждалъ его такъ безпощадно тогда, и осуждаю его теперь, 30 лѣтъ спустя,—года два, три спустя послѣ описываемыхъ мною событій, я проходилъ en petit черезъ тѣ же психическія перепетіи, которыя въ предыдущей главѣ описывалъ, по поводу 4-го апрѣля, въ князѣ Суворовѣ. Я не

имѣлъ натуры черезчуръ на-распашку князя Суворова. дошедшаго въ своей досадѣ до увѣренія, что онъ врагъ Государя, но я живо припоминаю, какъ придворныя опасенія соперниковъ, разные воображаемые уколы самолюбія. словомъ, разныя личныя впечатлѣнія до того вліяли на душу, что бывали минуты, когда, забывая главное, духовную сущность и цѣль моихъ придворныхъ отношеній, я доходилъ до дурныхъ чувствъ къ тому, кому я служилъ своею преданностью. Это отвратительныя психическія явленія придворнаго духовнаго міра, то отнимающія покой у души и ясность ума, то извращающія хорошее дѣло, то портящія характеръ, а когда характеръ безъ того дуренъ, какъ былъ у меня, то легко понять, какъ я бывалъ себѣ противенъ въ такія минуты. Вотъ, что значитъ придворная жизнь. Умѣвшихъ себя ею не испортить я мало видалъ: запомнилъ изъ покойныхъ графа Александра Адлерберга, который потому не испортился, что онъ никакого другого міра, кромѣ придворнаго, не зналъ; князя Василія Андреевича Долгорукова и графа Дмитрія Андреевича Толстого, который свою лорисовскую опалу перенесъ съ тѣмъ же стоицизмомъ, съ какимъ онъ принялъ свое вторичное возвышеніе 2 года спустя.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Печальный фактъ, что Каракозовъ оказался изъ дворянъ, значительно усугубилъ нравственное впечатлѣніе отъ событія 4 апрѣля. Немедленно нашлись люди, которые этимъ фактомъ воспользовались, чтобы пускать въ обращеніе слухъ о связи Каракозова съ дворянскимъ сословіемъ, потому, что онъ являлся исполнителемъ и орудіемъ мести дворянъ за освобожденіе крестьянъ. Валуевъ и графъ Шуваловъ не чаяли получить о такомъ слухѣ донесенія изъ провинціи съ свѣдѣніями о распространяе-

мыхъ въ кабакахъ и трактирахъ нарочно слухахъ, что на Государя покушеніе было сдѣлано по *заговору* всего дворянства. Удивляться этому было невозможно, ибо такіе слухи распространялись въ темныхъ и легковѣрныхъ массахъ народа. Но нельзя было не удивляться тому, что эти же слухи ходили и въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества. Одному изъ главарей либеральной партіи—приписывали слѣдующія слова, во Дворцѣ сказанныя: кто же кромѣ дворянъ на такую мерзость способенъ? Другой представитель либеральной партіи Н. А. Милютинъ, при мнѣ говорилъ въ одной гостиной: удивляюсь, что такъ много ищутъ; нечего сказать: дворянинъ виноватъ, значитъ дворянство виновато.

4-го апрѣля Петербургъ пережилъ извѣстные страхи. Во-первыхъ, распространился слухъ о томъ, что будто въ Литовскомъ замкѣ открытъ заговоръ, по которому до 500 арестантовъ должны были вырваться на улицу и взывать къ рѣзнѣ дворянъ въ отместку за 4 апрѣля, а во-вторыхъ, появились подметныя письма, предостерегавшія Государя объ опасности ему угрожающей во время иллюминаціи. Государь на иллюминацію не выѣзжалъ, но пріѣхалъ въ каретѣ въ Большой театръ, гдѣ ему сдѣлана была невообразимо восторженная манифестація.

Ходили слухи и о томъ, что муравьевское слѣдствіе открыло развѣтвленіе политическихъ кружковъ и въ Москвѣ, и что будто бы предостереженія графа Шувалова отстранили поѣздку Государя въ Москву, гдѣ его ждали послѣ покушенія съ восторженнымъ нетерпѣніемъ.

Все это были тревожные слухи.

Но одинъ фактъ первенствуетъ по своему значенію надъ всѣмъ, это сохранившееся спокойствіе въ Россіи послѣ 4-го апрѣля. Божья охрана поразительно чудесно

является надъ Россіею во второй разъ. Въ первый разъ— послѣ 19 февраля 1861 года, когда реформа объявлена была по всей Россіи, при 3 полицейскихъ чинахъ въ каждомъ уѣздѣ, и нигдѣ не тронулся Русскій народъ, и теперь, когда по всѣмъ кабакамъ шелъ слухъ о заговорѣ дворянъ противъ Царя, и никто не тронулся изъ крестьянъ вслѣдствіе этого слуха.

III.

(1866 годъ.).

Походъ Валуева противъ Каткова.—Рескриптъ на имя Валуева.

Пока всѣ эти событія слѣдовали одно за другимъ, роковыми послѣдствіями 4 апрѣля, рядомъ съ ними въ кабинетѣ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, подготовлялась и разыгрывалась контръ-партія, какъ бы для возстановленія равновѣсія, нарушеннаго въ пользу антилиберальной партіи такими важными фактами, какъ удаленіе отъ должности Головнина, и упраздненіе генералъ-губернаторства въ С.-Петербургѣ.

Эта контръ-партія имѣла предметомъ своимъ Каткова... Какъ я писалъ, Катковъ былъ столь же инстинктивно ненавистенъ Валуеву, сколько князю Суворову и, затѣмъ, всѣмъ оффиціознымъ либераламъ того времени... Имъ пріобрѣтенный съ 1863 года политическій авторитетъ, съ которымъ мирился и Зимній Дворецъ, не давалъ Валуеву покоя, и по странной случайности, новыя цензурныя правила предостереженій, по образцу Наполеоновскихъ, введенныя съ передачею цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, должны были, подъ вліяніемъ ненависти къ Каткову Валуева, найти первое примѣненіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», органу убѣжденной борьбы за самодержавіе и единодержавіе Русскаго Госу-

даря... Съ своей стороны, Катковъ не скрывалъ ни своихъ чувствъ, ни въ особенности своихъ обличительныхъ мыслей относительно Валуева, и не упускалъ случая въ своихъ вдохновенныхъ и энергичныхъ статьяхъ угощать Валуева щелчками настолько, насколько это было возможно, ловкими намеками, избѣгая цензурныхъ преступленій... Слѣдовательно, ненависть къ Каткову росла въ Валуевѣ постоянно и, должно быть, была дѣйствительно сильна, если такое важное событіе, какъ 4 апрѣля со всѣми его послѣдствіями, не могло помѣшать Валуеву помышлять о нанесеніи Каткову удара мести за все, начиная съ его героической роли въ польскомъ вопросѣ въ 1863 году и кончая его передовыми статьями по адресу петербургскихъ сановниковъ-космополитовъ.

Этотъ замыселъ противъ Каткова началъ осуществляться послѣ появленія въ книжкѣ 15 марта «Revue des deux mondes» статьи о Россіи знаменитаго тогда талантливаго писателя Mazade. Въ этой статьѣ, написанной съ коварною тенденціозною цѣлью, Mazade посвящаетъ нѣсколько страницъ спеціально Каткову и его вліянію на русскую государственную жизнь. Вліяніе это Mazade называетъ всемогущимъ, говоря, что ему подчиняются не только министры Государя, но и самъ Государь. Ненависть къ полонизму и блистательныя побѣды, одержанныя надъ нимъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, Mazade приписываетъ исключительно Каткову, какъ создателю въ Россіи тѣхъ новыхъ тенденцій, которыя и Mazade и другой политическій писатель, Шедо-Феррота, именуютъ ультра-патріотическимъ настроеніемъ. Изъ числа государственныхъ дѣятелей, зараженныхъ духомъ катковскаго антиполонизма и антинигилизма, Mazade исключаетъ двухъ министровъ Государя, Головнина и Валуева.

При этомъ обоихъ Mazade ставитъ на пьедесталъ не только самостоятельныхъ государственныхъ людей, но и предводителей партіи—прогресса и европейской политической цивилизаціи. Статья эта надѣлала много шума, и вездѣ ее стали приписывать непосредственному вдохновенію Валуева. Во всякомъ случаѣ Валуевъ говорилъ объ этой статьѣ съ фразами восхищенія, называя ее une révélation lumineuse. Но Валуеву торжествовать пришлось не долго. Катковъ написалъ въ «Моск. Вѣд.» свой отвѣтъ на статью Mazade'а и этотъ отвѣтъ блестяще удался его таланту. Опровергая шагъ за шагомъ Mazade'а въ его доводахъ, и вдохновляясь тѣмъ, что статью Mazade'а приписывали вліянію Валуева, Катковъ искусно и ловко привлекъ къ отвѣту и Валуева, и ѣдкою насмѣшкою сквозь строкъ отдѣлалъ его такъ безпощадно, что Валуевъ почувствовалъ себя больно ужаленнымъ, и поклялся всѣми фибрами своего существа, во что бы то ни стало, отомстить Каткову. Орудія мести были въ его рукахъ и, къ сожалѣнію, ненависть къ Каткову такъ въ немъ была сильна, что онъ отступился отъ преданій джентльмена, которымъ любилъ слѣдовать, чтобы месть свою надъ Катковымъ осуществить въ неровномъ бою и изъ-за угла. И вотъ. первый выстрѣлъ раздался. Въ «Сѣверной Почтѣ» появляется первое предостереженіе «*Московскимъ Вѣдомостямъ*», но не за отвѣтъ Mazade'у разумѣется, а за статью, никѣмъ не замѣченную и совсѣмъ неповинную появившуюся пять дней до печатанія отвѣта Mazade'у. Катковъ отказался принять предостереженіе и не напечаталъ его въ «Моск. Вѣд.», объявивъ, что такъ какъ, всѣ его статьи одинаково пишутся съ тою же цѣлью и въ тѣхъ же мысляхъ, то онъ не признаетъ себя обязаннымъ подчиниться требованіямъ закона

о печати, а предпочитаетъ признанію себя неблагонамѣреннымъ готовность платить ежедневно штрафъ въ 25 рублей въ день за ненапечатаніе предостереженія, и послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ прекращаетъ изданіе вовсе. Валуевъ въ первую минуту смутился, ибо съ одной стороны не ожидалъ такого рипоста со стороны Каткова и не подготовился къ нему, а съ другой стороны со всѣхъ сторонъ доходили до него слухи и толки, полныя сочувствія къ Каткову, и между этими слухами доносился и тотъ, будто въ Зимнемъ Дворцѣ тоже высказываются по отношенію къ Каткову сочувственно. Я даже помню, что Тютчевъ говорилъ, не стѣсняясь, въ присутствіи самого Валуева, что шансы боя неизвѣстны, и легко можетъ быть, что Государь, призванный быть верховнымъ судьею этого поединка, предпочтетъ Каткова Валуеву. Валуевъ поникъ головою, и въ его антуражѣ стали шептаться о томъ, что лучше было бы, если Валуевъ этого боя не начиналъ. Такъ продолжалось это нѣсколько дней. Затѣмъ, вдругъ вѣтеръ подулъ съ другой стороны, небо просвѣтлѣло надъ Валуевымъ, его лицо просіяло, онъ почуялъ близость нежданной побѣды. Увы, ему явился вдругъ союзникъ, въ лицѣ графа Шувалова, и вѣсы вдругъ перетянули на сторону Валуева. Валуевъ имѣлъ аудіенцію у графа Петра Андреевича Шувалова, въ которой онъ излагалъ ему свое горе, и графъ Шуваловъ, тоже изъ недруговъ Каткова, и тоже принадлежавшій къ партіи космополитовъ, взялся помочь Валуеву. Онъ говорилъ съ Государемъ, и затѣмъ сказалъ Валуеву, что благопріятная почва для его слѣдующаго доклада изготовлена. Валуевъ, ободренный протекціею Шувалова, явился къ Государю съ своимъ проектомъ мести надъ Катковымъ и попросилъ санкціи Государя на то, чтобы дать Каткову два

предостереженія подрядъ и затѣмъ прекратить газету на два мѣсяца. Государь согласился, и вотъ Валуевъ собираетъ экстренное засѣданіе совѣта по дѣламъ печати и, къ общему членовъ удивленію, является самъ на немъ председательствовать. Засѣданіе это можно было назвать историческимъ по цѣли, которую оно имѣло: сломить власть надъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ человѣка, посвятившаго свой талантъ на борьбу съ главными врагами Государя и государства, въ угоду ненависти къ нему одного министра, и для удовольствія всѣхъ антирусскихъ политическихъ партій. Оно было историческое также потому, что всѣ члены смолчали и преклонились передъ волею предсѣдателя министра, открывшаго засѣданіе объявленіемъ, что они созваны съ цѣлью *санкціонировать легальными путями* рѣшеніе правительства закрыть «*Московскія Вѣдомости*». Всѣ, да, за исключеніемъ *одного*.

Этотъ одинъ былъ предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Ф. И. Тютчевъ, который объявилъ въ совѣтѣ, что онъ ни съ требованіемъ министра, ни съ рѣшеніемъ совѣта согласиться не можетъ, затѣмъ всталъ и вышелъ изъ засѣданія, потряхивая своею бѣловолосою головою и, вернувшись домой, написалъ и послалъ Валуеву свою отставку.

Засѣдавшій тутъ же писатель, И. А. Гончаровъ, всталъ и, подойдя къ Тютчеву, пожалъ ему съ волненіемъ руку и сказалъ: Федоръ Ивановичъ, преклоняюсь передъ вашей благородною рѣшимостью и вполнѣ вамъ сочувствую, но для меня служба—насущный хлѣбъ старика.

Каткову дано было второе предостереженіе, затѣмъ третье, съ промежуткомъ 3 дней, и газета закрыта на 2 мѣсяца. Большого труда стоило подбирать изъ прошлаго

статьи, за которыя слѣдовало формулировать предостереженія экспромтомъ.

Мѣры необычайной строгости, принятыя противъ Каткова, произвели, какъ и слѣдовало ожидать, сильное впечатлѣніе въ русскомъ обществѣ. Впечатлѣнія эти были различныя, но, во всякомъ случаѣ, они были съ обѣихъ сторонъ настолько сильны, что по нимъ нельзя было не признать эти валуевскія мѣры важнымъ политическимъ событіемъ.

Партія петербургскихъ либераловъ, то-есть чиновниковъ и космополитовъ, съ „*Голосомъ*" во главѣ, весьма обрадовалась этому гоненію на Каткова и увидала въ немъ новое торжество либерально-космополитической политики... Вся, такъ называемая ультра-русская партія, наоборотъ, испытала весьма тяжелое впечатлѣніе.

Явился вопросъ: куда же мы идемъ, если главный органъ печати, отстаивающій интересы самодержавія и единодержавія, признается сверху единственнымъ неблагонадежнымъ въ Россіи?

Подробности этого событія стали расходиться по всѣмъ слоямъ общества въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и впервые вездѣ заговорили о сильномъ вліяніи, пріобрѣтенномъ на Государя сразу графомъ Шуваловымъ... такъ или иначе, но, во всякомъ случаѣ, ему достаточно было одного разговора съ Государемъ, чтобы склонить Его къ тому, чего такъ неуспѣшно добивался въ своихъ неоднократныхъ разговорахъ Валуевъ.

Ропотъ и смущеніе, вызванные въ русскомъ обществѣ этимъ veto, наложеннымъ на „Московскія Вѣдомости", были настолько громки, что они доходили до Государя нѣсколькими путями, и тогда въ общемъ совѣщаніи князя Гагарина, предсѣдателя комитета министровъ, гр. Шува-

лова и Валуева рѣшено было сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы успокоить умы и опровергнуть мнѣніе о торжествѣ либеральствующей партіи, а съ другой стороны, явиться, вообще, успокоительнымъ признакомъ реакціи послѣ 4-го апрѣля. Это „что-то“ было придумано въ формѣ рескрипта Государя на имя князя Гагарина.

Рескриптъ появился. Онъ былъ длинный, почти въ два столбца „Сѣверной Почты“. Въ немъ было сказано, по адресу всѣхъ министровъ и начальниковъ частей, о твердомъ намѣреніи Государя охранять всѣ права собственности и состояніе своихъ подданныхъ и всѣ нравственныя и религіозныя основы русскаго общественнаго строя отъ всякихъ покушеній на нарушеніе ихъ со стороны внутреннихъ враговъ Россіи. Въ этомъ же рескриптѣ упоминалось о ложномъ толкованіи правительственныхъ намѣреній со стороны состоящихъ на государственной службѣ лицъ.

Появленіе рескрипта вызвало много толковъ. Прежде всего занялись критикою его стиля, и, дѣйствительно, перо, его писавшее, было не талантливо; а затѣмъ пошли толки по поводу рескрипта. Почти во всѣхъ сферахъ приписывали его появленіе, главнымъ образомъ, вліянію гр. Шувалова, который, будто бы, хотѣлъ послѣ 4 апрѣля произвести успокаивающее дѣйствіе на умы, и въ то же время ослабить удручающее впечатлѣніе, произведенное гоненіемъ на Каткова. Либералы же говорили, усмѣхаясь: этотъ рескриптъ до насъ не относится: онъ говоритъ о нравственныхъ и о христіанскихъ основахъ общественнаго строя, а наше дѣло—это политическія основы. А когда, на основаніи этого рескрипта, пришлось прочесть многорѣчивый и громкозвучный циркуляръ Валуева къ губернаторамъ, тогда получилось впечатлѣніе, что весь этотъ

эпизодъ скорѣе всего фейерверкъ словъ, чѣмъ государственное событіе, ибо положительно изъ того, что написалъ Валуевъ для губернаторовъ, никакъ нельзя было понять главнаго: что именно онъ хотѣлъ сказать существеннаго, ибо, очевидно, нельзя было назвать существеннымъ право губернатора подходить къ кресту въ соборѣ раньше начальника дивизіи.

Приблизительно въ это же время заволновались и сферы политики внѣшней. Князь Горчаковъ насупилъ брови, принялъ озабоченную физіономію и говорилъ съ вдохновенною физіономіею: mon cher, nous sommes à la veille d'une guerre...

Тревогу вызвалъ Бисмарковскій кандидатъ изъ Гогенцоллерновъ для княжества молдаво-валахскаго, въ лицѣ принца Карла,—прямо противорѣчившаго постановленіямъ парижскаго конгресса. Турція протестовала. Въ Парижѣ составилась конференція, которая приняла протестъ Турціи „ad referendum"... Мы, то-есть Россія, будто бы тоже заявили протестъ, но Бисмаркъ тогда уже былъ всемогущимъ хозяиномъ европейской политики не только у себя въ Берлинѣ, но и у насъ въ Россіи, и великій, хотя и новый, принципъ du fait accompli былъ провозглашенъ во всемъ своемъ практическомъ всемогуществѣ. Бисмарковскій кандидатъ остался молдаво-валахскимъ княземъ, при чемъ говорили, что Пруссія въ этомъ вопросѣ клонила Наполеона дѣйствовать съ нею за-одно. Мрачныя предсказанія князя Горчакова не сбылись, и онъ просвѣтлѣлъ, ничуть и ни на минуту не задумываясь надъ вопросомъ: не былъ ли этотъ гогенцоллернскій эпизодъ столь дерзкаго нарушенія Пруссіей одного европейскаго трактата первымъ шагомъ къ дальнѣйшей политикѣ Пруссіи и протестъ Россіи въ 1866 году не могъ ли тогда получить значеніе

событія, имѣвшаго возможность помѣшать въ зародышѣ осуществленію плановъ Бисмарка?

Въ концѣ мая Государь и Императрица вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и Его братьями отправились на 3 дня въ Москву. Пріемъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ восторженный. Государь былъ глубоко тронутъ проявленіемъ къ Нему любви Москвы всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ. Пребываніе Ихъ Величествъ въ Москвѣ длилось три дня. Какъ бы въ гармоніи съ общимъ безоблачнымъ настроеніемъ Москвы, Государь подошелъ къ Каткову въ одномъ изъ собраній, протянулъ ему руку и сказалъ ему, что старые грѣхи предаетъ забвенію, а помнитъ только его заслуги передъ Россіею и прекращаетъ дѣйствіе наложенія на его газету запрещенія.

Послѣ Москвы Ихъ Величества переѣхали въ новое имѣніе Императрицы, купленное у Голицыныхъ, село Ильинское, гдѣ пробыли около шести недѣль.

Здѣсь, Государь, послѣ испытанныхъ Имъ волненій, отдавался всею душою тишинѣ и покою. Онъ былъ и веселъ и беззаботенъ. Одно, какъ мнѣ тогда разсказывали, сердило Государя, это появленіе впервые переодѣтыхъ агентовъ Шуваловской охраны вездѣ, гдѣ Государь гулялъ... Но графъ Шуваловъ, взявшись за свое дѣло серьезно, не смутился этимъ первымъ впечатлѣніемъ Государя, и завелъ, дѣйствительно, умную полицію... Достаточно припомнить, что при немъ, пока онъ былъ шефомъ-жандармовъ, покушенія на Государя не было...

Въ началѣ лѣта рѣшено было, что Цесаревичъ поѣдетъ въ Копенгагенъ на десять дней. Онъ сѣлъ на „*Штандартъ*“ и предпринялъ Свое путешествіе... Состояніе души Его было свѣтлое и ясное... Передъ глазами не поблѣднѣла картина умиравшаго брата, соединившаго въ по-

слѣднюю минуту сознанія руку своего любимаго брата съ полюбленною Имъ невѣстою, и, слѣдовательно, что кромѣ желанія вернуться изъ Даніи женихомъ принцессы Дагмары могло сопутствовать Его въ этой поѣздкѣ, тѣмъ паче, что желаніе это раздѣляли и Государь, и Императрица, и всѣ русскія сердца...

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, прибыло въ Петербургъ извѣстіе о помолвкѣ Цесаревича, и затѣмъ Онъ вернулся въ Петербургъ женихомъ... Пріѣздъ Его невѣсты былъ назначенъ къ концу осени, а бракосочетаніе въ концѣ осени.

Я засталъ жениха въ его маленькомъ домѣ въ Александріи, въ свѣтломъ, но съ оттѣнкомъ новаго настроенія духѣ. Это новое было какъ бы предвкушеніемъ счастья семейной жизни, которую Онъ считалъ лучшимъ счастьемъ и благомъ въ жизни... „Я такъ радъ", говорилъ Онъ просто и правдиво, „что перестану чувствовать себя скитальцемъ и найду пристань и домъ свой", и мнѣ показалось тогда, что дѣйствительно, въ свидѣтельство правды Его словъ, что-то совсѣмъ спокойное и серьезное вошло въ Его душевную жизнь... Къ концу лѣта была рѣшена 3-недѣльная поѣздка по Россіи.

IV.

(1866 годъ).

Поѣздка Цесаревича по Россіи.

Къ назначенному для отъѣзда дню всѣ участвующіе въ поѣздкѣ Цесаревича и его брата Великаго Князя Владиміра Александровича по Россіи должны были къ вечеру собраться въ Петергофѣ. Къ участію былъ приглашенъ и я, и на меня возложена была обязанность вести подробный дневникъ путешествія для Государя. Приглашены были прежніе спутники покойнаго Цесаревича: К. П. Побѣдоносцевъ, профессоръ политической экономіи Бабстъ и художникъ Боголюбовъ... Затѣмъ былъ графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Затѣмъ, адъютанты Цесаревича, князь Барятинскій и Козловъ, перешедшіе къ нему отъ покойнаго Брата, состоявшій при Великомъ Князѣ Оомъ и докторъ Гиршъ. Во дворцѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ и, затѣмъ, мы собрались на поѣздъ, гдѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. Маршрутъ былъ слѣдующій: Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, Нижній и Казань и обратно въ Петербургъ черезъ Москву.

Такъ какъ на все путешествіе назначено было безъ малаго двѣ недѣли, то, само-собою разумѣется, пребываніе въ каждомъ городкѣ было кратковременное.

Интересъ этой поѣздки заключался только въ томъ фактѣ, что это была первая поѣздка молодого Цесаревича по Россіи, и первое, такъ сказать, свиданіе съ нимъ Россіи. Въ то же время путешествіе это, недавно послѣ 4 апрѣля, получило краснорѣчивый характеръ собиранія для Государя Его сыномъ проявленій народной радости и народной любви.

Дѣйствительно, эти проявленія народной любви съ минуты, какъ мы попали на Волгу, представляли собою грандіозную картину безбрежнаго моря русскаго люда, отовсюду собиравшагося поклониться Царскимъ сыновьямъ. Первая остановка была въ Твери. Въ ней мы пробыли день. Симпатичныя впечатлѣнія Цесаревичъ вынесъ отъ губернатора князя Багратіона и отъ губернскаго предводителя дворянства князя Бориса Васильевича Мещерскаго. Первый былъ умный, тонкій и хорошій человѣкъ: второй былъ умный, хорошій и съ открытою и прямою русскою душою человѣкъ. Тутъ же Великіе Князья познакомились съ милымъ старичкомъ поэтомъ Ф. Н. Глинкою и съ ветераномъ-декабристомъ Муравьевымъ-Апостоломъ, въ мирномъ уединеніи Твери доживавшимъ свой долгій вѣкъ. Изъ Твери мы поѣхали въ Рыбинскъ, гдѣ пробыли тоже день и гдѣ знакомились съ знаменитымъ канатнымъ заводомъ Журавлева. Тутъ же купечество угостило Цесаревича обѣдомъ на славу. Плавая по Волгѣ, мы останавливались и въ маленькихъ городахъ, выходили на берегъ, чтобы войти въ церковь. Такъ сдѣлали и въ Угличѣ, но не безъ нѣкотораго опасенія. Мы постигли, что значитъ огромная толпа народа... Когда Цесаревичъ поднялся по лѣстницѣ на берегъ, Онъ вдругъ очутился буквально въ морѣ десятковъ тысячъ народа; все это восторженно зашевелилось и заревѣло... Цеса-

ревичъ сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ соборъ; но не тутъ то было: лошади, испуганныя толпою, стали подниматься на дыбы. Цесаревичу пришлось выйти и идти пѣшкомъ; двое полицейскихъ съ неимовѣрнымъ трудомъ прокладывали тропинку, и кое-какъ удалось добраться до церкви, а народу все прибывало... Толпы начали пытаться пробираться въ соборъ: желѣзныя рѣшетки ломались подъ напоромъ народныхъ массъ.

Въ виду этого, протоіерей собора посовѣтовалъ Цесаревичу не идти на пароходъ обратнымъ путемъ, въ виду страшныхъ размѣровъ толпы, опасаясь совершенно основательно скопленія народа на самомъ берегу, надъ оврагомъ, не столько для Великихъ Князей, сколько для толпы людей, которая могла при этомъ напорѣ сорваться въ обрывъ.

Вмѣсто прежняго пути протоіерей предложилъ таинственный ходъ подземельемъ прямо изъ церкви на Волгу, и при свѣтѣ фонарей мы отправились обратно на пристань, куда прибыли благополучно, лишившись возможности, вслѣдствіе слишкомъ большой толпы, осмотрѣть историческія примѣчательности Углича.

Въ Ярославлѣ и въ Костромѣ мы пробыли по 2 дня. Затѣмъ, въ Нижнемъ пробыли три дня и два дня въ Казани. На всѣхъ пріемахъ Цесаревичъ являлся оживленнымъ и веселымъ и, видимо, старался на каждаго произвести хорошее впечатлѣніе. Главные разговоры велись за обѣдомъ; тутъ Великій Князь внимательно разспрашивалъ и внимательно слушалъ, и впечатлѣнія, получавшіяся отъ этихъ застольныхъ бесѣдъ, были тѣмъ пріятны, что ему говорили съ охотою, съ оживленіемъ и откровенностью.

До самой послѣдней минуты своего путешествія Це-

саревичъ былъ веселъ и въ духѣ, и разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе своей поѣздки высказывалъ ту мысль, что ничто такъ не полезно, какъ ѣздить по Россіи и разговаривать съ живыми людьми. Очень просто и наглядно онъ высказалъ дважды эту мысль въ такихъ словахъ: вотъ земство, напримѣръ, — говорилъ Великій Князь, — я откровенно долженъ сказать, что слышалъ о немъ въ Петербургѣ, но имѣлъ самое смутное о немъ представленіе, а понялъ я его суть только теперь, изъ разговоровъ на мѣстѣ съ мѣстными людьми. Отчасти подъ впечатлѣніемъ невообразимой давки толпы, даже въ губернскихъ городахъ, Цесаревичу приходилось не разъ высказывать удивленіе, какъ мала вездѣ полицейская сила. На это ярославскій губернаторъ, умный адмиралъ Унковской, очень вѣрно отвѣтилъ Великому Князю, что полиція въ Россіи имѣетъ назначеніе чисто символическое: она ничего не охраняетъ, потому что не можетъ ничего охранять, а она существуетъ лишь для свидѣтельствованія о силѣ русскаго Бога надъ Россіей и надъ каждымъ ея уголкомъ... Какъ сила, полиція есть только насмѣшка надъ силою, это такая же полиція, какъ та, которая фигурируетъ въ иныхъ пьесахъ въ театрахъ... но, въ то же время, чѣмъ же держится благоустройство въ Россіи, чѣмъ охраняются права жизни, собственности, какъ не силою русскаго Бога!

Я постарался, насколько это было возможно при быстротѣ передвиженія, выяснить себѣ: какія существенныя нужды жизни въ эту минуту высказывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проѣзжали, и пришелъ къ заключенію, что въ слышанныхъ нами разговорахъ повторялись двѣ главныя ноты: одну можно было назвать либеральною, другую — консервативною, хотя пришлось слышать и о

томъ, что земство будто бы слишкомъ стѣснено въ своихъ правахъ и въ своихъ аттрибутахъ, и что хорошо было бы дать ему болѣе широкія полномочія... Въ этой нотѣ явственно слышались запоздалые отголоски либеральныхъ рѣчей въ земскихъ собраніяхъ Петербурга и Москвы 1860 года. Въ представителяхъ второй ноты слышались сѣтованія на полную безурядицу въ деревенской жизни. на разгулъ деревенскихъ безпорядковъ и т. п. Меня интерессовалъ также вопросъ о вліяніи знаменитаго валуевскаго циркуляра на провинцію, состоявшагося вслѣдствіе рескрипта Государя къ князю Гагарину. Отъ двухъ губернаторовъ, ярославскаго и казанскаго (Скарятинъ), я слышалъ приблизительно одно и то же; оба сказали, что циркуляръ этотъ ихъ удивилъ главнымъ образомъ потому, что не они, губернаторы, въ немъ нуждались, а нуждается въ немъ само министерство внутреннихъ дѣлъ, которое ни одному представленію губернатора объ усиленіи порядка не даетъ ходу. И это было вѣрно, какъ явленіе тогдашнихъ нравовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, согласовавшихся съ политикою laissez faire Валуева, - который говорилъ: le gouvernement ne doit jamais s'imposer, mais toujours se faire désirer.

Но все это были подробности.

Въ общемъ и главномъ, когда мы вернулись изъ путешествія, душа была полна воспоминаніями того очевиднаго и несомнѣннаго, что проникало ее благоговѣйными чувствами: это отсутствіе всякой комедіи, всякаго притворства и всякой оффиціальности въ проявленіяхъ тѣхъ чувствъ преданности и любви къ Государю, которыхъ вездѣ рѣшительно, въ большихъ и малыхъ центрахъ жизни, намъ пришлось быть свидѣтелями.

Это было глубокое и могучее впечатлѣніе.

Когда по возвращеніи мы представлялись послѣ благодарственнаго молебствія о благополучномъ путешествіи Ихъ Величествамъ, Государь поблагодарилъ меня за веденіе «Дневника» и сказалъ мнѣ, что я писалъ его очень интересно; тогда я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать Государю о впечатлѣніяхъ, наполнявшихъ душу отъ проявленій любви къ Нему во всѣхъ сословіяхъ.

— Я очень радъ, что эти чувства проявились надъ Моимъ Наслѣдникомъ. Это хорошее благословеніе для Его свадьбы.

Вскорѣ затѣмъ состоялся пріѣздъ принцессы Дагмары.

V.

(1866 годъ).

Графъ П. А. Шуваловъ — новый шефъ жандармовъ. — Бракосочетаніе Цесаревича.—Юбилей Карамзина. — Елка у Цесаревича. — Изъ міра земства.

30-го августа, въ числѣ высшихъ наградъ, орденъ св. Андрея былъ пожалованъ покойнику. Покойникъ этотъ былъ, увы, графъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ! Посланная ему Царская милость въ деревню — застала его въ гробу. Разумѣется, немедленно послѣ кончины этого великаго государственнаго человѣка начались толки по поводу его смерти, совсѣмъ неожиданной для всѣхъ тѣхъ, которые недавно его видѣли работавшимъ надъ политическимъ слѣдствіемъ по дѣлу Каракозова, и самымъ распространеннымъ изъ слуховъ былъ толкъ о томъ, что его отравили злоумышленники политической партіи, дабы прекратить его дѣятельность по вскрытію политическихъ тайнъ. Погребеніе его въ Невской лаврѣ было торжественное, и русскія чувства получили удовлетвореніе въ томъ фактѣ, что на погребеніе графа Муравьева прибылъ Государь во главѣ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи.

По странному совпаденію, товарищъ графа Муравьева по общему дѣлу, графъ Бергъ, получилъ въ этомъ же году фельдмаршальскій жезлъ и присутствовалъ въ Вар-

шавѣ на выѣздѣ изъ края Николая Милютина и его сподвижниковъ; а въ Вильнѣ въ это время смѣнялся Кауфманъ съ должности генералъ-губернатора, для замѣны его графомъ Эдуардомъ Барановымъ, и уходилъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ Милютинымъ его другъ и главный гражданскій дѣятель въ Царствѣ Польскомъ, князь Владиміръ Черкасскій. По этому поводу тоже пошли слухи въ разныхъ политическихъ сферахъ о какой-то перемѣнѣ въ направленіи и въ образѣ мыслей правительства относительно польскаго вопроса. Я задалъ этотъ вопросъ Валуеву, пришедшему со смертью графа Муравьева въ болѣе *свѣтлое* настроеніе,—но только не на долго,—и онъ мнѣ на это сказалъ, что такъ какъ этотъ вопросъ задаютъ многіе и въ томъ числѣ Европа, то, вкупѣ съ княземъ Горчаковымъ, рѣшено, на русскомъ и французскомъ языкахъ напечатать «un communiqué», въ которомъ будетъ сказано, что никакой перемѣны въ политикѣ правительства по Западному краю и по Царству Польскому не слѣдуетъ ни предвидѣть, ни ожидать. Про графа Баранова Валуевъ говорилъ, что это безпристрастный и спокойный умъ,—что было совершенно вѣрно,—qui saura toujours garder l'équilibre entre le trop et le trop peu!.. Къ принятію этой должности графомъ Барановымъ, котораго считали лѣнивымъ и не охотникомъ до трудныхъ политическихъ должностей,—побудилъ всего болѣе графъ Петръ Шуваловъ.

Новый шефъ жандармовъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ начиналъ уже, съ первыхъ же своихъ шаговъ на новой и высокой своей должности, пріобрѣтать репутацію всесильнаго руководителя внутренней политики. Я зналъ этого человѣка съ первыхъ лѣтъ моей молодости, когда онъ былъ въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстеромъ,

а я служилъ въ полиціи стряпчимъ. Въ этотъ промежутокъ времени, про него можно было, безъ преувеличенія, сказать, что онъ готовился и зрѣлъ къ ожидавшему его зениту его служебной карьеры. Это былъ дѣйствительно замѣчательный и блестящій государственный человѣкъ царствованія Александра II. Наружность его соотвѣтствовала его властолюбивому замыслу быть первымъ. Красивая, чуть-чуть задѣтая сѣдиною голова его всегда держалась высоко; въ лицѣ его умномъ, съ чертами, отражавшими твердость, всегда привѣтливость соединялась съ тонкимъ, слегка хитрымъ взглядомъ, но въ то же время всегда прямымъ и открытымъ, и затѣмъ, что составляло его главное обаяніе, это невозмутимое спокойствіе и выраженіе полнаго владѣнія собою никогда ему не измѣнявшія.

Таковы были черты его физіономіи. Что касается его духовной личности, то и съ этой стороны онъ былъ очень богатъ. Его спокойствіе и самообладаніе давали ему то, что такъ рѣдко приходится встрѣчать въ нашихъ государственныхъ людяхъ,—умѣнье слушать и задавать вопросы, а это на постѣ шефа-жандармовъ, очевидно, было главное. Слушая внимательно, онъ схватывалъ главныя мысли очень быстро, и на вопросы давалъ отвѣты ясные, точные и опредѣленные, и въ этомъ смыслѣ, въ своихъ отвѣтахъ на вопросы дѣлалъ то же, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, избѣгая уклончивости и фальшивыхъ положеній.

Вступивъ на этотъ высокій и ближайшій къ Государю постъ, гдѣ онъ могъ ежедневно находить причины видѣть Государя, графъ Петръ Андреевичъ провелъ строго опредѣленную грань между своимъ политическимъ или государственнымъ положеніемъ и придворнымъ. На пер-

вомъ онъ настойчиво хотѣлъ быть первымъ; на второмъ. въ сферахъ придворныхъ, онъ дорожилъ правомъ быть послѣднимъ, и этимъ послѣднимъ въ ряду придворныхъ умѣлъ съ изяществомъ и кокетствомъ всегда оставаться.

Вслѣдствіе этой демаркаціонной линіи, имъ проведенной между Дворомъ и постомъ, и съ его тактомъ, всегда строго соблюдавшимся, графъ П. А. Шуваловъ не зналъ никакихъ придворныхъ интригъ, ни у кого никогда не заискивалъ и являлся въ кабинетъ Государя Его главнымъ совѣтникомъ, всегда съ гордостью и самолюбіемъ своего независимаго и ни въ чемъ ненуждавшагося положенія. Я думаю, что въ этомъ была главная причина его обаятельнаго на Государя вліянія. Онъ давалъ своимъ отношеніямъ къ Государю атмосферу и характеръ увѣренности и спокойствія, которыя отвѣчали потребности до извѣстной степени недовѣрчивой и подозрительной натуры Государя, а такъ какъ при этихъ чертахъ Государь не особенно любилъ инпціативу, то и тутъ властолюбивыя цѣльность и твердость шуваловскаго характера должны были быть для него удобными.

При этихъ условіяхъ очень понятно, что въ созвѣздіи своихъ коллегъ государственныхъ людей, Шуваловъ, какъ говорятъ французы, faisait tableau, то-есть красиво выдѣлялся; большая часть этихъ государственныхъ людей не умѣла и не могла отдѣлять независимости своего настроенія отъ того, какъ Государь взглянетъ, какъ Онъ приметъ ту или другую мысль, что произведетъ та или другая сплетня, тогда какъ Шуваловъ умѣлъ проявлять не только полнѣйшее равнодушіе къ этимъ мелочамъ придворныхъ политическихъ сферъ, но даже презрѣніе ко всему, что не составляло сущность его государственныхъ обязанностей и служебнаго долга, такъ, какъ онъ его по-

нималъ. Опасенія сломать себѣ шею и немилость его нисколько не тревожили и не вліяли на его образъ дѣйствій, и оттого, вѣроятно, онъ оказался съ самаго начала такъ наглядно первенствующимъ изъ равныхъ и съ положеніемъ перваго министра, которое послѣ него никто не сумѣлъ пріобрѣсть.

Но, какъ у всякаго человѣка, и у Шувалова была обратная сторона медали. Графъ П. А. Шуваловъ былъ блестящимъ и способнымъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ своего времени, но онъ былъ въ то же время слишкомъ мало русскимъ.

Его воспитаніе, его среда, его вкусы, его нравы, все вмѣстѣ держало его въ отдаленіи отъ русской жизни, особливо народной, и это отдаленіе отъ русской жизни, влекшее за собою ея непониманіе, имѣло послѣдствіемъ его пассивныя отношенія ко всѣмъ тѣмъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, которые, въ видѣ реформъ относились до внутренней жизни Россіи. Аграрные вопросы онъ понималъ скорѣе съ точки зрѣнія нѣмецкаго барона или англійскаго лэндлорда: русская деревня для него была мертвою буквою; русскій мужикъ представлялся ему какимъ то существомъ conventionnel, безъ всякаго психическаго міра; земство ему казалось какими то говорильнями на воздухѣ, внѣ всякой органической связи съ бытомъ провинціальной жизни, и такъ далѣе. Оттого, не взирая на все важное политическое значеніе, начавшееся въ то время, у него не было подъ ногами главнаго—почвы знанія и пониманія Россіи. И если я говорю объ этомъ, то потому именно, что приходилось не разъ жалѣть о томъ, что графу Шувалову не удалось во все время своей первенствующей во внутренней политикѣ роли имѣть то консервативное и сдерживающее вліяніе,

на которое онъ имѣлъ право по своимъ способностямъ и своимъ дарованіямъ, но которое ему не далось именно вслѣдствіе его незнанія и непониманія Россіи. Не понимая, не зная Россіи, онъ не понималъ непригодности для нея такихъ дѣятелей, какъ Валуевъ, и еще менѣе могъ понимать всю неперевариммость и либеральную путаницу, которыя вселили въ жизнь реформы, столь спѣшно и столь мало сообразуясь съ нуждами Россіи вводимыя. Онъ не могъ ни исправлять, ни направлять политику реформъ. А по дарованіямъ онъ могъ бы это сдѣлать, если-бъ былъ духовно-русскій человѣкъ. Впослѣдствіи все это оказалось нагляднѣе и яснѣе.

Отъ сентября до конца октября Дворъ былъ всецѣло завоеванъ свѣтлымъ событіемъ, прибытіемъ въ Царское Село и пребываніемъ въ немъ невѣсты Цесаревича, принцессы Дагмары, по мѵропомазаніи нареченной Великой Княжною Маріею Ѳеодоровною.

Послѣ мѵропомазанія, 28 октября, въ церкви Зимняго Дворца состоялось вѣнчаніе Цесаревича, вслѣдъ за которымъ былъ обычный торжественный обѣдъ и куртагъ, то-есть кратковременный балъ въ мундирахъ.

Послѣ свадьбы я зашелъ къ Цесаревичу, пребывавшему еще тогда въ своихъ комнатахъ Зимняго Дворца, чтобы его поздравить.

— Да,—сказалъ Онъ,—вы можете меня поздравить, я у пристани.

Онъ былъ веселъ и счастливъ и, при этомъ, какъ всегда, невозмутимо-спокоенъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы былъ для нашей семьи праздникъ, это празднованіе въ академіи наукъ столѣтія со дня рожденія нашего дѣда, великаго русскаго исторіографа Н. М. Карамзина. Представителями семьи въ жи-

выхъ были при праздникѣ два его сына, Александръ, помѣщикъ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда, и Владиміръ, младшій сынъ, сенаторъ, и двѣ дочери: младшая—фрейлина Елизавета Николаевна, и старшая—моя мать.

Старѣйшимъ представителемъ русской литературы, и какъ бы знаменщикомъ праздника былъ князь П. А. Вяземскій. Государь удостоилъ насъ внуковъ Своей милости въ этотъ день: сестра моя пожалована была въ фрейлины, братъ мой, офицеръ преображенскаго полка, пожалованъ въ флигель-адъютанты, а мнѣ пожалована пенсія въ 1,500 рублей.

Когда братъ мой представился впервые Государю, чтобы Его благодарить, Государь ему сказалъ дорогія слова: прежде чѣмъ тебя назначить, я навелъ о тебѣ справку въ полку, и поздравляю тебя съ тѣмъ, что и отъ начальниковъ и отъ товарищей ничего, кромѣ хорошаго, не слыхалъ.

Ко дню свадьбы своей Цесаревичъ назначенъ былъ Членомъ государственнаго совѣта. Въ то же время Государь высказалъ желаніе, чтобы Цесаревичъ присутствовалъ на докладахъ министровъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Цесаревичъ позвалъ меня къ себѣ завтракать въ свое новое жилище, въ Аничковъ Дворецъ. Не забылъ Его сіявшаго тогда счастьемъ лица, и того настроенія духа, въ которомъ Его засталъ въ это утро. Мнѣ казалось, что Его большой угловой кабинетъ, выходившій на Невскій проспектъ, былъ залитъ весеннимъ солнцемъ—въ одинъ изъ мрачныхъ ноябрьскихъ дней, и тѣ два часа, проведенныхъ съ нимъ съ глаза на глазъ, остались у меня въ памяти, какъ отвѣтъ на вопросъ: бываютъ ли на землѣ минуты

полнаго счастья?—Да, бываютъ. Цесаревичъ ихъ тогда переживалъ.

На Рождественскихъ праздникахъ я сказалъ Цесаревичу: Вашъ домъ—жилище счастья, сдѣлайте его жилищемъ счастья для несчастныхъ, устройте елку для бѣдныхъ дѣтей. Цесаревичъ съ радостью откликнулся на эту мысль, молодая Цесаревна привѣтствовала ее горячо Своимъ молодымъ добрымъ сердцемъ и оба счастливые супруга рѣшили—позвать къ себѣ 100 бѣдныхъ дѣтей на елку въ залъ Дворца. Мнѣ было поручено озаботиться доставленіемъ дѣтей и пріобрѣтеніемъ подарковъ. Подарки заключались въ обуви и въ теплой одеждѣ, въ бѣльѣ и въ платьѣ; каждому мальчику предназначался полушубокъ, сверхъ того, на каждую семью отпускалось въ видѣ подарка по 1 сажени дровъ. Наканунѣ, всѣ дѣти были отправлены въ баню и вымыты и, затѣмъ, на другой день потянулась эта вереница нищихъ-дѣтей съ крикомъ и шумомъ по великолѣпной лѣстницѣ Аничкова Дворца...

Трудно описать то впечатлѣніе, которое пришлось испытывать, глядя, какъ эти молодые Счастливцы радушно приняли въ свои палаты этихъ дѣтей нищеты и скорби... Ихъ молодыя лица сіяли ласкою и добротою, болѣе того, нѣжностью; дѣти были, какъ въ волшебномъ снѣ, въ этой ярко освѣщенной залѣ, передъ громадною елкою и, наэлектризованныя этимъ сномъ, этими подарками, бѣгали между Цесаревичемъ и Цесаревною съ возгласами: дядя, мама, съ сіявшими отъ радости глазами, какъ къ роднымъ, то цѣлуя руку, то прижимаясь съ нѣжностью, какъ къ матери, и радостямъ не было конца. Послѣ угощенія, праздникъ нищихъ-дѣтей окончился тѣмъ, что Цесаревичъ велѣлъ повалить елку, и дѣти бросились обирать елку; минуты черезъ три все дерево было очи-

щено... Затѣмъ они бросились благодарить Добрыхъ Хозяевъ за свои радости и, прибывши во Дворецъ въ лохмотьяхъ или въ чужомъ одѣяніи, вышли изъ него одѣтыя въ полушубки и въ теплое платье и въ теплой обуви... Послѣ этого дня Ихъ Величества пожелали, чтобы ежегодно устраивалась такая елка для бѣдныхъ дѣтей.

Въ концѣ года въ мірѣ внутренней политики произошло событіе, которое послужило доказательствомъ того, какъ легкомысленно и необдуманно такіе государственные люди, какъ Валуевъ да и самый государственный совѣтъ, вводили капитальныя реформы. Земство въ этомъ году было введено во всѣхъ 36 губерніяхъ. Но одновременно вдругъ всѣ спохватились и испугались сдѣланнаго при составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ промаха. Сначала спохватились купцы и фабриканты, потомъ губернаторы, потомъ министерство финансовъ и, наконецъ, самъ Валуевъ. Да и было съ чего испугаться: оказалось, что на основаніи земскаго положенія земскія собранія получили право облагать всѣхъ и все въ предѣлахъ своихъ губерній—безъ ограниченія размѣровъ, то-есть получили такое право, которое даже не имѣетъ правительство.

Характерно при этомъ отмѣтить, что всѣхъ громче завопили купцы и фабриканты. И дѣйствительно, было съ чего: каждое земство получ...ло право — потребовать ...ѣнія о доходѣ, и облагать этотъ доходъ, сколько ему ...но... Поло... что въ такомъ же печальномъ поло... ...и очутились ...левладѣльцы, то-есть помѣщики, такъ ...ь земству предоставлено было право облагать землю ...какихъ ему угодно размѣрахъ. Но купцы и фабри... ...закричали «караулъ», бросились къ губернаторамъ, ...лись къ министру финансовъ, а помѣщики оказа...ены ... яко овцы, передъ стригущими ихъ без-

гласны... Въ слѣдующемъ году я много сталъ ѣздить по Россіи, и тогда я понялъ, почему дворяне-землевладѣльцы оказались безгласными и такъ дорого за это поплатились...

Оказалось, что почти въ каждомъ земскомъ собраніи большинство съ перваго же раза составили бараны, подъ главенствомъ и кулаками нѣсколькихъ либераловъ, и большинство это имъ подчинялось, не смѣя пикнуть насчетъ своихъ интересовъ и въ безмолвномъ подчиненіи праву собранія облагать ихъ земли въ какихъ угодно размѣрахъ долженъ былъ по требованію этихъ либераловъ заключаться культъ либерализма. Это былъ оригинальный, совсѣмъ уже доморощенный культъ либерализма: въ качествѣ земскихъ гласныхъ самого себя разорять обложеніемъ земли, какъ дворянина-землевладѣльца...

И результаты вышли en conséquence. Крики купцовъ и фабрикантовъ возымѣли свое дѣйствіе, ибо вышло правительственное распоряженіе, во исполненіе котораго отнималось у земства право облагать купеческіе капиталы, фабрики и заводы по доходности, и сохранялось только право облагать фабрику по цѣнности зданія, и купца въ извѣстномъ размѣрѣ процента со свидѣтельства. Но зато сохранилось въ цѣлости, очевидно, въ угоду либеральному культу господъ *земскихъ дворянъ* право земствъ облагать земли въ размѣрѣ *неограниченномъ*...

Когда нѣкоторыя земства взбунтовались противъ ограничительныхъ распоряженій правительства, и во главѣ ихъ земство петербургское, явились ораторы, требовавшіе въ самыхъ безцеремонныхъ рѣчахъ либеральныхъ и даже вольнодумныхъ петицій на имя высшаго правительства; и кончили все это тѣмъ, что петербургское земство, какъ разъ къ январю 1867 года, взяли да и закрыли, въ пол-

номъ смыслѣ слова, то-есть закрыли не только собранія, но и управы...

Лучше было поменьше давать земству правъ при его учрежденіи, чѣмъ, давши много, отнимать часть даннаго, раздражая умы. Но этой предусмотрительности никогда тогда не придерживались, и горько за это пришлось расплачиваться позже.

VI.

(1867 годъ).

Голодъ.—Роль Цесаревича.—Увольненіе Валуева.—Его преемникъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ.—Новый министръ юстиціи графъ Паленъ.—Мое сближеніе съ Катковымъ.—Москва.—Кончина моей матери.

Наступилъ невеселый 1867 годъ.

Уже въ началѣ его стали проникать разными окольными путями въ Петербургъ слухи о наступающемъ быстро голодѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, такъ, напримѣръ: Смоленской, Новгородской и т. д. Слухи эти стали намеками поступать въ печать, но, къ роковому для Валуева ослѣпленію, одно министерство внутреннихъ дѣлъ не обращало на нихъ вниманія, и всякимъ толкамъ объ угрожающемъ голодѣ противопоставляло полную сладостнаго квіетизма улыбку Валуева, который говорилъ, что все это раздутые cris d'alarme, и ни откуда нѣтъ основаній предвидѣть угрозы голода.

Говорили и о томъ, что введенное во всѣхъ этихъ губерніяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, земство, отъ непривычки-ли или отъ нерадѣнія, застигнуто было врасплохъ и, потерявши головы, не знало, какъ начать борьбу съ наступившею безхлѣбицею, и все это вмѣстѣ взятое рисовало картину будущаго въ весьма мрачныхъ краскахъ.

Разными путями эти тревожныя вѣсти доходили и до Цесаревича. При немъ былъ адъютантомъ, какъ я гово-

рилъ, бывшій кирасиръ П. А. Козловъ. Это былъ съ горячею кровью и воспламенительнымъ ко всему доброму и хорошему сердцемъ прекрасный молодой человѣкъ.

Прислушиваясь къ этимъ тревожнымъ извѣстіямъ, онъ немедленно возъимѣлъ мысль — заинтересовать въ этомъ вопросѣ отзывчивое сердце Цесаревича. Это и удалось до такой степени, что въ Цесаревичѣ загорѣлась мысль стать во главѣ благотворительнаго предпріятія въ пользу страдальцевъ неурожая. Само собою разумѣется, что Цесаревичъ съ самою искреннею энергіею принялся за немедленное осуществленіе своей мысли, и вотъ закипѣло въ Аничковомъ Дворцѣ дѣло о помощи голодающимъ... Цесаревичъ испросилъ у Государя согласіе начать это дѣло. Я написалъ воззваніе въ „*Русскомъ Инвалидѣ*“ о пожертвованіяхъ, принимаемыхъ Цесаревичемъ въ Аничковомъ Дворцѣ, и деньги стали приливать потокомъ. Въ тоже время, такъ какъ завѣдываніе этимъ дѣломъ требовало опытнаго хозяина, Цесаревичъ пригласилъ тогдашняго предсѣдателя губернской земской управы въ Новгородѣ, Н. А. Качалова и пригласилъ его именно къ себѣ въ помощники... Тогда дѣло, ставши на свои ноги, перешло уже въ государственное дѣло, ибо Государь, сочувствуя иниціативѣ Цесаревича, поручилъ Ему составить комиссію подъ Его предсѣдательствомъ, съ приглашеніемъ въ товарищи предсѣдателя генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева, и на эту комиссію возложено было не только завѣдываніе поступавшими пожертвованіями, но и снабженіе хлѣбомъ голодающихъ, которые тутъ-же были названы *пострадавшими отъ неурожая*...

Вотъ тутъ-то приглашеніе съ самаго начала такого практически умнаго человѣка, какъ Качаловъ, и оказалось въ высшей степени полезнымъ... Качаловъ, въ свою

очередь прямо сказалъ Цесаревичу, что для успѣха дѣла мало имѣть расторопныхъ распорядителей, а надо имѣть торговаго человѣка, практически знакомаго съ дѣломъ хлѣбной торговли, и указалъ на своего земляка, череповецкаго купца Н. А. Милютина. Цесаревичъ немедленно пригласилъ Милютина, который съ восторгомъ отдался весь этому святому дѣлу. Тогда комиссія выработала съ огромною быстротою цѣлый планъ помощи для нуждающихся въ хлѣбѣ.

Планъ этотъ былъ ясенъ, простъ и весьма разуменъ.

Главные дѣятели комитета представили Великому Князю, что помощь хлѣбомъ отнюдь не должна быть даровая; что раздача дароваго хлѣба гораздо болѣе причинитъ вреда, чѣмъ принесетъ пользы, такъ какъ можетъ пріучить крестьянъ къ мысли, что бояться неурожая нечего, все равно, накормятъ и, слѣдовательно, можетъ отдалить его отъ главной обязанности — работать для пріобрѣтенія хлѣба... По ихъ мнѣнію, цѣль комитета должна заключаться въ томъ, чтобы нуждающемуся въ хлѣбѣ населенію продавать его по обычной, доступной цѣнѣ, и вездѣ этою низкою цѣною принуждать хлѣботорговцевъ не поднимать цѣнъ на хлѣбъ, а продавать его по той-же цѣнѣ, по какой продаетъ его комитетъ...

Итакъ, дѣло выходило сразу огромное: не только поставлять хлѣбъ, но бороться съ такими гигантами, какъ хлѣбные торговцы, державшіе въ рукахъ все хлѣбное дѣло въ Россіи. Цесаревичъ одобрилъ все представленіе комитета, и затѣмъ поставилъ вопросъ: какъ это сдѣлать?

Качаловъ прямо отвѣтилъ: прежде всего, надо соблюсти весь планъ дѣйствій въ строжайшей тайнѣ, дабы до закупокъ хлѣба никто изъ хлѣботорговцевъ не зналъ о

намѣреніи комитета покупать хлѣбъ, во-вторыхъ, надо все дѣло закупки хлѣба поручить одному лицу, опять-таки для того, чтобы не разгласить дѣло закупки, также и для того, чтобы единство мѣропріятій по этой трудной операціи могло помочь успѣху дѣла, и въ-третьихъ, надо немедленно-же просить у казны 1 милліонъ рублей, для закупки хлѣба на наличныя деньги, заимообразно, съ тѣмъ, чтобы послѣ операціи осенью этотъ милліонъ вернуть казнѣ...

Цесаревичъ поѣхалъ къ Государю и выпросилъ этотъ милліонъ, затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ Милютина и поручилъ ему заняться всѣмъ дѣломъ закупки хлѣба. Милютинъ на другой-же день выѣхалъ и сталъ появляться, какъ изъ земли выроставшая тѣнь колоссальнаго капиталиста, закупавшаго для себя всѣ имѣющіяся между Москвою и Петербургомъ партіи хлѣба. Тайна и быстрота операцій были до того строго соблюдены, что только тогда, когда главная часть партіи хлѣба была закуплена Милютинымъ, кулаки-хлѣботорговцы вдругъ узнали объ этихъ огромныхъ закупкахъ, чуть-ли не одновременно въ разныхъ мѣстахъ сдѣланныхъ.

Цесаревичъ не любилъ дѣлать свое дѣло кое-какъ или мѣшкая. Буквально въ его комитетѣ кипѣла работа и, комитетъ, благодаря не только сильной энергіи Цесаревича, но и его любви къ дѣлу, на него возложенному, творилъ буквально чудеса.

Но одновременно съ этимъ непосредственное завѣдываніе этимъ дѣломъ Цесаревичемъ было причиною послѣдняго часа, пробившаго для 7-лѣтней дѣятельности Валуева на должности министра внутреннихъ дѣлъ. Но надо сказать правду: Валуевъ ушелъ джентльменомъ. Какъ

только огласился фактъ учрежденія комитета подъ предсѣдательствомъ Цесаревича для пособія голодающимъ. Валуевъ сказалъ Государю, что видитъ въ этомъ событіи, совершившемся безъ его вѣдѣнія, прямое доказательство Государева къ нему недовѣрія и считаетъ своимъ долгомъ просить объ его увольненіи... Государь принялъ его прошеніе объ увольненіи, войдя въ трудное и щекотливое положеніе Валуева, и въ рескриптѣ на его имя выразилъ ему самыя лестныя вещи...

Для замѣщенія этой трудной и важной отвѣтственной должности выборъ палъ на генералъ-адъютанта Тимашева. Почему именно на него — никто не зналъ, но толки городскіе приписывали это назначеніе мысли графа Шувалова, назвавшаго, вѣроятно, Тимашева, какъ одного изъ своихъ.

Послѣдняя должность его была начальника штаба при шефѣ жандармовъ князѣ В. А. Долгоруковѣ. Во дни оны, при Императорѣ Николаѣ, была плеяда красивыхъ, ловкихъ въ танцахъ, элегантныхъ и не глупыхъ флигель-адъютантовъ. Таковы были: графъ Шуваловъ, Альбединскій и также Тимашевъ. Съ красивыми манерами, съ элегантною наружностью, съ умѣньемъ говорить остроумно и умно, Тимашевъ двигался и, достигъ, какъ его товарищи по плеядѣ, до генералъ-адъютантства и до репутаціи государственнаго человѣка. Съ большимъ успѣхомъ въ свѣтѣ, съ бойкимъ умомъ и съ умѣньемъ сказать мѣткое слово направо и налѣво, А. Е. Тимашевъ, не задумываясь, принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ нельзя храбрѣе, и ко дню своего торжественнаго входа въ министерство и шествія по его комнатамъ, принялъ физіономію серьезную, озабоченную и импозантную, такъ что мы, всѣ чиновники, подумали, что тихій зефиръ въ

лицѣ Валуева смѣнилъ грозный вѣтеръ въ лицѣ Тимашева.

Но вскорѣ мы увидѣли и поняли, что такъ какъ у Тимашева былъ одинъ изъянъ, незнаніе Россіи и, вообще, административнаго дѣла, то въ сущности ничего не измѣнилось. Тимашеву сразу понадобились люди, за него знающіе дѣло, и всѣ главныя дѣйствовавшія лица при Валуевѣ остались, болѣе чѣмъ когда-либо нужными, при Тимашевѣ.

Это невѣдѣніе своей области не помѣшало ему начать съ округленія своего министерства посредствомъ присоединенія къ нему почтъ и телеграфовъ. Одною изъ выгодъ этого была возможность бросить домъ министерства у Александринскаго театра и устроить себѣ прекрасное помѣщеніе въ почтовомъ зданіи на Большой Морской, тамъ, гдѣ когда-то останавливались мальпосты.

Послѣ министерства внутреннихъ дѣлъ очередь дошла и для министерства юстиціи. И въ день, когда узнали въ Петербургѣ о томъ, что выборъ новаго министра юстиціи, вмѣсто Замятнина, палъ на графа Палена, бывшаго псковскимъ губернаторомъ, тогда всѣ поняли, какое сильное политическое вліяніе пріобрѣлъ П. А. Шуваловъ на своемъ посту шефа жандармовъ. Едва онъ успѣлъ подсказать выборъ генералъ-адъютанта Тимашева, какъ на постъ, столь важный въ то время, при началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, постъ министра юстиціи, онъ указалъ, отступая смѣло отъ всѣхъ традицій, въ лицѣ гр. Палена, во-первыхъ, молодого, а во-вторыхъ, совсѣмъ чужого вѣдомства человѣка.

Это назначеніе сопровождалось и удивленіемъ и комментаріями. Ихъ было не мало, но существеннѣйшимъ

изъ нихъ было предположеніе, что выборъ, по совѣту графа Шувалова, остзейца и лютеранина, какъ разъ въ это время, во главу министерства юстиціи долженъ былъ имѣть смыслъ реакціоннаго шага противъ излишка либерализма, введеннаго въ жизнь судебными уставами. Это былъ отголосокъ той минуты изумленія и досады, которую пережилъ Александръ II, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до этого Ему министръ юстиціи Замятнинъ докладывалъ, послѣ неприличной рѣчи одного сенатора въ петербургскомъ земскомъ собраніи, что Онъ, Государь, *не имѣетъ права* безъ суда увольнять судебныхъ чиновъ отъ должностей.

Но не это одно могло вызвать въ Государѣ намѣреніе реагировать противъ новыхъ судовъ. До Государя не могли не доходить наполнявшіе Петербургъ въ то время разсказы и легенды объ умышленно либеральномъ образѣ дѣйствій вновь учрежденныхъ мировыхъ судей, сразу поставившихъ себѣ ребяческую задачу обратить на себя вниманіе умышленнымъ проявленіемъ неуваженія къ лицамъ мало-мальски знатнымъ или имѣющимъ право на извѣстный почетъ и уваженіе. Ходили и разсказы о томъ, какъ мировые судьи, требуя къ себѣ въ камеры генераловъ, сановниковъ, позволяли себѣ ихъ заставлять сидѣть на скамьяхъ вмѣстѣ съ ихъ лакеями; о томъ, какъ они этимъ лакеямъ и дворникамъ говорили: господинъ, а князя называли просто по фамиліи, и тому подобные анекдоты. Что толки эти имѣли свое основаніе, я въ этомъ лично убѣдился, когда меня по иску моего слуги, съ котораго я удержалъ изъ жалованья 3 рубля за разбитую посуду, потребовалъ къ себѣ въ камеру знаменитый своею шумною игрою въ либерализмъ старикъ мировой судья Трофимовъ. Я вошелъ прямо съ улицы въ его камеру, гдѣ

сидѣли въ шубахъ простолюдины. Увидавъ меня, онъ мнѣ крикнулъ: снимите шубу.

— Здѣсь всѣ сидятъ въ шубахъ, — отвѣтилъ я, — и холодно.

— Если будете разсуждать, я васъ оштрафую...

Съ этого началось мое свиданіе съ любезнымъ старикомъ Трофимовымъ, про котораго говорили: онъ добрый старикъ, былъ всегда консерваторъ; а когда его избрали въ мировые судьи, онъ вдругъ помѣшался на томъ, что надо быть дерзкимъ и грубымъ относительно всякаго, похожаго съ вида на барина. Разумѣется, онъ меня присудилъ къ возврату 3 рублей и къ *судебнымъ издержкамъ*.

Какъ бы то ни было, но, какъ я сказалъ, забота графа Шувалова о томъ, чтобы на мѣсто министра юстиціи назначенъ былъ человѣкъ не изъ судебнаго вѣдомства, прямо свидѣтельствовало о недовѣріи своемъ къ этому новому вѣдомству, и объяснялось желаніемъ охладить либеральный пылъ этого вѣдомства.

Говорили въ гостиныхъ: недавній губернаторъ, имѣвшій уже возможность помять себѣ бока объ новую судебную монархію, и остзейскій ландлордъ, слѣдовательно консерваторъ,—что же можетъ быть лучше, какъ тормазъ для задора либеральнаго новаго судебнаго вѣдомства!

Въ этомъ году была парижская выставка. Государь съ Великими Князьями поѣхалъ въ Парижъ. Давнишнее желаніе Наполеона III увидѣть у себя гостемъ Русскаго Императора осуществлялось. Но отвѣтомъ на эту любезность Александра II былъ выстрѣлъ въ него, попавшій въ лошадь шталмейстера,—изъ пистолета въ Булонскомъ лѣсу, пущенный полякомъ Березовскимъ, и глупый и дерзкій возгласъ: Vive la Pologne! молодого адвоката Флоккэ

въ залѣ pas perdus, зданіи суда, когда Государь его осматривалъ.

Наполеонъ III, сидѣвшій рядомъ, во время покушенія, въ коляскѣ съ Государемъ, сконфуженно извинялся передъ своимъ Гостемъ, а Государь совершенно спокойно ему отвѣтилъ, что предвидѣть такихъ злоумышленниковъ столь же невозможно, какъ сумасшедшихъ людей.

Какъ бы въ согласіи съ этою мыслью, Государь, возвращаясь въ Россію, остановился въ Варшавѣ для торжественныхъ пріемовъ и для смотра войскамъ, и такую же остановку сдѣлалъ въ Вильнѣ, чтобы показать, что покушеніе Парижа Онъ считаетъ внѣ всякой связи съ польской народностью. Въ Петербургѣ Онъ былъ встрѣченъ изъявленіями самаго искренняго восторга.

Вѣсть о покушеніи на Государя я узналъ въ одномъ изъ селъ Владимірской губерніи. Съ весны я отправился въ командировку по разнымъ губерніямъ, начиная съ Тверской, для изслѣдованія крестьянскаго самоуправленія, но главнымъ образомъ для того, чтобы въ подробныхъ письмахъ знакомить Цесаревича съ тогдашнею жизнью внутри Россіи.

Въ то же время я писалъ большія письма, въ видѣ очерковъ, для «Русскаго Инвалида».

Жизнь тогда въ Россіи была дѣйствительно интересна, потому что въ ней было много новаго. Съ одной стороны, была земская суета, съ другой стороны—установляли свое царство новыя судебныя учрежденія. Отъ обѣихъ вѣяло либеральными теченіями, и странная вещь: вовсе не изъ предвзятыхъ идей противъ либерализма, а именно вслѣдствіе моихъ поѣздокъ по разнымъ уѣздамъ и губерніямъ Россіи у меня возстановились первыя, такъ сказать, зачатки недовѣрія къ либерализму, какъ убѣжде-

ніе. Оно бралось прямо изъ жизненныхъ фактовъ. Факты эти показывали, что тамъ, гдѣ земство занималось своими дѣлами серьезно и добросовѣстно, тамъ помину не было о либерализмѣ, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Тверской губерніи, главное въ земствѣ были либеральныя затѣи, тамъ собственно земское дѣло шло прескверно. Въ Новгородской губерніи, наоборотъ, гдѣ подъ энергичнымъ руководительствомъ предсѣдателя губернской управы Н. А. Качалова, земство работало какъ волъ, тамъ никто не говорилъ о либерализмѣ. Я писалъ тогда Цесаревичу, что земскій либерализмъ есть нѣчто несерьезное потому, что оно не только не производительно, но мѣшаетъ земству работать, а въ то же время смѣшное, потому что отъ самихъ земцевъ приходилось слышать, какъ они про себя говорятъ: что прикажете дѣлать, наверху, въ бель-этажѣ нашего дворянскаго дома, когда мы собираемся для дворянскаго дѣла, мы консерваторы,— внизу, когда мы собираемся для земскаго дѣла, мы либералы. Мало того, смѣшное въ этомъ земскомъ либерализмѣ доходило до того, что, какъ мнѣ сами говорили помѣщики, собираясь въ качествѣ гласныхъ въ земское собраніе, они стали избирать себѣ мировыхъ судей до того краснаго направленія, что потомъ, они же, какъ помѣщики болѣе всего отъ этихъ же мировыхъ судей страдали, благодаря ихъ мужиколюбію и дворянофобіи. Поприщъ для либерализма тогда было два: одно— сношенія съ губернаторомъ, съ которымъ непремѣнно земство должно было быть въ пикантеріяхъ, и въ постоянно враждебномъ настроеніи, и второе поприще—земскія школы, гдѣ и учителя и учебныя программы во многихъ уѣздахъ направляемы были въ духѣ прямо революціонномъ. Я присутствовалъ при зарожденіи знаменитыхъ системъ наглядныхъ

наго обученія въ самой грубой формѣ, которыми хотѣли тогдашніе земцы и тогдашніе педагоги ихъ выбора знакомить крестьянскихъ дѣтей съ анатоміею и физіологіею предночтительно передъ закономъ Божіимъ, который въ иныхъ мѣстахъ прямо выгонялся изъ сельской земской школы... Все это оживляло пейзажъ провинціальной жизни, ибо сопровождалось все-таки борьбой двухъ элементовъ, консервативнаго и либеральнаго, хотя долженъ сказать, что почти вездѣ консервативный элементъ оказывался слабѣе либеральнаго.

Но было и другое оживленіе, здоровое и отрадное: въ знаменитомъ селѣ Ивановѣ, Владимірской губерніи, гдѣ я пробылъ около недѣли, и просто наслаждался зрѣлищемъ развитія фабричныхъ работъ и общеніемъ съ фабрикантами, въ числѣ послѣднихъ нашелъ, какъ, напримѣръ, въ братьяхъ Гарелиныхъ, въ тейковскомъ купцѣ Каретниковѣ,—почтенныхъ и симпатичныхъ людей, образованныхъ на столько, насколько этого требовало ихъ дѣло, и не промѣнявшихъ свои семейныя преданія на глупыя попытки дѣлаться европейцами. Но въ каждой фабрикѣ директоръ былъ англичанинъ, а главный художникъ изъ Эльзаса.

Во время моихъ поѣздокъ по Россіи въ это время мнѣ приходилось не разъ бывать въ Москвѣ и тамъ я имѣлъ случай сблизиться съ М. Н. Катковымъ.

Добираться до него было довольно трудно. Его жилище, столь извѣстное подъ именемъ Страстного бульвара, представляло что-то въ родѣ неприступной крѣпости, внутри которой, гдѣ-то, зарытый въ своихъ бумагахъ всѣхъ видовъ и закрытый для всѣхъ глазъ, сидѣлъ отшельникъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей» и велъ оживленную бесѣду съ шумѣвшимъ около него міромъ...

Съ парадпаго подъѣзда, если позвонить и спросить Михаила Никифоровича, то выбѣгавшій лакей непремѣнно смотрѣлъ на посѣтителя съ удивленіемъ, говорившимъ вамъ: какъ тебѣ могла въ голову придти мысль звонить и спрашивать Михаила Никифоровича Каткова? И отвѣтъ: дома нѣтъ—былъ неизбѣженъ. На дворѣ, въ углу, почти спрятанная въ какой-то полвѣка неремонтированной стѣнѣ было отверстіе въ видѣ двери, изъ нея вы входили въ темную, узкую и совсѣмъ черную лѣстницу, и почти ощупью подчасъ, когда закоптѣвшая лампочка не давала почти свѣта, вы добирались до какой-то двери, на половину обитой лоскутами клеенки и на половину обнаженной, отворяли ее и входили въ какія-то полутемныя сѣни, гдѣ, въ невѣдѣніи—куда идти, приходилось выжидать, пока вслѣдъ за какою-либо юркою кошкою высунется откуда-то полусонный сторожъ и спроситъ: что вамъ угодно?

На вопросъ: дома-ли Михаилъ Никифоровичъ? онъ неизмѣнно отвѣчалъ: а не знаю! и, въ случаѣ настоянія съ вашей стороны, предлагалъ отправиться въ дверь направо. Тамъ вы входили въ то же никогда не ремонтировавшуюся комнату, съ столами и стульями, на которыхъ сидѣли два человѣка, изображавшіе собою контору редакціи; они были безмолвны и на вопросъ: какъ увидѣть издателя? — дѣлали жестъ по направленію слѣдующей двери, за порогомъ которой передъ вами являлась фигура великаго Воскобойникова, секретаря Каткова, и тогда уже рѣшался вопросъ: предстанете-ли вы или не предстанете передъ *нимъ самимъ*.

Такъ какъ онъ здѣсь назывался тремя буквами, составлявшими слово: «*онъ*», и произносившимися съ какимъ-то таинственнымъ и въ то же время священнымъ

благоговѣніемъ: *онъ* сказалъ, *онъ* пишетъ, *онъ* занятъ, *онъ* зоветъ и т. д., — говорилось въ конторѣ. И вотъ Воскобойниковъ идетъ къ «*нему*», и черезъ нѣсколько минутъ вы узнаете, что васъ просятъ, или *его* дома нѣтъ.

Пройдя какой-то темный лабиринтъ, вы входили, наконецъ, въ кабинетъ Каткова. Прежде всего въ этомъ большомъ кабинетѣ вы замѣчали отсутствіе всякаго удобства, всякаго комфорта и всякой роскоши; въ немъ пахло книгами и газетами. У письменнаго стола, въ простомъ, старомъ суконномъ халатѣ, сидѣлъ Катковъ, съ гранками передъ нимъ на столѣ.

Пока живъ былъ его alter ego, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, доступъ къ Каткову облегчался тѣмъ, что прямо можно было приходить къ Леонтьеву и онъ вводилъ васъ къ своему другу. Леонтьевъ казался любезнѣе Каткова, глядѣвшаго скорѣе угрюмо и застѣнчиво, чѣмъ любезно, но по мѣрѣ сближенія съ обоими я постигъ, что Леонтьевъ былъ любезенъ, но себѣ на умѣ, съ хитрецою и не искрененъ, а Катковъ казался не любезенъ, но былъ искрененъ.

Каткова я никогда не заставалъ спокойнымъ и апатичнымъ, но всегда подъ вліяніемъ какой-нибудь доминантной ноты и въ настроеніи увлеченномъ. Это была одна изъ его прелестей для собесѣдника: вы никогда не могли, сидя съ Катковымъ, быть въ положеніи ищущаго предмета разговора—живой интересъ бесѣды закипалъ въ мигъ, когда вы садились передъ нимъ. Предметъ данной минуты имъ овладѣвалъ вполнѣ и въ этомъ была сила и опять-таки прелесть его передовыхъ статей, гдѣ каждая была отраженіемъ всей имъ переживавшейся минуты и цѣлаго, такъ сказать, вдохновенія. Въ редакціи его было много чернильницъ и перьевъ, но былъ только одинъ

источникъ вдохновенія,—это Катковъ самъ, и было одно только перо,—это его перо.

Поздно вечеромъ къ нему приносились гранки завтрашняго номера «Московскихъ Вѣдомостей». И вотъ тутъ-то, глядя на то, что онъ съ ними дѣлалъ, я уразумѣлъ, что двухъ перьевъ въ редакціи не было. Онъ бралъ гранку, съ перомъ въ рукахъ пробѣгалъ и налету быстрыми движеніями или вычеркивалъ, или вставлялъ свои каракули (почеркъ у него былъ бѣдовый и этимъ я объяснялъ себѣ, почему наборщики его типографіи, въ школѣ его почерка, набирали мои каракули — еще хуже катковскихъ—съ легкостью изумительною), и нѣсколькихъ такихъ вставокъ было достаточно, чтобы дать статьѣ силу и колоритъ катковскаго пера. Свои собственныя статьи онъ то же подвергалъ неумолимой передѣлкѣ, что то же объясняло ихъ совершенство и ихъ силу.

Я часто слышалъ, что про Каткова говорили, что онъ былъ прежде либералъ, гегеліанецъ и поклонникъ англійскаго парламентаризма и, будто бы, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ молодости. Достаточно было двухъ, трехъ часовъ бесѣды съ Катковымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ могъ измѣнить свои убѣжденія, но *измѣнять имъ*, т. е. отступить отъ нихъ неискренно и неразубѣжденнымъ,—Катковъ не могъ.

Катковъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и фанатичныхъ обладателей умственной жизни, какихъ я встрѣчалъ на своемъ вѣку. Онъ обожалъ мысль въ себѣ и въ другихъ. Что удивительнаго, если молодой онъ своимъ чуткимъ и воспріимчивымъ умомъ принимался обожать какого-нибудь философа или какой-нибудь политическій строй, какъ политическій идеалъ; но въ день, когда онъ зашелъ въ свою келью редактора «Московскихъ Вѣдомо-

стей», Катковъ всѣмъ своимъ умомъ до такой степени почувствовалъ себя и созналъ себя не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, что сразу воспріялъ всѣ политическіе идеалы ея жизни. Его къ тому пришпорило, такъ сказать, сумбурное въ своемъ глупомъ поклоненіи пошлому либерализму время, и, съ каждою борьбы за порядокъ въ мысляхъ, онъ всего себя отдалъ на борьбу за порядокъ въ жизни.

Про Каткова говорили, что онъ былъ деспотъ мысли. Никогда я этого впечатлѣнія не имѣлъ. Напротивъ, я любилъ бесѣды съ Катковымъ потому, что рѣдко въ очень умномъ человѣкѣ встрѣчалъ такого воспріимчиваго, даже такого довѣрчиваго къ чужой мысли, къ чужому впечатлѣнію, какимъ былъ Катковъ: онъ не только слушалъ васъ,—что такъ рѣдко у насъ, — но онъ иногда увлекался вашими впечатлѣніями, его умъ работалъ надъ вашею мыслью, и никогда слово Каткова не могло бы имѣть той чарующей силы, какую оно имѣло, если бы его умъ не питался ежедневно мыслями и впечатлѣніями отъ жизни и отъ людей.

Какъ живой человѣкъ и какъ борецъ, Катковъ не могъ не быть и страстнымъ, и пристрастнымъ, и непокорнымъ, и нетерпѣливымъ, и рѣзкимъ, но развѣ все это могло не быть въ человѣкѣ, который, какъ Катковъ, все время жилъ умственною боевою жизнью, и способенъ былъ, не будь у него жены, забывать, что есть и домашній людской обиходъ и есть многосложный матеріальный міръ.

Два человѣка, похожихъ одинъ на другого въ этомъ отношеніи, запомнилъ я на своемъ вѣку: Тютчева и Каткова. Тютчевъ весь жилъ впечатлѣніями поэта и мечтателя. Катковъ весь жилъ умомъ. И тотъ и другой

были способны въ разныя минуты жизни забывать, что есть на свѣтѣ такія прозаическія вещи, какъ ѣда, сонъ.

Москва въ то время доживала послѣдніе дни своего барскаго вѣка. Еще оставалось нѣсколько барскихъ домовъ со стариками и со старухами. Еще мелькали типичные москвичи, но въ гостиныхъ Москвы говорили уже о старой Москвѣ, какъ о временахъ безслѣдно и давно минувшихъ. Изъ старыхъ домовъ оставались живыми: домъ старухи княгини Щербатовой, въ которомъ развился и окрѣпъ, тогда уже выступившій на арену публичной жизни, симпатичный боецъ, князь Александръ Алексѣевичъ Щербатовъ; домъ стариковъ князя Михаила и княгини Луизы Голицыныхъ, пользовавшійся благоговѣйнымъ уваженіемъ въ Москвѣ; домъ старыхъ дѣвицъ Мух[illegible]выхъ, гдѣ жизнь протекала между тремя сестрами въ какомъ-то свѣтломъ мірѣ, никогда не откликавшемся на бури людскія, шумѣвшія вокругъ, и гдѣ Богъ казался въ дѣлѣ болѣе достойнымъ любви и почитанія, чѣмъ все, что въ суетѣ люди любили и чему въ суетѣ кланялись болѣе, чѣмъ Богу; стараго сенатора князя Трубецкаго, всегда любившаго говорить о временахъ, когда онъ былъ губернаторомъ; домъ старухи графини Анны Егоровны Толстой, славившейся въ Москвѣ безпредѣльною добротою къ горькимъ нуждамъ жизни; домъ старушки Сушковой, съ которою жила ея племянница фрейлина Екатерина Θедоровна Тютчева, дочь поэта, славившаяся своею духовною прелестью ума и сердца, благодаря которымъ гостиная Сушковой всегда была сосредоточіемъ всѣхъ корифеевъ ума въ Москвѣ, и еще нѣсколько домовъ. Въ этихъ домахъ сохранялся духъ московской старины, а духъ этотъ заключался въ гостепріимствѣ и въ благородной, полной уваженія къ своему достоинству самобытности.

отличавшейся отъ петербургскаго тѣмъ, что онъ не вѣдалъ ни низкопоклонства, ни куртизанства. хотя Царь и Дворъ въ этой старой боярской средѣ чтились, но чтились по-старому. Мнѣ припоминается того времени характерный разсказъ о томъ, какъ одинъ вельможа-старикъ при Николаѣ I принималъ приглашеніе ко Двору, и по немъ можно судить о характерѣ барства того времени. Фамиліи этого старика-вельможи я не помню, но помню, что когда Дворъ пребывалъ въ Москвѣ, то каждый почти вечеръ этого старика пріѣзжалъ звать на вечернее собраніе царскій скороходъ, и всякій разъ повторялась таже сцена. Старикъ, полуразбитый параличемъ, сидѣлъ въ своемъ креслѣ и курилъ трубку, окруженный своею семьею. Въ назначенномъ часу пріѣзжалъ посланецъ Царя. Его впускали къ старику-боярину. Тогда сыновья его его подымали, и онъ выслушивалъ стоя приглашеніе Царя въ слѣдующихъ словахъ: Ихъ Императорскія Величества приглашаютъ ваше сіятельство пожаловать къ нимъ на чай въ вечернее собраніе. Выслушавъ приглашеніе, старикъ отвѣчалъ: доложите Ихъ Императорскимъ Величествамъ, что моя болѣзнь не позволяетъ мнѣ имѣть счастіе явиться на милостивый Ихъ зовъ. И всякій разъ эта сцена возобновлялась.

Изъ типовъ истыхъ москвичей pur sang запомнилъ я тогда извѣстнаго Свиньина, друга всѣхъ генералъ-губернаторовъ, своего рода мецената, одного изъ столповъ англійскаго клуба по кулинарной части, жившаго интересами коллекціонера и театрала; затѣмъ С. М. Сухотина, всегда милаго и утонченно любезнаго человѣка, наслаждавшагося жизнью въ видѣ положенія друга многихъ домовъ въ Москвѣ, гдѣ онъ обѣдалъ и проводилъ вечера, и между которыми онъ жилъ, дѣля свой день и свое

сердце и посвящая ихъ интересамъ свѣтской жизни каждой минуты.

Въ это же время въ Москвѣ начиналось блестящее царение въ генералъ-губернаторскомъ домѣ князя Владиміра Андреевича Долгорукова и война его съ однимъ изъ персонажей Москвы, оберъ-гофмейстеромъ княземъ Николаемъ Ивановичемъ Трубецкимъ. Война эта, не лишенная комизма, имѣла смыслъ рѣшенія вопроса: кто важнѣе въ Москвѣ, князь Долгоруковъ, или князь Трубецкой, изображавшій собою, несмотря на маленькій ростъ и свое прозваніе nain jaune, всѣ величественныя преданія знаменитаго главаря Москвы, князя Сергія Михайловича Голицына, или, по крайней мѣрѣ, претензію на таковое изображеніе. Князь Долгоруковъ, съ своей стороны, изображалъ собою не одного только генералъ-губернатора, но и князя Долгорукова, богатаго, знатнаго и самобытнаго вельможу, оттого уступать ему своему сопернику не приходилось, и оттого всѣ усилія князя Трубецкого быть первымъ изъ двухъ оказались безуспѣшными.

Князь Николай Ивановичъ Трубецкой былъ очень типичный гранъ-сеньоръ. Его возвелъ въ этотъ рангъ князь Сергѣй Михайловичъ, у котораго онъ былъ въ послѣдніе годы его жизни помощникомъ. По смерти князя Голицына, на него были возложены всѣ обязанности и функціи князя Голицына какъ по опекунскому совѣту, такъ и по придворной части. Съ маленькою фигурою онъ придавалъ себѣ особенную важность, и жилъ въ почитаніи своего оффиціальнаго культа. Благотворительно воспитательная часть, перешедшая къ нему по наслѣдству отъ князя Голицына, его мало интересовала: къ ней, какъ ко всему серьезному, онъ относился довольно легко. За такое отношеніе слегка ему разъ даже досталось отъ

гнѣва Николая Павловича, какъ онъ самъ разсказывалъ о томъ не безъ комизма. Императоръ посѣтилъ воспитательный домъ въ Москвѣ. Князь Голицынъ былъ нездоровъ и не могъ сопутствовать Государю. Его замѣнялъ князь Трубецкой. Входитъ Государь въ одинъ изъ громадныхъ залъ дома, гдѣ у своихъ кроватей стояли выстроенными кормилицы. Ободренный тѣмъ, что Императоръ Николай былъ въ веселомъ расположеніи духа и при видѣ этихъ кормилицъ сказалъ: ай, да бабы!—князь Трубецкой осмѣлился добавить: совсѣмъ гвардейцы... Но едва онъ вымолвилъ эти слова, какъ вдругъ онъ видитъ, что голова Николая Павловича обернулась къ нему, изъ глазъ сверкнула молнія, и этотъ взглядъ сверху спустился до его маленькой фигуры, и голосъ Государя произнесъ одно слово: *что?..*—Никогда не забуду этого взгляда и этого тона,—говорилъ князь Трубецкой,—я почувствовалъ во всемъ своемъ существѣ такой страхъ, что подкосились ноги, почувствовалъ, что въ животѣ сдѣлалось что-то опасное, и, вѣроятно, такъ измѣнился въ лицѣ, что Императору стало меня жаль, и Онъ, вдругъ, улыбнувшись, сказалъ: помни, что сравненія бываютъ неудачны... Съ этой минуты,—прибавилъ князь,—я возненавидѣлъ моихъ кормилицъ... Зато въ культѣ тонкой кухни онъ былъ въ Москвѣ авторитетъ безъ соперниковъ, и его московскіе обѣды считались въ Москвѣ знаменитыми. Балетъ и тонкій обѣдъ были главными заботами этого маленькаго великаго человѣка. Я помню вдохновенное счастье, сіявшее на его лицѣ въ ту минуту, когда онъ говорилъ, что сдѣлалъ одно изъ величайшихъ открытій и одинъ изъ труднѣйшихъ *подвиговъ* въ кулинарномъ дѣлѣ, подавши ко Двору, на 20 персонъ, des oeufs brouillés aux truffes...

Какъ я сказалъ, хотя и соперникъ его, князь Долгоруковъ куда крупнѣе былъ князя Трубецкого... По всему, что я за годы управленія Москвою князя Долгорукова слышалъ и лично могъ наблюдать, онъ мнѣ представляется идеаломъ именно московскаго генералъ-губернатора... Необыкновенно пріятный и любезный въ обращеніи, на все глядя en grand и съ извѣстной грансеньерской высоты, проходя всегда мимо мелочей и дрязгъ людской жизни, ни передъ кѣмъ не заискивая и никого не признавая для себя слишкомъ мелкимъ, князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ сумѣлъ дать своей личности и своему положенію престижъ, авторитетъ и обаяніе. Не взирая на преклонные годы, неутомимый, онъ бывалъ вездѣ, онъ во все входилъ, что могло интересовать Москву, а главное, одаренный большимъ тактомъ, онъ умѣлъ въ трудныхъ положеніяхъ—конфликтовъ ли съ думою, или студенческихъ безпорядковъ,—всегда выходить не только съ честью, но съ соблюденіемъ главнаго: достоинства правительственнаго авторитета... Его одинаково любили—высшее общество, именитое московское купечество и студенты университета, потому что вездѣ онъ проявлялъ и сердечное участіе къ людямъ, и полное хладнокровіе, и безупречный тактъ...

Я его помню разъ во время студенческихъ безпорядковъ. Едва ему объ нихъ донесли, какъ онъ велѣлъ закладывать карету, чтобы ѣхать на мѣсто безпорядковъ, въ университетъ... Его уговаривали не ѣхать, пугая его опасностями безпорядковъ... Выслушавъ предостереженія, онъ съ кроткою улыбкою отвѣтилъ: князь Долгоруковъ, московскій генералъ-губернаторъ, не можетъ никого и ничего бояться, и когда подали карету, сѣлъ и поѣхалъ одинъ въ университетъ.

Подмогою ему въ его вліяніи на молодежь служила и его доброта. Онъ ежедневно, такъ же тихо и просто, какъ дѣлалъ все, творилъ много добрыхъ дѣлъ, и кому могъ изъ молодыхъ людей помочь, помогалъ щедро и всегда съ сердечнымъ участіемъ.

Въ началѣ ноября семейное горе прервало мои путешествія по Россіи. Телеграмма изъ Парижа увѣдомила меня объ опасномъ состояніи моей матери и я немедленно туда поѣхалъ. Боже, что это за ужасная для души пытка, трое съ половиною сутокъ летѣть по желѣзной дорогѣ и ни на минуту не прекращать повторенія все одного и того же вопроса: поспѣю-ли? Въ особенности эта пытка была мучительна на нашей дорогѣ, гдѣ запаздываніе поѣзда происходитъ безъ всякой уважительной причины, и гдѣ мнѣ говорили, что въ эту пору года легко можетъ поѣздъ не поспѣть ко времени эйдкуненскаго поѣзда, и тогда еще на день отсрочивается пріѣздъ въ Парижъ. И въ правду, за часъ до Вержболова я увидѣлъ по часамъ, что мы почти на часъ опаздываемъ, и, я молилъ Бога тогда, чтобы въ теченіе этого часа не случилось что-нибудь съ поѣздомъ. Богъ сжалился и мы захватили эйдкуненскій поѣздъ.

Въ эту унылую и мрачную ноябрьскую погоду чего-чего съ самаго ранняго дѣтства не перевспоминалъ я о моей матери, сидя такъ одиноко посреди веселыхъ и равнодушныхъ въ вагонѣ. Какъ солнце, казалось мнѣ ея свѣтлое видѣніе на темномъ фонѣ моихъ думъ, и мракъ этотъ тѣснилъ мнѣ больно сердце, ибо въ немъ неумолимо говорило предчувствіе, что солнце это уходитъ и грѣть перестанетъ, и свѣтить перестанетъ. Таинство предчувствія ощущалось какъ-то сильнѣе. Мнѣ припомнился мой отъѣздъ весною изъ Петербурга и послѣдній

мой завтракъ въ квартирѣ моихъ родителей. Какъ послѣ завтрака я прощался съ ними, какъ отецъ и мать меня благословляли по обыкновенію, какъ я уходилъ изъ ихъ гостиной и ничего особеннаго не испытывалъ, и какъ я вышелъ на лѣстницу и вдругъ вижу, какъ моя мать выходитъ за мною на лѣстницу, чего раньше она никогда не дѣлала и, затѣмъ, идетъ по лѣстницѣ внизъ, провожая меня до подъѣзда, и какъ лицо ея выражало что-то грустное и въ то же время что-то особенно нѣжное, въ ея взорѣ я прочелъ какую-то потребность меня проводить, какъ никогда не провожала, и когда затѣмъ меня еще разъ обняла и увидѣлъ на лицѣ ея слезу, вдругъ въ душу запала такая небывалая по силѣ тоска, что, уѣзжая, я цѣлые дни находился подъ ея гнетомъ и мучился вопросомъ: что значило это прощаніе, что значили эти проводы?

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, опять въ вагонѣ одинъ, но уже не весною, а въ самую мрачную осень, — неотвязчиво врывался въ душу зловѣщій отвѣтъ на этотъ весенній вопросъ: вотъ что это значило, шептало мнѣ предчувствіе въ каждомъ звукѣ окружавшей меня жизни и я ѣхалъ и ѣхалъ по направленію къ Парижу какимъ-то отупѣвшимъ ко всему, кромѣ приговора для сердца, человѣкомъ. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Парижъ. Въ вокзалѣ встрѣтилъ меня старшій братъ. Въ его объятіяхъ я узналъ, что не опоздалъ. Тяжелъ былъ пріѣздъ въ маленькій отель Кэнтерберри на углу Rue de la Paix и Оперной площади, по контрасту между ураганомъ людской жизни и таинственною торжественною тишиною предсмертной скорби, которую я засталъ въ маленькой квартирѣ моихъ родителей. Узнаю, что недавно, за нѣсколько дней предъ симъ, моей матери вдругъ стало

какъ будто лучше, она повеселѣла, улыбнулась какъ будто жизни, но для того лишь. чтобы дать, такъ сказать, священному огню ея прекрасной жизни еще разъ воспламениться во всей красѣ и во всей силѣ ея христіанской вѣры: она пожелала исповѣдываться и причаститься святыхъ тайнъ. Прекрасный отецъ Прилежаевъ ей преподалъ таинства, и теплыми словами поддержалъ ея воспрянувшій духъ на нѣсколько часовъ: а на другой день она какъ будто вся ушла въ сосредоточеніе смерти. Мучительно тихій день провелъ я по пріѣздѣ, между печальною тишиною въ нашей квартирѣ и шумомъ людскимъ на одномъ изъ оживленнѣйшихъ мѣстъ Парижа. Ночью этотъ контрастъ какъ будто щемилъ еще сильнѣе. На другой день умиравшая пожелала всѣхъ насъ увидѣть, чтобы со всѣми проститься. Ликъ ея былъ спокоенъ, голосъ, какъ во всю ея жизнь, звучалъ твердостью убѣжденія и теплотою чувства. Взоръ ея былъ ясенъ, какъ отраженіе ея совѣсти и всей ея жизни. Впервые въ моей жизни мнѣ пришлось стоять у постели умирающаго, и при мысли, что этотъ первый умирающій была моя мать, легко понять. что душа переживала въ эти минуты. Ея слова ко мнѣ звучатъ 30 лѣтъ спустя, какъ живые въ устахъ: она меня просила сдѣлать мой характеръ мягче и быть къ людямъ привѣтливѣе, и затѣмъ нашему брату, сестрѣ моей и мнѣ поручила нашего отца. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ тихаго сосредоточенія, она заснула вѣчнымъ сномъ. и помню, ея последнее дыханіе смолкло въ тотъ мигъ, когда пронзительные крики раздавались на улицѣ Парижа.

Да, именно для нашей семьи солнце его зашло навсегда, и именно холодно стало, и именно темно стало. Въ ней угасла настоящая дочь Карамзина. огонь и свѣ-

точъ ума, любви къ Россіи, правда и благородство сразу потухли для насъ съ ея кончиною.

Слова, сказанныя ею въ смертный часъ мнѣ, я, разумѣется, воспринялъ въ душу, какъ святѣйшій изъ завѣтовъ. И если я вношу эти подробности въ свои воспоминанія, то дѣлаю это при мысли о тѣхъ изъ читателей моихъ, которыхъ эта интимная сторона человѣческой жизни можетъ интересовать какъ тема для размышленій, подчасъ полезныхъ и для его жизни. Блаженъ, кто въ жизни слышитъ предсмертные совѣты любимой имъ матери, ибо самое трудное изъ трудныхъ дѣлъ жизни, самоисправленіе, благодаря этимъ вѣчно громкимъ въ душѣ звукамъ становится легче... Да, они вѣчно громки въ душѣ моей эти слова и только имъ я обязанъ тѣмъ, что работалъ надъ своимъ характеромъ, сколько могъ, и если мало, быть можетъ, сдѣлалъ для его улучшенія, все же не далъ ни жизни, ни событіямъ и людямъ сдѣлать его хуже. И сколько разъ послѣ въ минуту, когда, подвластный своей природѣ, я собирался съ первыхъ ея размаховъ быть съ человѣкомъ непривѣтливымъ, вдругъ припоминался мнѣ предсмертный голосъ, полный любви и кротости моей матери, и я дѣлался привѣтливымъ. И эти отдѣльныя, разовыя усилія въ борьбѣ съ своею натурою не пропадаютъ безслѣдно,—вотъ то отрадное убѣжденіе, которое они мнѣ дали; они исподволь и незамѣтно улучшаютъ общій строй духовной личности, и фактъ, что предсмертный голосъ матери не далъ мнѣ стать характеромъ хуже,—что въ жизни такъ естественно, — и есть доказательство того общаго дѣйствія на духовный организмъ, который могутъ имѣть отдѣльныя и разовыя попытки къ самоисправленію.

Тѣло моей матери, положенное въ гробъ, было въ за-

крытомъ фургонѣ перевезено въ нашу церковь. Тяжела смерть въ гостинницѣ для близкихъ умершаго. Этотъ страхъ, чтобы она, пугая другихъ, не принесла убытокъ, эта необходимость молиться въ полголоса, эта поспѣшность увозить тѣло, эта враждебность всей окружающей васъ атмосферы къ таинству смерти, все это вмѣстѣ прибавляетъ къ печали много горькаго и тяжелаго...

Послѣ отпѣванія я повезъ гробъ на вокзалъ, и съ нимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Берлинѣ я былъ утѣшенъ найденнымъ въ посольствѣ письмомъ Цесаревича ко мнѣ, написаннымъ для того, чтобы высказать мнѣ свое сочувствіе по случаю постигшаго меня горя... Въ этомъ письмѣ я нашелъ столько душевнаго чувства, столько деликатности въ обращеніи съ этимъ чувствомъ, и такое отсутствіе *принятой фразы*, что съ одной стороны я понялъ, что молодая душа счастливаго Цесаревича уже глубоко познакомилась съ таинствомъ печали о смерти, а съ другой стороны, какъ будто развернулась новая складка въ его мірѣ чувствъ, на видъ казавшемся такъ часто скупымъ...

Въ моемъ первомъ предположеніи я не ошибся, ибо когда, по возвращеніи въ Петербургъ, я свидѣлся съ Цесаревичемъ, Онъ сказалъ мнѣ: Я узналъ въ Ниццѣ, какъ ужасна эта тоска послѣ смерти любимаго существа, которая вдругъ охватываетъ...

Два брата моей матери, Карамзины, и второй братъ мой, преображенецъ, и друзья и близкіе встрѣтили дорогой гробъ и проводили его до Невской лавры...

На другое утро состоялось погребеніе.

Старику князю Вяземскому, дядѣ моей матери, я передалъ, что, умирая, она послала ему и женѣ его прощальный привѣтъ.

— Да,—сказалъ старикъ.—это была женщина сердца и правды... достойная дочь своего великаго отца...

И у подножія безсмертнаго отца она слегла въ свою могилу.

VII.

(1867—1869 года).

Мои вечернія бесѣды.—Цесаревичъ въ Ниццѣ.—Выборъ гофмаршала Цесаревичемъ.—Моя поѣздка въ Сѣверо-Западный край съ порученіемъ Цесаревича.—Школьное дѣло.—П. Н. Батюшковъ.—Потаповскій coup d'état.

Въ эту зиму на 1868 годъ я предложилъ Цесаревичу устраивать въ его честь маленькія бесѣды за чашкою чая съ такими людьми, которые были Ему симпатичны, и между которыми живая бесѣда о вопросахъ русской жизни могла быть для Него занимательна. Цесаревичъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и аккуратно удостоивалъ эти скромныя собранія Своимъ присутствіемъ. Бесѣды за самоваромъ длились отъ девяти до двѣнадцати. Къ двѣнадцати подавался ужинъ. Затѣмъ, бесѣда продолжалась до двухъ часовъ, а иногда Цесаревичъ такъ увлекался разговорами, такъ заинтересовывался вопросами и спорами, что оставался и до 3 часовъ утра... Собесѣдниками бывали: К. П. Побѣдоносцевъ, князь С. В. Урусовъ, князь Дм. А. Оболенскій, князь В. А. Черкасскій, графъ А. К. Толстой, Н. А. Качаловъ, Галаганъ, Катковъ и Аксаковъ, когда они бывали въ Петербургѣ, и адъютанты Цесаревича. Изъ этого перечня именъ можно видѣть, что сходились тутъ умные люди разныхъ, такъ сказать, направленій, и именно это различіе во взглядахъ и придавало бесѣдамъ тотъ живой интересъ спора по вопро-

самъ, который такъ любилъ Цесаревичъ, любилъ, какъ Онъ говорилъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что Онъ наслаждался оживленіемъ рѣчи, и во-вторыхъ, потому, что Онъ, прислушиваясь къ этимъ спорамъ, съ своимъ здравымъ, простымъ и чуткимъ умомъ, составлялъ себѣ о вопросахъ мнѣніе, котораго ни въ дѣлахъ, ни въ книгахъ никакъ нельзя было бы найти...

Съ благоговѣйною памятью ко многимъ, уже давно уснувшимъ въ могилѣ изъ тогдашнихъ собесѣдниковъ, я невольно вспоминаю о томъ тактѣ, который царилъ на этихъ бесѣдахъ, и къ коему вдохновляли то обаяніе и та любовь, которыя къ себѣ внушала прелестная личность Цесаревича.

Во имя этого такта никогда вопросы не ставились на почву либеральнаго увлеченія, никогда никто не забывалъ, что присутствіе Цесаревича обязывало къ строгому уваженію высшаго правительства тамъ, гдѣ обсуждались мѣры его; всѣ имѣли въ Сынѣ Отца и Отца въ Сынѣ...

Но не взирая на то, мнѣ скоро пришлось убѣдиться съ грустью, что въ этомъ, какъ и во всемъ, находятся люди, заинтересованные портить подозрѣніями самое невинное и самое хорошее. Какъ-то разъ, при случайной встрѣчѣ со мною, графъ П. А. Шуваловъ, съ своею тонкою дипломатическою улыбкою спросилъ меня: не заходятъ ли подчасъ слишкомъ далеко нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ въ своихъ политическихъ сужденіяхъ?.. Я на это ему отвѣтилъ, что никогда, и въ этомъ отношеніи не боялся бы самыхъ чуткихъ ушей какого-угодно агента тайной полиціи. Нѣсколько времени спустя, одинъ очень близкій къ Государю человѣкъ говоритъ мнѣ, что Государю передавали, будто на моихъ вечернихъ бесѣ-

дахъ ведутся неправительственныя бесѣды: на мой вопросъ: неужели же Государь можетъ вѣрить такимъ заявленіямъ? Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ,—но все-таки примите это къ свѣдѣнію...—А самое лучшее, знаете что,—говорю я ему, пріѣзжайте сами на такой вечеръ, послушайте, и затѣмъ передайте Государю ваше впечатлѣніе. Хорошо,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—и, дѣйствительно, онъ пріѣхалъ и пробылъ цѣлый вечеръ до 2½ часовъ.

Ну, что?—спросилъ я его.—Я скажу Государю,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—что испыталъ большое наслажденіе и революціонныхъ рѣчей не слыхалъ. Благодаря этому наши бесѣды перестали быть подозрительными.

Съ конца февраля мѣсяца по средину апрѣля я пробылъ съ отцомъ моимъ въ Ниццѣ, когда къ 12 апрѣля прибыли Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ для присутствованія при открытіи часовни на томъ мѣстѣ въ бывшей виллѣ Бермонъ, гдѣ скончался покойный Цесаревичъ. Мнѣ было поручено Цесаревичемъ приготовить ему помѣщеніе въ гостинницѣ, и вообще все, что до его пріѣзда въ Ниццу могло относиться, и уѣзжая, Цесаревичъ съ ласковою улыбкою сказалъ мнѣ, что остался своимъ походнымъ гофмаршаломъ вполнѣ доволенъ. Церемонія освященія была сдѣлана елико возможно торжественно, со всѣми военными мѣстными почестями. Въ Ниццѣ Цесаревичъ пробылъ около двухъ дней. Странное дѣйствіе производитъ Ницца. Графъ Перовскій, сопровождавшій Цесаревича, жаловался на полную безсонницу съ минуты, какъ онъ пріѣхалъ въ Ниццу, я-же съ утра до вечера испытывалъ небывалую сонливость.

Къ концу апрѣля я вернулся въ Петербургъ.

6-го мая у Цесаревича родился первый сынъ въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ.

Въ третьемъ часу дня я вошелъ въ его кабинетъ, ожидая его появленія съ понятнымъ волненіемъ. Дверь отворилась и онъ вошелъ, буквально сіявшій счастьемъ. Выразительнымъ въ своихъ чувствахъ онъ никогда не былъ, но на этотъ разъ счастье, такъ сказать, насильно вырывалось наружу, и не забуду того выраженія, того звучнаго сладостнаго тона, съ которымъ онъ сказалъ мнѣ: если бы вы могли понять мое счастье, вы бы, пожалуй, позавидовали мнѣ. Цесаревичъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ прогуляться въ Павловскъ... По обыкновенію, онъ сѣлъ на козлы въ свой англійскій экипажъ, чтобы править самому, а я сѣлъ рядомъ, и мы отправились въ Павловскъ... Павловскій паркъ былъ любимымъ мѣстомъ гулянья Цесаревича и его покойнаго Брата, съ самаго ранняго дѣтства...

Съ каждымъ уголкомъ, съ каждою аллеею было связано какое-нибудь дѣтское воспоминаніе.—День былъ прелестный, майское солнце грѣло весело и тепло, на душѣ счастливаго Отца было такъ легко, такъ весело, что мнѣ казалось, слушая его поэтическія воспоминанія, его привольныя изліянія молодой наслаждающейся души, что Его рѣчи сливались съ пѣніемъ обрадовавшихся веснѣ птичекъ въ одинъ аккордъ...

Это поэтично счастливое настроеніе духа у Цесаревича продолжалось все лѣто и переселилось въ Петергофъ, куда, послѣ поправленія Цесаревны, совершился переѣздъ въ іюлѣ...

Въ это время Цесаревичу понадобился гофмаршалъ для Его двора, взамѣнъ В. Д. Скарятина. Мысль Его тогда остановилась на генералъ-адъютантѣ Ахматовѣ.

бывшемъ извѣстное время оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, и къ которому Цесаревичъ сохранилъ симпатію.

Ахматовъ тогда жилъ въ своемъ имѣніи въ Арзамазскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и Цесаревичъ поручилъ мнѣ къ нему съѣздить въ деревню, чтобы отвезти ему его письмо съ предложеніемъ. Я поѣхалъ съ предчувствіемъ неудачи, такъ какъ зналъ о болѣзненномъ состояніи Ахматова. Пріѣхавши къ нему въ деревню, увы, я убѣдился, что дѣйствительность хуже того, что я ожидалъ, ибо я засталъ бѣднаго Ахматова въ очень тяжеломъ періодѣ чахотки, при которомъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи даже о передвиженіи его куда бы то ни было. Пришлось съ этимъ печальнымъ non possumus вернуться, и тогда выборъ Цесаревича остановился на Василіи Васильевичѣ Зиновьевѣ, который въ этой должности оставался до своей смерти...

Кстати о Зиновьевѣ. Въ 1868 году кончилъ свою блестящую и поистинѣ чудотворную дѣятельность комитетъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ братьевъ Зиновьевыхъ, Николая Васильевича. Когда кончалъ комитетъ свое дѣло,—громадное и святое,—тогда Цесаревичъ поручилъ Н. В. Зиновьеву составить всеподданнѣйшій докладъ о награжденіи всѣхъ членовъ комитета достойнымъ образомъ, причемъ прямо сказалъ, чтобы награды были даны по заслугамъ, а не по порядку, какъ очередныя награды, такъ какъ заслуги главнѣйшихъ дѣятелей онъ признавалъ выходившими изъ ряда. Н. В. Зиновьевъ поступилъ такъ, какъ ему приказалъ Цесаревичъ, и тогда, по желанію Цесаревича, препроводилъ докладъ о наградахъ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву для доклада Государю. Тимашевъ желалъ показать себя въ этомъ

дѣлѣ, и, вмѣсто доклада, представилъ Государю, что такъ какъ всѣ, испрашиваемыя Цесаревичемъ награды совсѣмъ выходили изъ ряда обыкновенныхъ, то не слѣдуетъ ли весь этотъ докладъ передать въ комитетъ министровъ для соглашенія его съ существующими о наградахъ правилами. На это послѣдовало Высочайшее согласіе. Цесаревичъ глубоко оскорбился такимъ болѣе чѣмъ страннымъ поступкомъ Тимашева, и приказалъ Зиновьеву потребовать представленіе о наградахъ назадъ, сказавши, что если такъ, то онъ отказывается отъ представленія къ наградамъ своихъ сотрудниковъ. Такъ дѣло и остановилось. Но, не за долго до 30 августа, Н. В. Зиновьевъ поѣхалъ къ Государю въ Царское Село, и, разсказавъ Ему все дѣло и насколько Цесаревичъ былъ оскорбленъ судьбою своего доклада, просилъ Государя утвердить первоначальный докладъ, что Государь немедленно и сдѣлалъ.

Въ Вильну послѣ преемниковъ графа Муравьева столь серьезныхъ, какъ были генералы Кауфманъ и графъ Барановъ, выборъ на должность генералъ-губернатора палъ на генералъ-адъютанта Потапова...

Потапова по семейнымъ отношеніямъ къ Оболенскимъ я зналъ чуть ли не съ дѣтства, и всегда помнилъ его въ видѣ очень маленькаго человѣчка, который изъ кожи лѣзъ, чтобы восполнить свой недостаточный ростъ избыткомъ важности для своей внѣшней фигуры; онъ до страсти любилъ, какъ говорятъ нѣмцы, sich wichtig zu machen, и нерѣдко потому казался смѣшнымъ. Вотъ почему, когда началось видимое повышеніе Потапова, въ должности петербургскаго оберъ-полиціймейстера, потомъ помощника шефа жандармовъ, и затѣмъ наказнаго атамана Войска Донского, и генералъ-губернатора въ Западномъ краѣ, казалось непостижимымъ: какая-де такая

особенно счастливая звѣзда ведетъ такъ быстро этого маленькаго человѣчка въ великіе люди...

Когда его назначили въ Вильну, Потаповъ какъ будто возымѣлъ мысль ѣхать туда для свершенія какой то особенной русской православной миссіи.

Я упоминаю объ этомъ потому, что никогда на своемъ вѣку не приходилось слышать о такой противоположности между тѣмъ, что человѣкъ собирается сдѣлать, и тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, какъ въ томъ, что случилось съ Потаповымъ...

Слушая его до отъѣзда въ Вильну, можно было предвидѣть, что никогда русскому дѣлу не будетъ такъ хорошо въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ съ минуты пріѣзда Потапова въ этотъ край... Изъ устъ его текли медовыя рѣчи... Но мало этого: онъ поспѣшилъ нѣкоторыми личными выборами главныхъ должностныхъ лицъ показать, что его слова не расходятся съ дѣломъ. Къ такимъ назначеніямъ слѣдуетъ отнести назначеніе Помпея Николаевича Батюшкова, извѣстнаго ревнителя православія и русской церковной старины, въ попечители виленскаго учебнаго округа, а затѣмъ предложеніе, сдѣланное вице-адмиралу Шестакову, имѣвшему репутацію энергичнаго и умнаго русскаго человѣка, принять постъ виленскаго губернатора. Шестаковъ принялъ этотъ постъ.

Кстати здѣсь сказать, что Шестаковъ, одна изъ свѣтлыхъ личностей нашего флота, былъ не единственный опытный и способный морякъ, котораго новыя вѣянія во флотѣ, преимущественно тѣ, которыя собою олицетворилъ Краббе, человѣкъ не глупый и даровитый, но совсѣмъ чужой семьѣ нашихъ моряковъ разлучили съ флотомъ. Изъ флота ушелъ въ губернаторы тоже изъ

лучшихъ моряковъ адмиралъ Унковскій, какъ ушелъ и адмиралъ Лихачевъ.

Нужда въ дѣлѣ побудила Шестакова идти, подобно Унковскому, въ губернаторы.

Но увы, не долго длились розовыя надежды, возложенныя на Потапова русскими людьми, и золотыя мечтанія, съ которыми такіе доблестные люди, какъ Батюшковъ и Шестаковъ, взялись за свое дѣло.

Очень скоро оказалось, что Потапову нужно было произвести извѣстное впечатлѣніе выборомъ такихъ лицъ, какъ Батюшковъ и Шестаковъ, и что на дѣлѣ они ему вовсе не были нужны, какъ самостоятельные дѣятели.

Мелочность Потаповской личности стала сказываться съ самаго начала. Едва только заговорили въ краѣ о дѣятельности новаго виленскаго губернатора, и о томъ, какъ сразу полюбили въ виленскомъ учебномъ округѣ новаго попечителя, Потаповъ сталъ хмуриться, въ немъ заговорила мелочная зависть, и онъ сталъ испытывать уколъ своему самолюбію во всемъ, что было знакомъ сочувствія къ его сотрудникамъ. Рядомъ съ этимъ явилось вліяніе на Потапова прекраснаго пола польскихъ красавицъ, и само собою разумѣется, что въ этой средѣ, гдѣ съ успѣхомъ прелести польки соединяется и умъ поляка, не мало было охотниковъ эксплуатировать эту ревность по власти Потапова относительно своихъ сослуживцевъ, возбуждая разными сплетнями недовѣріе и подозрительность къ нимъ Потапова.

А между тѣмъ, дѣло народной школы въ Вильнѣ, начатое и поставленное И. П. Корниловымъ прекрасно, шло столь же прекрасно при Батюшковѣ. Я получилъ возможность въ этомъ лично убѣдиться. Батюшковъ меня

пригласилъ къ себѣ въ округъ взглянуть на школы. Когда о моей поѣздкѣ узналъ Цесаревичъ, очень любившій и уважавшій Батюшкова, онъ пожелалъ дать ему доказательство своего сочувствія, и поручилъ мнѣ отвезти въ молодечанскую учительскую семинарію отъ себя и отъ цесаревны большую икону, съ изображеніемъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Кромѣ того, онъ послалъ туда же портреты Цесаревны и свой. На своемъ портретѣ онъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «учитесь и учите въ духѣ любви къ нашей православной вѣрѣ, къ нашему возлюбленному Царю, и дорогой нашей Руси»; затѣмъ, допущенный передъ отъѣздомъ къ аудіенціи у Императрицы, я попросилъ у Нея позволенія раздавать отъ Ея Имени маленькія фотографическія карточки Государя и Ея лучшимъ ученикамъ народныхъ школъ. Императрица съ удовольствіемъ на это изъявила Свое согласіе. Я очень далекъ былъ тогда отъ мысли, что столь отрадное для дѣла народной школы въ Западномъ краѣ проявленіе къ нему участія свыше—превратится потомъ въ цѣлую бурю политическихъ инцидентовъ, благодаря Потапову и его духовнымъ свойствамъ.

Впрочемъ, по гримасѣ, которую я встрѣтилъ на лицѣ Потапова, бывшаго тогда въ Петербургѣ, когда я передъ отъѣздомъ пріѣзжалъ къ нему, по долгу оффиціальной вѣжливости, и передалъ ему о драгоцѣнныхъ знакахъ Царскаго вниманія, которые везу съ собою, я могъ догадаться, что въ Потаповѣ найду недоброжелателя. Эта гримаса усилилась, когда на милостивое приглашеніе Потапова остановиться въ Вильнѣ у него въ замкѣ, я отвѣтилъ благодарностью и сказалъ, что остановлюсь у Батюшковыхъ, такъ какъ они мнѣ предложили свое гостепріимство.

Поѣздка эта была преисполнена самыхъ отрадныхъ впечатлѣній. Въ Молодечнѣ, въ ста съ лишнимъ верстахъ отъ Вильны, мы застали дѣйствительно прекрасный разсадникъ молодыхъ народныхъ учителей изъ мѣстныхъ крестьянъ, то-есть изъ лучшихъ учениковъ мѣстныхъ школъ, съ глубоко симпатичными личностями учебнаго персонала, начиная съ директора и кончая священникомъ. Я здѣсь впервые понялъ на дѣлѣ, что значитъ духовное или умственное развитіе. чудесно совершаемое такою школою—гдѣ церковь, наука и любовь къ ученикамъ соединяются въ одно цѣлое воспитательное образованіе. Я здѣсь впервые постигъ, какая бездна отдѣляетъ развитіе въ смыслѣ нашей интеллигенціи, сухое, безсердечное, холодное и мертвое отъ этого теплаго, живого и именно развивающаго всю духовную личность ученика развитія. Веселые, открытые взгляды, откровенность и прямота. честность въ духовномъ настроеніи и благородная свобода въ проявленіяхъ своей личности — вотъ тѣ черты, которыя меня здѣсь столь пріятно поразили и повтореніе коихъ я нашелъ въ каждой видѣнной мною здѣсь народной школѣ.

Затѣмъ, столь же сильны и пріятны были воспоминанія отъ дружнаго единенія, связывавшаго весь педагогическій персоналъ округа въ одну семью, живущую однимъ и тѣмъ же убѣжденіемъ, однимъ и тѣмъ же чувствомъ и, слѣдовательно, одиѣми цѣлями, одиѣми заботами и одиѣми радостями. Округъ изображалъ собою кипящій жизнью улей, гдѣ все работало не казенною, а душевною работою. Нужно ли говорить, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ были приняты дары Цесаревича и Его Супруги въ молодечанской семинаріи, и съ какимъ чувствомъ безпредѣльной радости лучшія крестьянскія дѣти въ шко-

лахъ принимали даренные имъ царскіе портреты и, принявши, ихъ цѣловали.

Но по пріѣздѣ въ Петербургъ пришлось, какъ отъ волшебнаго сна, вернуться къ печальной дѣйствительности. Оказалось, что Потаповъ, вѣрный своимъ маленькимъ чувствамъ зависти и самолюбія, вознегодовалъ и на то, что Батюшкову оказано было Цесаревичемъ такое сочувственное вниманіе, и на меня за то, что я съ своею частною поѣздкою дерзнулъ соединить такія проявленія Царской милости къ народной школѣ въ Западномъ краѣ, и онъ отправился жаловаться Государю, съ одной стороны, на то, что Батюшковъ является проводникомъ какой то русско-мужицкой политики въ Западномъ краѣ народныхъ школъ, а съ другой стороны—на меня за то, что, дескать, царскіе портреты, которые даются самымъ высшимъ сановникамъ, какъ высшій знакъ милости, я позволяю себѣ раздавать какимъ то босоногимъ крестьянскимъ мальчишкамъ. Разумѣется, буря эта ничѣмъ не кончилась, но она была началомъ войны между Потаповымъ и Батюшковымъ, и разъ навсегда устранила возможность повторенія такой драгоцѣнной для народной школы Царской милости, какъ раздача царскихъ портретовъ лучшимъ ученикамъ.

Іезуитскія толкованія Потапова возымѣли свое дѣйствіе.

Въ первой половинѣ 1869 года разыгрался потаповскій coup d'état въ Вильнѣ, надѣлавшій въ Петербургѣ много шуму, и окончившійся, противно всѣмъ ожиданіямъ, торжествомъ Потапова.

Скандалъ этотъ былъ вызванъ знаменитыми потаповскими *циркулярами*. Циркуляры эти были ni plus, ni moins, какъ замѣчательныя по дерзости своей попытки Пота-

пова—все шестилѣтнее дѣло его предшественниковъ на почвѣ крестьянскаго вопроса и урегулированія отношеній къ нимъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ — свести на нѣтъ. Для этого Потаповъ издалъ циркуляры, въ силу которыхъ онъ требовалъ отъ губернаторовъ Западнаго края пріостановить повсемѣстно дѣло выкупныхъ операцій, съ цѣлью, какъ онъ, впрочемъ, самъ того не скрывалъ, выговорить панамъ-помѣщикамъ болѣе выгодныя условія противъ тѣхъ, которыя положены были въ основу прежними генералъ-губернаторами.

Получивши эти циркуляры, виленскій губернаторъ Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Шестаковъ отказался ихъ принять къ исполненію, и сообщилъ о томъ Потапову. Потаповъ отвѣтилъ на такое представленіе Шестакова категоричнымъ подтвержденіемъ. Шестаковъ тогда сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ. Тогда поединокъ перенесся въ Петербургъ, куда прибыли Потаповъ и Шестаковъ. И вотъ, тогда-то случилось то, что всѣхъ въ то время и удивило и смутило. Главный крестьянскій комитетъ, согласно *представленію* Шестакова, положилъ свое veto на потаповскіе циркуляры, которые были признаны не законными и non avenues, Потаповъ оказался кругомъ виноватымъ, а слетѣлъ съ своего мѣста Шестаковъ. Мало этого, въ безсиліи бороться съ навѣтами, на него взведенными Государю Потаповымъ, ко всеобщему смущенію честныхъ людей, Шестакову пришлось дать собою небывалое зрѣлище—свиты Государя контръ-адмирала, выходящаго въ отставку и надѣвающаго штатское платье... Тогда торжествующій Потаповъ, чтобы дать своей побѣдѣ еще болѣе полноты и еще болѣе блеску, добился того, чтобы вынудить и Батюшкова, ставшаго ему своею честностью и стойкостью ненавистнымъ, просить объ уволь-

ненія отъ должности попечителя учебнаго округа. Но и этого оказалось мало для удовлетворенія тщеславія и жалкаго самолюбія этого злого генія Западнаго края. Вернувшись тріумфаторомъ въ Вильну, онъ предпринялъ цѣлую razzia противъ мировыхъ посредниковъ, будто бы виновныхъ въ томъ, что слишкомъ проникнуты были Муравьевскимъ духомъ, и по щучьему велѣнію Потаповскихъ креатуръ край сталъ наводняться такими мировыми посредниками, которые въ угоду Потапову поспѣшили доказать свое усердіе топтать въ грязь знамя русскаго человѣка...

Не могу при этомъ, для характеристики эпохи, не вспомнить, какимъ глубокимъ огорченіемъ отозвалось въ сердцѣ Цесаревича это печальное политическое событіе. Оставаться простымъ зрителемъ этого эпизода не позволяли ему ни его русское сердце, ни его личныя чувства уваженія къ Батюшкову и къ Шестакову, ни его благородный правдолюбивый характеръ, и Онъ явился защитникомъ обоихъ передъ лицомъ своего Родителя-Государя, но защитники Потапова оказались сильнѣе, сильнѣе тѣмъ, что они не отступили передъ клеветою, а на такой почвѣ Цесаревичу бороться съ сторонниками Потапова не приходилось, и русское дѣло въ Западномъ краѣ въ торжествѣ Потапова получило ударъ, отъ котораго оно, въ сущности, не оправилось доселѣ.

Это былъ самый мрачный моментъ въ исторіи Западнаго края. Съ одной стороны, весь край зналъ, откуда, изъ какихъ виленскихъ салоновъ и изъ какихъ сѣтей исходила политика русскаго генералъ-губернатора, политика, направленная противъ всего, что носило характеръ муравьевской эпохи, а съ другой стороны, какъ я сказалъ выше, край сталъ наполняться русскими людьми

такого подбора, которые, кромѣ того, что срамили русское имя, являлись всюду русскими представителями какого-то разстлѣвающаго пресмыканія передъ капризами виленскаго деспота, и уничтожали почву, на которой съ 1863 года работали генералъ-губернаторы для умиротворенія и упорядоченія края. Лозунгомъ въ краѣ было равнодушіе къ русской политикѣ, и русскій, произносившій имя Муравьева съ уваженіемъ, былъ признаваемъ вреднѣе и неблагонадежнѣе поляка, произносившаго съ восторгомъ имя Огрицко или Сѣраковскаго.

Здѣсь долженъ съ грустнымъ упрекомъ остановиться на фигурѣ тогдашняго всемогущаго историческаго дѣятеля, шефа-жандармовъ, графа Шувалова.

Прекрасную роль могъ-бы въ потановскомъ эпизодѣ сыграть графъ Шуваловъ, роль безпристрастную и спокойно-безличную, которая, несомнѣнно, привела бы его совѣтовать Государю большую осторожность въ довѣріи къ Потанову, но, къ сожалѣнію, роль, сыгранная гр. Шуваловымъ въ этомъ вопросѣ, оказалась совсѣмъ противоположною. Онъ руководствовался только симпатіями товарища къ Потанову и отчасти никогда не смолкавшими въ немъ симпатіями польскими и, насколько могъ, помогъ потановской побѣдѣ.

VIII.

(1869—1870 годъ).

олѣтіе Георгіевскаго праздника.—Берлинскія симпатіи.—Наша дипло-тія.—Европа до войны 1870 года.—Новое назначеніе министра путей общенія.—Характеристика времени около графа Бобринскаго.—Проснувшаяся комиссія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.—Провалъ тимашевскаго проекта.—Его квіетизмъ.—Иной характеръ пріемовъ и отношеній къ дѣлу у гр. Д. А. Толстого.

Въ концѣ 1869 года имѣло мѣсто военно-патріотическое торжество, которое тоже явилось поводомъ задѣть а живо русскія чувства. Торжество это было празднованіе столѣтія Георгіевскаго ордена 26 ноября. Нечего и оворить, какъ патріотично и благородно были настроены ъ этотъ день всѣ наполнявшіе залы Зимняго Дворца усскіе люди, во главѣ которыхъ самое почетное мѣсто анимало множество съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи кавалеровъ Георгія, героевъ этого дня. Фактъ, что Государь, какъ гросмейстеръ Георгіевскаго ордена, надѣлъ на себя Георгіевскую ленту, — всѣмъ пришелся по душѣ... Передъ нами явились давно забытые образы славныхъ севастопольцевъ, давшихъ празднику, такъ сказать, колоритъ и отпечатокъ героической святости. Словомъ, всѣ были прекрасно и высоко настроены, какъ вдругъ разнеслось извѣстіе, что старикъ Вильгельмъ, король прусскій, пожалованъ въ георгіевскіе кавалеры 1-й степени... Одинъ кавалеръ Русскаго Георгія 1-й степени на землѣ—

прусскій король! Больно и обидно стало за Суворовыхъ, Потемкиныхъ, Кутузовыхъ, носившихъ эту славную ленту!

Впечатлѣніе это нашло для себя подготовленную почву, ибо послѣднія пять лѣтъ нашей иностранной политики,— всецѣло посвященной культу Пруссіи, старика Вильгельма и Бисмарка, находили мало симпатій въ русскомъ обществѣ, въ особенности съ той поры, когда Берлинъ сталъ отъ насъ требовать чуть ли не одобренія возмутительныхъ дѣйствій насилія и захвата, предпринятыхъ Бисмаркомъ въ Даніи и затѣмъ войны Пруссіи съ Австріею. Всѣ помнили, какъ на лондонской конференціи изъ-за голштинскаго вопроса нашъ посолъ Бруновъ безсильно протестовалъ противъ вопіющаго цинизма Бисмарковскихъ вызововъ; всѣ помнили, какъ двѣ арміи, прусская и австрійская, ворвались въ Данію и праздновали свою побѣду надъ *грознымъ* и *сильнымъ* противникомъ, и какъ Россія на все это смотрѣла глазами нейтралитета; наконецъ, всѣ помнили, какъ послѣ Кенигреца Россія потребовала конгрессъ для разрѣшенія австро-прусскаго и итальянскаго недоразумѣнія, и какъ въ отвѣтъ на это Бисмаркъ позволилъ себѣ не только отклонить конгрессъ, но даже высказать по адресу Россіи дерзкія угрозы, и вотъ когда 26 ноября Вильгельму послѣ всего, что помнили, данъ былъ Георгіевскій орденъ первой степени, естественно, всѣ съ грустью въ сердцѣ восприняли это извѣстіе, всѣ поняли, также, что дерзкій отказъ Пруссіи созвать конгрессъ послѣ Кенигреца великодушно прощался. Двѣнадцать лѣтъ спустя Бисмаркъ потребовалъ Россію на конгрессъ въ Берлинъ...

Немедленно это событіе было оглашено въ печати появленіемъ въ ней текста телеграммъ, именно по слу-

чаю Георгіевскаго праздника обмѣнивались оба монарха Были двѣ телеграммы: отъ Вильгельма и одна отъ нашего Государя.

Первая телеграмма отъ Вильгельма была слѣдующая:

«Приношу Вамъ мое поздравленіе съ сегодняшнимъ прекраснымъ праздникомъ, за которымъ я слѣжу мысленно, съ часу на часъ. Полковникъ Вердеръ только-что сообщилъ мнѣ о великой чести, коей Вы его удостоили, и я благодарю Васъ за это изъ глубины сердечной».

Затѣмъ, послѣдовала телеграмма Государя къ Вильгельму:

«Благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское письмо ваше, присланное съ Альбрехтомъ (принцъ Альбрехтъ прибылъ на Георгіевскій праздникъ), и въ минуту отправленія на военное торжество позвольте предложить вамъ отъ имени всѣхъ кавалеровъ св. Георгія первую степень этого ордена, принадлежащую вамъ по праву. Мы всѣ будемъ гордиться, видя васъ украшеннымъ ею. Желаю, чтобы вы усмотрѣли въ ней новое доказательство соединяющей насъ дружбы, зиждущейся на воспоминаніяхъ вѣчно памятной эпохи, когда обѣ наши арміи сражались за святое дѣло. Я позволилъ Себѣ дать крестъ четвертой степени вашему адъютанту Вердеру».

На это Вильгельмъ отвѣчаетъ:

«Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ, обнимаю васъ, благодарю за честь, на которую не смѣлъ разсчитывать, но вдвойнѣ осчастливленъ я способомъ, коимъ вы мнѣ объ ней сообщаете. Безъ сомнѣнія, я вижу въ ней новое доказельство нашей дружбы и память о великой эпохѣ, когда наши обѣ арміи сражались за одно святое дѣло. Во имя этой самой дружбы и того же вос-

поминанія осмѣливаюсь просить васъ принять мой орденъ pour le mérite. Армія моя будетъ гордиться, видя васъ носящимъ этотъ орденъ. Да хранитъ васъ Богъ»...

Телеграммы эти читались въ гостинныхъ петербургскаго свѣта, и коментировались на всѣ лады. Все, что жужжало около Горчакова, находило эти изліянія трогательными и умилялось; нѣмцы и ихъ единомышленники видѣли въ этомъ новый знакъ торжества Берлина, и только неоффиціальные русскіе, высказывали свои размышленія въ видѣ aparte, не ладившаго съ оффиціальнымъ настроеніемъ минуты. Въ своей телеграммѣ Государь первый заговорилъ о воспоминаніяхъ 1812 года и нашего братства по оружію. Но какое же это было братство, когда уничтоженная до основанія Пруссія и король безъ государства были возвращены къ жизни только заступничествомъ у Наполеона Русскаго Императора, и немедленно послѣ этого Пруссія одновременно вела двойные переговоры съ Франціею, измѣняя Россіи, и такіе же переговоры вела съ Россіею, измѣняя Франціи? И вотъ. пятьдесятъ лѣтъ спустя, та же Пруссія, благодаря исключительно Россіи, получаетъ возможность уже сдѣлаться самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ, подъ ея главенствомъ объединяется Германія въ одну вооруженную силу, и не задолго до обмѣна этими телеграммами, въ благодарность Россіи за все, что она сдѣлала для Пруссіи, Бисмаркъ, какъ я говорилъ выше, двукратно самымъ дерзкимъ образомъ объявляетъ Россію *лишенною права* вмѣшиваться въ политику захватовъ и военныхъ насилій, осуществляемую Бисмаркомъ, кончившуюся передѣлкою европейской карты по приказу и по капризу одного Бисмарка. При этихъ условіяхъ легко понять, какою злою ироніею отзывались въ мысляхъ русскихъ лю-

дей тѣ изліянія дружбы и братства, которыми такъ щедро надѣлялъ притворно добродушный старикъ Вильгельмъ своего благодѣтеля Русскаго Монарха. Въ этомъ отношеніи роль иностранной политики Россіи совсѣмъ была непостижима. Въ 1807 году, когда Наполеонъ рѣшаетъ уничтожить прусское королевство, какіе русскіе интересы могли побудить Александра I уступками насчетъ Россіи спасать прусскаго короля,—никто понять не могъ. Еще менѣе кто-либо могъ понять, какіе интересы русскіе могли побудить 8 лѣтъ спустя на вѣнскомъ конгрессѣ весь свой авторитетъ и весь свой престижъ употребить только на усиленіе маленькой Пруссіи. Въ 1848 году для всѣхъ осталось тайною, какіе русскіе интересы могли побудить Николая спасать Пруссію отъ революціи. Наконецъ, теперь, въ шестидесятыхъ годахъ, какъ могъ русскій умъ понять свое согласіе на ограбленіе Даніи въ пользу Германіи, и на пражскій трактатъ послѣ пораженія Австріи,—превратившій Пруссію въ громадную Германію! Вѣдь, послѣдуй только въ 1864 году одинъ энергичный протестъ Россіи противъ Бисмарка, и Бисмаркъ никогда бы не посмѣлъ тогда идти на датскій разбой.

Въ протестахъ, кстати здѣсь вспомнить, со стороны русской дипломатіи недостатка за это время не было, но одного въ нихъ недоставало,—того именно, что въ изобиліи было у Бисмарка, энергіи, и именно спеціальность политики нашей дипломатіи заключалась въ комической маніи протестовать и, затѣмъ, потерпѣвши фіаско, раскланиваться и уходить. По критскому вопросу Горчаковъ храбро повелъ иниціативу Россіи, съ цѣлью склонить Порту къ уступкѣ въ пользу возставшихъ критянъ. Во главѣ европейскаго концерта, онъ требуетъ или отдачи

Крита Греціи или, *по меньшей мѣрѣ*, автономіи Крита. Графъ Игнатьевъ торжественно вручаетъ коллективную ноту Портѣ; Порта ее беретъ, разсматриваетъ, отвѣчаетъ отказомъ наотрѣзъ не только на большую, но и на *меньшую* мѣру предъявленныхъ къ ней требованій, и русскій дипломатъ расшаркивается и отходитъ, протестуя во имя непроизводительной справедливости. Начинается датско-голштинскій конфликтъ. Русскій дипломатъ опять вскакиваетъ на своего Пегаса и ведетъ армію дипломатовъ европейскаго концерта въ Лондонъ на конференцію. Тамъ онъ выступаетъ съ требованіями по адресу Пруссіи и Австріи. Бисмаркъ ихъ выслушиваетъ и говоритъ: je m'en f... Князь Горчаковъ протестуетъ во имя непроизводительной справедливости: соленыя улыбки тогдашнихъ конферентовъ ему отвѣчаютъ: salve, и опять русскій дипломатъ расшаркивается и уходитъ. Пруссія у стѣнъ Вѣны: она диктуетъ новую карту центра Европы. Русскій дипломатъ опять на Пегаса и опять въ походъ во имя протеста. Онъ протестуетъ и требуетъ конгресса. Бисмаркъ ему опять отвѣчаетъ: je m'en f... и опять, умывъ руки во имя непроизводительной справедливости русской дипломатіи, расшаркивается и отходитъ.

Таковы были подвиги нашей дипломатіи за эти годы, предшествовавшіе 1870-му. И если въ концѣ 1869 года князь Горчаковъ могъ приходить въ умиленіе отъ столь сомнительныхъ изліяній по адресу Русскаго Государя старика Вильгельма, то это ясно доказывало, что онъ не понималъ, какой печальный для всей дальнѣйшей политики Россіи смыслъ получилъ этотъ, повидимому, небольшой и семейный эпизодъ 26 ноября 1869 года.

Не даромъ Бисмаркъ поддавалъ, вдохновляя своего монарха, сентиментальнаго жару въ телеграммахъ къ Рус-

скому Императору по случаю Георгіевскаго праздника. Не даромъ зашла рѣчь о воспоминаніяхъ братства по оружію обѣихъ армій для одного святого дѣла. Эти воспоминанія о прошломъ и эти изліянія въ настоящемъ— въ его умѣ уже готовились къ предъявленію къ учету, ибо не сегодня, такъ завтра предстояло Бисмарку заручиться нейтралитетомъ Россіи въ войнѣ Германіи съ Франціею. Школа была пройдена, опыты были сдѣланы; оставалось только послѣднее: уничтожить Наполеона; нейтралитетъ Россіи пригодился для подготовленія къ этому послѣднему; Германія сплотилась въ одну армію, пусть же опять нейтралитетъ Россіи поможетъ Германіи совершить то, для чего она сплотилась и объединилась. И вотъ, маленькое съ виду событіе Георгіевской ленты 26 ноября 1869 года потомъ получило громадное историческое значеніе послѣдняго экзамена, выдержаннаго блистательно Бисмаркомъ на званіе будущаго властелина Европы. Во всякомъ случаѣ въ концѣ 1869 года для всей Европы было ясно, что управленіе международною политикою всецѣло перешло въ Берлинъ. Желѣзный канцлеръ съ ключемъ и съ мечемъ сидѣлъ въ Берлинѣ. Любезный канцлеръ съ перомъ и съ иллюзіями сидѣлъ въ Петербургѣ.

Въ 1869 году состоялось назначеніе министра совсѣмъ новаго типа. Когда старый, Клейнмихельскаго времени, инженеръ-путеецъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ призналъ себя уже не въ силахъ справляться съ министерствомъ путей сообщенія, тогда на вопросъ: кому быть преемникомъ?—произнесено было симпатичное имя графа В. А. Бобринскаго...

Графу Бобринскому было тогда 45 лѣтъ; онъ представлялъ собою блестящаго, умнаго и полнаго жизни и

энергіи военнаго человѣка, на котораго Мельниковъ еще въ 1867 году обратилъ вниманіе и которому онъ предложилъ быть товарищемъ при немъ. Хотя графъ В. А. Бобринскій (съ исключеніемъ дунайской и крымской войны, и севастопольской осады, гдѣ онъ былъ участникомъ), управляя заводомъ своего отца, въ Смѣлѣ, Кіевской губ., успѣлъ пріобрѣсти большую опытность въ дѣлахъ управленія значительными и сл[illegible]чными предпріятіями и пользовался всеобщимъ уважен[illegible] тѣмъ не менѣе, его первымъ движеніемъ былъ отказъ отъ предложеннаго ему министерскаго портфеля. Но Государь настойчиво потребовалъ отъ своего флигель-адъютанта исполненія его желанія, и графъ Бобринскій, волею-неволею, долженъ былъ подчиниться Царскому велѣнію, и на Пасху 1869 года назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ. Но, принявши эту должность, благородный графъ Бобринскій, вѣрный завѣтамъ Бобринскихъ, сказалъ Государю, что въ день, когда онъ признаетъ себя неспособнымъ къ такой должности, онъ уйдетъ...

Сказать эти слова сумѣлъ, сколько помню, на своемъ вѣку, не одинъ графъ Бобринскій, но сдержать свое слово сумѣлъ только онъ: въ самую очевидную пору своей неспособности—обѣщавшіе уходить добровольно, крѣпче, чѣмъ когда либо, прицѣплялись къ министерскому посту и доходили до фанатичнаго увѣрованія въ свою необходимость и въ свою способность; графъ же Бобринскій, несмотря на свои блестящія способности, на свою молодость и силы, очень скоро послѣ назначенія, увидѣлъ себя неспособнымъ справиться съ этимъ министерствомъ и сдержалъ свое слово, прійдя къ Государю, чтобы сказать: я неспособенъ и прошу меня уволить...

Министерство это было трудно не столько по своей

технической спеціальности, но потому, что въ то время оно представляло главный пунктъ, гдѣ тогда сосредоточивалась вся вакханалія желѣзнодорожной горячки во всемъ ея разгарѣ и гдѣ, слѣдовательно, приходилось имѣть дѣло со всѣми видами громадныхъ аппетитовъ къ наживѣ. Тогда уже произносились имена желѣзнорожныхъ монтекристо, вчера нищихъ, а сегодня милліонеровъ, а такъ какъ всѣ эти монтекристы желѣзнодорожной вакханаліи имѣли своихъ союзниковъ, друзей и покровителей на разныхъ іерархическихъ вершинахъ, то естественно, что должность министра путей сообщенія, кромѣ сложнаго дѣла, повидимому, требовала и постоянныхъ дипломатическихъ отношеній къ тому или другому антрепренеру по той или другой концессіи. А такъ какъ сферы этихъ дипломатическихъ отношеній были и мутны, а подчасъ и прямо нечисты, то не трудно понять, какъ все это приходилось не по душѣ такой чистой и честной личности рыцаря, какимъ былъ В. А. Бобринскій. Уходъ графа Бобринскаго опечалилъ всѣхъ честныхъ людей, но обрадовалъ всѣхъ, кому мѣшали честность и энергія графа Бобринскаго легкой наживѣ. Между прочимъ, въ короткій періодъ его управленія, графу Бобринскому энергіею и настойчивостью удалось сломить такого гиганта, какъ знаменитаго контрагента николаевской желѣзной дороги Уайенса, и уничтожить его знаменитый контрактъ.

Эта желѣзнодорожная вакханалія была курьезомъ тогдашнихъ общественныхъ нравовъ потому, что главными воротилами являлись люди, про которыхъ всякій прежде спрашивалъ: что общаго между ними и желѣзными дорогами?

И дѣйствительно, никто не могъ понять, почему такіе люди, какъ Мекъ, Дервизъ, Губонинъ, Башмаковъ и проч.

и проч., которые не имѣли, во-первыхъ, ни гроша денегъ, а во-вторыхъ, никакихъ инженерныхъ познаній, брались за концессіи какъ ни въ чемъ не бывало, и въ два, три года дѣлались милліонерами... Казалось бы, знающему и ловкому инженеру могла быть въ то время лафа браться за любыя желѣзнодорожныя линіи, но нѣтъ: инженеры только пристраивались къ концессіонерамъ, а брали концессіи люди, какъ я сказалъ, такіе, про которыхъ спрашивали: почему Карлъ Федоровичъ, а не Федоръ Карловичъ, почему Павелъ Григорьевичъ, а не Григорій Павловичъ?.. Я помню младшаго брата Дервиза, моего товарища, Ивана, бѣднымъ чинушкою въ сенатѣ, а затѣмъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, и этотъ бѣдный чинушка меня принимаетъ въ своемъ роскошномъ палаццо у Красныхъ воротъ, во всемъ блескѣ своего желѣзнодорожнаго величія, и въ роли кесаря рязанской желѣзной дороги... Какъ тогда говорили, среднимъ числомъ концессіи выдавались по такой цѣнѣ за версту, что въ карманъ входило около 50 тысячъ рублей чистыхъ на каждую версту... Ну а 500,600 верстъ концессіи, это—кромѣ процентовъ дохода—составляло *маленькіе* капиталы въ 25, 30 милліоновъ рублей въ видѣ запасовъ на черные дни.

Вопросъ, который, какъ я сказалъ выше, могъ всякій задавать: почему Иванъ, а не Семенъ получаетъ эти концессіи,—вызывалъ и другой вопросъ: почему, если такъ легко наживались въ то время милліоны на желѣзнодорожныхъ концессіяхъ, никому въ голову не приходило расширять кругъ конкурренціи, и вслѣдствіе этого сбавлять цѣны на постройку съ версты? Но на этотъ столь естественный вопросъ въ то время отвѣта не было, а не было именно потому, что для съуживанія раіона конкуррентовъ—концессіонеры прибѣгали, разумѣется, къ круп-

нымъ взяткамъ, и эти-то взятки и были главною причиною крупныхъ и баснословныхъ наживъ...

Историкъ той эпохи, несомнѣнно, остановится на этой курьезной желѣзнодорожной эпопеѣ, но онъ долженъ будетъ остановиться также и на другой странности эпохи, которая эту желѣзнодорожную эпопею дѣлаетъ еще курьезнѣе; онъ долженъ будетъ остановиться на томъ сопоставленіи, которое мы тогда дѣлали,—этой вакханаліи легкой наживы и взятокъ съ широко выступившею тогда въ русскую жизнь плеядою честныхъ дѣятелей въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ...

Симпатій къ этому вѣдомству и къ новымъ судебнымъ уставамъ я никогда не питалъ; уже съ самаго начала введенія новыхъ судебныхъ учрежденій я не могъ понять, какъ можно было восхищаться такимъ нововведеніемъ, какъ судъ присяжныхъ, подходившимъ къ русской жизни, какъ къ коровѣ сѣдло; съ самаго начала я находилъ крайне несимпатичнымъ тотъ духъ либерализма, который побуждалъ судебное вѣдомство съ отправленіемъ правосудія соединить какую-то политическую и соціальную пропаганду началъ равенства и, въ то же время, неуваженія къ разнымъ преданіямъ власти и соціальныхъ отличій; но долженъ сказать, что первые годы введенія и дѣйствія новыхъ судебныхъ учрежденій были блестящими страницами честныхъ нравовъ во всей области русской Ѳемиды: это былъ какой-то весенній воздухъ, гдѣ ободряюще вѣяли ароматы честности, и гдѣ каждый изъ насъ въ то время чувствовалъ, что этотъ, часто накрахмаленный, часто педантичный, часто либеральный новый слуга юстиціи исполнялъ задачу честности, на себя принятой собственнымъ вдохновеніемъ. Это былъ какой-то праздникъ честности.

Это былъ своего рода steeple-chase честности, гдѣ каждый хотѣлъ перещеголять другого ея проявленіями. и вотъ эту-то тогдашнюю нравственную черту въ цѣлой судебной корпораціи приходилось сопоставлять съ другимъ steeple chase'омъ, съ желѣзнодорожной вакханаліей, гдѣ каждый хотѣлъ перегнать другого выгодными пунктами концессіи и сорилъ взятками на-право и на-лѣво, и въ этомъ сопоставленіи находить поразительную странность той эпохи.

Къ этой же эпохѣ надо отнести послѣдніе, такъ сказать, широкіе розмахи доѣдавшихъ на жизненныхъ пирахъ свои выкупныя свидѣтельства дворянъ-помѣщиковъ, и вотъ, поставленная между ними и между широчайшими розмахами желѣзнодорожныхъ кутилъ строгая честность новаго судейскаго сословія получала особенную цѣну.

Но искушенія среды должны были, увы, свершить свое роковое дѣло. Этотъ судейскій золотой вѣкъ презрѣнія къ золотому тельцу былъ, какъ весна, кратковременевъ. Пришли года, когда, разъѣзжая по Россіи, я началъ уже слышать не жалобы на безчестность судебныхъ лицъ, но разсказы о томъ, какъ этотъ дѣлалъ долги, какъ тотъ велъ компанію съ желѣзнодорожниками, какъ третій велъ сильную игру, какъ четвертый покривилъ душою въ такомъ-то дѣлѣ, словомъ, стали ходить въ провинціи толки, которыхъ въ первые годы я никогда не слыхалъ, въ родѣ тѣхъ, которые начинаютъ ходить про дѣвицу, дающую поводъ ее заподозрѣвать въ лишеніи дѣвственной чистоты... Можетъ быть, она дѣвственна,— говорятъ про нее, но атмосфера, ее окружающая, будто уже не дышетъ прежнею чистотою. Ваалъ, какъ будто, уже имѣлъ право входа въ святой храмъ Ѳемиды.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я продол-

жалъ служить въ роли чиновника особыхъ порученій при министрѣ, была вѣчная комиссія, носившая названіе комиссіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Я помню эту комиссію съ 1861 года. Девять лѣтъ спустя она еще существовала въ министерствѣ, напечатала массу томовъ своихъ работъ, но въ то же время изображала собою меланхолическую неподвижность.

Впрочемъ, эта неподвижность была отличительною чертою министерства внутреннихъ дѣлъ. Приглядываясь къ нему близко, нельзя было не испытывать страннаго впечатлѣнія: масса департаментовъ, отдѣленій, столовъ, чиновниковъ, а между тѣмъ, ничто такъ не казалось отдаленнымъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ внутреннія дѣла, или, говоря проще, какъ сама Россія. Ни для кого не было секретномъ, что самое безпомощное въ Россіи дѣло—ея внутреннее управленіе: губернаторъ съ 3,000 рублями жалованья, вице-губернаторъ съ 600 рублями больше исправника, уѣздный исправникъ со своими двумя-тремя становыми,—составляли весь персоналъ губернскаго и уѣзднаго управленія въ Россіи, а такъ какъ такое состояніе безпомощности внутренняго управленія считали неудобнымъ оставить, то основана была эта знаменитая комиссія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, съ цѣлью разработать новый строй внутренняго управленія, но тотъ фактъ, что комиссія эта почти 10 лѣтъ засѣдала и работала, и работала что то безъ всякихъ результатовъ,—достаточно свидѣтельствовало, что на самомъ дѣлѣ министерству внутреннихъ дѣлъ совершенно было безразлично: жалка ли и ничтожна ея дѣйствующая сила въ провинціи, или она удовлетворительна.

Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всполошились. Отъ Тимашева,

обыкновенно болѣе принимавшаго къ сердцу свое искусство ваятеля и свои успѣхи умнаго человѣка въ свѣтѣ, чѣмъ министерскія заботы, вдругъ исходитъ приказаніе заняться поскорѣе проектомъ реформы губернской администраціи, и сладкимъ сномъ спавшая коммиссія закипѣла работою. И губернатору надо прибавить содержаніе, и усилить надо его власть, и преобразовать надо губернское управленіе, и усилить надо уѣздную полицію, словомъ, вдругъ вспомнилъ, что Россія велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ и понадобилась всеобщая реформа.

Странное тогда было по неопредѣленности правительственной политики время. Казалось бы, если вдругъ вѣчно равнодушный Тимашевъ возгорѣлъ ревностью совершить губернскую административную реформу, онъ приступилъ къ этому дѣлу по меньшей мѣрѣ если не по приказанію, то съ согласія или съ вѣдѣнія Государя. А между тѣмъ, дальнѣйшій ходъ реформы показалъ совсѣмъ другое.

Какъ бы то ни было, но въ началѣ зимы 1869 — 1870 года министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ министровъ проектъ реформы губернскаго управленія. А въ началѣ 1870 года, къ немалому удивленію министерства внутреннихъ дѣлъ и бѣдныхъ губернаторовъ, которымъ Тимашевъ все говорилъ въ ободреніе: вотъ, погодите, реформа придетъ и вы будете довольны,— узнали, что весь проектъ провалился, не найдя себѣ въ комитетѣ министровъ никакого сочувствія.

Какъ это могло случиться, узнать съ точностью было невозможно; одни говорили, проектъ онъ не могъ провалить, такъ какъ Тимашевъ въ комитетѣ министровъ вмѣсто того, чтобы его защищать и отстаивать, отнесся къ нему съ равнодушіемъ посторонняго человѣка, другіе

говорили, что проектъ былъ плохо разработанъ и не выдерживалъ критики со стороны его внутренней отдѣлки, третьи говорили, что проекту этому явилась оппозиція со стороны либеральной партіи, не признававшей никакой нужды усиливать правительственную власть въ губерніи, но фактъ тотъ, что проектъ Тимашева провалился, и все осталось по старому въ томъ безпомощномъ состояніи, въ какомъ находится губернское управленіе понынѣ.

Самое вѣроятное истолкованіе печальной судьбы проекта реформы губернской администраціи было то, что Тимашевъ отнесся къ нему равнодушно. Большаго квіетизма въ министрѣ я ни въ комъ никогда не встрѣчалъ.

У Валуева было decorum иллюзій: говорившій съ нимъ уносилъ, по крайней мѣрѣ, музыкальныя воспоминанія его красивыхъ фразъ. Но у Тимашева и того не было. Оттого его пріемы производили меланхолическое впечатлѣніе. Онъ избѣгалъ пріемовъ съ глазу на глазъ, чтобы и въ этомъ себѣ облегчить свой денной трудъ и выходилъ къ просителю въ пріемную, съ леденымъ, безжизненнымъ, а иногда и сердитымъ выраженіемъ лица и съ стереотипнымъ вопросомъ: что вамъ угодно? и меланхоличность этого пріема заключалась въ томъ, что сосѣдъ не могъ не видѣть, что грозный министръ, пока проситель ему излагалъ свое дѣло, думалъ совсѣмъ о другомъ и въ заключеніе проговаривалъ другую стереотипную фразу: очень хорошо-съ, что можно, будетъ сдѣлано...

Характерною иллюстраціею того квіетизма и того нежеланія слушать, которые проявлялись въ Тимашевѣ, былъ одинъ прелестный разсказъ, ходившій по министерству и безусловно историческій.

Министру внутреннихъ дѣлъ нижегородскій губернаторъ Одинцовъ сдѣлалъ представленіе о преобразованіи знаменитаго села Лыскова въ городъ. Представленіе это, по прибытіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, раскололось на двѣ части: одна часть, по устройству полиціи направилась въ департаментъ полиціи исполнительной, другая, по хозяйственной части, очутилась въ хозяйственномъ департаментѣ. И вотъ, по истеченіи извѣстнаго времени, въ промежутокъ *двухъ дней*, происходитъ у министра два доклада: одинъ по департаменту хозяйственному: согласно представленію губернатора составить проектъ городскихъ учрежденій въ Лысковѣ; затѣмъ черезъ два дня докладъ по департаменту полиціи исполнительной: въ представленіи нижегородскаго губернатора *отказать*. Оба доклада были утверждены министромъ, а такъ какъ одинъ противорѣчащимъ былъ другому, то ясно, что онъ ни тотъ, ни другой не слушалъ. Нижегородскій губернаторъ получаетъ затѣмъ за подписью министра внутреннихъ дѣлъ на обѣихъ бумагахъ два отвѣта по своему представленію о селѣ Лысковѣ: одинъ—съ согласіемъ, другой—съ отказомъ. Легко себѣ представить его смущеніе. Нечего дѣлать, онъ пишетъ опять, но уже двѣ бумаги: одну въ хозяйственный департаментъ, другую въ департаментъ полиціи, съ просьбою разъяснить недоразумѣніе? Тогда оба директора департаментовъ сходятся и исповѣдуютъ другъ другу свой промахъ и свое критическое положеніе. Затѣмъ, они рѣшаютъ: идти вмѣстѣ съ повинною къ министру внутреннихъ дѣлъ и, чистосердечно покаявшись въ своей оплошности, спросить: какое изъ двухъ рѣшеній слѣдуетъ признать окончательнымъ. Идутъ они и докладываютъ. Послѣ доклада министръ имъ говоритъ: ну, вотъ, я всегда говорилъ, что Одинцовъ, кромѣ

глупостей, ничего не дѣлаетъ. Оба директора такъ и обалдѣли. Оказалось, по ихъ предположенію, что министръ не слушалъ сущности дѣла, а только услыхалъ имя Одинцова, и сдѣлалъ затѣмъ смѣлую догадку, что Одинцовъ выкинулъ глупость. Пришлось снова доложить, въ чемъ дѣло. Отвѣтъ былъ: отказать, и такъ село Лысково остается селомъ поднесь.

Совсѣмъ противоположный Тимашевскому характеръ имѣли пріемы у графа Дмитрія Андреевича Толстого. Такого пріема я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ него. Онъ принималъ 1 разъ въ недѣлю по обѣимъ должностямъ: по синоду и по министерству народнаго просвѣщенія. Казалось бы мало: а между тѣмъ, всѣ были имъ принимаемы и *всѣ* были выслушиваемы. Причемъ, онъ принималъ у себя въ кабинетѣ каждаго наединѣ. Я разъ какъ то явился къ нему просителемъ. Смотрю, пріемная полна. Впалъ въ уныніе. Записали меня, и что же я вижу; по часамъ maximum просителю дается 2 минуты аудіенціи. Дошла очередь до меня, впустили. Графъ всталъ, далъ руку, указалъ мѣсто противъ себя и спросилъ: что нужно? Лицо его выражало двѣ вещи: вниманіе, и нетерпѣливое желаніе поскорѣе спихнуть просителя. Я, какъ проситель, понялъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, въ ту минуту что times is money и до нельзя сжато и кратко передалъ сущность просьбы. Тогда графъ всталъ, сказалъ: хорошо, постараюсь исполнить, протянулъ руку, и я выскочилъ въ началѣ третьей минуты. Но самое интересное было то, что ровно черезъ 5 дней моя просьба была исполнена, а графъ, между тѣмъ, ничего не записалъ, а все переданное ему запомнилъ между многими другими просьбами, и далъ дѣлу разрѣшеніе. Какъ онъ это могъ дѣлать, такъ я никогда не понялъ, ибо, кромѣ

поразительнаго умѣнья концентрировать вниманіе надъ просителемъ, надо было имѣть какую то нечеловѣческую память. Просителей въ тотъ день оказалось 36 человѣкъ.

IX.

(1870 годъ).

Указъ о воинской повинности.—Объявленіе франко-германской войны.—Посолъ Флери и Государь.—Исходъ войны.—Роль Государя.—Наша декларація

1870 годъ для Россіи имѣлъ важное историческое значеніе—обнародованіе указа объ общей воинской повинности и объ учрежденіи запасовъ арміи, а для Европы онъ имѣлъ громадное значеніе франко-прусской войны, окончившейся окончательнымъ уничтоженіемъ военной силы Франціи, низложеніемъ наполеоновской династіи и учрежденіемъ германской имперіи, съ упроченіемъ главенства въ европейской политикѣ окончательно за Берлиномъ.

Война Франціи съ Германіею вспыхнула вдругъ и для всѣхъ неожиданно. Не только въ началѣ года, но за нѣсколько дней до ея объявленія, войну эту никто не предвидѣлъ. Государь преспокойно отправился въ началѣ лѣта въ Эмсъ на лѣченіе; туда же прибылъ императоръ Вильгельмъ тоже для лѣченія, и хотя, кромѣ обоихъ друзей монарховъ, приглашены были и оба канцлера, графъ Бисмаркъ и князь Горчаковъ, но присутствіе ихъ мотивировалось переговорами объ общемъ положеніи Европы, и какъ канцлеры, такъ и монархи, послѣ четы-

рехъ-недѣльнаго пребыванія въ Эмсѣ, разстались далекими отъ всякой мысли о надвигавшейся грозѣ.

Гроза эта явилась по поводу кандидатуры на испанскій престолъ. Племянникъ императора Вильгельма предсталъ этимъ кандидатомъ. Наполеонъ энергично протестовалъ. и дѣло было уладилось добровольнымъ отреченіемъ самого кандидата. Король прусскій, желая дать Наполеону доказательство своего миролюбія. счелъ себя обязаннымъ высказать оффиціально свое одобреніе племяннику за его отреченіе.

Но вотъ тутъ то и вспыхнула совсѣмъ непредвидѣнно и совсѣмъ непостижимо для всѣхъ война. Она вспыхнула отъ какой-то укусившей Наполеона III мухи, и вмѣсто того, чтобы удовлетвориться совершившимся фактомъ, Наполеонъ III поручилъ своему послу потребовать лично отъ короля письменнаго обязательства въ томъ, что кандидатура племянника никогда возобновлена Пруссіею не будетъ. Тутъ разомъ наносились ни съ того, ни съ сего престарѣлому королю Вильгельму два оскорбленія: во-первыхъ, въ видѣ личнаго черезъ посла отъ короля требованія, и во-вторыхъ, въ видѣ заявленія недовѣрія къ его слову. Разумѣется. этого было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы на столь дерзкое оскорбленіе отвѣтить отказомъ принять посла и продолжать переговоры и. затѣмъ, объявленіемъ войны. Пришлось въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ рѣшительно и такъ торопливо, что не успѣло предложеніе русскаго кабинета, принявшаго на себя роль посредника съ согласія другихъ державъ, прійти къ королю Пруссіи, какъ война была объявлена.

Нельзя было въ этомъ необдуманно поспѣшномъ, и какъ бы мальчишескомъ образѣ дѣйствій Наполеона III не признать какое-то историческое fatum, ибо онъ такъ

мало былъ похожъ и на характеръ и на политику Наполеона III, всегда медленные, всегда много разъ обдуманные.

Россія объявила строгій нейтралитетъ; но странно, съ минуты объявленія войны, не взирая на то, что вызовъ и нападеніе сдѣланы были Франціею, и она кругомъ виновата, всѣ симпатіи въ петербургскомъ обществѣ высказались на сторонѣ Франціи. Странность эта, надо полагать, нашла себѣ объясненіе въ той иностранной политикѣ, которую велъ петербургскій кабинетъ и про которую я говорилъ выше; политика эта сводилась къ какому-то преклоненію передъ Берлиномъ, къ какому-то прямому сотрудничеству Россіи къ возвеличенію Пруссіи, а такъ какъ такая политика была русскимъ не по душѣ, и казалась для русскаго достоинства оскорбительною, то, какъ бы въ видѣ выраженія этихъ русскихъ чувствъ,—симпатіи къ французамъ явились при объявленіи ими войны Германіи какъ бы демонстраціей противъ недавно пожалованнаго Георгіемъ 1-й степени прусскаго монарха.

А такъ какъ немедленно послѣ начатія войны начались побѣды прусскихъ войскъ, то эти симпатіи къ французамъ стали рости по мѣрѣ ихъ пораженія.

Историческій рокъ противъ Франціи тогда сказывался въ томъ непостижимомъ ослѣпленіи, въ которомъ находились тогда не только Наполеонъ III съ его кликою крайне неспособныхъ министровъ и военныхъ людей, но, можно сказать, вся Франція.

Когда дѣло дошло до послѣдней минуты, и законодательному корпусу, то-есть палатѣ представителей, предстояло рѣшить вопросъ: быть или не быть войнѣ,—то на сотню человѣкъ, не только требовавшихъ войны, но въ

изступленіи кричавшихъ: à Berlin,—одинъ только человѣкъ, предвидя безсиліе своей страны, поднялъ голосъ противъ войны,—это старикъ Тьеръ.

Посломъ тогда Наполеона при нашемъ Дворѣ былъ ближайшій другъ Наполеона III, генералъ Флери. И вотъ, прислушиваясь къ нему, можно было тогда составить себѣ печальное представленіе о той роковой повязкѣ на глазахъ Франціи, которая не только отняла у Наполеона зрѣніе, но даже разсудокъ.

Флери говорилъ о силѣ французской арміи, о ея непобѣдимости, о пораженіи нѣмцевъ—съ тономъ пророка и авторитета—до перваго пораженія французской арміи. Потомъ онъ спустилъ тонъ, но не надолго; недѣли три спустя, онъ снова заговорилъ о томъ, что теперь настанетъ пора для Франціи одерживать побѣды... Къ этому именно времени относится его знаменитый діалогъ съ нашимъ Государемъ, который, въ бесѣдѣ съ Флери съ глазу на глазъ, сказалъ ему, что онъ опасается, какъ бы Наполеону не угрожала болѣе опасность отъ враговъ позади его, то-есть, отъ французовъ, чѣмъ впереди—отъ непріятеля. На это безъ малѣйшаго смущенія, а даже съ апломбомъ Флери отвѣтилъ Государю, что его опасенія напрасны, такъ какъ недавній плебесцитъ доказалъ всю преданность французскаго народа императору, и армія вся, какъ одинъ человѣкъ, за Наполеона, а что касается Парижа, то императрица Евгенія имѣетъ достаточно преданныхъ императору государственныхъ людей, чтобы держать Парижъ въ спокойствіи и въ повиновеніи. На это Государь ему отвѣтилъ, что такія же точно завѣренія онъ слышалъ про Парижъ и про Францію въ 1848 году, за нѣсколько дней до паденія Луи-Филиппа и, при всемъ

желаніи, чтобы слова его оказались ошибкою. Онъ боится, чтобы они не были ошибкою.

Только послѣ Седана злосчастный Флери припомнилъ слова Императора Александра II и воскликнулъ: Государь былъ пророкомъ!

Въ концѣ этой войны Государю пришла мысль— отчасти подсказанная Ему ходившими о томъ въ общественныхъ сферахъ толками.—воспользоваться событіями. чтобы снять съ Россіи тяготѣвшее надъ нею условіе парижскаго мира насчетъ ограниченія ея правъ на военный флотъ въ Черномъ морѣ. Минута была дѣйствительно удобна; съ одной стороны, можно было разсчитывать на благодарное за нейтралитетъ отношеніе Пруссіи, а съ другой стороны, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. можно было не опасаться вѣроятнаго протеста одной Англіи. И вотъ, Государь созываетъ въ Царскомъ Селѣ совѣщаніе, въ которомъ участвовали Великій Князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ Милютинъ и князь Горчаковъ, и предлагаетъ имъ на обсужденіе Свою мысль о деклараціи, въ силу которой Россія уничтожаетъ пунктъ парижскаго трактата о черноморскомъ флотѣ. При этомъ Государь сказалъ, что, рѣшаясь на такой шагъ Онъ долженъ предвидѣть всѣ его послѣдствія, и желаетъ знать мнѣніе о вооруженной способности Россіи. Какъ Генералъ-Адмиралъ, такъ и военный министръ высказались за возможность, при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ, для Россіи поддержать оружіемъ свою декларацію, но князь Горчаковъ высказался въ другомъ тонѣ, въ тонѣ совѣта воздержаться отъ деклараціи, изъ опасенія войны съ Англіею, которая можетъ заручиться союзомъ съ Австріею и Италіею. Тѣмъ не менѣе, Государь настоялъ на своемъ, сказавши, что такая минута не повторится, и

поручилъ князю Горчакову немедленно составить декларацію.

Князь Горчаковъ жилъ тогда въ Царскосельскомъ дворцѣ. Онъ вернулся къ себѣ въ дурномъ расположеніи духа, но, тѣмъ не менѣе, приступилъ къ составленію, сообща съ своими обычными совѣтниками, Гамбургеромъ и Жомини, проекта текста деклараціи.

Когда проектъ деклараціи былъ готовъ, князь Горчаковъ его предъявилъ Государю. Государь одобрилъ, и затѣмъ декларація была отправлена по адресу кабинетовъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

Съ этой минуты, по свидѣтельству одного моего пріятеля, состоявшаго въ числѣ приближенныхъ князя Горчакова, началась для него душевная мука. Канцлеръ, какъ будто, весь отдался мысли, что Англія, немедленно по полученіи деклараціи Россіи, объявитъ ей войну, и чтобы ни говорили противъ этой мысли, онъ никого не слушалъ и дошелъ до такого нервнаго состоянія, что на четвертый день, потерявши аппетитъ и сонъ, вздрагивалъ отъ каждаго звонка у дверей, въ увѣренности, что сейчасъ придетъ депеша и въ ней будетъ объявленіе войны...

Въ минуту, когда, дѣйствительно, пришла шифрованная депеша изъ Лондона, приближенные князя все время, пока не разобрана была депеша, боялись за жизнь стараго князя, — до того онъ былъ взволнованъ, но когда онъ прочиталъ депешу и увидѣлъ въ ней признаніе совершившагося факта, и опасность войны улетучилась, какъ ужасный кошмаръ, тогда князь помолодѣлъ, повеселѣлъ, и въ пріятномъ состояніи до того расплылся въ своемъ удовольствіи, что забылъ все недавнее прошлое,

сталъ говорить о томъ, какъ удачно была выбрана минута, какъ умно поступилъ петербургскій кабинетъ.

Любопытно было узнать нѣсколько дней спустя, что самое сильное озлобленіе вызвала наша декларація вовсе не въ Англіи, а въ сердцѣ именно *вѣрнаго друга* и союзника, въ Пруссіи...

Декларація прибыла въ Версаль въ самый разгаръ провозглашенія германской имперіи, и апогея славы Бисмарка...

Прежде всего она поразила своею неожиданностью...

Потомъ, по словамъ необузданнаго въ своихъ выраженіяхъ и въ своихъ впечатлѣніяхъ Бисмарка, она поразила своею дерзостью...

Сразу Бисмаркъ два преступленія вмѣнилъ въ вину петербургскому кабинету: первое, что онъ смѣлъ что-либо предпринять, не посовѣтовавшись съ нимъ и не заручившись его *милостивымъ* согласіемъ, а второе, что Россія позволила самовольно объявить уничтоженнымъ цѣлый пунктъ международнаго трактата,—собственною инціативою... Разсказывали, что, прочитавъ эту декларацію, Бисмаркъ до того пришелъ въ ярость, что швырнулъ бумагу, сказавши: какая дерзость! Разсказывали также, что онъ излилъ свое негодованіе передъ своимъ старцемъ-монархомъ и посовѣтовалъ ему взять на себя инціативу отвѣтить Императору Александру обиженнымъ тономъ, и предложить рѣшеніе вопроса конгрессу, но что новый германскій императоръ на этотъ разъ не послушался своего совѣтника и сказалъ: «Я слишкомъ многимъ обязанъ Русскому Императору, чтобы въ этомъ вопросѣ Ему противодѣйствовать», и что, будто бы, на это Бисмаркъ ему отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, *выходка* петербургскаго кабинета во всякомъ случаѣ несвоевременна, такъ какъ

было бы гораздо корректнѣе, если бы онъ дождался минуты болѣе благопріятной и тоже самое получилъ по иниціативѣ Германіи...

Затѣмъ разсказывали также, что лондонскій кабинетъ, по полученіи декларацiи, немедленно поручилъ своему послу при берлинскомъ дворѣ вызвать коллективный протестъ со стороны Германіи и Англіи, но что попытка эта не удалась, такъ какъ князь Бисмаркъ получилъ приказаніе отъ императора Вильгельма уклоняться отъ общаго дѣйствія по этому вопросу съ Англіею, и что вслѣдствіе этого лондонскій кабинетъ, оставшійся одинъ, рѣшился преклониться предъ совершившимся фактомъ.

Во всякомъ случаѣ, эти маленькія подробности очень интересны тѣмъ, что онѣ рисуютъ, до какого самопревозношенія дошелъ въ эту эпоху Бисмаркъ, и до какой степени, въ ослѣпленіи своими успѣхами, онъ дошелъ до полнаго забвенія, на какую значительную долю въ этихъ баснословныхъ успѣхахъ его политики помогла ему честная и безмѣрная дружба къ Вильгельму Русскаго Императора. Въ этомъ ослѣпленіи онъ до того свыкся съ мыслью, что петербургскій кабинетъ есть только филіальное отдѣленіе берлинскаго, что когда получена была декларація Россіи, — то, что его всего болѣе привело въ бѣшенство, это необходимость допустить, что петербургскій кабинетъ могъ что-либо сдѣлать собственною волею, и помимо его, Бисмарка, санкціи.

Но Бисмаркъ въ долгу не остался. Онъ сумѣлъ, съ свойственною ему практичностью, сообразить, что разъ волею-неволею пришлось примириться съ фактомъ деклараціи Россіи, то это вынужденное согласіе надо рано или поздно дисконтировать, и онъ предвидѣлъ тотъ случай, когда на этотъ учетъ можно будетъ разсчитывать. Слу-

чай этотъ не замедлилъ представиться въ ту минуту, когда Тьеръ взялъ на себя тяжелую миссію хлопотать о смягченіи участи Франціи въ рукахъ берлинскихъ побѣдителей.—Бисмаркъ предвидѣлъ, что сочувствіе къ несчастной Франціи въ Россіи должно будетъ побудить Русскаго Государя принять на себя роль ходатая за интересы Франціи передъ побѣдителемъ Седана, и воспользовался декларацією Россіи, чтобы дать понять князю Горчакову, что разъ Россія обязана ему не только согласіемъ берлинскаго кабинета на декларацію, но и предупрежденіемъ всякаго протеста другихъ европейскихъ государствъ, то онъ, Бисмаркъ, взамѣнъ этой услуги, оказанной германскимъ императоромъ Россіи, въ правѣ ожидать, что Русскій Государь не будетъ мѣшать Германіи извлечь изъ своихъ побѣдъ ту пользу для себя, на которую она имѣетъ право, и щекотливыхъ для германскаго самолюбія требованій для Франціи предъявлять къ Германіи не будетъ... Горчаковъ не нашелъ нужнымъ отвѣтить Бисмарку, что благодарность Германіи къ Россіи за все, чѣмъ она ей обязана, слишкомъ велика, чтобы она могла исчерпаться мелочью, какъ согласіемъ на декларацію, и что, слѣдовательно, за Россіею остается право ожидать отъ Германіи другихъ услугъ, а, напротивъ, нашелъ соображенія Бисмарка основательными и сразу поставилъ себя въ обязательныя къ Бисмарку отношенія именно въ ту минуту, когда пріѣхалъ старикъ Тьеръ въ Петербургъ ходатайствовать о помощи у Русскаго Государя въ пользу Франціи...

Вотъ почему, едва Тьеръ успѣлъ войти въ кабинетъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, какъ князь Горчаковъ ему прямо сказалъ, что онъ долженъ предвидѣть со стороны Россіи только готовность ходатайствовать у

германскаго императора о смягченіи условій мира для Франціи, но больше ничего, и настаивать на своемъ ходатайствѣ Россія не признаетъ себя въ правѣ, отдавая судьбу чести и цѣлости Франціи въ распоряженіе великодушія германскаго императора. Приблизительно то же самое старику Тьеру сказалъ Государь, принявшій его не только любезно, но радушно, и обѣщавшій написать императору Вильгельму. Обѣщаніе свое Государь исполнилъ немедленно: Онъ отправилъ письмо собственноручное къ императору Вильгельму и Тьеръ вслѣдъ затѣмъ былъ принятъ въ Версалѣ Бисмаркомъ для выслушанія условій мира. Въ главномъ, о чемъ могла быть рѣчь,— въ успѣхѣ Державнаго Ходатая за Францію, т. е. въ умѣренности условій мира, Бисмаркъ, разумѣется, отказалъ Россіи и предложилъ Тьеру такія условія, отъ которыхъ онъ долженъ былъ отказаться, и переговоры были прерваны.

Вторымъ важнымъ событіемъ въ этомъ году—спеціально русскимъ—было, какъ я сказалъ, обнародованіе указа о всеобщей воинской повинности. Достойно вниманія, что въ этомъ году изъ разныхъ концовъ Россіи стали поступать адреса на имя Государя... Дворянства по губерніямъ отправляли то же адреса; они были вызваны деклараціею по черноморскому вопросу; но отъ нѣкоторыхъ дворянствъ стали поступать тоже адреса по случаю всеобщей воинской повинности. Помню, что тогда даже и въ придворныхъ сферахъ нашлись скептики, приходившіе въ удивленіе отъ благодарственныхъ адресовъ дворянства за всеобщую воинскую повинность, его сравнившую со всѣми другими сословіями. Эти удивленные скептики говорили и, мнѣ кажется, не безъ основанія, что можно понять готовность дворянства, въ виду государственной обороны,

подчиниться этому новому закону, но за что благодарить,—это понять трудно. Старики ворчали противъ военной реформы, предвидя и предвѣщая паденіе старой дисциплины и исчезновеніе стараго духа долгосрочнаго прежняго солдата.

Но не слѣдуетъ думать, что порваніе нами парижскаго трактата, относительно Чернаго моря, обошлось безъ санкціи Европы.

Въ 1871 году пришлось этому факту предстать на обсужденіе и утвержденіе Европы. Правда, что это было исполненіе формальности, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того, что самый фактъ лондонской конференціи изображалъ собою исполненіе того, что пожелалъ Бисмаркъ, и на что Россія дала свое согласіе. Въ этомъ отношеніи конференція являлась подтвержденіемъ того, что я говорилъ выше о характерѣ хозяина, который присвоилъ себѣ Бисмаркъ въ Европѣ вообще, и относительно Россіи въ частности.

Самая мысль о конференціи принадлежала Бисмарку. Любопытно констатировать, что она, почти минута въ минуту, совпала съ непосредственнымъ предложеніемъ изъ Петербурга, сдѣланнымъ Вильгельму въ пользу несчастной Франціи. На наше вмѣшательство въ вопросъ о мирѣ Германіи съ Франціею намъ было отвѣтствовано Бисмаркомъ: не ваше дѣло; а въ тоже самое время, когда англійская дипломатія обратилась, послѣ декларацій Россіи о черноморскомъ флотѣ, съ жалобою къ Бисмарку, послѣдній взялъ на себя склонить Россію вопросъ передать на обсужденіе конференціи. Интересно, что когда Бисмаркъ предложилъ мѣстомъ конференціи Петербургъ, англійскій дипломатъ отвѣчалъ: ни за что, и согласился съ Бисмаркомъ тогда только, когда онъ сказалъ: ну тогда Лондонъ. Послѣ

этого вопросъ перешелъ, такъ сказать, цѣликомъ въ руки Бисмарка. Вѣрный своей политикѣ, являться покровителемъ Россіи, Бисмаркъ писалъ въ Петербургъ, что онъ, какъ *старый другъ Россіи*, успокоилъ и умирилъ Англію, собиравшуюся воевать съ Россіею, и достигъ этого двумя способами: 1) тѣмъ, что на вопросъ Англіи: на чьей сторонѣ будетъ Германія въ случаѣ войны Англіи съ Россіей, Бисмаркъ отвѣтилъ: это будетъ зависѣть отъ интересовъ Германіи и моего императора, и этимъ озадачилъ Англію и окатилъ ее холодною водою, а 2) тѣмъ, что взялъ на себя быть посредникомъ между Россіею и Европою. И вотъ, теперь то это посредничество онъ реализируетъ въ видѣ предложенія конференціи и онъ надѣется, что, взамѣнъ *имъ* оказанной новой услуги Россіи, она приметъ это посредничество. Князь Горчаковъ поспѣшилъ растаять передъ своимъ великимъ другомъ и не только согласился на конференцію, но трудъ и хлопоты по созыву конференціи предоставилъ Бисмарку, такъ что приглашенія на лондонскую конференцію были посланы германскимъ канцлеромъ.

X.

(1871 годъ).

О внутренней политикѣ.—Ея неожиданный характеръ.—Моя бесѣда съ графомъ П. А. Шуваловымъ. — Князь А. И. Барятинскій какъ прожектеръ.—Общій характеръ проектовъ и прожектеровъ тогдашняго времени.

Въ 1871 году мнѣ пришлось имѣть бесѣду о внутренней политикѣ съ тогдашнимъ ея главнымъ руководителемъ, графомъ П. А. Шуваловымъ.

Въ то время довольно трудно было выяснить себѣ, какого въ сущности направленія держалось во внутренней политикѣ правительство. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось слышать изъ устъ моего министра Тимашева политическія мысли, я слышалъ, что онъ употреблялъ слово *красный*, въ примѣненіи къ своимъ политическимъ противникамъ, но кто были эти противники, я не могъ себѣ опредѣленно выяснить: Аксаковъ ли, съ своимъ русскимъ направленіемъ и съ своими статьями за общинное начало, или нигилисты или либералы европейскаго пошиба.

Вопросъ этотъ былъ тогда умѣстенъ потому, что у того самаго Тимашева, который говорилъ о красныхъ, какъ о своихъ врагахъ, и который въ гостиныхъ представлялъ собою *консерватора*, во главѣ земскаго отдѣла, то есть всего крестьянскаго міра сидѣлъ Барыковъ, одинъ

изъ самыхъ красныхъ—и убѣжденно красныхъ—людей, котораго я когда-либо встрѣчалъ между нашими красными тайными совѣтниками. Барыковъ ненавидѣлъ дворянина-помѣщика, ненавидѣлъ всѣ старыя политическія преданія, и съ остроуміемъ и съ цинизмомъ говорилъ безъ малѣйшаго стѣсненія о своихъ принципахъ завѣдыванія тогда крестьянскимъ дѣломъ въ архи-красномъ направленіи. Всего менѣе могъ быть въ иллюзіи насчетъ Барыкова его начальникъ, Тимашевъ, и вотъ почему я и говорю, припоминая то время, о моемъ недоумѣніи понять: противъ какихъ красныхъ ополчался, будто бы, Тимашевъ—если не на дѣлѣ, то на словахъ, когда главнѣйшій и умнѣйшій изъ красныхъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ его подчиненныхъ. И по этому поводу я не согрѣшу противъ истины, если скажу, что тогда мнѣ казалось, что совершенно такъ же, какъ это было при Валуевѣ, честный и глубоко преданный Государю Аксаковъ въ сущности казался Тимашеву болѣе краснымъ, чѣмъ европейскій архилибералъ Барыковъ. Я это яснѣе понялъ, когда въ зиму 1871 года услыхалъ объ идеѣ похода противъ общины, предпринятаго въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, о всесословной волости, о политической роли земства и т. п. Тогда Барыковъ являлся рельефно уже какъ правительственный человѣкъ, а Аксаковъ какъ красный... Но объ этомъ послѣ.

Теперь пока хочу сказать, что такое же недоумѣніе, относительно вопроса о характерѣ внутренней политики создавалъ во мнѣ и другихъ графъ П. А. Шуваловъ. Я не могъ выяснить себѣ ни его консерватизма, ни его либерализма. Недоумѣніе это, прежде всего, являлось при видѣ тѣхъ широкихъ размаховъ, съ которыми его избранный и его, такъ сказать, союзникъ, министръ юстиціи

графъ Паленъ, все сильнѣе и сильнѣе расширялъ либерализмъ въ сферѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, и вдохновлялъ ихъ если не прямо противъ администраціи, то, во всякомъ случаѣ, къ разобщенію съ нею. Въ то время много говорили въ салонахъ о состоявшемся, по иниціативѣ графа Шувалова, нововведеніи, въ силу коего прокуроръ былъ приглашаемъ участвовать въ дознаніяхъ, производимыхъ по политическимъ дѣламъ жандармскимъ управленіемъ... Въ сферахъ Шувалова эту мѣру называли ловкимъ способомъ, будто бы придуманнымъ шефомъ жандармовъ, чтобы имѣть въ сферѣ своего вліянія гордое судебное вѣдомство, но въ сферахъ судебныхъ эту самую мѣру признавали ловкимъ способомъ обрѣзать крылья жандармеріи, посредствомъ пріобщенія къ ней прокуратуры; послѣднее казалось вѣроятнѣе, потому что въ публикѣ и въ средѣ людей, безпристрастно судившихъ эту мѣру, она имѣла характеръ именно опыта со стороны судебнаго вѣдомства подчинить своему контролю, дотолѣ пользовавшееся полною независимостью въ политическихъ дознаніяхъ, III отдѣленіе...

Въ то время у меня бродила въ головѣ мысль объ изданіи журнала, и вопросъ о характерѣ правительственной политики меня сильнѣе интересовалъ, чѣмъ прежде, тѣмъ болѣе, что кромѣ тѣхъ поводовъ къ недоумѣнію, которые я сейчасъ привелъ, былъ еще одинъ самый существенный, заключавшійся въ томъ, что хозяинъ Аничкова дворца въ то время, непонятно почему, считался въ такихъ правительственныхъ сферахъ, какъ Шуваловскія и Тимашевскія, представителемъ *особаго* политическаго образа мыслей, будто бы несогласнаго съ правительственнымъ, тогда какъ на дѣлѣ Цесаревичъ имѣлъ свои собственные на многіе вопросы взгляды, но никогда не

являлся главою какой-либо партіи, а тѣмъ менѣе антиправительственной...

Бесѣда съ графомъ Шуваловымъ, въ отношеніи всѣхъ этихъ недоразумѣній, меня мало удовлетворила. Я могъ убѣдиться изъ нея еще разъ, что онъ очень умный, тонкій и пріятный государственный человѣкъ, что онъ самостоятеленъ и независимъ, какъ нравственная личность, въ томъ мірѣ, гдѣ придворныя чары огромное большинство людей лишаютъ этой независимости и прицѣпляютъ къ постамъ, но я главнаго не могъ уяснить себѣ, чего въ сущности хочетъ правительство, противъ кого оно борется и за кого и за что оно стоитъ.

Шуваловъ говорилъ въ области нюансовъ, то-есть оттѣнковъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ области опредѣленныхъ образовъ и цвѣтовъ, и это-то мѣшало мнѣ выкарабкиваться изъ міра недоумѣній.

Прежде всего, я нашелъ въ немъ признаки какого-то политическаго, но европейскаго фатализма: мнѣ показалось, что онъ вѣруетъ въ непреодолимую силу либеральнаго режима для Россіи въ области внутренней политики. Онъ какъ будто исповѣдывалъ, что правительство въ Россіи обязано *ходомъ вещей* идти по извѣстному либеральному пути, и что время, то-есть наступающая данная эпоха, получаетъ для правительства силу какого-то непреодолимаго закона, коему оно не можетъ не повиноваться. Услыхавъ въ словахъ моего собесѣдника эту мысль, я задалъ ему вопросъ: да гдѣ же предѣлы этого подчиненія правительства эпохѣ?

— Вотъ въ этомъ-то все дѣло, — сказалъ графъ,— знать мѣру, въ которой мы должны идти по духу времени.

— Да,—отвѣтилъ я графу,—но кто можетъ гарантировать, чтобы эта мѣра не шла слишкомъ далеко?

— Самою лучшею гарантіею, — сказалъ графъ. — это самъ Государь, который по своимъ сокровеннымъ убѣжденіямъ вовсе не расположенъ къ либеральнымъ увлеченіямъ.

— И вы тоже, графъ, сколько мнѣ извѣстно, не красны.

— Боже меня сохрани, я питаю отвращеніе къ краснымъ, но въ то же время я полагаю, что прогрессъ нуженъ во всемъ, въ наукахъ, въ искусствахъ и въ политикѣ внутренней. Въ послѣднемъ отношеніи онъ имѣетъ не мало дѣла впереди... Я далекъ отъ мысли о какой-нибудь конституціи, но я, напримѣръ, думаю, что прогрессъ требуетъ большаго расширенія мѣстнаго самоуправленія, дворянство должно было бы имѣть болѣе значенія въ губерніи, какъ сословіе, чѣмъ оно его имѣетъ, земство могло бы имѣть очень важныя экономическія задачи для разрѣшенія, хотя бы, напримѣръ, этотъ варварскій вопросъ общины...

— А вы не думаете, что трогать такой вопросъ теперь еще слишкомъ рано?

— Нѣтъ, потому что я его считаю азбукою нашего экономическаго положенія...

— Но вы забываете, что вся крестьянская реформа основана на общинномъ началѣ, что всѣ платежи основаны на круговой порукѣ...

— Я знаю, но что же изъ этого? Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и очень пора устроить болѣе европейскій порядокъ землевладѣнія, при которомъ была бы мыслима сельскохозяйственная культура и раціональное хозяйство...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ мужицкимъ царствомъ, или вѣрнѣе съ обширною мужицкою коммуною, гдѣ никакой экономическій прогрессъ немыслимъ.

Я схватилъ à peu près въ идеяхъ моего собесѣдника. но долженъ сознаться, что я не чувствовалъ подъ ними почвы хозяина. Мнѣ казалось, что въ этихъ идеяхъ было болѣе неопредѣленнаго, чѣмъ опредѣленнаго, и что эта неопредѣленность столько же относилась въ умѣ умнаго графа къ сельской общинѣ, сколько къ земству.

Вслѣдствіе этой неопредѣленности борьбу съ общиною онъ считалъ менѣе трудною, чѣмъ она могла быть и была на самомъ дѣлѣ. а съ другой стороны, вслѣдствіе той же неопредѣленности въ понятіяхъ о дѣйствительности онъ считалъ земство болѣе способнымъ къ серьезной работѣ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ было.

Въ этомъ же разговорѣ я коснулся и щекотливаго вопроса.

— Несомнѣнно, — сказалъ я, — вы имѣете извѣстное представленіе объ анти-правительственныхъ образахъ мыслей. Для меня не секретъ, что мои вечернія собранія, которыя я устраиваю у себя для Цесаревича, въ вашемъ умѣ въ какомъ то отношеніи заподозрѣваются. Я бы очень желалъ уяснить себѣ съ какой точки зрѣнія заподозрѣнъ образъ мыслей Цесаревича и его приближенныхъ? Вотъ это для меня полнѣйшая тайна.

Припертый къ стѣнѣ моимъ вопросомъ, графъ, со своею тонкою и умною улыбкою, отвѣтилъ мнѣ, что въ качествѣ шефа жандармовъ онъ обязанъ знать не только то, что говорится около Цесаревича, но то, что думаютъ и говорятъ по поводу политическихъ воззрѣній Цесаревича, дабы всегда быть въ состояніи разнымъ нелѣпостямъ, доходящимъ до Государя, — противопоставлять

одну только правду. Положеніе Наслѣдника Престола, начиная съ извѣстнаго возраста, всегда дѣлается самымъ труднымъ положеніемъ въ государствѣ. Но еще болѣе затрудняется тѣмъ, что есть люди, заинтересованные эксплуатировать щекотливость этого положенія и извлекать выгоды посредствомъ искусственнаго возбужденія тѣней между Государемъ и Наслѣдникомъ. Я не принадлежу къ этимъ людямъ, но я долженъ знать, что они есть и что они дѣйствуютъ, хотя бы для того, чтобы въ извѣстный моментъ помогать Наслѣднику не дѣлаться жертвою этихъ интригъ... Въ этомъ отношеніи я думаю, что служу его интересамъ болѣе, чѣмъ онъ думаетъ...

Я попытался перевести вопросъ на болѣе конкретную почву, и задалъ графу вопросъ: не принадлежитъ ли онъ къ тѣмъ, которые ставятъ Цесаревича во главѣ какой то русской партіи, и эту русскую партію противопоставляютъ политикѣ правительства...

— Я знаю, что Цесаревичъ,—отвѣтилъ графъ, — не жалуетъ нѣмцевъ и очень ревностно стоитъ за самолюбіе русской національности, я знаю также, что есть люди, которые хотятъ во что бы то ни стало дѣлать изъ Цесаревича начальника политической русской партіи, но въ тоже время я долженъ сказать, что нельзя съ большимъ тактомъ держать себя, и быть безупречнымъ въ своемъ трудномъ положеніи, и въ способѣ проявленія своихъ симпатій и своихъ убѣжденій, чѣмъ это проявляетъ Цесаревичъ, и я никогда не упускалъ случая на это обращать вниманіе Государя. А что касается русской партіи, какъ политической партіи, то, откровенно говоря, я не признаю ея прелестей, и думаю, что пока она не изобрѣла цивилизацію болѣе умную и прочную, болѣе чѣмъ

европейская, отъ нея ждать толку по меньшей мѣрѣ рискованно.

— Да, — отвѣтилъ я графу, — но въ тоже время не совсѣмъ безопасно слишкомъ далеко уходить въ погоню за Европою, тамъ, гдѣ ея мысли, гдѣ ея понятія, гдѣ ея историческое прошлое совсѣмъ расходятся съ русскими. Я, признаюсь, не представляю себѣ никакой политической партіи подъ названіемъ русской, но я въ тоже время по предчувствію думаю, что если какой-нибудь образъ мыслей могъ бы быть разумною срединой между нашими европофилами и нашими руссофилами, то правда была бы на его сторонѣ. Въ сущности мы слишкомъ подражаемъ Европѣ и слишкомъ мало знаемъ Россію.

Вотъ приблизительно содержаніе моей бесѣды съ тогдашнимъ руководителемъ внутренней политики.

Интереснаго въ ней по отношенію къ будущему оказалось то, что слова мои *о разумной срединѣ* между европофилами и руссофилами—оправдались въ послѣдующемъ царствованіи Александра III самымъ замѣчательнымъ образомъ.

Его спокойный и благородный патріотизмъ именно создалъ эту разумную средину въ его политикѣ, какъ въ главномъ, такъ и въ подробностяхъ, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. Онъ сумѣлъ своимъ чутьемъ къ правдѣ воздать Россіи — русское, Европѣ — европейское, и всѣмъ вѣсомъ разумной средины, коей онъ былъ обладателемъ и истолкователемъ, онъ стоялъ на стражѣ противъ увлеченій въ ту или другую крайность.

Очень любопытно, что въ это время явился на политической сценѣ внутренней новый претендентъ на вліяніе. Это кавказскій герой, фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.

Князь Барятинскій въ это время, уступивши свое блестящее мѣсто Великому Князю Михаилу Николаевичу, находился на закатѣ своихъ дней безъ дѣла, слишкомъ великій по своему званію фельдмаршала, чтобы принять какую-либо должность, и въ тоже время недостаточно старый, чтобы отказаться отъ политическаго значенія. Его новая жизнь проходила въ путешествіяхъ и въ пребываніи при Дворѣ, при Государѣ...

Тутъ, группируя около разныхъ лицъ изъ административнаго міра, он ислушивался къ разнымъ мыслямъ и толкамъ въ ас внутренней политики и дѣлился ими съ Государемъ или прямо въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, или передавалъ Государю отдѣльныя записки по тому или другому вопросу. Это былъ интересный типъ того времени. Его долгая жизнь на Кавказѣ, въ послѣдніе годы въ роли полубога, пріучила его къ необыкновенно высокому мнѣнію о себѣ, и въ тоже время къ царенію безъ соперниковъ въ политическомъ мірѣ, а такъ какъ рядомъ съ этимъ онъ былъ отъ природы и уменъ, и даровитъ, и по душѣ вельможа, то изъ всего этого, съ придачею не малой доли опыта и образованія, выходилъ оригинальный типъ, не имѣвшій около Государя себѣ подобнаго, типъ государственнаго совѣтника, слишкомъ лѣниваго, чтобы входить въ подробности какого-нибудь вопроса, слишкомъ избалованнаго фортуной, чтобы себя провѣрить другими и, въ тоже время не стѣснявшагося никакими личными соображеніями, чтобы говорить Государю только то, что считалъ по совѣсти и по ѣжденію правдою. Вслѣдствіе этого, по тому или у вопросу услужливые его царедворцы снимали съ м сливки и подносили ему, а онъ съ сливками лся въ роли Государева совѣтника.

А проекторовъ тогда въ области внутренней политики было въ Петербургѣ сколько угодно, начиная съ мечты о всесословной волости и кончая земскою конституціею. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что въ гостиную фельдмаршала, расположеннаго, отъ нечего дѣлать, повозиться съ проектами реформъ, пробиралось не мало людей, прежде всего мечтавшихъ, разумѣется, посредствомъ протекціи князя-фельдмаршала и самаго близкаго лица при Государѣ, сдѣлать карьеру, а затѣмъ кстати что-нибудь присочинить для блага дорогого отечества.

И вотъ писались проекты, писались записки и представлялись они княземъ Барятинскимъ Государю. Государь, въ свою очередь, былъ настолько остороженъ, что не принималъ на себя ни малѣйшей иниціативы по этимъ проектамъ, а передавалъ ихъ на прочтеніе то министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, то шефу жандармовъ, графу Шувалову. Эта осторожность Государя относительно своего друга князя-фельдмаршала порождала въ немъ скрытое неудовольствіе, которое и выражалось въ томъ, что князь Барятинскій иногда жаловался передъ своими приближенными на свою безполезность и на свое положеніе ненужнаго человѣка, и напоминалъ своими словами разочарованія красавицу въ минуту, когда она чуетъ свой отцвѣтъ, но не хочетъ ему сдаваться.

И странное тогда было относительно проектовъ реформъ вре[illegible]я говорилъ выше, самымъ нужнымъ въ то время, для всякаго мало-мальски знакомаго съ провинціею, было преобразованіе въ уровень потребностямъ времени всего губернскаго и уѣзднаго управленія. Какъ оно было тогда, послѣ реформъ, гдѣ подумали обо всѣхъ и обо всемъ, забывши только администрацію, оно похоже было на старую лошадь, брошенную на покой, безъ зубовъ,

чтобы жевать, и безъ ногъ—чтобы бѣгать. И волею-неволею пришлось выработать проектъ реформы губернскаго и уѣзднаго управленія; даже такой легкій человѣкъ, какъ Тимашевъ, убѣдился въ ея необходимости, и именно этотъ-то проектъ реформы взяли и похерили. И на этомъ Тимашевъ, точно дѣло сдѣлавши, успокоился. А такими проектами, какъ всесословная волость, какъ отмѣна сельской общины, стали заниматься, думая, что они нужнѣе усиленія и упорядоченія правительственной власти въ провинціи.

Почему это было такъ, я постараюсь объяснить.

Во-первыхъ, въ средѣ тогдашнихъ министровъ либеральное направленіе брало верхъ надъ такими консервативными заботами, какъ престижъ администраціи и сила ея въ провинціи. А брало оно верхъ потому, что хотя либеральныхъ министровъ было тогда не особенно много, но они были молоды и дѣятельны, тогда какъ правительственная партія въ консервативномъ смыслѣ была скорѣе неподвижна. Графъ Толстой въ двойной роли министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода мало вмѣшивался въ сферы политики другихъ министерствъ, и этимъ покупалъ себѣ ихъ невмѣшательство въ его сферы; Тимашевъ, какъ я говорилъ, дальше самаго платоническаго отношенія къ правительственнымъ интересамъ своего министерства не шелъ; графъ Шуваловъ воздерживался отъ всякой консервативной инціативы, а въ иныхъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о земствѣ, былъ скорѣе на сторонѣ либеральной партіи и ея мечтаній для нея мѣстами болѣе активной роли. Этимъ въ сущности исчерпывался весь персоналъ консервативныхъ силъ, если не считать, прежде мною названнаго, князя С. Н. Урусова, который говорилъ про себя: я консерваторъ, но я не имѣю храбрости имъ быть. Совсѣмъ

другие представляли собою либералы въ министерскомъ кругу, имѣвшіе за себя прежде всего предсѣдателя государственнаго совѣта Великаго князя Константина Николаевича. Тутъ былъ способный, умный и спокойный военный министръ Милютинъ, всегда подававшій голосъ за все, что пахло либерализмомъ; былъ тутъ молодой министръ юстиціи графъ Паленъ, фанатично преслѣдовавшій, какъ я говорилъ выше, культъ судебнаго самодержавія и пренебреженія къ губернской административной власти; былъ тутъ, появившійся на горизонтѣ и сразу пожалованный въ геніи, желчный и преисполненный ненависти ко всему, что издалека даже пахло консерватизмомъ, умный Татариновъ, создатель новаго государственнаго контроля: былъ тутъ либеральный министръ финансовъ Рейтернъ, подобно Татаринову, презиравшій и ненавидѣвшій все, что носило характеръ тормаза прогресса во имя консервативныхъ преданій. Ихъ было не больше, если не считать совсѣмъ ставшаго политически спокойнымъ и безучастнымъ Валуева въ креслѣ министра государственныхъ имуществъ, и государственнаго канцлера князя Горчакова, который, впрочемъ, предпочиталъ подавать голосъ за либеральныхъ коллегъ и консерваторомъ никогда не былъ ни въ мысляхъ, ни на словахъ.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что этой короткой и бѣглой характеристики тогдашняго правительственнаго состава достаточно, чтобы понять, почему проектъ административной провинціальной реформы, представленной по желанію Государя на утвержденіе, провалился и потерпѣлъ фіаско, вмѣсто того, чтобы быть утвержденнымъ. Если прибавить къ сдѣланной мною номенклатурѣ либеральныхъ министровъ того самаго фельдмаршала князя Барятинскаго, который не прочь былъ играть роль поли-

тическаго центра, но все-таки съ оттѣнками западнаго либерализма, то само-собою разумѣется, что перевѣсъ въ средѣ правительственной партіи либераловъ надъ консерваторами былъ несомнѣненъ.

Это была одна сила либеральная; а другая—широко и, пожалуй, безбрежно расползалась повсюду въ тогдашнихъ сферахъ русской людской жизни, начиная съ «Голоса» Краевскаго, смѣнившаго диктатуру Герцена для большей части мыслящаго люда и для всего чиновнаго міра въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ губернскихъ городахъ, а пожалуй и въ уѣздныхъ, если подъ эту рубрику чиновнаго міра подвести неопредѣленнаго типа земскихъ гласныхъ *изъ грамотныхъ*... То была вторая армія либераловъ, многочисленная и разношерстная, гдѣ всякая консервативная мысль вызывала нервныя судороги отвращенія, а всякая либеральная идея—до конституціи включительно, и даже до республики—находила массу лабораторій въ человѣческихъ мозгахъ и массу лаборантовъ между людьми всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеній.

Конкретный же центръ, около котораго вертѣлись всѣ эти либеральныя мысли того времени, было земство. И вертѣлись эти мысли очень разнообразно. Вертѣлись они у шефа-жандармовъ, напримѣръ, и у фельдмаршала князя Барятинскаго, когда они обмѣнивались въ задушевныхъ бесѣдахъ мечтаніями возложить на земство работу уничтоженія общины или созданія всесословной волости, причемъ они мечтали имѣть волостного старшину въ лицѣ русскаго лэндлорда, а мягкошляпный нигилистъ мечталъ эту должность занять самъ для просвѣщенія народа. Затѣмъ, около этого же земства вращались либералы «Голоса» и «Вѣстника Европы», съ мечтаніями рано или поздно изъ земства провинціальнаго сдѣлать земство

центральное или что-нибудь въ родѣ земскаго собора. или земской палаты...

И что же изъ этого всего выходило?

Выходило то, о чемъ я говорилъ выше,—реформаторская работа около земства въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ и во многихъ головахъ тогдашняго интеллигентнаго люда...

Къ числу такихъ работъ принадлежали проекты отмѣны общины и созданія всесловной волости, но почему именно они? А потому, что именно они имѣли магическое свойство всѣ рѣшительно либеральныя теченія около себя группировать и собою заинтересовывать, но, разумѣется, съ разными горизонтами и задними мыслями впереди... Князь Барятинскій мечталъ объ уничтоженіи общины съ безкорыстіемъ отдыхающаго на лаврахъ магната, который хотѣлъ бы къ славѣ покорителя Кавказа прибавить славу иниціатора новой экономической и соціальной реформы въ Россіи и для нея призвать земство, какъ послушное орудіе для своихъ замысловъ, ну, а подальше отъ князя Барятинскаго, въ сѣрыхъ и темныхъ тайникахъ интеллигенціи говорили себѣ: толкайте вопросъ объ отмѣнѣ общины, его дадутъ на обсужденіе земствъ на мѣстѣ, а потомъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, очень легко будетъ пригласить въ Петербургъ земскихъ депутатовъ, а затѣмъ до земскаго собора одинъ только шагъ...

Все это говорилось тогда громко...

XI.

(1871—1872 г.г.).

Мои приготовленія къ изданію «*Гражданина*». — Разговоръ по этому поводу съ Цесаревичемъ.—Начало изданія.—Осуществленіе проекта ремесленнаго училища.

Осенью этого года я началъ серьезно собираться издавать журналъ «*Гражданинъ*».

Въ моей жизни это былъ рѣшительный и важнѣйшій шагъ ея.

Прежде всего я совѣтовался, разумѣется, съ моимъ отцомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что разъ я къ тому чувствую влеченіе, и дѣло достойно сочувствія, въ смыслѣ патріотическаго дѣла, онъ меня на эту рѣшимость благословляетъ, но при этомъ напоминаетъ мнѣ, что съ этою рѣшимостью связывается и другое: отказаться отъ служебной карьеры и порвать къ ней всѣ дороги. Надъ этимъ соображеніемъ я немного призадумался, далъ мелькнуть въ тиши своего уединенія блестящимъ грезамъ этой служебной карьеры, но рѣшительнаго дѣйствія этихъ грезъ не испыталъ, и отъ замысла изъ-за нихъ не отошелъ ни на іоту.

Но почему я рѣшился на такой шагъ, разбивавшій всю мою карьеру, по молодости-ли, вслѣдствіе увлеченій, или по убѣжденію, развившемуся въ душѣ спокойно? — Второе было вѣрнѣе. Вездѣ въ то время въ сферахъ, гдѣ

я вращался, я слышалъ негодующіе отзывы о вредномъ дѣйствіи печати на молодежь въ особенности и на общество вообще. Главными дѣятелями въ печати въ этомъ вредномъ смыслѣ были два петербургскіе органа: *«Голосъ»* Краевскаго и *«С.-Петербургскія Вѣдомости»*, казенное изданіе академіи наукъ, въ арендѣ у Корша, гдѣ, съ самымъ либеральнымъ задоромъ, тогда царилъ, зарождавшійся подъ именемъ «Незнакомецъ», А. С. Суворинъ въ своихъ фельетонахъ. *«Голосъ»* проводилъ анти-правительственную политику; Суворинъ скорѣе шальную нигилистическую. Обѣ нравились во многихъ общественныхъ сферахъ, и въ сферахъ петербургскихъ сановниковъ въ особенности; учащаяся молодежь или восхищалась и вдохновлялась, и такъ какъ направленія противоположнаго, то-есть консервативнаго, въ петербургской печати представителя не было, то я и возымѣлъ мысль основать органъ консервативный въ защиту церковнаго авторитета, самодержавія и въ обличеніе всѣхъ увлеченій либерализмомъ.

Дѣло было не легкое.

Прежде всего я сознавалъ, что выступалъ на путь, который, по сложившимся о немъ въ верхахъ понятіямъ, считался чѣмъ-то непризнаннымъ, чѣмъ-то неопрятнымъ и къ моему положенію неподходящимъ. При Дворѣ хотя слабѣе, чѣмъ прежде, но все-же держалось предубѣжденіе противъ всего, что пишетъ, и во всякомъ случаѣ, между моимъ представленіемъ, что, вступая въ журналистику съ охранительными боевыми задачами, я считаю себя совершенно одинаковымъ слугою моего государства и моего Государя, какъ любой служащій и дѣлающій служебную карьеру въ департаментѣ, и тѣмъ отношеніемъ къ печати, которое имѣли при Дворѣ, была цѣлая бездна. Какъ го-

ворятъ французы, je dérogeais à quelque chose, променивая положеніе чиновника на званіе журналиста, такъ что въ этомъ отношеніи моя рѣшимость браться за журнальное дѣло была чѣмъ то въ родѣ воспріятія гражданской или карьерной смерти. Я думаю, что когда я умру, даже мои недоброжелатели должны будутъ вмѣнить мнѣ въ патріотическую заслугу этотъ моментъ моей жизни, когда для служенія убѣжденіямъ, для борьбы за нихъ, на которую менѣе всего меня звали тѣ, которыхъ я считалъ жертвами либеральнаго направленія; я пренебрегъ всѣми благами и прелестями міра сего, и вмѣсто улыбавшейся мнѣ тогда болѣе, чѣмъ кому-либо изъ сверстниковъ, карьеры служебной предпочелъ не только неблагодарный, но тернистый и даже страдальческій путь, и предпочелъ сознательно и хладнокровно. Въ тонѣ, съ которымъ Государь спросилъ: ты идешь въ писаки?—я услыхалъ не только отсутствіе чего-либо похожаго на поощреніе, но отголосокъ насмѣшливаго пренебреженія, и во всякомъ случаѣ полное признаніе ненужности того дѣла, съ Его точки зрѣнія, на которое я рѣшился посвятить мою жизнь. Впрочемъ, это не было для меня неожиданностью. Тогда уже во мнѣ было живымъ грустное воспоминаніе о томъ, какъ мало цѣнили, напримѣръ, такого почтеннаго и чистаго слугу своего отечества въ печати, какъ И. С. Аксакова, слышался этотъ полунасмѣшливый и полупренебрежительный тонъ, съ которымъ отзывались объ его чистомъ вдохновеніи, и въ глазахъ оставалась картина, какъ какой-нибудь пошлый, бездарный и вздутый своимъ эгоизмомъ и чванствомъ сановникъ считался чѣмъ-то нужнымъ и почти священнымъ сравнительно съ Аксаковымъ, считавшимся чѣмъ-то заштатнымъ и какимъ-то жалкимъ мономаномъ. Поэтому я не могъ не говорить

себѣ: чего же мнѣ ждать на этомъ полѣ—битвы, мнѣ, лишенному Аксаковской чистоты и Аксаковскаго таланта.

Въ то же время я зналъ и предвидѣлъ, какого рода пріемъ меня ждетъ въ той петербургской журналистикѣ, куда я собирался входить непрошеннымъ гостемъ. Моя репутація консерватора—тогда быть консерваторомъ значило одно и то-же, что быть мошенникомъ,—успѣла уже въ разныхъ сферахъ петербургской интеллигенціи установиться, и вездѣ, въ этихъ сферахъ, я былъ въ немилости: это одно. А затѣмъ, могъ-ли я не понимать тогда, какимъ немилымъ пришельцемъ долженъ былъ быть камергеръ князь Мещерскій въ средѣ, гдѣ корифеи и князья слова, сознавая себя плебеями, чувствовали и сознавали въ тоже время торжество этого плебеизма и всемогущество своего вліянія на общество и на правительство — вліянія именно демократическаго общества и плебейскаго его вліянія безъ соперниковъ.

Старикъ князь Вяземскій, подъ впечатлѣніемъ злѣйшихъ отзывовъ злого и злораднаго Никитенки, говорилъ мнѣ: ты начнешь свою карьеру публициста прогулкою сквозь строй.

Ф. И. Тютчевъ говорилъ мнѣ: дорогой князь, я привѣтствую ваше намѣреніе, но я впередъ соболѣзную вашимъ испытаніямъ. Вы входите въ среду, гдѣ вамъ все простятъ—и ваши промахи пера, и ваши ошибки стиля, и ваши заблужденія,—но одного не простятъ, что вы князь Мещерскій.

Въ началѣ осени, въ саду его обители я велъ бесѣду съ глубоко-симпатичнымъ и очень умнымъ московскимъ викаріемъ преосвященнымъ Леонидомъ—объ этомъ самомъ предметѣ.

Я пріѣзжалъ къ нему принять его благословеніе на предпринимаемое мною дѣло.

— Я слышалъ о немъ,—сказалъ мнѣ архипастырь своимъ мягкимъ и задушевнымъ голосомъ,—и много думалъ о вашемъ начинаніи, и о вашей рѣшимости. Дѣло трудное.

Подумали-ли вы о томъ что, избираемый вами, желаемый путь, ведетъ васъ на Голгофу? Готовы-ли вы къ нему? Васъ ждутъ враги всѣхъ видовъ. Васъ ждутъ ненависть и клевета враговъ; васъ ждетъ малодушіе друзей; васъ ждетъ страданіе отъ равнодушія; а хорошаго васъ ничего не ждетъ. Правду никто вамъ не проститъ, ни тѣ, которымъ она нужна, ни тѣ, которымъ она вредитъ: обоимъ она ненавистна. А разъ вы вышли на этотъ путь, помните, что уходить съ него нельзя: бросать несомый крестъ и бѣжать отъ него нельзя...

Надъ этимъ всѣмъ—думали-ли вы?

— Да, владыко, надъ всѣмъ этимъ я думалъ, и много думалъ.

— И не боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь...

— Такъ да поможетъ вамъ Сердцевидѣцъ-Богъ,— сказалъ мнѣ архипастырь.—Съ молитвою за васъ, я васъ благословлю...

И онъ благословилъ меня въ этотъ тихій осенній вечеръ, при свѣтѣ заходившаго солнца, въ саду, и затѣмъ обнялъ меня.

Затѣмъ я поговорилъ о моемъ намѣреніи съ Цесаревичемъ. Онъ смотрѣлъ иначе на это дѣло, чѣмъ относились къ нему при Дворѣ. Онъ прямо мнѣ сказалъ, что признаетъ это дѣло хорошимъ и полезнымъ, и вполнѣ ему сочувствуетъ.

— Если печать имѣетъ вредное вліяніе на нашу жизнь,—сказалъ мнѣ, между прочимъ, Цесаревичъ,—то надо надѣяться, что она можетъ тоже приносить пользу.

Но при этомъ я сказалъ Цесаревичу, что меня смущаетъ одно: это мысль, что всѣ меня будутъ ругать, и что тогда явится вопросъ: не будетъ-ли это Ему непріятно въ виду тѣхъ отношеній, которыя судьба между имъ и мною создала?..

На что Цесаревичъ мнѣ отвѣтилъ: когда человѣкъ честно исполняетъ свой долгъ, какое мнѣ дѣло до того, ругаютъ ли его или хвалятъ...

Затѣмъ, я явился къ своему министру, генералу Тимашеву, и просилъ его о дозволеніи мнѣ предпринять изданіе журнала.

Тимашевъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ противъ моего замысла ничего не имѣетъ, но находитъ, что я, какъ чиновникъ особыхъ порученій при немъ, не могу быть редакторомъ журнала, а потому я долженъ себѣ подыскать отвѣтственнаго редактора.

Отыскать редактора—явилось первымъ затрудненіемъ. Затѣмъ явилось и второе. Даже для скромнаго еженедѣльнаго изданія надо было имѣть, чтобы начинать его, какія-нибудь денежныя средства, а у меня ихъ не было.

По этому поводу интересно вспомнить, какъ тогда даже про деньги можно было сказать: Богъ послалъ,—до того полученіе ихъ въ нужную минуту явилось неожиданнымъ и, такъ сказать, совсѣмъ внѣ предвидѣнія и разсчетовъ.

Я встрѣтилъ въ Москвѣ купца и фабриканта изъ села Иванова, почтеннаго и добрѣйшаго человѣка С. Н. Г. Познакомился я съ нимъ въ самомъ Ивановѣ въ 1869

году. Тогда мы показались другъ другу симпатичными, много бесѣдовали и разошлись друзьями.

Потомъ свидѣлись на нижегородской ярмаркѣ. И вотъ въ концѣ осени 1871 года я встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ, поѣхали мы въ Эрмитажъ обѣдать; тамъ, между прочимъ, въ разговорѣ зашла рѣчь о моемъ будущемъ изданіи. Онъ высказалъ горячее сочувствіе дѣлу и, между прочимъ, спросилъ меня: имѣю-ли я на дѣло средства? Я ему отвѣтилъ, что на счетъ средствъ уповаю, что Богъ ихъ пошлетъ, если дѣлу суждено идти, и на этомъ разговоръ нашъ кончился.

На другое утро онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ гостиницу Дюссо и, вынимая изъ кармана пакетъ, отдаетъ мнѣ его...

— Что это?—спрашиваю я его.

— А вотъ, Богъ вамъ посылаетъ на начало дѣла,— отвѣчаетъ онъ мнѣ, улыбаясь.

Оказалось, что въ этомъ пакетѣ было 6.000 рублей...

Я имѣлъ право всѣмъ сердцемъ оцѣнить это приношеніе моего Ивановскаго друга, ибо, за всѣ годы моихъ съ нимъ отношеній, онъ никогда ничего для себя не просилъ и только мнѣ оказывалъ услуги.

Явилось нѣсколько другихъ жертвователей, разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ, но тоже изъ сочувствія къ предпринимаемому дѣлу и, такимъ образомъ, второе препятствіе было на предстоящій годъ устранено...

Первое препятствіе устранилось тоже въ концѣ года. Я нашелъ редактора въ лицѣ прибывшаго тогда изъ Кіева Г. К. Градовскаго (потомъ Гамма), но не скажу, какъ про тѣ деньги, что Богъ мнѣ его послалъ...

Впрочемъ, тогда молодой Градовскій знакомился со мною если не при дѣйствительномъ, то, во всякомъ случаѣ, при казавшемся единомысліи; даже болѣе того: онъ

не въ наймиты шелъ по чужому дѣлу, онъ, казалось мнѣ, шелъ изъ сочувствія къ цѣли и къ стремленіямъ новаго изданія, и какъ будто относился къ нему, какъ къ своему дѣлу. Во всякомъ случаѣ, при обмѣнѣ мыслями диссонансовъ никакихъ между нами не проявлялось...

Вступилъ я въ этотъ новый для меня міръ далеко не одинокимъ, а, напротивъ, окрыленный цѣлымъ кружкомъ такихъ существенно цѣльныхъ и крупныхъ воспріемниковъ для будущаго дѣтища, что и съ этой духовно существенной стороны я могъ смѣть думать, что Богъ не оставлялъ Своею милостью дѣло...

Воспріемниками были К. П. Побѣдоносцевъ, А. Н. Майковъ, Ф. М. Достоевскій, Ф. И. Тютчевъ, Н. Н. Страховъ, М. О. Кояловичъ, Б. М. Маркевичъ.

Тогда же основались мои среды...

Онѣ назывались литературными. Но вѣрнѣе ихъ было назвать политическими, ибо главными предметами бесѣдъ и споровъ, главною причиною оживленія была политика дня въ жизни государственной и въ жизни печати...

Органъ признавался всѣми воспріемниками его нужнымъ. Слѣдовательно, съ этой стороны сомнѣнія въ его пользѣ не было.

Но сомнительнымъ, и въ видѣ вопросительнаго знака былъ я, ибо съ дѣломъ, за которое я брался, соединялись для меня почти мои первые шаги въ литературной дѣятельности... По этой части формуляръ былъ очень бѣденъ...

По части газетной полемики я имѣлъ только одну статью когда-то въ «Сѣверной Пчелѣ», затѣмъ одинъ сатирическій эпизодъ, подъ названіемъ: «Россія подъ перомъ замѣчательнаго человѣка» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и «Мои очерки общественной жизни въ Россіи», печатавшіеся въ «Русскомъ Инвалидѣ»...

Впрочемъ, при такой собственной скудости я былъ богатъ духовнымъ міромъ моихъ воспріемниковъ. Отъ Побѣдоносцева я получать могъ цензуру мысли, отъ Майкова—вдохновеніе мысли, отъ Достоевскаго—огонь и задоръ для мысли, отъ Страхова—страхъ подпасть подъ его добродушную иронію, отъ Маркевича—тонъ, интонаціи и указанія злобъ дня. Въ сотрудники, для украшенія изданія, попытался было идти и товарищъ мой по училищу, А. Н. Апухтинъ, впервые послѣ долгаго перерыва, наступившаго послѣ печатанія его стихотвореній въ «Современникѣ». Но попытка длилась недолго. Едва успѣлъ Апухтинъ напечатать два-три прелестныхъ своихъ стихотворенія, какъ его выругали современные критики газетъ за одно съ «*Гражданиномъ*», и онъ такъ испугался этихъ разбойниковъ пера и мошенниковъ печати, что сразу замолкъ и спрятался навсегда.

Въ числѣ гостей моихъ былъ и прелестный графъ А. К. Толстой, другъ Б. М. Маркевича. Рѣдко къ кому могло примѣняться это слово: прелестный, какъ къ графу А. К. Толстому...

Онъ именно прельщалъ своею своеправною, гордою въ смыслѣ независимости, и въ то же время своею богатою поэзіею, чистотою, искренностью и красотою мотивовъ душою... Но онъ не былъ изъ воспріемниковъ моего будущаго «*Гражданина*», ибо одинаково искренно ненавидѣлъ двѣ вещи: службу чиновника и полемику газетъ и журналовъ...

Помню его, съ оттѣнкомъ тонкой насмѣшливости, пристально въ меня устремленный недоумѣвающій взглядъ, когда я ему говорилъ о своихъ журнальныхъ мечтаніяхъ. Взглядъ его такъ ясно и такъ искренно говорилъ мнѣ:

вотъ дуракъ!—что я почти чувствовалъ себя передъ нимъ сконфуженнымъ...

Да и не потому одному графъ А. К. Толстой относился къ моему предпріятію съ скептицизмомъ и недоумѣніемъ. Фанатизмъ, съ которымъ онъ оберегалъ самобытность своего я, былъ такъ силенъ и глубокъ, что графъ Толстой не сопричислялъ себя ни къ какому лагерю: онъ дорожилъ правомъ не думать, какъ другіе, какъ лучшимъ благомъ своей свободы, а такъ какъ культъ духовной свободы онъ ставилъ выше всего, то мнѣ казалось, что онъ при всей своей оригинальности—скорѣе клонился къ либераламъ, чѣмъ въ нашу сторону, гдѣ онъ не симпатизировалъ слишкомъ опредѣленнымъ рамкамъ вѣрованій.

Это была странная въ своей огромной даровитости русская натура. Трудно было бы представить себѣ болѣе русскаго человѣка, чѣмъ былъ графъ А. К. Толстой. Но въ то же время, какъ только его мысль переходила въ область политической жизни, слышалось или, вѣрнѣе, чуялось, что его духъ русскаго богатыря не роднится со всѣми русскими преданіями и нравами государственной жизни, а льнетъ куда-то за море, въ чужія страны, и къ чужимъ народамъ Запада. Когда я съ нимъ говорилъ о своихъ журнальныхъ идеяхъ, я понималъ, что онъ—не то, что не сочувствовалъ мнѣ, или во враждѣ съ моими стремленіями; нѣтъ, онъ, чуялось мнѣ, не вѣрилъ безусловно въ возможность въ жизненной практикѣ осуществлять идеальность консервативныхъ стремленій. Онъ какъ будто признавалъ, что перенесенныя въ область реальнаго, эти идеальныя стремленія консерватизма обратятся въ холопскій культъ Держимординаго кулака и чиновничьяго пера, и въ то же время, глядя на время, онъ исповѣдывалъ невозможность и безполезность ему мѣшать

свершать свои задачи. И то, и другое объяснило мнѣ, что, при всемъ добромъ ко мнѣ расположеніи, онъ скорѣе, какъ я сказалъ, былъ мыслями съ увлекавшимися свободою, чѣмъ съ тѣми, которые, во имя консерваторскаго культа, мечтали эту свободу тогдашняго времени обуздывать. Онъ отрицалъ пользу такой узды для самихъ идеаловъ, и предсказывалъ, что она будетъ идти только на помощь произволу чиновника.

Но, при всемъ томъ, онъ обѣщалъ мнѣ самое для меня цѣнное: свое уваженіе и, въ доказательство его, свое сотрудничество.

И вотъ, послѣ молебствія въ первое воскресенье 1872 года вышелъ первый №-ръ *«Гражданина»*, еженедѣльнаго изданія, въ томъ самомъ форматѣ, въ какомъ онъ выходитъ доселѣ.

Казалось бы, можно было ожидать отъ опытныхъ и возмужалыхъ органовъ петербургской печати хотя бы немного снисходительности къ первому шагу юнаго собрата, хотя бы изъ порядочности, если не изъ христіанскаго снисхожденія, но не тутъ-то было. Всѣми газетами этотъ первый шагъ былъ встрѣченъ весьма недружелюбно, и съ той минуты по какому-то лозунгу рѣшительно все, что появлялось въ *«Гражданинѣ»*, было предаваемо осмѣянію или брани.

Я выступилъ съ 1,000 съ чѣмъ-то подписчиковъ, и въ теченіе года набралъ еще около 800... Эта цифра доказала, что судьба *«Гражданина»* была рѣшена съ перваго дня его появленія, и его удѣломъ стало быть въ немилости у, такъ называемаго, общественнаго мнѣнія, или, другими словами, не имѣть успѣха. Этотъ неуспѣхъ, къ которому былъ присужденъ *«Гражданинъ»*, былъ слишкомъ незаслуженъ, чтобы казаться случайнымъ: ибо

въ «*Гражданинѣ*» съ самаго начала участвовали сотрудники, по качествамъ своихъ произведеній, призванные вызвать, напротивъ, сочувствіе образованной части общества, но дружный походъ противъ «*Гражданина*» всей печати не позволилъ этимъ образованнымъ людямъ быть въ оцѣнкѣ «*Гражданина*» ни безпристрастными, ни самостоятельными, и съ перваго же раза со всѣхъ сторонъ пришлось имѣть дѣло съ людьми—они то и составили главную причину неуспѣха «*Гражданина*» навсегда,—которые признавали постыднымъ читать такое ретроградное изданіе, и которые ругали его, никогда не глядя на него, такъ сказать, по принципу. чтобы казаться на высотѣ либеральнаго вѣка...

Какъ знаменіе времени, относительно «*Гражданина*», это было пустякъ; и въ самомъ дѣлѣ, какую важность могъ имѣть вопросъ: милость или немилость общественнаго мнѣнія къ журнальчику князя Мещерскаго? Но явленіе это получаетъ значеніе собственно потому, что оно въ маломъ видѣ было ни чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ того несравненно болѣе крупнаго явленія, въ силу коего въ ту эпоху большинство образованныхъ людей малодушно стыдились проявлять все то, что могло бы свидѣтельствовать объ ихъ правительственномъ настроеніи, а о консерватизмѣ подавно.

Нѣсколько лѣтъ спустя мы, консерваторы, поняли, что то, что въ маленькомъ видѣ было въ 1872 году проявлено какъ малодушіе общества относительно «*Гражданина*», то въ болѣе крупныхъ и рѣзкихъ чертахъ проявилось въ колоссальномъ успѣхѣ, которымъ почтило общество въ Петербургѣ героиню дня Засуличъ, за свой подвигъ покушенія на жизнь градоначальника, и въ отреченіи почти всѣхъ отъ этого градоначальника.

Главный контингентъ подписчиковъ «*Гражданина*» составляли духовенство и представители высшаго общества. Въ придворныхъ сферахъ «*Гражданинъ*» имѣлъ скорѣе неуспѣхъ. Изъ Членовъ Императорской Фамиліи его читателями были только Цесаревичъ и Великій Князь Николай Николаевичъ, но, несмотря на этотъ придворный неуспѣхъ, неизвѣстно почему, «*Гражданину*» присвоили значеніе придворнаго органа. При встрѣчѣ симпатичный Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ мнѣ: молодчина «*Гражданинъ*», не унывай... А когда я спросилъ Цесаревича: не непріятно ли Ему, что я вызвалъ своимъ появленіемъ въ журналистикѣ такую ужасную противъ себя брань? Онъ показалъ мнѣ на маленькую кучу вырѣзокъ изъ газетъ, лежавшую на Его столѣ, и сказалъ: вотъ ежедневная порція ругательствъ на васъ, которую мнѣ по почтѣ доставляетъ какой-то, очевидно, вашъ *закадычный другъ*,—прибавилъ онъ, смѣясь.—Но это надо было предвидѣть и смущаться не стоитъ...

Эпизодъ съ *точкою* вызвалъ противъ меня цѣлый ураганъ.

Онъ заключался въ фразѣ, которую я дерзнулъ тогда сказать въ одномъ изъ первыхъ №-ровъ «*Гражданина*» о необходимости поставить къ либеральнымъ реформамъ *точку*. Съ этимъ словомъ все для меня кончилось, какъ будущность, и анаѳема надо мною произнесена была полная.

Одни признали преступленіемъ государственнымъ это смѣть думать, другіе—ставили меня къ отвѣту за то, что я смѣлъ это сказать, говоря: можно это думать, но не слѣдуетъ это говорить.

Характерное тогда было знаменіе времени.

Появилась въ театрѣ Буффъ, въ бывшемъ циркѣ Новосильцева, вблизи Александринскаго театра и Аничкова дворца, знаменитая французская пѣвица Шнейдеръ. Она выбрала для своего репертуара знаменитую оперетку Оффенбаха, «*Герцогиня Герольдштейнъ*». Въ Петербургѣ извѣстіе это произвело сенсацію. Стали ходить толки, что ей не позволятъ давать эту оперетку, такъ какъ всѣ знали, что въ ней героиней въ весьма неидеальномъ видѣ выведена Императрица Екатерина II. Одинокіе старики основательно волновались, говоря: помилуйте, не позволяютъ выводить на сценѣ въ серьезномъ видѣ Петра I,— неужели же дозволятъ въ опереткѣ выводить Екатерину II. Большинство же оспаривало этихъ пуристовъ и говорило: что за вздоръ, во всей Европѣ даютъ эту оперетку, она прелестна, смѣшно ее запрещать у насъ! Къ тому же, кружокъ обожателей въ высшихъ сферахъ у г-жи Шнейдеръ былъ такъ великъ, что нельзя было не предвидѣть побѣды общественнаго мнѣнія надъ цензурными соображеніями, и дѣйствительно, въ афишахъ появился анонсъ знаменитой оперетты, только, съ заглавіемъ «*Сабля моего отца*». Въ одинъ моментъ всѣ мѣста были разобраны въ театрѣ, и въ первое представленіе, кромѣ всего фешенебельнаго общества, было много придворныхъ особъ.

По поводу этого представленія gala, я написалъ возмущеннымъ духомъ статью, находя грустнымъ знаменіемъ времени, что оперетка, въ которой осмѣивается русская монархиня, создавшая для Россіи періодъ славы, и осмѣивается русскій солдатъ, можетъ привлекать къ себѣ въ зрители такое блестящее въ Петербургѣ общество. Я сказалъ тоже, что этотъ примѣръ профанаціи сверху того, что всѣ должны чтить, и почитаніе чего—есть нравствен-

ная сила въ государствѣ,—рано или поздно отзовется опасными признаками общественной деморализаціи...

Тутъ опять произошло курьезное явленіе времени... Печать на меня накинулась съ насмѣшкою, рисуя меня смѣшнымъ Донъ-Кихотомъ; это было въ порядкѣ вещей и не неожиданно; но неожиданно было для меня то, что меня чуть-чуть не привлекли къ отвѣтственности за мою статью, до того въ иныхъ придворныхъ сферахъ она возбудила противъ меня негодованіе. При всемъ своемъ индифферентизмѣ, Тимашевъ не могъ не отвѣтить, требовавшимъ кары противъ *«Гражданина»*, что неловко давать предостереженіе за отстаиваніе престижа Монарха и солдата, хотя бы въ рѣзкой формѣ.

Но меня все-таки пригласили для объясненій къ самому Тимашеву, который сказалъ мнѣ, что *объ такихъ вопросахъ лучше не писать...*

Я наивно на это ему отвѣтилъ: что, мнѣ кажется, лучше было бы въ интересахъ русскаго монархизма и всего, что каждому изъ насъ дорого съ дѣтства, такой пьесы не давать, на что Тимашевъ мнѣ, съ обычнымъ своимъ квіетизмомъ, отвѣтилъ: можетъ быть, вы и правы, но не мы съ вами распоряжаемся театральными репертуарами и въ этомъ, какъ и во всемъ не soyons pas plus royalistes que le roi.

Во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ былъ очень характеренъ въ то время именно, какъ знаменіе времени и какъ картина всеобщей распущенности... Только нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ говорили: вы тогда были правы,—но тогда находить меня правымъ никто не смѣлъ.

Въ этомъ году Богъ помогъ мнѣ совершить другое крупное дѣло, но только съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ

дѣло «*Гражданина*», это окончательное осуществленіе проекта ремесленнаго училища Цесаревича Николая.

Въ 1866 году послѣ почившаго своего брата, Цесаревичъ принялъ въ наслѣдство отъ него маленькій дѣтскій пріютъ, которымъ онъ лично завѣдывалъ. Пріютъ этотъ. для нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, находился у Калинкина моста въ небольшомъ помѣщеніи съ садикомъ. и управлялся почтенною старушкою, севастопольскою сестрою милосердія Щедриною. Этотъ пріютъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, назначивъ меня попечителемъ, и вотъ изъ этого то зернышка разрослось, благодаря сердечной иниціативѣ Цесаревича и участію многихъ лицъ, привлеченныхъ мною именемъ Цесаревича въ радѣтели этого дѣла,— разрослось широкое дѣло.

Расширеніе это шло постепенно. Вначалѣ у меня было только два помощника, старикъ купецъ Быковъ и купецъ Карали; года черезъ два помощниковъ и радѣтелей было человѣкъ десять... Года черезъ два послѣ моего вступленія, удалось мнѣ перевести пріютъ, увеличивъ его личный составъ призрѣваемыхъ, на 5 линію Васильевскаго острова въ сравнительно большой деревянный домъ. Тутъ, два года спустя, удалось на пожертвованія устроить очень милую церковь, благодаря даровому труду тогда извѣстнаго архитектора Гребенки. Познакомился я тогда съ симпатичнымъ я даровитымъ человѣкомъ Н. А. Ермаковымъ, служившимъ тогда вице-директоромъ департамента мануфактуръ въ министерствѣ финансовъ; сразу мы сблизились, и вотъ объектомъ этого сближенія явилась мысль— изъ этого пріюта, получившаго названіе дома призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, сдѣлать двѣ вещи: для мальчиковъ ремесленное училище, для дѣвочекъ рукодѣльную и воспитательную школу; мысль эту я представилъ Цесаревичу.

Онъ съ сердечною теплотою ее одобрилъ, и вотъ мы начали тогда созидательную работу. Начали мы сначала потихоньку, сперва выработали мы уставъ нашего дома призрѣнія, во главу котораго поставленъ былъ совѣтъ. Я былъ назначенъ предсѣдателемъ этого совѣта. Ермаковъ моимъ товарищемъ; право быть членомъ совѣта давалъ ежегодный взносъ 300 рублей, или личный трудъ по завѣдыванію домомъ... И прежде, чѣмъ выработать проектъ грандіознаго ремесленнаго училища, мы ввели уже въ скромныхъ размѣрахъ обученіе столярному дѣлу въ домѣ призрѣнія, и къ 1870 году совѣтъ дома призрѣнія имѣлъ уже болѣе 20 членовъ. Затѣмъ поступилъ къ намъ въ члены талантливый и симпатичный архитекторъ Макаровъ и онъ принялся разработывать планъ будущаго ремесленнаго училища. Вести и подвигать дѣло было не трудно. Талисманомъ было имя Цесаревича и не потому, что Онъ былъ Наслѣдникъ Престола, но потому, что былъ вездѣ и всѣми любимъ, и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца своею простотою и ласковостью въ обращеніи съ людьми. Оттого и деньги и люди являлись отовсюду, и самая мысль о созданіи столь нужнаго для Петербурга ремесленнаго училища вызвала всеобщее сочувствіе. Я обратился къ тогдашнему городскому головѣ Н. И. Погребову, по порученію Цесаревича, съ просьбою объ участіи города въ нашемъ дѣлѣ; онъ созвалъ экстренное собраніе думы, на которомъ почти единогласно дума постановила и на счетъ отвода земли для будущаго ремесленнаго училища и на счетъ участія города въ самомъ дѣлѣ. Обратился я тоже къ министру финансовъ М. Х. Рейтерну, и тамъ нашелъ полнѣйшую готовность содѣйствовать успѣху дѣла, энергически предпринятаго Цесаревичемъ.

И дѣло росло такъ скоро и такъ успѣшно, что въ 1872 г. лѣтомъ уже состоялась закладка будущаго зданія на землѣ, отведенной совѣту на углу 1-й роты Измайловскаго полка и Обуховскаго проспекта, — въ присутствіи Цесаревича, окруженнаго многочисленнымъ уже совѣтомъ дома призрѣнія...

XII.

(1872—1873 гг.).

Мое сближеніе съ Достоевскимъ.—Его характеристика.

Къ концу перваго года изданія моего «*Гражданина*» мнѣ пришлось разочароваться въ моемъ alter ego, Градовскомъ, или, говоря вѣрнѣе, убѣдиться въ томъ, что онъ не моего прихода, и послѣ нѣсколькихъ маленькихъ стычекъ, чтобы избѣгнуть болѣе крупныхъ недомолвокъ, мы пришли къ мысли, что союзъ нашъ долженъ расторгнуться по взаимному соглашенію, и что съ будущаго года я долженъ искать себѣ другого издателя-редактора.

Положеніе было критическое... Гдѣ искать такого сотоварища?

И въ эту то трудную минуту, въ одну изъ средъ, когда за чашкою чая мы говорили объ этомъ вопросѣ, никогда не забуду, съ какимъ добродушнымъ и въ тоже время вдохновеннымъ лицомъ—Ѳ. М. Достоевскій обратился ко мнѣ и говоритъ мнѣ: хотите, я пойду въ редакторы?

Въ первый мигъ мы подумали, что онъ шутитъ, но затѣмъ явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевскій рѣшился на это изъ сочувствія къ цѣли изданія...

Но этого мало. Рѣшимость Достоевскаго имѣла свою

духовную красоту. Достоевскій былъ, не взирая на то, что онъ былъ Достоевскій,—бѣденъ; онъ зналъ, что мои личныя и издательскія средства ограничены, и потому сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ для себя только самого нужнаго гонорара, какъ средствъ къ жизни, самъ назначивъ 3,000 рублей въ годъ и построчную плату.

Горизонтъ «*Гражданина*», потускнѣвшій къ концу года, прояснился съ этимъ отраднымъ фактомъ и, понятно, явились надежды на успѣхъ «*Гражданина*», благодаря имени Достоевскаго.

Но Достоевскій оказался пророкомъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—не предавайтесь иллюзіямъ, мое имя вамъ ничего не принесетъ: ненависть къ «*Гражданину*» сильнѣе моей популярности; да и какая у меня популярность? У меня ея нѣтъ, меня раскусили, нашли, что я иду противъ теченія.

И онъ оказался правъ.

Что то холодное, что то злое привѣтствовало Достоевскаго во всей тогдашней печати въ его новой роли хозяина «*Гражданина*». Его признали виновнымъ съ совершеніи гнуснаго дѣла и не заслуживающимъ никакого снисхожденія. Нападенія на «*Гражданинъ*» стали злѣе и интенсивнѣе, а результатомъ было то, что подписка 1873 года обнаружила количество самое незначительное, приблизительно сотни на двѣ увеличенія числа подписчиковъ.

Это уже было несомнѣнное знаменіе времени. Первый годъ можно было объяснить неуспѣхъ «*Гражданина*» моею глупостью или бездарностью, я это охотно допускалъ; но когда во второй годъ умомъ и душою изданія сдѣлался Достоевскій, и все же успѣха не было, что прямо уже значило, что ненависть къ консервативному изданію была искусственно привита тому громадному

стаду, которое тогда носило грандіозное названіе современнаго образованнаго общества.

Въ началѣ второго года открылся новый молодой талантъ въ рукописяхъ «*Гражданина*». Однажды приходитъ ко мнѣ Достоевскій и съ восторгомъ сообщаетъ объ очеркахъ съ сѣвера нѣкоего Немировича-Данченки. Завязалась переписка съ талантливымъ авторомъ. Онъ оказался молодымъ сосланнымъ въ Архангельскую губернію. Несомнѣнность его таланта и чувства, которыми полны были его прекрасныя письма въ минуты испытанія и наказанія, — побудили насъ общими силами хлопотать объ его участи. Графъ Паленъ, тогдашній министръ юстиціи, отнесся сочувственно къ этимъ хлопотамъ, и молодой талантъ былъ помилованъ.

Радость Достоевскаго, когда онъ нападалъ на слѣдъ или на признаки таланта, была трогательна и характерна.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и съ сіяющимъ лицомъ возвѣстилъ, что нашелъ второго Гоголя, копаясь въ ворохѣ рукописей. Дѣйствительно, въ маленькомъ разсказѣ «*Сапоги*» оказался громадный комическій талантъ. Мы добыли автора, скромненькаго чинушку, жившаго на Охтѣ, и начали съ нимъ возиться. Но, по странной игрѣ случая, такъ дальше этого разсказа его творчество не пошло, и то, что онъ сталъ писать послѣ, къ его и къ нашему горю не стоило ни гроша.

Достоевскій былъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ людей, видѣнныхъ въ моей жизни.

Въ самой исторіи его жизни было крупное недоразумѣніе, изъ самыхъ необыкновенныхъ и оригинальныхъ: это разжалованіе его и ссылка въ Сибирь за политическую неблагонадежность, даже болѣе того, — за участіе въ

какомъ то будто заговорѣ противъ Николая I!.. Я не видѣлъ на своемъ вѣку болѣе полнаго консерватора, не видѣлъ болѣе убѣжденнаго и преданнаго своему знамени монархиста, не видѣлъ болѣе фанатичнаго приверженца самодержавія, чѣмъ Достоевскій, и этотъ Достоевскій попалъ въ Сибирь и на каторгу за политическія преступленія!

Какъ это могло случиться, я никогда не могъ понять, и изъ всего, что я могъ узнать отъ него о томъ печальномъ событіи его жизни, когда молодымъ офицеромъ-инженеромъ онъ былъ замѣшанъ и схваченъ въ такъ называвшейся тогда исторіи Петрашевскаго, я вынесъ убѣжденіе, что главная причина такого драматическаго эпизода въ жизни Достоевскаго была его гордая и цѣльная натура, неподдававшаяся ни на какіе компромиссы, ни на какія уступки, вслѣдствіе которой онъ пальцемъ не двинулъ, чтобы себя выгораживать, и ужъ, разумѣется, ни звукомъ не выдалъ кого-либо изъ тѣхъ, которые его вовлекли въ это драматическое недоразумѣніе.

Тѣмъ же гордымъ въ своей бѣдѣ онъ былъ на каторгѣ, и уже послѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ, мнѣ пришлось слышать отъ товарищей Достоевскаго на каторгѣ, что тамъ, на мѣстѣ его мукъ, авторъ «Записокъ Мертваго Дома» изображалъ между каторжниками и ссыльными самого фанатическаго апостола завѣтовъ преданности Русскому Государю и самодержавію, и эти проповѣди его производили сильное и благотворное дѣйствіе на молодыя, пошатнувшіяся и блуждавшія во тьмѣ души.

Оттого къ чувству благодарности и дружбы, которыя я питалъ къ Достоевскому, всегда присоединялось во мнѣ самое искреннее благоговѣніе къ этому гордому мученику

рокового недоразумѣнія, которому все давало право если не быть злобнымъ, то хотя бы съ горечью глядѣть на жизнь и на людей, и который вмѣсто того, отъ незаслуженной каторги, на всю жизнь подорвавшей его физическій организмъ, вынесъ душу, пылавшую огненною преданностью къ Русскому Царю, и тверже, чѣмъ когдалибо, закаленную во всѣхъ самыхъ строгихъ принципахъ консерватизма.

Такого цѣльнаго и полнаго консерватора я никогда не видѣлъ и не встрѣчалъ... Мы всѣ были маленькими передъ его грандіозною фигурою консерватора... Апостолъ правды во всемъ, въ крупномъ и въ мелочахъ, Достоевскій былъ какъ аскетъ строгъ, и какъ неофитъ фанатиченъ въ своемъ консерватизмѣ... И тутъ какая оригинальность въ сопоставленіи того, чѣмъ Достоевскій былъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ слылъ для массы русскаго интеллигентнаго люда, искавшаго въ немъ, благодаря его эпохѣ, какого-то фетиша либеральной революціонной партіи.

Этихъ то своихъ поклонниковъ Достоевскій ненавидѣлъ. Достоевскій *умѣлъ* ненавидѣть, это была черта его духовной личности, которую я вообще встрѣчалъ въ людяхъ рѣдко, а въ консерваторахъ подавно... Такое *умѣнье* ненавидѣть политическою ненавистью я встрѣчалъ только въ двухъ людяхъ, въ одинаковой мѣрѣ, но въ совершенно противоположныхъ образахъ мыслей: это въ Ю. Ф. Самаринѣ и Ф. М. Достоевскомъ. Самаринъ ненавидѣлъ, напримѣръ, русскаго дворянина всѣми фибрами своего существа; Достоевскій ненавидѣлъ съ тою же силою души русскаго революціонера. Но различіе было большое въ качествѣ души... Я рѣдко встрѣчалъ такую богатую въ то же время любовью къ идеаламъ душу, любовью къ человѣку, какъ у Достоевскаго... У Сама-

рина избытокъ ненависти происходилъ отъ недостатка любви; у Достоевскаго ненависть, какъ у всѣхъ апостоловъ, была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избытка любви къ идеаламъ и къ правдѣ. Оттого тою же ненавистью дышала его душа ко всякому виду неправды и лжи... Въ ненависти къ революціонерамъ Достоевскаго было два двигателя: ненависть къ нимъ за вредъ, который они приносятъ русскому народу, и ненависть за ложь въ ихъ проповѣдничествѣ...

Не было человѣка добрѣе Достоевскаго... Онъ готовъ былъ все, и жизнь, и послѣдній грошъ отдать на помощь другому: но какъ часто я слышалъ, что никто такъ не казался злымъ человѣкомъ, какъ онъ... И дѣйствительно, бывало, на моихъ вечерахъ, пока всѣ сидѣвшіе съ нимъ были близкіе, Достоевскій бывалъ очарователенъ и разсказами, и остроуміемъ, и своею оригинальною по смѣлости логикою. Но едва только входилъ гость ему мало или вовсе незнакомый, сразу Достоевскій входилъ, какъ улитка, въ свою раковину, и превращался въ молчаливаго и злого на видъ истукана, и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока этому незнакомцу не удастся произвести на Достоевскаго симпатичнаго впечатлѣнія... И бѣда была, если, не дождавшись этого впечатлѣнія, незнакомецъ рѣшится заговорить съ Достоевскимъ: непремѣнно приходилось ждать со стороны Достоевскаго злую физіономію и какую-нибудь грубую реплику.

Достоевскій былъ врагъ современнаго женскаго вопроса, тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, принимавшаго смѣшное олицетвореніе въ стриженыхъ дѣвахъ, въ синихъ очкахъ и тому подобныхъ наружныхъ проявленіяхъ... А между тѣмъ эти стриженыя и синеочковыя дѣвы, не

подозрѣвая ненависти къ нимъ Достоевскаго, постоянно къ нему лѣзли, какъ къ *своему*, будто бы, учителю.

Не разъ приходилось мнѣ присутствовать при такихъ комическихъ qui pro quo:

Входитъ современная женщина. Не замѣчая злую физіономію Достоевскаго, и не прислушиваясь къ тому рѣзкому и строгому тону, съ какимъ онъ встрѣчаетъ ее словами: что вамъ нужно? она, вся полна своими современными мотивами, сразу начинаетъ ...ли захлебываться всласть и съ горящими глазами, съ пылающими щеками выпаливаетъ свои причитанія...

Достоевскій ее слушаетъ и внимательно, и нервно, и я вижу по лицу его, что каждая черта принимаетъ какой-то острый характеръ, что внутри кипитъ вулканъ, чувствую, какъ онъ сдерживается, и вотъ въ ту минуту, когда, выпаливъ свой зарядъ современныхъ мотивовъ по женскому вопросу, несчастная стриженая ждетъ отъ *своего* Достоевскаго одобрительное слово — неумолимый врагъ женскаго вопроса обращается къ ней съ вопросомъ: вы кончили?..

— Кончила, — отвѣчаетъ стриженая.

— Такъ вотъ что, слушайте меня, я буду кратче васъ, вы много болтали... а я вамъ вотъ что скажу: все, что вы говорили пошло и глупо, понимаете вы, глупо: наука безъ васъ можетъ обойтись; а семья, дѣти, кухня безъ женщины не могутъ обойтись... У женщины одно призваніе — быть женою и матерью... Другого призванія нѣтъ, общественнаго призванія никакого нѣтъ и не можетъ быть, все это глупости, бредни, вздоръ... И все, что вы мнѣ разсказывали — вздоръ, слышите, вздоръ... Больше я вамъ ничего не скажу.

Вотъ разговоръ, который мнѣ пришлось слышать и который я запомнилъ.

И такимъ неумолимымъ и несговорчивымъ Достоевскій былъ во всѣхъ модныхъ либеральныхъ вопросахъ, онъ ихъ ненавидѣлъ изъ-за ихъ фальши...

И сила убѣжденности была такъ велика и глубока, что къ концу года моихъ ежедневныхъ отношеній съ Достоевскимъ я понялъ, какъ я былъ юнъ до встрѣчи съ нимъ въ своемъ консерватизмѣ, и почувствовалъ, какъ я, благодаря ему, укрѣпился и развился въ своемъ консерватизмѣ. Его вліяніе на меня было глубочайшее и рѣшающее на всю мою жизнь.

XIII.

(1872—1873 гг.).

Политика внѣшняя.—Усиленіе германской дружбы.—Пріѣздъ германскаго императора.—Смерть Наполеона III.

Къ числу главнѣйшихъ событій этого времени, въ сферѣ европейской политики, слѣдуетъ отнести—новые и крупные шаги, сдѣланные нами на пути того сближенія съ Берлиномъ, которое поставило насъ еще до войны въ полную зависимость отъ бисмарковскаго всемогущества.

Тутъ было что-то роковое, ибо, казалось бы, послѣ той безцеремонности, съ которою этотъ самый Бисмаркъ позволялъ себѣ проявлять свое пренебреженіе къ петербургскому кабинету до, во время и послѣ войны 1870 года, глумясь надъ его попытками посредничества, должно было ожидать скорѣе охлажденія къ Берлину, чѣмъ влеченія.

Но судьбѣ угодно было вести событія иначе.

Объясненіе этого страннаго qui pro quo въ то время нѣкоторые наблюдательные умы находили въ одномъ маленькомъ психическомъ явленіи, въ томъ наркотичномъ дѣйствіи, которое имѣло на князя Горчакова волшебное возвышеніе своего коллеги князя Бисмарка.

Эта бисмарковская эпопея величія, эта бисмарковская
е давали бѣдному русскому канцлеру покоя ни

днемъ, ни ночью. Онъ завидовалъ ему всѣми фибрами своего существа, и все, рѣшительно все, въ чемъ онъ натыкался на это прославленіе Бисмарка, было для него остріемъ меча въ сердце. Я помню, какъ разсказывали про то, съ какимъ огнемъ накидывался князь Горчаковъ тогда, когда кто-нибудь при немъ произносилъ слова: le chancelier, и подъ этими двумя словами разумѣлъ Бисмарка. Quel chancelier, восклицалъ, сердясь, князь, il y a deux chanceliers Bismarcq et moi! Въ такомъ психическомъ положеніи относительно своего соперника, казалось бы, князь Горчаковъ долженъ былъ бы все дѣлать, чтобы проявить къ нему свое пренебреженіе и пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы доказывать Бисмарку: qu'il y a deux chanceliers en Europe. Это было бы по меньшей мѣрѣ естественно.

Но по волѣ судебъ не тутъ-то было, и всякій разъ, когда бѣдный Тютчевъ выходилъ изъ кабинета князя Горчакова, онъ громко стоналъ и глубоко вздыхалъ отъ увидѣнныхъ или услышанныхъ имъ въ князѣ Горчаковѣ проявленій культа къ князю Бисмарку. На третьемъ словѣ у князя Горчакова былъ всегда Бисмаркъ и, въ милонаивномъ предположеніи кому-нибудь отвести глаза, онъ всегда приплеталъ Бисмарка къ разговору о событіи или фактѣ такъ, чтобы его собесѣдникъ могъ подумать, что Бисмаркъ отъ него получилъ указаніе, съ нимъ совѣщался, его послушался. Этимъ онъ себя тѣшилъ, поддерживалъ свою зависимость отъ Бисмарка и свое поклоненіе ему, и на самомъ дѣлѣ весь жилъ мыслями въ Берлинѣ, несравненно болѣе, чѣмъ въ своемъ министерскомъ кабинетѣ. А Бисмаркъ, который отлично понималъ свое значеніе въ Петербургѣ и свой престижъ въ душѣ русскаго канцлера, очень искусно поддерживалъ это психи-

ческое его состояніе, то вызывая, какъ кокетливая красавица, припадки въ немъ ревности, то очаровывая его волшебными ласками. Для этихъ цѣлей онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень искуснаго обольстителя, въ лицѣ перваго германскаго посла въ Петербургѣ, смѣнившаго прежняго прусскаго посланника, молодого умнаго и обворожительнаго принца Рейса. Онъ сразу сумѣлъ совсѣмъ очаровать старика-канцлера, и вся соль этого обольщенія заключалась въ томъ, что принцъ Рейсъ во время давалъ ощущать князю Горчакову, что не Бисмаркъ, а онъ ведетъ политику Европы, и князь Горчаковъ ему вѣрилъ, то-есть хотѣлъ всему вѣрить, чтобы испытать пріятное ощущеніе.

Но вдругъ въ одинъ печальный для князя Горчакова день ясное чело его отуманилось; онъ сталъ хмуриться и озабочиваться. Появился третій канцлеръ въ Европѣ, о которомъ заговорили,—молодой, красивый, умный, богатѣйшій изъ богатыхъ, сразу ставшій героемъ дня, – это былъ графъ Андраши, новый австрійскій премьеръ.

А нахмурился нашъ бѣдный канцлеръ по той же причинѣ, по которой этотъ Андраши сталъ сразу героемъ дня: опять-таки изъ ревности, ибо первое движеніе, которое сдѣлалъ Андраши, вступивши въ должность главы австрійскаго кабинета,—былъ глубокій поклонъ князю Бисмарку и, затѣмъ, полетъ въ его могучія объятія. Горчакова защемила ревность друга; онъ увидѣлъ соперника на груди Бисмарка, и чтобы помочь новому горю, принялся ухаживать за своимъ новымъ соперникомъ... Кабинетъ русскаго канцлера сталъ оглашаться именемъ Андраши такъ же часто, какъ прежде именемъ Бисмарка; князь Горчаковъ ему сталъ писать пылавшія любезностью письма; Андраши, разумѣется, принималъ эти новыя ласки

отъ маститаго коллеги съ наружнымъ благоговѣніемъ, и князь Горчаковъ началъ было успокаиваться въ своихъ тревогахъ политической ревности, какъ вдругъ опять поводъ къ тревогѣ и на этотъ разъ болѣе серьезный.

Графу Андраши понадобилось для блеска своихъ первыхъ шаговъ свиданіе съ Бисмаркомъ въ торжественной обстановкѣ европейскаго событія, и для этого, сообща съ Бисмаркомъ, онъ придумалъ свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ—австрійскаго и германскаго. Этому свиданію предназначалось быть своего рода назиданіемъ для всей Европы и, пожалуй, даже для Россіи.

Князь Горчаковъ пришелъ въ болѣе тревожное состояніе отъ этого извѣстія, чѣмъ въ ту ночь 1870 года, когда онъ ждалъ отвѣта отъ Англіи на декларацію о черноморскомъ флотѣ.

Но этотъ фактъ, кромѣ смысла укуса для ревности князя Горчакова по Бисмаркѣ, имѣлъ свое важное политическое значеніе, и если не было въ интересахъ Россіи закабаливать себя въ роли наперсницы Берлинскаго кабинета, то еще менѣе могло быть въ ея интересахъ допускать соглашеніе Австріи съ Германіею на началахъ отстраненія отъ него Россіи.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія этихъ русскихъ интересовъ, надо отдать справедливость князю Горчакову, что онъ piqué au vif сумѣлъ, тѣмъ не менѣе, хладнокровно повести очень ловко контръ-интригу противъ Андраши, результатомъ которой явилось свиданіе уже не двухъ, а трехъ императоровъ въ Берлинѣ.

Для этой контръ-мины князь Горчаковъ не пожалѣлъ самыхъ энергичныхъ словъ и дѣйствій... Началъ онъ съ колкостей по адресу австрійскаго посла, давая ему понять, что Государь съ неудовольствіемъ видитъ въ этомъ сви-

данін интригу Андраши. Затѣмъ, по адресу принца Рейса, князь Горчаковъ не поскупился на упреки въ неблагодарности и неделикатности со стороны Берлинскаго двора, и въ заключеніе такъ настроилъ своими мотивами самого Государя, что Онъ рѣшилъ при личномъ свиданіи съ принцемъ Рейсомъ сказать ему знаменитыя слова: il paraît qu'on ne veut pas de moi à Berlin... Разумѣется, эти слова возымѣли дѣйствіе сто тысячъ разъ больше, чѣмъ слова князя Горчакова. Дѣйствіе ихъ было магическое. Принцъ Рейсъ, разумѣется, немедленно передалъ ихъ своему императору. Въ Берлинѣ они произвели необыкновенно сильное дѣйствіе. Въ старикѣ императорѣ Вильгельмѣ слова Державнаго Племянника нашли, разумѣется, самый искренній отголосокъ; онъ просто имъ обрадовался, какъ сердечной для него отрадной вѣсти, и немедленно поспѣшилъ о томъ сообщить императору австрійскому, который въ свою очередь сдѣлалъ видъ, что очень обрадовался свиданію съ Русскимъ Императоромъ, и даже поспѣшилъ отправить въ Петербургъ одного изъ своихъ племянниковъ, эрцгерцоговъ, чтобы получить отъ Императора Александра указанія насчетъ времени свиданія. Менѣе обрадовались этой вѣсти князь Бисмаркъ и его новый другъ графъ Андраши, ибо, съ прибытіемъ Императора Русскаго, берлинское проектированное свиданіе двухъ Императоровъ лишалось своего политическаго сепаратнаго характера... Но князь Бисмаркъ отъ своей первоначальной спеціальной цѣли берлинскаго свиданія не отказался, и, не смотря на то, что въ концѣ августа съѣхались одновременно два Императора съ ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ, и три Императора всѣ четыре дня проводили
ччно вмѣстѣ, не смотря на то, что политическіе
ры велись между тремя канцлерами, князь Бисмаркъ.

какъ узнали объ этомъ послѣ, успѣлъ въ эти 4 дня заключить секретный договоръ съ Австріею, съ цѣлью взаимнаго обезпеченія себя союзомъ на случай войны одного изъ двухъ государствъ... Ясно стало, когда объ этомъ было узнано, что Германія себя заручила Австріею въ виду Франціи, а Австрія заручила себя Германіею въ виду Россіи...

Уѣзжая изъ Берлина наканунѣ дня своихъ пмянинъ, Государь получилъ отъ своего Державнаго Дяди обѣщаніе, что увидитъ Его въ Петербургѣ на Георгіевскомъ праздникѣ. Но обѣщаніе это старецъ-императоръ исполнить не могъ, такъ какъ, оступившись, онъ повредилъ себѣ ногу за нѣсколько дней до 26 ноября. Вмѣсто того, императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи князя Бисмарка, пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1873 года, и пробылъ нашимъ гостемъ почти 2 недѣли.

Эти двѣ недѣли носили названіе германской недѣли. Всѣ поражались бодростью, неутомимостью и подвижностью стараго императора. Онъ, буквально, цѣлый день былъ на ногахъ и въ эти двѣ недѣли осмотрѣлъ Петербургъ во всѣхъ его подробностяхъ, интересуясь каждою изъ нихъ, какъ молодой человѣкъ, начинающій жить. И кромѣ того, онъ былъ самымъ свѣтскимъ человѣкомъ во все это время, дѣлая визиты, принимая приглашенія на завтраки, обѣды и вечера. Само собою разумѣется, что всѣ находились подъ обаяніемъ его чаръ любезности, вниманія и даже ласковости.

Князь Бисмаркъ, въ этомъ отношеніи, вторилъ своему императору. Онъ все время былъ въ самомъ розовомъ состояніи духа, и расточалъ любезности по адресу всякаго, какъ влюбленный и счастливый молодой человѣкъ.

Не только при каждомъ случаѣ онъ говорилъ о своихъ

русскихъ симпатіяхъ, но однажды, въ разговорѣ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, онъ съ извѣстнымъ одушевленіемъ сказалъ даже слѣдующую громкозвучную фразу: если я когда-либо что-нибудь сдѣлаю противъ Россіи и Государя, я буду считать себя измѣнникомъ. Во всѣхъ гостиныхъ по адресу Вильгельма и Бисмарка только и слышалось: il est charmant, и ни единое маленькое облачко не омрачало горизонта этихъ Вильгельмовскихъ двухъ недѣль.

Помню, какъ я навѣстилъ одну изъ почтеннѣйшихъ русскихъ старушекъ, С. П. Апраксину, знавшую еще смолода императора Вильгельма, какъ разъ послѣ визита его у нея...

Послѣ воспоминаній о прошломъ, умная старуха перешла въ разговорѣ съ своимъ сверстникомъ къ новѣйшей эпохѣ, и вынесла глубокое впечатлѣніе отъ смиренія и скромности этого старца-агамемнона. Въ задушевной бесѣдѣ съ нею, старецъ-императоръ всю свою необыкновенную по славѣ судьбу приписывалъ волѣ Провидѣнія, а себя признавалъ только исполнителемъ его судебъ... Я очень радъ,—говорилъ добродушно старикъ,—что не чувствую себя гордящимся, а только благодарнымъ Богу... Не менѣе добродушенъ былъ Вильгельмъ въ своей скромности относительно своихъ сподвижниковъ. Долгъ человѣческой славы и успѣха онъ имъ воздавалъ безъ остатка, ничего не отнимая отъ нихъ въ свою пользу. Это была замѣчательная черта Вильгельма: стоять около человѣка, своего подданнаго, и говорить ему: я кланяюсь твоему величію, безъ малѣйшей зависти...

Помню разсказъ, какъ однажды въ Эмсѣ, гуляя по саду, Императоръ Вильгельмъ и Нашъ Государь сѣли на скамейку, причемъ Государь сказалъ своему дядѣ: здѣсь

мы уйдемъ отъ поклоновъ. Едва они сѣли, какъ показался въ аллеѣ Бисмаркъ. Увидѣвъ его, Вильгельмъ сказалъ: вотъ тотъ, который насъ освободитъ отъ поклоновъ и заберетъ ихъ всѣ себѣ...

Эти двѣ недѣли пребыванія Вильгельма въ Петербургѣ имѣли характеръ чисто семейный и сердечный, а потому политическаго значенія не имѣли. Да и не о чемъ было тогда вести политическіе разговоры, такъ какъ все было спокойно на европейскомъ горизонтѣ.

1873 годъ начался печальнымъ дѣломъ Нечаева, а кончился знаменитымъ рескриптомъ 1 января 1874 г. на имя графа Д. А. Толстого. Нечаевское дѣло явилось, увы, прологомъ будущей эпохи подвиговъ анархистовъ и террористовъ. Въ 1869 году въ ноябрѣ Нечаевъ, студентъ Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ, въ роли коновода шайки анархистовъ, собралъ трехъ сподвижниковъ, и подчинивъ ихъ своей желѣзной волѣ—убилъ студента Иванова изъ ненависти къ нему за то, что тотъ не подчинялся его авторитету. Затѣмъ онъ бѣжалъ за границу, и только два года спустя выданъ былъ швейцарскимъ правительствомъ Россіи, какъ убійца. Его судили въ московскомъ окружномъ судѣ съ присяжными засѣдателями. На судѣ Нечаевъ держалъ себя дерзко, даже нагло, прерывалъ рѣчи прокурора и предсѣдателя суда; дѣлалъ революціонные возгласы и угрозы, и въ заключеніе присужденъ былъ, къ общему удивленію, только къ 20-лѣтней каторгѣ. Нашлись смягчающія обстоятельства для этого мерзавца. И съ этого дня Нечаевъ сталъ героемъ для всей революціонной молодежи, и мы поняли, что судъ церемонится съ «Нечаевыми».

1-го января 1874 года состоялся, какъ я сказалъ, очень знаменательный актъ въ области внутренней поли-

тики. Это рескриптъ Государя на имя министра народнаго просвѣщенія, графа Толстаго, объ участіи дворянства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Прежде всего являлся вопросъ: чѣмъ собственно могъ быть вызванъ этотъ рескриптъ? По поводу этого вопроса надо замѣтить, что Государь не переставалъ въ себѣ чувствовать извѣстное, такъ сказать, чувство должника относительно дворянства. Не разъ окружавшіе его слышали изъ устъ его сознаніе, что дворянство сильно пострадало отъ реформъ и что оно нуждается въ поддержкѣ. Но такъ какъ это чувство могло находить отголосокъ только развѣ въ одномъ или двухъ изъ приближенныхъ къ Государю изъ государственныхъ лицъ, въ графѣ Шуваловѣ, напримѣръ, и въ графѣ Толстомъ,—послѣдній могъ быть ограниченъ въ своемъ вліяніи, ибо видѣлся съ Государемъ только одинъ разъ въ недѣлю за докладомъ,—то само собою разумѣется, что стремленія Государя что-либо сдѣлать для дворянства далѣе желаній не шли. Вопросъ о народной школѣ въ это время занималъ правительство потому, что, не смотря на строгую дисциплину, введенную графомъ Толстымъ въ свое министерство народнаго просвѣщенія, и не взирая на то, что у него въ рукахъ, какъ у оберъ-прокурора святѣйшаго синода, было духовенство, собственно народная школа шла очень неудовлетворительно: отчасти вслѣдствіе либеральнаго вліянія земства, а главнымъ образомъ вслѣдствіе духа времени, тогда царившаго, сельская школа дѣлалась прямо ареною самой безцеремонной нигилистической пропаганды, гдѣ, подъ предлогомъ новыхъ системъ нагляднаго обученія, культа естественныхъ наукъ и т. п., изгонялась изъ школы религія со всѣми спутниками ея въ видѣ старыхъ преданій сельской школы.

Въ виду этого графу Шувалову пришла мысль заинтересовать дворянство въ этомъ дѣлѣ, мысль эту онъ сообщилъ графу Толстому, который ее принялъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и вотъ сообща они выработали рескриптъ, который Государь, какъ говорили тогда, подписалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и появленіе котораго произвело въ Петербургѣ много оживленныхъ толковъ въ обоихъ направленіяхъ. Въ лагерѣ петербургскихъ либераловъ рескриптъ былъ принятъ злорадно; пожимали плечами и говорили: что за воззваніе къ сословію, умѣвшему только проѣдать свои имѣнія? Въ маленькомъ лагерѣ консерваторовъ была радость, и что-то въ родѣ проснувшейся на что-то надежды.

Привожу главныя мѣста этого замѣчательнаго рескрипта, относящіяся до народной школы:

«Заботясь равно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, я повелѣлъ учредить институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя училища эти должны получить указанное имъ правильное устройство и развитіе, сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ Имперіи стремленіемъ къ образованію. Я надѣюсь, что ожидаемое, вслѣдствіе сего, значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніи, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова, съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга. Но достиженіе цѣли, для блага народа столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы,

при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклониться отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собралась, крѣпла и возвеличилась Россія. Какъ лицо, призванное моимъ довѣріемъ къ осуществленію моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите, всегда васъ отличавшее, рвеніе къ тому, чтобы, положенныя въ основу общественнаго воспитанія, начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. Дѣло народнаго образованія, въ духѣ религіи и нравственности, есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предложить о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ, къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ мое довѣріе, я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ

школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію».

Въ отвѣтъ на этотъ рескриптъ, какъ водится, посыпались благодарственные адреса отъ дворянствъ многихъ губерній.

Но замѣчательнымъ было то, что произошло послѣ.

А произошло вотъ что:

1) Ни въ одномъ дворянскомъ собраніи не раздался вопросъ: въ чемъ же должны заключаться участіе дворянства и его роль въ вопросѣ народной школы? и

2) послѣ объявленія рескрипта, никто въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія не задалъ себѣ вопроса: въ чемъ же можетъ проявиться участіе дворянства въ народной школѣ?

Такъ, съ самаго начала, дѣло, увы, обратилось въ слово и таковымъ осталось подпесь...

1873 годъ начался извѣстіемъ о смерти Наполеона III, въ своемъ уединеніи изгнанника въ Англіи. Съ этимъ событіемъ, не произведшимъ въ Петербургѣ никакого особеннаго дѣйствія, для меня связалось одно тяжелое впечатлѣніе,—это начало предсмертной болѣзни, унесшей нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ могилу дорогого и милаго поэта Ф. И. Тютчева.

Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ. Сразу я замѣтилъ необычное въ немъ состояніе: какую-то лихорадочность въ движеніяхъ и какое-то взволнованное состояніе, столь рѣзко различавшееся отъ обычнаго невозмутимаго внѣшняго и внутренняго спокойствія прелестнаго поэта. Войдя, онъ сказалъ мнѣ, что принесъ стихотвореніе на смерть Наполеона III. Затѣмъ онъ досталъ, какъ всегда, клочекъ бумаги, на которомъ каракулями были изображены стихи, и началъ читать.

Во время чтенія, съ нимъ, очевидно, сдѣлался пер-

вый ударъ: онъ не могъ уже разбирать своего почерка. и затѣмъ не могъ уже плавно произносить слова...

Чтеніе прервалось: я испугался его состоянія, усадилъ его, успокоилъ, онъ немного какъ будто очнулся; но при этомъ сказалъ: mauvais présage. Затѣмъ его усадили на извозчика и онъ вернулся домой... Увы, это было началомъ его кончины... Лѣтомъ его не стало...

Стихотвореніе это было послѣднимъ стихотвореніемъ Тютчева.

Вотъ его главныя строки:

И ты свершилъ свой подвигъ роковой,
Великихъ силъ двусмысленный наслѣдникъ,
Мужъ не судебъ, а мужъ случайности слѣпой.
Ты сфинксъ разгаданный—и пошлою толпой!
Но правды Божьей, неземной,
Неотразимый проповѣдникъ,
Ты міру доказалъ, какъ шатко все, въ чемъ нѣтъ
Той правды внутренней! И доказалъ на дѣлѣ:
Ты, волновавшій міръ безъ цѣли,
Всѣ эти двадцать бурныхъ лѣтъ,—
Ты много, много лжи посѣялъ
И много бурь ты возрастилъ.
И уцѣлѣвшаго развѣялъ,
И собраннаго расточилъ!
Народъ, взложившій па тебя вѣнецъ,
Ты ложью развратилъ и погубилъ въ конецъ,
И, вѣрный своему призванью,
Оторопѣвшій міръ игрой своей смутя,
Какъ неразумное дитя,
Ты предалъ долгому шатанью!

Спасенья нѣтъ въ насильи и во лжи—
Какъ ни орудуй ими смѣло—
Для человѣческой души,
Для человѣческаго дѣла!
торжествующій (кто-бъ нынѣ ни былъ онъ!)
жіи насилья и обмана,—
и твой чередъ, и поздно или рано,
ими-жъ будешь побѣжденъ!

XIV.

(1873 годъ).

Кончина Ө. И. Тютчева.—Его оцѣнка.

Оцѣнкѣ Тютчева, скончавшагося въ iюлѣ 1873 года, я посвятилъ въ «*Гражданинѣ*» того года задушевныя строки, которыя считаю умѣстнымъ 24 года спустя помѣстить въ своихъ «Воспоминанiяхъ». Прочитавшiе ихъ тогда забыли, а новые читатели не посѣтуютъ на меня за попытку воскресить образъ прелестнаго поэта въ ихъ умѣ...

Вотъ что я писалъ 24 iюля 1873 года:

«Думаемъ, что никто не станетъ возражать намъ, если скажемъ, что съ кончиною Ө. И. Тютчева мы лишились великаго русскаго поэта! Уже съ этою одною мыслью не мирится скорбящая по немъ душа! Въ наше время много преданiй точно совсѣмъ исчезло о такихъ началахъ человѣческаго общества, которыя прежде, казалось, были у насъ даже жизненными. Къ числу такихъ утраченныхъ нами преданiй, увы! слѣдуетъ отнести преданiе о поэтѣ и поэзiи. Теперь всѣ почти пришли къ прозаическому убѣжденiю, что быть поэтомъ — значитъ писать въ извѣстномъ размѣрѣ и съ риѳмами все о томъ же, о чемъ пишутъ безъ размѣровъ и риѳмъ всѣ пишущiе и печатающiе просто въ прозѣ и о дѣлѣ; что риѳмы,

стало быть, одна только смѣшная и пустая забава. Ѳ. И. Тютчевъ писалъ стихи точно самъ того не вѣдая: они слагались въ его мысли, въ данную минуту, подъ вліяніемъ извѣстнаго сильнаго впечатлѣнія. Ихъ записывали, они быстро расходились между почитателями поэта, и хотя на нѣсколько минутъ заставляли жить въ мірѣ изящнаго, прекраснаго, поднимающаго духъ и, въ особенности, назидательнаго. Стихотворенія эти разбросаны по журналамъ разныхъ эпохъ; вышелъ однажды томикъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, но гдѣ найти все имъ написанное—сказать нелегко, ибо менѣе всего о томъ зналъ самъ поэтъ.

Сказавши, что въ кончинѣ Ѳ. И. Тютчева мы оплакиваемъ утрату великаго русскаго поэта, сказали-ли мы слишкомъ много? Возьмите стихотворенія Ѳ. И. Тютчева какой угодно эпохи, вы въ нихъ найдете разные предметы, вы въ нихъ почерпнете разныя впечатлѣнія, но въ каждомъ изъ нихъ вы найдете одно неизмѣннымъ: зеркало души его. До послѣдняго издыханія онъ былъ человѣкомъ своего времени, своей эпохи; но въ теченіе полустолѣтія его поэтической дѣятельности никто не могъ обидѣть его названіемъ *современнаго поэта* въ томъ смыслѣ этого наименованія, въ какомъ оно понимается теперь. Неисчерпаемый содержаніемъ, духъ его не переставалъ ни на минуту чувствовать, что все прекрасное и великое въ человѣческомъ обществѣ — есть вѣчное, и что все, что этого чувства вѣчности душѣ его не даетъ, все то—не есть то прекрасное, которое создаетъ поэта и поэзію. Поэзія Тютчева никогда не была къ услугамъ сильныхъ міра сего, кто бы они ни были, и гдѣ бы они ни были — на тронѣ или въ литературѣ; но во всякую пору жизни окружавшаго его общества, все прекрасное

въ литературѣ, все прекрасное на тронѣ воспринималось душою поэта во всей его цѣлости и безъ всякой примѣси чего-либо чуждаго, временнаго, условнаго, со всею осторожностью и вѣрностью тонкаго поэтическаго чувства, и составляло предметъ его пѣсни. Въ освобожденіи крестьянъ онъ воспѣвалъ освободившаго ихъ, но въ этой пѣснѣ слышалось вдохновеніе тѣмъ, что восхищало его душу: сочетаніе духа свободы съ духомъ царства; въ этой пѣснѣ слышались такіе же по временамъ звуки, какъ и другихъ поэтовъ его времени, но онъ воспѣвалъ свободу русскаго человѣка, а они все еще пѣли нескончаемыя пѣсни про тираніи помѣщиковъ, про оборванныхъ мужиковъ, про лапти и деготь, про плети и розги, все еще мечтая быть современными. Не было русскаго чувства радости или печали, которое не побывало въ душѣ Тютчева, не содрогнуло его глубоко, не вызвало въ немъ отклика, точь въ точь такого, какъ и у всякаго истинно русскаго человѣка; но ни разу эта лира не оскорбила даже атомомъ звука кого бы то ни было, ибо черпала свое вдохновеніе не тамъ, гдѣ люди сходятся во имя страсти, но тамъ, гдѣ всѣхъ людей, иногда помимо ихъ воли, въ силу какого-то неизбѣжнаго порыва, соединяетъ въ одно—обожаніе чего-то прекраснаго, хотя бы на одинъ только мигъ.

Будучи поэтомъ нашего времени, въ высокомъ и чистомъ значеніи этого слова, Ѳ. И. Тютчевъ, какъ мыслитель, былъ одинъ изъ немногихъ дѣйствительно чтущихъ свободу русскихъ людей! Въ эпоху крѣпостного права онъ слылъ то за вольнодумца, то за славянофила; въ наше время онъ являлся, среди массы мыслящихъ безпорядочно орадочно-свободно людей, какъ будто отсталымъ и якомъ случаѣ какъ передовой человѣкъ весьма

блѣднымъ. Но на самомъ дѣлѣ Ѳ. И. Тютчевъ обширнымъ умомъ и поэтическою душою чтилъ свободу одинаково тогда и теперь, но чтилъ и ее какъ нѣчто великое,—возвышающее, а не унижающее, просвѣщающее, а не затемняющее, облагораживающее, а не заражающее страстью, нравственное, согласное съ религіею, а не исключающее ее! Оттого, среди петербургскаго общества онъ всегда занималъ какъ бы одинокое, ему одному только принадлежавшее положеніе. Ѳ. И. Тютчевъ не могъ быть съ тѣми, которые въ свободѣ видѣли что-то красное, ни съ тѣми, которые, изъ боязни этихъ лжечтителей свободы, считали нужнымъ обуздывать свободу, — свободу русской жизни, русской мысли, свободу движенія впередъ человѣческой мысли!

Не смотря на то,—странная вещь, — Ѳ. И. Тютчевъ былъ, вѣроятно, одинъ въ своемъ родѣ изъ крупно выдававшихся впередъ въ обществѣ мыслителей, про котораго можно было сказать: *у него нѣтъ враговъ*. Это уваженіе, которымъ онъ пользовался именно какъ мыслитель, это ощущеніе людьми мысли прелестей его ума, поэтическаго вдохновенія и остроумія—были какъ будто наградою его еще на землѣ за то, что въ теченіе всей долголѣтней своей жизни онъ никогда не воспользовался своими чудными духовными дарованіями, какъ оружіемъ вреда противъ кого бы то ни было. Онъ вѣрилъ въ безусловное и непосредственное всемогущество истины и красоты на землѣ, считая оскорбленіемъ того и другого какое бы то ни было проявленіе насилія внѣ области мысли. «Оставьте ихъ въ покоѣ!—часто говаривалъ онъ, когда рѣчь заходила о нашихъ радикалахъ прессы,—эти люди слишкомъ лгутъ, чтобы не залгаться, и чѣмъ больше заболтаются, тѣмъ скорѣе сами же себя обезоружатъ».

иу же вспомнимъ, что Ѳ. И. Тютчевъ прекрасною
с мысли или чувства могъ принадлежать даже
ко му лагерю, въ той степени, въ какой находилъ
т . или хоть искру истины; вотъ почему, въ
лъ никогда не принадлежалъ ни къ какой особ-
ли іи и не могъ имѣть враговъ, не имѣя партіи.
аемымъ поэтическимъ чувствомъ, онъ былъ
не троуменъ, но это остроуміе было потому
сегда ьно и прелестно, что оно скорѣе было до-
бродушно, ѣдко-зло, и всегда являлось какъ бы
блестящи и удачнымъ выраженіемъ для самаго про-
стого су нія или душевнаго чувства, особенно понят-
наго въ ю минуту; никогда не было натяжки или
усилія въ его остроуміи, никогда рѣчи на показъ, никогда
ничего похожаго на фейерверкъ возбужденной мысли.
Добродушіе это было такъ естественно, что онъ не только
забывалъ нерѣдко о своемъ остроумномъ словѣ, сейчасъ
же послѣ того, какъ оно, негаданно и нечаянно, бывало
имъ высказано, но иногда хвалилъ остроуміе того, кто,
уже потомъ, а иногда и какъ свое, повторялъ въ его
присутствіи имъ же когда-то высказанное мѣткое и
остроумное слово.

Владѣя обширными познаніями, пополнявшимися по-
стояннымъ чтеніемъ, Ѳ. И. Тютчевъ стоялъ во главѣ
образованныхъ людей нашего общества. Политика и исто-
рія были любимымъ занятіемъ его ума и жизни; опи-
раясь на исторію, онъ являлся убѣдительнымъ, логич-
н и часто весьма строгимъ судьею времени и его
и личностей; вдохновляясь заботами настоящаго,
къ человѣчеству и къ своему народу въ осо-
онъ вносилъ въ это обсужденіе событій ту сво-
пылъ и жаръ души, которые прида-

вали его логикѣ столько краснорѣчія и съ тѣмъ вмѣстѣ столько прелести. Онъ любилъ споръ и спорилъ, какъ мало людей умѣютъ спорить: съ смиреніемъ къ своему мнѣнію и съ уваженіемъ къ чужому, хотя узкій взглядъ, предвзятое мнѣніе и деспотическое своеволіе мысли всегда заставляли его страдать.

Политика и поэзія, въ самомъ широкомъ значеніи этихъ двухъ понятій, были сущностью его жизни,—политика міровой всецѣлой жизни человѣчества, и политика—какъ совокупность вопросовъ, живо и горячо затрогивающихъ интересы Россіи и устраивающихъ ея будущность. На ряду же съ политикой стояла и поэзія, являвшаяся чѣмъ-то родственнымъ политикѣ въ духовномъ существѣ его; и въ ней, какъ въ мирной пристани, онъ находилъ себѣ утѣшеніе отъ людей, которые дѣлали политическія ошибки, и успокоеніе отъ событій, тревожившихъ его душу.

Но у Ѳ. И. Тютчева былъ одинъ врагъ: врагъ этотъ была практическая жизнь. Въ практической жизни онъ былъ несвѣдущъ и неопытенъ какъ дитя. Небольшого роста, съ походкою небрежною, переваливающеюся, онъ внѣшнимъ образомъ какъ будто выражалъ внутренняго человѣка; въ этой внѣшней личности было что-то похожее на небрежность ко всему, что не было духовно, а было вещественно; самое его тѣло словно казалось ему тягостью, которую онъ осужденъ влачить. Находясь, по своему положенію и связямъ, постоянно въ высшихъ слояхъ общества, онъ инстинктивно не умѣлъ проявлять въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ какое бы то ни было, даже въ оттѣнкахъ, различіе, если даже они по условіямъ общественнаго положенія стояли и выше его. Онъ былъ тотъ же съ подчиненными ему чиновниками шо-

страннаго цензурнаго вѣдомства, коего былъ начальникомъ, какъ и съ высшими государственными людьми, съ которыми постоянно сходился. Во дворцѣ онъ былъ также смиренъ и также скромно и переваливаясь прокрадывался между людьми, какъ въ каждомъ домѣ частнаго человѣка, но въ то же время также мало занятъ былъ и величіемъ міра сего съ его безчисленными практическими сторонами. Вездѣ и всякому онъ говорилъ то, что думалъ и, не смотря на то, что стоялъ во главѣ обширнаго отдѣла цензуры, не любилъ стѣсненія мысли, чуть только она была искренна и сколько-нибудь благородна».

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ эти строки, прошло много лѣтъ...

Въ эти четверть вѣка, съ памятью о немъ въ благодарномъ сердцѣ, какъ послѣ всякой понесенной въ это время крупной утраты, я повторялъ все чаще и чаще, глядя на людей, глядя на жизнь кругомъ: гдѣ Тютчевъ, гдѣ тотъ, кто его напоминаетъ?

Въ томъ же году скончалась Великая Княгиня Елена Павловна. И вотъ, 24 года приходилось повторять, глядя на жизнь кругомъ, гдѣ Великая Княгиня Елена Павловна, гдѣ та, которая ее напоминаетъ?..

И такъ съ каждою той эпохи смертью...

Тютчевъ, въ свое время, имѣлъ тоже нѣчто въ родѣ своей политической роли, вслѣдствіе дружбы, связывавшей его съ княземъ Горчаковымъ и вслѣдствіе близости его старшей дочери Анны Ѳедоровны, потомъ Аксаковой, къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ... У обоихъ эта историческая роль Тютчева могла быть уподоблена стражу, никогда не засыпавшему, ходившему взадъ и впередъ и отъ времени до времени вскрикивавшему тревогу... Князь Горчаковъ, какъ умный и воспріимчивый че-

ловѣкъ, любилъ бесѣду Тютчева и въ то же время воспринималъ отъ него вдохновеніе въ ту или другую трудную минуту: вѣрную ноту онъ всегда находилъ въ Тютчевѣ, хотя не всегда, къ сожалѣнію, благодаря другимъ вліяніямъ, подчинялся этой вѣрной нотѣ... Въ Зимній дворецъ Тютчевъ приходилъ къ своей дочери, когда ему приходилось не въ моготу отъ душившихъ его анти-русскихъ кошмаровъ въ политикѣ, и къ дочери своей обращался какъ къ рупору, чрезъ который его патріотическія впечатлѣнія должны были доходить до Царскаго слуха.

XV.

(1873 годъ).

Великая Княгиня Елена Павловна.

Въ началѣ января въ этомъ году еще одна смерть произвела сильное впечатлѣніе, это кончина Великой Княгини Елены Павловны.

Имя это принадлежитъ русской исторіи, и по ея уму, и по ея сердцу.

Чтобы о ней дать читателямъ моихъ «Воспоминаній» вѣрное представленіе, я привожу здѣсь писанное въ «*Гражданинъ*» немедленно послѣ ея кончины.

Вотъ что написано было мною.

«Во вторникъ, 9 января, въ два часа пополудни, послѣ непродолжительной болѣзни, тихо угасла, окруженная Ихъ Величествами и всѣми членами Царской Семьи, Великая Княгиня Елена Павловна, на 68-мъ году своей жизни.

Россіи этой жизни принадлежало 50 лѣтъ; и много, много есть что сказать объ этихъ 50 годахъ жизни покойной Великой Княгини въ Россіи и для Россіи; мы надѣемся въ скоромъ времени познакомить читателей съ подробностями этой жизни, а теперь скажемъ о ней лишь то, что знали и успѣли узнать.

Кончина Великой Княгини Елены Павловны есть для Россіи потеря незамѣнимая.

Въ ней угасла послѣдняя представительница эпохи старой, но въ то же время и гораздо чувствительнѣе умираетъ въ ней одна изъ самыхъ живыхъ, самыхъ плодотворныхъ для добра носительницъ великихъ идей Россіи новой, Россіи свободной, Россіи современной!

Эти прожитые покойною Великой Княгинею 50 лѣтъ въ Россіи были не только посвящены ей всецѣло и исключительно, но были прекраснымъ примѣромъ для подражанія и полнымъ великаго смысла служеніемъ своему новому отечеству.

Въ основу своихъ 50 лѣтъ жизни въ Россіи покойная Великая Княгиня положила мысли, которыя исторія должна почтить безсмертіемъ.

Положеніе русской Великой Княгини не есть преимущество, не есть право наслаждаться тѣмъ, чего другіе не имѣютъ, а *трудная и великая должность* передъ престоломъ и государствомъ, для исполненія которой нѣтъ предѣловъ въ усиліяхъ и любви къ Россіи.

Вотъ мысль, лежавшая въ краю угла этой угасшей жизни, лежавшая потому, что положена была Великою Княгинею сознательно. И если мы вспомнимъ, что эти мысли были ею сознаны и примѣнены къ жизни полъвѣка назадъ, то-есть, тогда, когда Великой Княгинѣ было 17 лѣтъ, то мы поймемъ, сколько нравственнаго богатства пріобрѣла она себѣ въ собственность въ эти 50 лѣтъ, поймемъ и то, почему всякое дѣло, всякое учрежденіе—и дѣлъ и учрежденій этихъ было много,—носившее печать мысли и имя Великой Княгини Елены Павловны, связывались съ этою мыслью и съ этимъ именемъ не случайно, а подъ вліяніемъ потребности Ея

прекрасной души и умѣнья. Ея даровитой природы создать дѣло, вдохновить его жизнью, практически обставить, пустить въ ходъ и посвятить пользѣ Россіи.

Покойная Великая Княгиня, дочь принца Павла Вюртембергскаго, воспитывалась до 16 лѣтъ въ одномъ изъ парижскихъ пансіоновъ, въ самой скромной и простой обстановкѣ.

Въ 1823 году принцесса Вюртембергская пріѣзжаетъ въ Россію. Въ Гатчино, на послѣднемъ привалѣ Ея долгаго путешествія и въ первомъ мѣстѣ пребыванія ея въ Россіи, встрѣчаетъ Ее весь Дворъ, съ Императоромъ Александромъ I и вдовствующею Императрицею Маріею Θеодоровною во главѣ. Здѣсь же производитъ первое сильное впечатлѣніе будущая Великая Княгиня Россіи. Къ величайшему изумленію и всеобщему очарованію молодая Принцесса въ каждомъ изъ тѣхъ, кто Ей представляется.— встрѣчаетъ какъ будто знакомаго и съ каждымъ говоритъ о томъ, что она успѣла о немъ узнать. Представлены Ей были Кутузовъ, Милорадовичъ, Карамзинъ. Послѣдняго молодая Принцесса привѣтствуетъ, какъ исторіографа своего новаго отечества, и говоритъ ему: «прошу знать, что я уже читала исторію вашу по-русски».

Здѣсь начинается новая эра воспитанія Великой Княгини. Одна изъ свѣтлѣйшихъ личностей въ русской исторіи, Императрица Марія Θеодоровна, была во многомъ воспитательницею и нравственною руководительницею молодой Великой Княгини. Это счастливое для Нея событіе объясняетъ многое въ прекрасной жизни ученицы Императрицы Маріи Θеодоровны, и есть одна изъ причинъ развитія нравственной личности Великой Княгини въ томъ прекрасномъ, искренно русскомъ и высоко человѣчномъ духѣ, который собою проникъ Ея жизнь.

Такъ начала Великая Княгиня Елена Павловна свое служеніе Россіи, и можно безъ преувеличенія сказать, что съ поры этого начала въ теченіе полвѣка ни одна минута Ея жизни не пропала даромъ.

Кончина Императрицы Маріи Ѳеодоровны раздѣлила святое и прекрасное ея наслѣдство—благотворительныя и воспитательныя учрежденія—между Императрицею Александрою Ѳеодоровною и Великою Княгинею Еленою Павловною, въ удѣлъ которой достались Маріинскій институтъ, повивальный институтъ съ родильнымъ госпиталемъ и завѣдываніе капиталомъ, завѣщаннымъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною на пенсіи бѣднымъ вдовамъ офицеровъ. Затѣмъ Великая Княгиня получаетъ въ свое завѣдываніе училище для взаимнаго обученія, переименованное въ училище св. Елены: нѣсколько лѣтъ спустя принимаетъ въ свое вѣдѣніе Елисаветинскую дѣтскую больницу, во время Крымской войны учреждаетъ Крестовоздвиженскую общину сестеръ милосердія, затѣмъ послѣ упраздненія общества посѣщенія бѣдныхъ—беретъ подъ свое непосредственное покровительство Максимиліановскую лѣчебницу и, наконецъ, въ послѣдніе годы, принявъ подъ свое покровительство русское музыкальное общество, даетъ ему новую жизнь.

Вотъ перечень отъ нея получившихъ жизнь и непосредственное руководство учрежденій. Но дѣло не въ перечнѣ, а въ томъ, какъ мы сказали, что каждому изъ этихъ учрежденій Она посвящала не досужное, а *все* свое время, каждую минуту этого времени.

И среди этихъ заботъ, самая чудная, самая высокохристіанская и глубоко патріотическая—выразилась въ учрежденіи сестеръ милосердія во время Крымской войны. Спросите у этихъ сестеръ милосердія изъ оставшихся въ

живыхъ, и вы узнаете. что въ тѣ минуты. когда Она создавала это учрежденіе, Великая Княгиня являлась имъ какъ будто въ ореолѣ святости. Мало того, что Она возымѣла мысль учрежденія, Она сама выбирала каждую изъ сестеръ милосердія изъ многихъ, Она сама входила въ ихъ душу, цѣлые дни съ ними проводила въ наставленіяхъ и руководительныхъ бесѣдахъ, каждую осыпала ласками, укрѣпляла вѣрою. вдохновляла любовью, благословляла какъ мать и какъ сестра, и послѣ всѣхъ этихъ чудныхъ минутъ и заботъ возымѣла утѣшеніе увидѣть. какъ на бастіонахъ Севастополя и у одра севастопольцевъ-героевъ показали себя эти ангелы любви, посланные Ею къ солдатамъ и морякамъ!

Война кончается. Расцвѣла жизнь отъ мира и новаго царствованія. И здѣсь наступаетъ еще новая прекрасная минута въ жизни Великой Княгини Елены Павловны. Едва только новый Государь произноситъ слово освобожденія крестьянъ, Великая Княгиня проситъ позволенія это слово осуществить въ своемъ имѣніи и надъ своими крестьянами. Въ 1859 году, получивъ это дозволеніе, она вводитъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ то положеніе для крестьянъ, которое 2 года послѣ составило сущность положенія 19 февраля 1861 года. Но этимъ Она не ограничилась. Великая Княгиня является какимъ-то живымъ средоточіемъ духовныхъ интересовъ этого дѣла для всѣхъ, кого довѣріе Государя и закипѣвшая реформа призывали въ ея дѣятели. Вокругъ Нея, если можно такъ выразиться, происходила та часть работы по крестьянскому дѣлу, которая была одною изъ главнѣйшихъ,—работа душевная, во имя свободной мысли и любви къ Россіи... Здѣсь Она являлась во всемъ блескѣ умной женщины и, давая каждому свободу высказываться, пользовалась

своимъ умомъ, чтобы сглаживать различныя мнѣнія и примирять ихъ представителей. Съ тѣхъ поръ почти по день ея кончины Великая Княгиня не переставала быть этимъ живымъ средоточіемъ новыхъ потребностей русской жизни!

Наконецъ, ясное пониманіе силы искусства въ дѣлѣ развитія народной жизни—побуждаетъ Великую Княгиню взять подъ свое покровительство русское музыкальное общество, но не какъ нибудь и не для формы, а, какъ Она сама говорила, для того, чтобы учрежденіе это было крѣпко и здорово въ своихъ основахъ, и богато жизненнымъ содержаніемъ для полнаго своего развитія. Именно эта-то цѣль самыми настойчивыми усиліями и ежеминутными заботами Великой Княгини была достигнута, и вполнѣ достигнута, ибо музыкальное общество съ его консерваторіями—одно изъ самыхъ живыхъ и успѣшно идущихъ учрежденій въ семьѣ учрежденій свободныхъ и самостоятельныхъ.

Все ли мы сказали о ея дѣлахъ?

Нѣтъ, далеко не все! У покойной Великой Княгини, среди многихъ прекрасныхъ чертъ ея личности, была черта высоко-симпатичная. Великая Княгиня любила, такъ сказать, заставлять иностранцевъ любить Россію и оцѣнивать ея прекрасныя стороны. Зная Россію и людей такъ, какъ мало знаютъ ихъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, Великая Княгиня, если можно такъ выразиться, прилагала къ ознакомленію иностранцевъ съ Россіею особенную ревность и умѣлость; Она умѣла имъ показать людей и дѣла ихъ съ самой привлекательной стороны. Но этого мало: Она всею своею возвышенною душою сумѣла понять то, что составляетъ лучшее достояніе и богатство ея—вѣру и церковь; такъ, оцѣнивъ

ся въ душѣ 15-лѣтней дѣвицы, живой, воспріимчивой, впечатлительной, сталъ разгораться и зажигать около себѣ, вверху и внизу, другіе огни; завязавшаяся въ Ней мысль стала входить въ силу и возбуждать мысль всюду, гдѣ только мѣсто мысли живой и дѣятельной. Ея красота, физическая, умственная и нравственная, съ умѣньемъ обласкать, приблизить къ себѣ, одушевить, стала безсознательно очаровывать всѣхъ, кого вводила она въ кругъ своей мысли. Кто зналъ и не любилъ Ея? Кто, искавшій у Нея помощи на дѣло добра, былъ ею отринутъ? Кто, входя въ кругъ Ея, не подчинялся Ея обаянію и не чувствовалъ себя возбужденнымъ и подвергнутымъ въ глубинѣ духовной своей природы? Вся Она исполнена была жизни и мысли: возбуждая все около Себя, Она сама отовсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія, стремясь всякую истинную и плодотворную мысль превратить въ дѣло и на всякое дѣло поставить людей, разумѣющихъ его и по немъ ревнующихъ. Окруженная блескомъ и роскошью двора и восторженною преданностью многихъ, но много испытавшая борьбы и горя, она ни на минуту не отдавалась нѣгѣ своего положенія, ни на минуту *духа не угашала въ себѣ*—до послѣдняго дня своей жизни. И, по-истинѣ, у смертнаго одра Ея просится на уста, въ поученіе живымъ, апостольское слово: *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе.*

Испытавшіе жизнь знаютъ, какъ много значитъ, сколько можетъ распространить добра около себя подобная натура и въ обыкновенномъ общественномъ положеніи.

Сила творитъ силу, сила вызываетъ силу, сила отъ силы зачинается въ мірѣ духовныхъ соотношеній. Но Усопшая стояла въ жизни на внѣшней высотѣ, на широкомъ мѣстѣ, откуда всѣмъ было Ее видно, и откуда

Ея вліяніе могло распространяться на широкомъ полѣ. И подлинно, въ лицѣ Ея объявлялось и оправдывалось предо всѣми высокое и благодѣтельное общественное значеніе *сана*. Она носила свой санъ достойно и праведно, и все богатство души и внѣшнихъ благъ, дарованное ей Промысломъ, расточила не Себѣ, но людямъ и дѣлу, которому служила.

Еслибъ можно было припомнить и вызвать всѣхъ Ею облагодѣтельствованныхъ, какой многочисленный сонмъ сталъ бы у Ея гроба! Сколько талантовъ отыскала Она, ободрила, воспитала, вывела на свѣтъ и въ дѣятельность! Много сыщется именъ, славныхъ или извѣстныхъ въ наукѣ и искусствѣ,—связанныхъ съ Ея именемъ, выросшихъ подъ Ея покровительствомъ. Стоило Ей только услышать, что въ томъ или другомъ безвѣстномъ углу проснулось дарованіе и нуждается въ поддержкѣ, въ средствахъ къ образованію, какъ уже рука Ея готова была дать, а главное, готово было въ сердцѣ Ея нетерпѣливое желанье призвать, увидѣть, разспросить человѣка, живымъ словомъ своимъ ободрить его, поднять его на высоту и отпустить возбужденнаго, веселаго, съ вѣрою въ свое призваніе, съ отраднымъ сознаніемъ сочувственной силы! Сколько найдется общественныхъ и государственныхъ дѣятелей последняго 25-ти-лѣтнія, которыхъ Она первая узнала, приблизивъ ихъ къ Себѣ, и вывела на дѣло Своимъ покровительствомъ и Своимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ. Сколько разъ—обиженнымъ, оклеветаннымъ, несчастнымъ помогала Она своимъ высокимъ вліяніемъ и заступничествомъ возстановить правду свою и найти доступъ къ милости! Наконецъ, сколько бѣдныхъ благословляли и благословляютъ имя Ея за вѣдомыя Единому Богу личныя Ея благодѣянія!

Но Она не довольствовалась личными благодѣяніями. Благотворительность Ея проникнута была мыслью утвердить доброе дѣло, провесть его въ общество, положить въ немъ зерно прочнаго, непрерывно дѣйствующаго общественнаго учрежденія, поставить его *разумно*. И когда, по мысли Ея, дѣйствіемъ Ею самою выбранныхъ и возбужденныхъ людей возникало учрежденіе, съ какимъ неутомимымъ вниманіемъ слѣдила Она за ходомъ его, вникая во всѣ подробности, осматривая, разспрашивая, поддерживая во всѣхъ дѣятеляхъ силу духовную!

Нерусская по рожденію, Она положила сердце въ новомъ своемъ отечествѣ и посвятила Россіи всю свою дѣятельность. Всѣ великія событія внѣшней и внутреней жизни Русскаго государства отзывались у Ней въ сердцѣ глубоко, вызывали въ Ней живое, дѣятельное участіе, и со многими изъ нихъ, въ самыя знаменательныя эпохи новѣйшей исторіи, связано Ея имя.

Стоитъ припомнить, въ эпоху восточной войны и осады Севастополя, съ какой неутомимою ревностью двинулась Она на помощь раненымъ и больнымъ, посредствомъ Ею созданной и одушевленной Крестовоздвиженской общины; и когда-нибудь безпристрастная исторія обнаружитъ вполнѣ, какая доля участія принадлежитъ Ей въ успѣшномъ приведеніи къ концу великаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Для общества Она была свѣтлымъ центромъ умственнаго одушевленія, и собранія, бывшія въ Ея гостиныхъ, на долго останутся въ памяти всѣхъ, кто ищетъ въ бесѣ-
свѣтлаго, праздничнаго возбужденія мысли, отрезвле-
ія отъ будничной жизни. У Нея можно было встрѣтить
ь пріѣзжающихъ изъ внутренней Россіи или изъ-за
ч л чѣмъ либо замѣчательныхъ въ служебной

и общественной дѣятельности, въ наукѣ, въ искусствѣ. Всякаго Она умѣла приблизить къ себѣ, всякаго Она поднимала на свою высоту, со всякимъ умѣла вести рѣчь именно о томъ, въ чемъ онъ полагалъ свое дѣло; всякій уходилъ отъ Нея съ сознаніемъ Ея высокаго достоинства и не съ приниженнымъ, но съ возвышеннымъ самосознаніемъ. Въ Ея кругу, около Нея свѣтло было, духовно и чисто. Многіе на Нее *озирались*. Многіе про себя думали: что Она подумаетъ? какъ Ей покажется? Для многихъ и то уже великое горе, если послѣ Нея не на кого будетъ озираться!

И Ея уже нѣтъ! Еще такъ недавно, въ концѣ декабря, въ день Ея рожденья, собравшись къ Ней, старые друзья и слуги видѣли привѣтливый взглядъ, слышали Ея привѣтливое слово. Еще можно было обманываться и надѣяться, еще видна была въ Ней, сквозь болѣзненную усталость, прежняя Ея живость, казавшая Ее молодою передъ старыми Ея сверстниками. И вотъ, 9 января судилъ Богъ тѣмъ же людямъ собраться въ слезахъ и въ таинственномъ молчаніи у бездыханнаго Ея тѣла.

Горькая потеря! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ годомъ менѣе станутъ выступать для насъ достоинства Усопшей—и все, что мы потеряли въ Ней. Она уже *взята отъ земли;* но какъ сложились, по кончинѣ, въ ровную, спокойную красоту черты лица Ея, живыя и подвижныя, такъ сложится на вѣчную Ей память милый Ея образъ, величавый, сіяющій мыслью, и *всѣхъ привлечетъ къ себѣ.*

XVI.

(1873 годъ).

Прекращеніе моихъ отношеній къ Цесаревичу.—Анализъ и разъясненіе этого событія въ моей жизни.

1873-й годъ въ моей жизни былъ годомъ достопамятнымъ. Въ этомъ году прекратились мои отношенія къ Цесаревичу, и я, какъ говорили тогда въ придворныхъ кругахъ, сломалъ себѣ шею.

Для меня это было, сколько я могъ судить, важнѣйшимъ событіемъ моей жизни, но не въ одномъ, а въ двухъ отношеніяхъ. Въ одномъ оно было весьма горькое и печальное, ибо всякій понималъ, легко ли могло быть, послѣ 12 лѣтъ постоянно близкихъ отношеній съ такой привлекательной и свѣтлой личностью, какъ былъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, вдругъ почувствовать всѣ эти отношенія прерванными и себя выброшеннымъ, такъ сказать, изъ той его живой атмосферы, гдѣ къ личнымъ отношеніямъ симпатіи и пріязни, къ цѣлому міру воспоминаній общаго прошлаго присоединилось столько святыхъ и благородныхъ двигателей, истекавшихъ изъ его настоящаго положенія, какъ подготовленіе къ великому будущему?

Въ другомъ отношеніи это было важнымъ пробнымъ ...мъ для моей жизни, въ видѣ вопроса: какъ я спра-

влюсь съ этимъ ударомъ для сердца и, отчасти, для самолюбія, ибо человѣкъ прежде всего человѣкъ, то-есть эгоистъ, въ жизни котораго личныя впечатлѣнія и личные интересы призваны брать верхъ надъ высшими и отвлеченными обязанностями поклоненія идеаламъ.

Въ этомъ отношеніи перенести, что, говорятъ, переносится всего труднѣе,—придворную опалу,—мнѣ много помогла моя рѣшимость прошлаго года вступить въ міръ печати. Годъ спустя я понялъ, что долженъ былъ за этотъ шагъ, казавшійся тогда многимъ дикимъ, благодарить Бога, какъ за событіе, которое оказалось огромною помощью для перенесенія отчасти удара тому, что въ свѣтѣ называется карьерою, въ особенности нравственныхъ тяжелыхъ ощущеній.

Будь я, какъ всѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ чиновничьяго положенія, разумѣется, эта не достаточно занятая для ума и для души жизнь, съ примѣсью свѣтскихъ впечатлѣній,—мало дала бы мнѣ нравственной поддержки въ такую минуту, когда я не могъ бы не знать, что съ моимъ придворнымъ крахомъ должно было соединяться и паденіе моихъ акцій во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ люди чтутъ гораздо болѣе положеніе человѣка, чѣмъ его самого, и въ этомъ положеніи нельзя предвидѣть, какую перемѣну къ худшему во всемъ характерѣ человѣка можетъ произвести такая сильная метаморфоза въ его свѣтской жизни.

Моя дѣятельность журналиста въ этомъ случаѣ послужила мнѣ благодѣтельнымъ громоотводомъ, претупивъ ударъ судьбы во всемъ томъ, чѣмъ онъ могъ повліять на мою нравственную личность дурно, и оставивши мнѣ цѣлый духовный міръ мыслей, чувствъ и заботъ, въ которомъ я могъ найти и облегченіе для сердечнаго горя, и

противоядіе противъ всѣхъ уколовъ самолюбія, честолюбія и всѣхъ другихъ любій, неизбѣжныхъ спутниковъ такого событія...

Впрочемъ, тутъ умѣст[illegible] сказать, что самый переходъ мой въ карьеру журналиста былъ уже какъ бы подготовленіемъ къ тому, что относительно моей карьеры люди могли считать ея погибелью послѣ постигшей меня опалы, ибо, понятно, съ этимъ переходомъ я уже очень мало могъ ожидать въ области честолюбивыхъ мечтаній карьериста.

Но тутъ отрадно вспомнить, что было еще обстоятельство, помогшее мнѣ выдержать смиренно и покорно постигшее меня несчастіе; это было участіе ко мнѣ нѣсколькихъ лицъ, пожелавшихъ именно въ эти тяжелыя минуты доказать мнѣ, что міръ не безъ добрыхъ людей, и проявившихъ ко мнѣ особенно дружеское расположеніе, не намекнувши на то, что этотъ избытокъ участія въ нихъ вызывается постигшимъ меня горемъ.

Но, возвращаюсь къ самому факту моего придворнаго краха. Былъ ли онъ для меня неожиданностью?

Нисколько. Отъ времени до времени я его предвидѣлъ, или, вѣрнѣе, его предчувствовалъ, какъ неизбѣжное роковое послѣдствіе, съ одной стороны моего сквернаго характера, а съ другой стороны, — того полнаго неумѣнія оріентироваться въ придворномъ мірѣ, которое еще 10 лѣтъ раньше покойный графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ замѣтилъ и охарактеризовалъ словами: «вы будете никуда не годнымъ царедворцемъ».

[illegible]ъ Цесаревичъ, скажу по чистой совѣсти, былъ [illegible] всего виновникомъ этого наступившаго разрыва, [illegible]лжно признаться, что если въ чемъ-либо я могъ [illegible] ему полезнымъ, я заставлялъ Цесаревича дорого за

это платить кротостью и терпѣливостью къ моему, всегда придирчивому, всегда подозрительному и всегда неуживчивому характеру. Сколько разъ, вслѣдствіе этого, въ нашихъ отношеніяхъ наступали шквалы, и если я, подчасъ въ нихъ каялся, то чаще меня къ умиренію способствовалъ самъ Цесаревичъ своею любящею терпимостью, своимъ искреннимъ желаніемъ доказывать цѣну, которую онъ придавалъ нашимъ долголѣтнимъ отношеніямъ. И вотъ, пришла, однако, минута, когда онъ нашелъ меня невыносимымъ и непростительнымъ, и сказалъ мнѣ, что намъ лучше, на время, не видѣться вовсе. Но и тутъ, въ этомъ актѣ нетерпѣнія, онъ явилъ свою прекрасную душу, сказавши мнѣ въ письмѣ, что признаетъ это единственнымъ средствомъ спасти главное, — наши хорошія другъ къ другу чувства. Такой ссоры, въ этихъ именно психологическихъ условіяхъ, я ни съ кѣмъ не имѣлъ въ жизни, а потому долженъ сказать, что это проявленіе и тутъ деликатности со стороны Цесаревича, въ минуту, когда, казалось со стороны, ударъ имъ наносился мнѣ грубо и со всего плеча, было главною причиною, почему я не только не испыталъ ухудшающихъ мой нравственный міръ перемѣнъ, но вышелъ изъ этого испытанія какъ изъ купели возрожденія.

Главною причиною тѣхъ ссоръ, которыя привели къ печальной развязкѣ наши 12-лѣтнія отношенія, было то, что, по словамъ Данте, моститъ подземелья ада,—добрыя намѣренія, но, къ сожалѣнію, никогда не соображаемыя съ тѣмъ придворнымъ міромъ, гдѣ я имѣлъ только двухъ доброжелателей, Цесаревича Самого и Его адъютанта П. Козлова, и постоянно это забывалъ съ весьма неблагоразумною безпечностью. Въ 1873 году меня глубоко потрясло событіе, вслѣдствіе котораго я лишился второго

своего доброжелателя и союзника; это внезапно поразившая П. А. Козлова душевная болѣзнь, подъ гнетомъ которой, для меня незамѣтно, характеръ мой, вѣроятно, еще болѣе сталъ безпокоенъ и раздражителенъ. Съ тою или другою политическою или общественною заботою минуты въ душѣ, я продолжалъ разныя идеальныя желанія предъявлять къ Цесаревичу, конечно, недостаточно соображая, что въ его положеніи многое, что мнѣ могло казаться ожиданіемъ отъ него естественнымъ, должно было быть подчинено тысячамъ условій такта, политики и т. д., и вотъ откуда исходили постоянныя недоразумѣнія; то я плакался, то вступалъ въ самозванную роль совѣтника, то расточалъ упреки, то видѣлъ и чуялъ интриги, и въ концѣ-концовъ расходился такъ, что одинъ изъ многихъ шкваловъ превратился въ ураганъ, и мой одинокій челнъ разбился о камни, которые я самъ себѣ на своемъ узкомъ и скалистомъ фарватерѣ громоздилъ.

Въ эту критическую минуту я могъ себѣ сказать: по дѣломъ, и почти сказалъ себѣ это, ибо натура, характеръ и душа Цесаревича были такими, что всегда можно было быть выслушаннымъ и понятымъ, избѣгая битья стеколъ и не насилуя его отзывчивой на все хорошее и благородное, прекрасной души. Я натянулъ струну и она порвалась.

Я помню послѣдній вечеръ, проведенный у меня Цесаревичемъ въ эту печальную для меня зиму. Онъ пріѣхалъ въ 9 часовъ и пробылъ до 5 часовъ утра, до такой степени онъ интересовался оживленною бесѣдою, кипѣвшею вокругъ него.

Когда, въ шестомъ часу утра, Цесаревичъ сказалъ: однако, пора и честь знать, я суевѣрно почувствовалъ, что этотъ поздній часъ никѣмъ не будетъ мнѣ прощенъ

и что эта ночь была для моихъ собраній лебединая пѣснь. Оно такъ и случилось. Дышавшей жизнью бесѣдѣ Цесаревича съ единомышленниками о Россіи данъ былъ смыслъ политической сходки, и это подбавило масла въ огонь противъ меня моихъ многихъ недоброжелателей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, увы, я получилъ свою отставку или, вѣрнѣе, свой безсрочный отпускъ. Говорю: безсрочный отпускъ, ибо, въ концѣ года я имѣлъ удовольствіе получить доказательства, что добраго своего расположенія ко мнѣ Цесаревичъ не перемѣнилъ. Однажды, когда обо мнѣ заговорилъ съ нимъ одинъ изъ моихъ немногихъ доброжелателей, Цесаревичъ спросилъ: ну, что онъ дѣлаетъ? А когда тотъ отвѣтилъ, что грустить по васъ, онъ улыбнулся и сказалъ ласковымъ голосомъ: пусть придетъ когда-нибудь...

Тутъ настала опять трудная психическая для меня минута.

Важность этого психическаго момента для меня, очевидно, заключалась въ вопросѣ: долженъ ли я былъ или не долженъ я былъ воспользоваться милостивымъ зовомъ Цесаревича, какъ удобнымъ случаемъ для попытки возобновить прерванныя отношенія? Совѣсть, разумъ и сердце мнѣ сказали: нѣтъ, и я съ грустною покорностью подчинился ихъ велѣніямъ. Какъ ни странно, но всего сильнѣе заговорило сердце. Эти нѣсколько мѣсяцевъ положенія, въ которомъ я и на свое прошлое, и на дорогой мнѣ Аничковъ дворецъ могъ глядѣть только уже со стороны, какъ чужой, дали мнѣ возможность спокойно обсудить двѣ вещи: во-первыхъ, самого себя по отношенію къ Цесаревичу и, во-вторыхъ, Цесаревича какъ личность. Первое привело меня къ неумолимому приговору надъ самимъ собою за все, что прежде я въ себѣ, благодаря пребы-

ванію въ придворномъ мірѣ, не успѣвалъ достаточно замѣтить и что теперь ясно разглядѣлъ: скверный характеръ мой обрисовался мнѣ со всѣхъ его сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ; при чемъ я долженъ былъ и осудить и обвинить себя въ томъ, что мое самомнѣніе въ связи съ скверными характеромъ, должны были à la longue превратить меня въ бремя для Цесаревича. А второе—оцѣнка личности Цесаревича, когда я могъ ее дѣлать издали и со стороны, скажу откровенно, такъ его ставила высоко, что главною сердечною заботою человѣка, преданнаго Цесаревичу, но съ отвратительнымъ характеромъ, должно было быть опасеніе и страхъ, какъ бы не приносить собою вредъ этой личности.

Теперь, когда все это стало давнимъ прошлымъ, когда взглядомъ старика я гляжу на это прошлое совсѣмъ спокойно, я говорю себѣ: пригодилась ли кому-нибудь или чему-нибудь моя жизнь,—не мнѣ объ этомъ судить, но одно только могу сказать по отношенію къ описываемой мною теперь тогдашней минутѣ: Богъ далъ мнѣ полюбить Цесаревича настолько свято, что я могъ свою мизерную личность тогда подчинить этому чувству, чтобы не предпочесть отрады Его видѣть и быть съ Нимъ въ общеніи, риску своимъ дурнымъ характеромъ Ему приносить вредъ.

И вотъ тогда я понялъ, что мой долгъ былъ въ уединеніи работать надъ своимъ характеромъ денно и нощно, чтобы удостоиться довѣрія Цесаревича, если суждено ему было вернуться, а не соваться въ среду, гдѣ я обнаружилъ свою негодность, и этому долгу, признанному ясно и громко сердцемъ, я и внялъ—спокойно, покорно, естественно, безъ лицемѣрія и безъ всякихъ признаковъ аффектаціи. И уже много лѣтъ спустя, когда мнѣ при-

шлось заговорить объ этомъ именно прошломъ съ Хозяиномъ Аничкова Дворца, я имѣлъ отраду узнать отъ Него, что Онъ одобрялъ тогдашній мой образъ мысли и дѣйствія.

XVII.

(1873 годъ).

Новое проявленіе внутренней политической агитаціи.—Цюрихъ.—Русскія женщины. — Новый постъ Валуева. — Голодъ въ Самарской губерніи.— «Складчина».

1873 годъ имѣлъ свое печальное историческое значеніе въ сферѣ политическихъ злыхъ умысловъ. Замѣчательно, что очагомъ тогда этихъ замысловъ была Швейцарія, гдѣ въ Цюрихѣ и въ другихъ городахъ сконцентрировались главные русскіе дѣятели революціи, съ Лавровымъ во главѣ, и гдѣ, кромѣ того, былъ центръ новой категоріи подпольныхъ агентовъ — русскихъ женщинъ, перебравшихся туда подъ предлогомъ высшаго образованія.

Дѣйствительно, наука оказалась для этихъ русскихъ передовыхъ женщинъ, по большей части, изъ дворянскихъ семействъ, перебравшихся туда изъ провинціальной глуши, только предлогомъ, а главное ихъ занятіе заключалось въ дѣятельномъ веденіи политической агитаціи.

Объ этомъ оффиціально заявилъ въ своемъ сообщеніи въ 1873 году «*Правительственный Вѣстникъ*». Надъ этимъ сообщеніемъ, я помню, долго и много думали наши тогдашніе хозяева внутренней политики, министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, шефъ жандармовъ гр. Шуваловъ, и отчасти гр. Толстой въ качествѣ министра народнаго

просвѣщенія. А долго думали они потому, что они хотѣли въ этомъ сообщеніи соединить двѣ вещи: во-первыхъ, заботу о томъ, чтобы заговорить строго, во имя интересовъ порядка, осудить и пригрозить, а во-вторыхъ, заботу о томъ, чтобы все-таки не показаться черезъ-чуръ отсталыми, а наоборотъ, показаться à la hauteur de siècle, и сказать нѣсколько милыхъ словъ по адресу современной ученой женщины... Результатомъ этой двойной заботы явилось въ маѣ 1873 года правительственное сообщеніе, надѣлавшее много шуму и освѣтившее довольно ярко тогдашній курьезъ нравовъ. Небезъинтересно, 25 лѣтъ спустя, прочесть эти строки. Привожу изъ сообщенія двѣ выписки: одну, описывающую уродливое явленіе, а другую—обнаруживающую заботу правительства объ этомъ самомъ высшемъ женскомъ образованіи, въ которой, къ слову сказать, никто въ то время, во имя науки, серьезно не нуждался:

Вотъ первая выписка:

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ *цюрихскомъ университетѣ*.

«Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ, до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возстановленіемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія броса-

лись для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секція интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно

принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей».

А вотъ и вторая выписка:

«Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ, въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта, на 4 года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ.

«Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ по-

Въ этомъ же году въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особливо въ Самарской губерніи, оказался голодъ. По этому поводу въ нашемъ литературномъ мірѣ свершилось симпатичное дѣло. Всѣ литературныя партіи и всѣ газетные кружки соединились въ одно, чтобы издать въ пользу голодающихъ книгу.

Книга эта названа была «*Складчиною*». Устроили комитетъ для изданія, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго изъ литераторовъ Краевскаго. Избранный въ число членовъ комитета, я познакомился съ моимъ главнымъ антагонистомъ, и такъ какъ комитетъ собирался у него, то видѣлись мы довольно часто; намъ подавали элегантно сервированный чай, и въ сношеніяхъ съ нимъ мнѣ пришлось убѣдиться, что онъ былъ пріятный человѣкъ, очевидно, потому, что никогда ни однимъ звукомъ не обмолвился насчетъ вопросовъ, требовавшихъ приложенія къ нимъ нашихъ политическихъ убѣжденій. Книга «*Складчина*» вышла большая, пущена была по 3 рубля и, сколько помню, дала около 10 тысячъ рублей чистаго сбору. Отмѣчаю этотъ фактъ, потому, что никогда послѣ не было повторенія факта соединенія всѣхъ литераторовъ во имя какого-нибудь добраго дѣла.

XVIII.

(1874 годъ).

Манифестъ о воинской повинности.—Назначеніе А. А. Абаза.—Бракосочетаніе Вел. Кн. Маріи Александровны. — Паденіе гр. П. А. Шувалова.—Переходъ его въ послы въ Лондонъ.—Потаповъ.—Выходъ книги *«Складчина»*.—«Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».

1874 годъ начался длиннымъ манифестомъ о введеніи всеобщей воинской повинности, появившимся 3 января. Его ждали перваго, и весь Петербургъ волновался, ибо пустили слухъ, что реформа отложена. То былъ день тріумфа военнаго министра Дмитрія Ананьевича Милютина, осуществленіе его главнаго дѣла царствованія. Всѣ говорили о военномъ принципѣ равенства всѣхъ подъ знаменами, о томъ, что отнынѣ жирный купецъ не будетъ откупать своего сына отъ солдатской службы, но кстати припомнить, что упоеніе духомъ времени было такъ сильно, что никто и пикнуть не смѣлъ о томъ, что въ сей день, 3 января 1874 года, уничтожалось одно изъ главныхъ правъ русскаго дворянства. Мало того, что о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи русскаго дворянства никому въ голову не приходило вспомнить, какъ при изданіи судебныхъ уставовъ никто не вспомнилъ, что дворянство получило навсегда право быть судимымъ только дворянами, и это право судебными уставами уничтожа-

лось, но, какъ я раньше говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, нашлись такія дворянскія собранія, которыя составили и представили благодарственные адресы за *честь* уравненія ихъ со всѣми другими сословіями Россіи относительно отбыванія воинской повинности.

1-го января всѣ заговорили о крупномъ назначеніи А. А. Абазы предсѣдателемъ департамента экономіи государственнаго совѣта. Старики съ ужасомъ говорили: только Анна 1-й степени и такое мѣсто! Въ началѣ января умеръ графъ Бергъ. За 3 дня до смерти онъ, говоря о проектированномъ упраздненіи намѣстничества въ Варшавѣ, сказалъ: это будетъ послѣ моей смерти, а я хочу еще пожить.

Такъ какъ въ январѣ этого года совершилось бракосочетаніе Великой Княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ, то Государь въ началѣ лѣта, впервые въ Свое царствованіе, предпринялъ поѣздку въ Англію и пробылъ тамъ гостемъ королевы цѣлые десять дней. Были торжества при дворѣ, былъ парадный пріемъ въ Гильдхаллѣ отъ лорда-мэра, были рѣчи о симпатіи Англіи къ Россіи и т. д., и вѣрная своимъ традиціямъ, Англія именно въ этомъ году поспѣшила заявить, какъ она лжетъ, говоря о симпатіяхъ Россіи, и воспользовалась для этого брюссельскою конференціею, чтобы не только сдѣлать намъ гадость, но возстановить противъ русской инищіативы почти всю Европу. Бѣдному князю Горчакову не везло. На досугѣ имъ придуманъ былъ проектъ цѣлой великодушной реформы военныхъ правъ во время войны. Ему мерещилась слава его имени, связаннаго съ однимъ изъ величайшихъ событій, какъ онъ говорилъ, въ исторіи человѣчества, и для осуществленія этой мечты онъ предложилъ всѣмъ государствамъ Европы.

избравъ Брюссель, какъ нейтральный центръ, прислать своихъ представителей въ этотъ городъ, чтобы обсудить и утвердить его новый проектъ международныхъ отношеній относительно веденія войны. Идея канцлера была принята и конференція началась; но едва только началось разсмотрѣніе по пунктамъ проекта русскаго правительства, какъ англійскій представитель началъ вести противъ инициативы русскаго кабинета закулисную интригу, и кончилась эта интрига тѣмъ, что рыцарскимъ и гуманнымъ мыслямъ князя Горчакова, создавшимъ проектъ международной конвенціи, противопоставлена была большинствомъ представителей европейскихъ государствъ, то-есть того человѣчества, во имя котораго русскій канцлеръ выступалъ со своими человѣколюбивыми предположеніями,—другая мысль,—мысль, подсказанная Альбіономъ, что проектъ князя Горчакова есть не столько замыслъ человѣколюбія, сколько попытка парализовать оборонительныя средства воюющихъ государствъ, а потому въ цѣломъ разсмотрѣна быть не можетъ. Мысль эта взяла верхъ, и брюссельская конференція кончилась фіаско. Для приличія было рѣшено, по собраніи дополнительныхъ свѣдѣній, собраться вновь въ Петербургѣ, но на дѣлѣ вопросъ канулъ въ Лету, и конференція въ Петербургѣ никогда не была созвана.

Во внутренней политикѣ Россіи случилось весьма крупное событіе, это паденіе графа Шувалова, какъ шефа жандармовъ, послѣ 8-лѣтняго управленія, и назначеніе его на новую, никогда имъ не практикованную, дипломатическую карьеру, въ должности посла въ Лондонъ...

Это было и паденіе графа Шувалова, и удаленіе его изъ области внутренней политики...

Причинъ этого паденія крупнѣйшаго тогда въ Россіи

государственнаго человѣка исподволь подготовлялось много. и въ числѣ ихъ, разумѣется, не малую роль играли подкопы его мелочныхъ враговъ и отчасти либеральной партіи, пускавшей въ дѣйствіе старую пружину: воздѣйствіе на Государя толками о всемогуществѣ Шувалова, о его чрезмѣрномъ вліяніи на Государя. Но главная причина была собственная вина графа Шувалова, если подъ словомъ «вина» можно разумѣть его самостоятельный и гордо независимый образъ дѣйствій и манеру себя держать посреди тогдашнихъ придворныхъ интригъ...

Осуждая графа Шувалова за нѣкоторыя его космополитическія увлеченія, я не могъ не любоваться имъ, какъ настоящимъ вельможей при Дворѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда на скользкомъ придворномъ пути ему могло предстоять вступать въ компромиссы съ его принципами и правилами порядочности и независимости... Для всѣхъ было видно, въ мелочахъ и главномъ, что онъ служитъ Государю и Россіи, но никогда никому и ничему другому...

Въ этомъ онъ былъ непреклоненъ, и онъ палъ потому, что было два, три случая, когда онъ не боялся громко высказать свое рѣшительное нежеланіе кланяться кумирамъ. Враги, подслушавшіе эти слова честно преданнаго не только Государю, но и чести вельможи, во время сумѣли изъ нихъ сдѣлать оружіе противъ Шувалова настолько дѣйствительное, что ему пришлось пасть, то-есть лишиться своего личнаго высокаго положенія при Дворѣ и въ области внутренняго управленія...

Какъ разъ въ день его паденія мнѣ пришлось съ нимъ увидаться съ глазу на глазъ... Шефскій домъ былъ опустѣлый и безмолвный: ни одного экипажа не стояло у того подъѣзда, гдѣ наканунѣ всегда ихъ тѣснилось

много. Засталъ павшаго великаго человѣка за его письменнымъ столомъ, веселымъ и спокойнымъ, и вскорѣ убѣдился, что это было не игранное спокойствіе, ибо я понялъ, что оно было отголоскомъ совѣсти, сознававшей исполненіе долга; на столѣ бумагъ уже не было, лежалъ только указъ объ его назначеніи посломъ въ Лондонъ.

Первый вопросъ, который я ему задалъ, былъ невольный крикъ любопытства узнать: неужели правда, что его преемникомъ будетъ Потаповъ? Графъ тонко улыбнулся и сказалъ: я думаю, что да! Никогда маленькая фигура Потапова не представлялась столь малою, какъ въ ту минуту, когда ее приходилось приставлять къ крупной, мощной и грандіозной фигурѣ его предшественника: Я сказалъ Шувалову, что должно быть обидно имѣть такого преемника, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ ушелъ при условіяхъ, которыя не много могли ему позволять простора въ разговорахъ о его преемникѣ!

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — Потаповъ честный человѣкъ.

— Да, но время, когда такой маленькій честный человѣкъ вступаетъ на столь трудный и важный постъ, не по немъ, врядъ ли ему справиться. Потаповъ не потому малъ, что онъ только маленькаго роста, а потому, что онъ крупнаго не замѣчаетъ, а все копошится въ мелочахъ...

— Да, но машина мною заведена довольно прочно, ее не легко развинтить. Не думаю, чтобы Потаповъ принялся ее портить.

И дѣйствительно, назначеніе Потапова состоялось.

Не разъ такое несоотвѣтствіе между преемникомъ и предшественникомъ на какой-либо важной должности заставляло призадумываться надъ вопросомъ: какъ нево-

образно легко эта замѣна крупнаго человѣка маленькимъ дѣлалась, и какъ, должно быть, больно крупному человѣку уходить съ сознаніемъ, что никто не трудился надъ отысканіемъ ему подъ ростъ преемника, а берутъ того, въ выборѣ коего заключалось безмолвное, такъ сказать, умаленіе крупнаго предшественника.

Это назначеніе, маленькаго во всѣхъ отношеніяхъ, Потапова на мѣсто Шувалова было принято вездѣ и почти всѣми меланхолично. Мы знали, что въ теченіе 8 лѣтъ власти графа Шувалова не было ни одного покушенія на Государя; мы знали, что дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, машина была заведена прочно, но въ то же время всѣ знали, что крамола и анархія не дремали ни у насъ, ни за границей, и чѣмъ энергичнѣе и умнѣе были дѣйствія обороны противъ нихъ графа Шувалова, тѣмъ энергичнѣе были усилія враговъ порядка въ борьбѣ съ этою обороною, и вслѣдствіе этого, когда вдругъ III отдѣленіе, при такомъ министрѣ квіетизма и легкомыслія, какимъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ, перешло въ руки маленькаго Потапова, всѣ почувствовали, что поле битвы и борьба съ опаснымъ и энергичнымъ врагомъ порядка переходили въ неумѣлыя и немощныя руки, и сразу врагъ получилъ въ этомъ громадные шансы успѣха.

Потаповъ былъ и добрый, и неглупый человѣкъ, и честный человѣкъ; но онъ именно былъ олицетвореніемъ всего мелочного, безъ всякой самостоятельности, безъ всякой иниціативы и съ безграничнымъ по размѣрамъ самолюбіемъ.

Графъ Шуваловъ смѣнялъ въ Лондонѣ самаго стараго русскаго дипломата, барона Бруннова, пожалованнаго въ графы, который кончилъ свою карьеру такъ же ориги-

нально, какъ и все, что онъ дѣлалъ и чѣмъ онъ былъ: онъ просилъ объ увольненіи его въ чистую отставку, чего, очевидно, до него ни одинъ русскій сановникъ не дѣлалъ. Брунновъ цѣлыя 20 лѣтъ представлялъ въ Лондонѣ Россію, ни разу не заглянувши въ нее и не имѣя о ней ни малѣйшаго живого понятія. Это была одна изъ его оригинальностей. У него передъ глазами была какая-то фиктивная Россія, о которой онъ имѣлъ такое же представленіе, какъ слѣпорожденный о внѣшнихъ очертаніяхъ въ мірѣ, и этой воображаемой Россіи онъ служилъ, вполнѣ убѣжденный, что этого болѣе чѣмъ достаточно и что большаго отъ русскаго посла не требуется. А рядомъ съ этимъ, не менѣе оригинально было то, что Брунновъ вовсе не зналъ, что такое русскія чувства. О русскихъ мысляхъ онъ имѣлъ понятіе по газетамъ, но о русскихъ чувствахъ онъ и во снѣ никогда ничего не видалъ, что не мѣшало ему вездѣ и всегда проявлять къ каждому русскому, имѣвшему несчастіе къ нему обращаться, полнѣйшее презрѣніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полнѣйшимъ олицетвореніемъ типичнаго и для Россіи унизительнаго типа русскаго дипломата, столь рѣзко и противоположно отличающагося отъ типа иностранныхъ дипломатовъ.

Когда же на его мѣсто назначили графа Шувалова, то говорили въ разныхъ салонахъ, что выборъ этотъ былъ, между прочимъ, вызванъ и тѣми впечатлѣніями, которыя въ свою пользу графъ Шуваловъ умѣлъ произвести въ Лондонѣ, сопровождая Государя. Онъ тамъ, будто, очень понравился своимъ живымъ умомъ, грансеньорствомъ и любезностью. Брунновъ, какъ говорили въ Лондонѣ, успѣлъ безмѣрно надоѣсть, и всѣ въ Лондонѣ жаждали болѣе живого представителя Россіи.

Зато, неизмѣримо много теряло III отдѣленіе и, во-

обще, внутренній государственный міръ отъ ухода Шувалова вовсе изъ Россіи, и отъ замѣны его Потаповымъ.

Какъ я говорилъ выше, время было вовсе не такое, чтобы можно было съ минуты на минуту, на вершинахъ государственнаго управленія, промѣнивать такого крупнаго государственнаго человѣка, какъ Шувалова, на перваго встрѣчнаго, какимъ былъ Потаповъ. Это было тѣмъ менѣе понятно, что Потаповъ уже успѣлъ дать несомнѣнныя доказательства своей непригодности на крупныхъ государственныхъ постахъ, бывши въ Вильнѣ генералъ-губернаторомъ, и ничего другого не сдѣлавши, какъ удачный опытъ разрушенія всего, что сдѣлалъ прочнаго и разумнаго Муравьевъ, и что поддерживали Кауфманъ и Барановъ.

Постъ шефа жандармовъ былъ несомнѣнно труднѣе поста, оставляемаго въ Вильнѣ, и тѣмъ не менѣе его ввѣрили Потапову съ такимъ же довѣріемъ, какъ ввѣрили его 9 лѣтъ назадъ графу Шувалову. За эти 8 лѣтъ постъ этотъ сталъ труднѣе, ибо, какъ я говорилъ выше, умная борьба съ внутренними врагами Россіи—веденная графомъ Шуваловымъ—могла держать, такъ сказать, въ извѣстномъ решпектѣ партіи политическихъ агитаторовъ, обуздывать смѣлость ихъ замысловъ и ихъ инпціативы, но не могла съ ними справиться настолько, чтобы отнять у нихъ энергію и вѣрованіе въ лучшее будущее, тѣмъ болѣе, что въ то время—мы всѣ это сознавали и чувствовали—въ окружавшей графа Шувалова политической атмосферѣ онъ имѣлъ, какъ умный консерваторъ, очень много политическихъ враговъ, мѣшавшихъ ему дѣйствовать, а агитаторы, наоборотъ, находили вслѣдствіе этого—если не прямо благопріятныя по сочувствію къ нимъ, то благопріятныя по пассивности и по бездѣйствію вѣянія въ этой самой атмосферѣ.

Вотъ почему въ интересахъ правительства была нужда въ выборѣ для замѣщенія графа Шувалова на постъ шефа жандармовъ, по меньшей мѣрѣ, столь же крупнаго и убѣжденнаго государственнаго человѣка, а когда назначили Потапова,—всѣ поняли, что выборъ палъ на удобнаго человѣка, но о своихъ интересахъ правительство при этомъ не подумало.

Трудность времени была для насъ несомнѣнна и усугублялась въ нашихъ понятіяхъ тѣмъ, что мы по многимъ внѣшнимъ признакамъ догадывались, что эту трудность несравненно менѣе ясно сознавало правительство, ослѣпленное иллюзіями и главнымъ образомъ тѣмъ, что оно, какъ будто, не хотѣло признавать тѣсной связи между разными теченіями въ общественныхъ сферахъ жизни и между подпольными дѣятелями революціи. Назначеніе Потапова шефомъ жандармовъ это доказывало слишкомъ краснорѣчиво, но были и другія тому доказательства, например, оригинальное правительственное воззваніе, появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» къ заграничнымъ эмигрантамъ, съ цѣлью ихъ побудить вернуться въ Россію. Столь наивное дѣйствіе не замедлило обнаружить свою несостоятельность; разумѣется, ни одинъ изъ эмигрантовъ-революціонеровъ не внялъ этому воззванію, а въ результатѣ получились только поводъ къ новой бравадѣ заграничныхъ революціонеровъ по адресу русскаго правительства и толки въ Петербургѣ о безсиліи правительства съ наступавшими на него волнами революціи. Толки эти свидѣтельствовали именно о томъ, что правительство какъ будто не замѣчало точекъ соприкосновенія революціонной пропаганды съ разными либеральными лагерями русской общественной жизни, и то, что оно пугало своими зловѣщими признаками ежедневно, то и се-

годня, и завтра, какъ будто. нисколько не замѣчалось въ правительственныхъ сферахъ.

А между тѣмъ, куда ни приходилось заглядывать. вездѣ проявлялись симптомы именно зловѣщіе—сквернаго состоянія умовъ. Само правительство, оглашая политическіе процессы, какъ, напримѣръ, дѣло, производившееся въ этомъ году въ сенатѣ—о цѣлой группѣ схваченныхъ составителей и распространителей возмутительныхъ прокламацій, указывало на эти симптомы; а рядомъ съ этимъ въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ — видимо для всѣхъ — образовывались прямо революціонные кружки, съ которыми церемонились только потому, что они пока ограничивались словомъ и проявленіемъ мысли, а не переходили еще къ дѣлу. Женскій вопросъ, въ смыслѣ политической агитаціи, росъ не по днямъ, а по часамъ; вездѣ сходки учащейся молодежи фанатизировались женщинами съ воспаленными мозгами, и эта политическая или, вѣрнѣе, революціонная педагогика до того была въ модѣ, что я помню, какъ въ этомъ году говорили въ нашихъ кружкахъ съ ужасомъ о томъ, что при учительскихъ женскихъ классахъ въ одной изъ женскихъ гимназій, слывшей за образцовую, обнаружено было, что сочиненія, писавшіяся будущими учительницами,—посвящаемы были темамъ въ родѣ слѣдующихъ: семейная жизнь, какъ предразсудокъ; абсурдъ вѣрованія въ безсмертіе души; равноправность женщины въ государствѣ; торжество матеріи и т. п., причемъ, на такихъ сочиненіяхъ красовались отмѣтки учителей. Если это происходило, такъ сказать, оффиціально, открыто, въ правительственномъ учебномъ заведеніи, то легко было себѣ представить, что происходило тайно и крыто въ тогдашнемъ мірѣ учащихся... А рядомъ съ этимъ, въ томъ же

году правительство опубликовало во всеуслышаніе, что цифра. незамѣщенныхъ профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ, доходитъ до небывалыхъ размѣровъ, и именно до 150 съ чѣмъ-то, по поводу которой говорилось въ комментаріяхъ, что всѣ порядочные люди въ рядахъ профессоровъ уходятъ, во-первыхъ, потому, что они не могли мириться съ грандіозными успѣхами распущенности, а во-вторыхъ, потому, что ихъ нарасхватъ разбирали въ постепенно расширявшейся области практической предпріимчивости.

Не забуду тяжелаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною отъ перваго свиданія съ новымъ шефомъ жандармовъ въ его кабинетѣ. По женѣ его, княжнѣ Оболенской, мы были съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ, и я могъ видать и слушать Потапова въ его домашнемъ неглижэ. Послѣ Вильны я нашелъ въ немъ несомнѣнную перемѣну: смѣсь какой то суевѣрной набожности съ какою-то жалкою мелочностью въ впечатлѣніяхъ и заботахъ. Я ничего отъ него не слыхалъ кромѣ мелочныхъ сплетней и дрязгъ: кто что сказалъ, какъ кто ему поклонился, кто противъ кого интригуетъ, и ни разу я не слыхалъ ни одной серьезной мысли въ области государственной. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я могъ убѣдиться изъ словъ самого же Потапова, что эту мелочность, этотъ духъ сплетень и дрязгъ онъ переносилъ и въ свои доклады Государю, и вотъ по какому поводу. Потаповъ сталъ разсказывать, какъ онъ былъ съ докладомъ у Государя, и какъ вслѣдствіе того, что онъ Государю разсказывалъ сплетню про одного государственнаго человѣка, заключавшуюся въ томъ, что онъ что-то сказалъ про Государя, — Его Величество на это къ нему обратился съ вопросомъ: странно, я, кажется, ему ничего не сдѣлалъ хорошаго, за что-же онъ меня бра-

нитъ? Потаповъ на это сентиментально говоритъ: Ваше Величество, неужели вы такого мнѣнія о людяхъ?—Да я этому научился горькимъ опытомъ жизни, — отвѣтилъ Государь,—чтобы имѣть врага, мнѣ стоитъ только человѣку сдѣлать что-нибудь доброе... — Ваше Величество,— опять говоритъ Потаповъ вкрадчиво и какъ бы навязчиво. — да неужели вы ни для кого не дѣлаете исключенія, это было-бы невыносимо больно?.. Тогда Государь на него посмотрѣлъ и сквозь усмѣшку сказалъ: Mon cher Potapoff, vous savez, que les présents sont toujours exclus. И Потаповъ этимъ удовольствовался.

Я говорилъ выше о симпатичной идеѣ, соединившей литераторовъ и публицистовъ въ Петербургѣ воедино для изданія въ пользу голодающаго населенія Самарской губерніи сборника, получившаго заглавіе «*Складчина*». Въ мартѣ большая книга вышла. Достаточно было переименовать сотрудниковъ этого изданія, чтобы убѣдиться въ томъ, что для составленія книги соединились представители всѣхъ несоединимыхъ направленій или лагерей.

Вотъ этотъ списокъ: В. П. Безобразовъ, экономистъ; М. Богдановичъ, историкъ; князь П. Вяземскій, поэтъ; Н. Гербель, библіографъ; И. Гончаровъ, романистъ; А. Градовскій, профессоръ государственнаго права; Я. Гротъ, профессоръ русской словесности и академикъ; И. Горбуновъ; Ѳ. Достоевскій; П. Ефремовъ, библіографъ; В. Коршъ, публицистъ; Н. Кохановская, романистка; А. Краевскій, издатель «Голоса»; Н. Курочкинъ, поэтъ; Н. Лѣсковъ, романистъ; А. Майковъ; Б. Маркевичъ, романистъ; кн. В. Мещерскій, издатель «Гражданина»; Н. Михайловскій, публицистъ; Н. Некрасовъ, поэтъ; А. Никитенко, профессоръ словесности; А. Островскій, драматургъ; К. Побѣдоносцевъ; А. Плещеевъ; М. Погодинъ; Я. Полонскій; Погоскій,

космо-народный писатель; М. Салтыковъ-Щедринъ; гр. В. Соллогубъ, беллетристъ; М. Стасюлевичъ, издатель «Вѣстника Европы»; Н. Страховъ, критикъ; А. Суворинъ; гр. А. Толстой, поэтъ; И. Тургеневъ и Т. Филипповъ.

Шесть типографій въ Петербургѣ изъявили готовность даромъ печатать эту книгу. Подписка на изданіе по 3 рубля была заранѣе открыта и, какъ я сказалъ, дала около 15 тысячъ рублей.

Я помню, что въ то время Катковъ выразилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» опасеніе, какъ бы литературная сторона изданія не оказалась торжествомъ либеральной партіи надъ консервативною, но его опасенія, къ счастью, не оправдались, и, вспоминая объ этомъ изданіи, я именно подчеркиваю въ немъ тотъ замѣчательный тактъ, съ которымъ всѣ участники изданія, изъ уваженія къ цѣли его, избѣгли всякаго малѣйшаго даже намека на какую бы то ни было тенденцію въ доставлявшихся ими литературныхъ вкладахъ...

Двадцать три года прошло съ тѣхъ поръ; перечитывая всѣ эти имена и представляя себѣ, что эти 23 года были, очевидно, періодомъ прогресса, невольно сравниваешь ихъ съ нынѣшнимъ спискомъ литературныхъ именъ, и съ грустью спрашиваешь, гдѣ же замѣстители всѣхъ славныхъ и громкихъ именъ въ русской литературѣ того времени?..

Весьма типичнымъ и, пожалуй, даже оригинальнымъ былъ въ то время у насъ въ печати нашъ главный начальникъ по ея дѣламъ, М. Лонгиновъ, пожалованный въ этомъ году на бракосочетаніи Великой Княжны Маріи Александровны въ статсъ-секретари Его Величества... Имя Лонгинова было весьма извѣстно и даже популярно въ русскомъ обществѣ того времени, но извѣстность эта не

имѣла ничего общаго съ тѣмъ строгимъ призваніемъ, которое на него возложилъ Тимашевъ, предложившій ему изъ орловскаго губернатора превратиться въ начальника управленія по дѣламъ печати. Лонгинова зналъ, какъ своего любимца, московскій англійскій клубъ; Лонгинова знали въ образованномъ обществѣ, какъ остроумнаго и веселаго собесѣдника, какъ бойкаго сочинителя эпиграммъ, какъ образованнаго библіофила, какъ добраго малаго, но, какъ юпитера печати, никто его себѣ представить не могъ. Тѣмъ не менѣе, какъ умный человѣкъ и человѣкъ съ тактомъ, онъ сумѣлъ на этомъ весьма трудномъ для его характера мѣстѣ пріобрѣсти уваженіе и даже авторитетъ, хотя не разъ жаловался друзьямъ своимъ на то, что возня съ печатью для него наказаніе, прямо усиливающее въ немъ болѣзнь печени. Представляя изъ себя типъ московскаго барина, Лонгиновъ, разумѣется, не могъ въ душѣ мириться ни съ петербургскимъ либерализмомъ вообще, ни съ его органами въ печати, въ особенности, но въ то же время, какъ руководитель печати при такомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ Тимашевъ, которому было все равно, могъ ли онъ идти противъ теченія и мѣшать «Голосу» быть органомъ не только петербургскаго, но и россійскаго общественнаго мнѣнія?

Впрочемъ, въ этомъ году въ мірѣ газетной печати произошло событіе, имѣвшее характеръ попытки реагировать противъ либерализма; она явилась въ видѣ состоявшагося правительственнаго рѣшенія, на основаніи котораго *«С.-Петербургскія Вѣдомости»*, издававшіяся В. Коршемъ, при главномъ сотрудничествѣ (Незнакомца) А. С. Суворина, отнимались у академіи наукъ и отдавались въ департаментъ министерства народнаго просвѣще-

нія, съ цѣлью составить новую редакцію, болѣе консервативную. «*С.-Петербургскія Вѣдомости*» при Коршѣ начали было, благодаря бойкому и хлесткому таланту А. Суворина, тогда жившаго въ бѣдности, однимъ только гонораромъ за свои воскресные фельетоны, конкурировать съ «*Голосомъ*», и во всякомъ случаѣ, по либеральному направленію мало отъ него отличались, дѣлая изъ Каткова, а кстати уже и изъ меня мишень для своихъ постоянно злобныхъ нападеній.

И вотъ, вслѣдствіе этой новой комбинаціи, явился на свѣтъ Божій, неизвѣстно какъ и почему, знаменитый тогда Баймаковъ, хозяинъ банкирской конторы, которому сдали вмѣсто Корша «С.-Петербургскія Вѣдомости», а въ редакторы пошелъ къ нему графъ Салліасъ... Безспорно и г. Баймаковъ и гр. Салліасъ представляли собою охранительный элементъ въ печати; послѣдняго очень энергично рекомендовалъ именно въ этомъ смыслѣ покойный Б. М. Маркевичъ, состоявшій при графѣ Толстомъ чиновникомъ особыхъ порученій, но такъ какъ ни Баймаковъ, ни гр. Салліасъ понятія не имѣли объ газетномъ дѣлѣ, то, увы, съ переходомъ въ ихъ руки «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», правда, окончился періодъ либеральныхъ вакханалій въ оффиціозной газетѣ, но за то начался періодъ постепеннаго замиранія этой газеты...

Во всякомъ случаѣ, этотъ coup d'état послужилъ, къ сожалѣнію, къ обнаруженію безсилія консервативнаго лагеря въ газетномъ дѣлѣ, а главнымъ образомъ, послужилъ къ усиленію фондовъ, престижа и авторитета «Голоса», ибо, съ одной стороны, ушелъ съ поля его единственный конкуррентъ, а съ другой стороны, всѣ подписчики «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша, съ пе-

ремѣною ихъ редакціи, ихъ направленія, перешли къ газетѣ «*Голосъ*»...

Престижъ этой газеты въ петербургскомъ образованномъ обществѣ и, въ особенности, въ мірѣ сановномъ было тогда явленіемъ нравовъ очень любопытнымъ... Престижъ этотъ былъ чисто политическій... Почти всѣ сановники въ то время считали «*Голосъ*» оракуломъ, и подчиняли его образу мыслей по каждому государственному вопросу свой образъ мыслей — до такой степени рабски, что подчасъ нельзя было разобраться, гдѣ кончается Краевскій и начинается правительство. Всѣ правительственныя учрежденія, начиная съ государственнаго совѣта, доставляли «Голосу» сотрудниковъ по текущимъ свѣдѣніямъ и по государственнымъ вопросамъ, и никому въ голову никогда не приходило находить предосудительнымъ такое сліяніе въ одно канцелярій министровъ съ конторою газеты «Голосъ».

И курьезны бывали проявленія этого страннаго и смѣшного подобострастія сановниковъ къ «Голосу». Такъ, я помню, напримѣръ, дѣйствіе на ихъ умы статей «Голоса», въ которыхъ онъ выступалъ обличителемъ шалившей тогда учившейся молодежи. Въ этомъ году, какъ я помню, была эпидемія безпорядковъ во всѣхъ рѣшительно высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, начиная съ университета, и вдругъ въ прекрасный день «Голосъ» выступаетъ съ статьями, въ которыхъ прямо говоритъ, что молодежь призвана въ учебныя заведенія только къ тому, чтобы учиться и воспитываться, и всякое другое дѣло, а тѣмъ паче организаціи кружковъ для безпорядковъ и демонстрацій—не могутъ быть терпимы. И вотъ, когда эти статьи появились въ «Голосѣ», курьезно было ихъ дѣйствіе на петербургскихъ сановниковъ.

Одни вдругъ смутились и сбились съ толку: они думали и пребывали въ увѣренности, что «Голосъ» сочувствуетъ этимъ безпорядкамъ, и подъ его гипнозомъ тоже имъ сочувствовали, и вдругъ «Голосъ» ихъ осуждаетъ, значитъ, имъ надо переходить къ осужденію упомянутыхъ безпорядковъ. А другіе наивно такъ говорили: «уже значитъ не хорошо, если «Голосъ» высказывается противъ этихъ безпорядковъ». Сами же сановники собственнаго мнѣнія о безпорядкахъ не смѣли высказать, а когда «Голосъ» заговорилъ противъ, то и они заговорили противъ, но не потому, чтобы кто серьезно и убѣжденно понималъ вредъ этихъ безпорядковъ, а только потому, что такъ велитъ относиться къ нимъ баринъ и оракулъ «Голосъ». Таковы были тогда нравы на вершинахъ петербургскаго общества.

XIX.

(1875 годъ).

Два собранія.—Валуевскій комитетъ изслѣдованія безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.—Циркуляръ графа Толстого, министра народнаго просвѣщенія, къ попечителямъ учебныхъ округовъ.—Аграрный парламентъ.

Въ этомъ году имя Валуева произносилось часто. Онъ былъ представителемъ двухъ важныхъ собраній...

Одно собраніе была комиссія, учрежденная еще въ концѣ 1874 года, въ составъ которой вошли главнѣйшіе сановники того времени — съ цѣлью выяснить причины возникавшихъ въ минувшемъ году безпорядковъ среди учащейся молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и разработать программу мѣропріятій, которыя бы могли устранить причины этихъ безпорядковъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, ставился на почву государственнаго вопроса. Но можно ли было ожидать отъ него въ той торжественной обстановкѣ, въ какой онъ былъ поставленъ, какой-нибудь практической пользы? Вопросъ этотъ основательно задавался тогда компетентными, но не спрошенными людьми, которые совершенно справедливо замѣчали, что было бы цѣлесообразнѣе и практичнѣе къ обсужденію этого вопроса призвать совѣщаніе опытныхъ, дѣльныхъ и благонадежныхъ педагоговъ, чѣмъ министровъ, которые въ такомъ вопросѣ могли только имѣть взгляды, позаимствованные изъ салонной болтовни

или изъ газетъ, ибо лично, кромѣ министра народнаго просвѣщенія, что могли они знать о бытѣ учащейся молодежи...

Валуевъ самъ, когда его вопрошали по этому вопросу, говорилъ: мы довольно ясно видимъ признаки болѣзни, но причины ея и средства ее лѣчить для насъ несравненно менѣе ясны, и не выводятъ насъ изъ области «общихъ мѣстъ».

Объ этихъ *«общихъ мѣстахъ»* мы узнали въ январѣ сего года изъ *«Голоса»*, который неизвѣстно почему взялъ на себя роль «Правительственнаго Вѣстника» и оповѣстилъ о главныхъ результатахъ Валуевской высшей педагогической комисіи.

Какъ характеристику оффиціальныхъ взглядовъ того времени и какъ историческій курьезъ, привожу эти строки цѣликомъ.

«Вслѣдствіе безпорядковъ, происшедшихъ осенью прошлаго года въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, была, какъ извѣстно, образована особая комиссія изъ семи министровъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, государственнаго контролера и шефа жандармовъ. Намъ передавали, что комиссія эта, собиравшаяся подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря П. А. Валуева, имѣла пять засѣданій и выработала рядъ общихъ положеній, указывающихъ не только на причины безпорядковъ, но и на мѣры предупрежденія ихъ въ будущемъ. Какъ слышно, главнымъ источникомъ подобныхъ безпорядковъ, повторяющихся по временамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, признаются общіе недостатки внутренняго быта этихъ заведеній, именно: отсутствіе прямой органической связи между учащимся

и учащими; преобладаніе коллегіальнаго начала въ формахъ управленія учебными заведеніями и частные недостатки нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій; неправильное примѣненіе различныхъ льготъ, какъ при пріемѣ въ высшія учебныя заведенія (слабость пріемныхъ испытаній), такъ и во время прохожденія курсовъ ученія (освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, и, пособія, стипендіи); затрудненія, проистекающія отъ значительнаго увеличенія числа учащихся; утилитарныя цѣли, привлекающія большинство молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія; наконецъ, отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведеній при охраненіи надлежащаго порядка. Разсмотрѣвъ въ подробности эти главнѣйшія причины безпорядковъ, комиссія, говорятъ, обратилась къ изысканію мѣръ для устраненія подобныхъ недостатковъ, причемъ, прежде всего, признала, что ею могутъ быть указаны лишь общія руководящія начала, примѣненіе которыхъ должно зависѣть отъ ближайшаго усмотрѣнія подлежащихъ вѣдомствъ и сообразоваться съ существующими уже особенностями каждаго вида учебныхъ заведеній. По слухамъ, главнѣйшія мѣры, проектированныя комиссіею, заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ пересмотрѣ всѣхъ дѣйствующихъ въ настоящее время уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній; 2) въ ограниченіи автономіи профессорскихъ коллегій изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія дѣлъ административно-полицейскаго свойства и установленіемъ другого порядка назначенія профессоровъ, причемъ, вообще, признано полезнымъ уменьшить составъ коллегій; 3) въ усиленіи правительственнаго контроля за направленіемъ преподаванія, при помощи, въ университетахъ, напримѣръ, учрежденія особыхъ экзаменаціонныхъ

коммиссій, по назначенію министра народнаго просвѣщенія и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ; 4) въ усиленіи средствъ инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ каждаго учебнаго заведенія; 5) въ стѣсненіи, по возможности, дальнѣйшаго притока мало подготовленныхъ, въ научномъ отношеніи, молодыхъ людей въ высшія учебныя заведенія, особенно же необезпеченныхъ матеріально, что можетъ быть достигаемо строгостью пріемныхъ испытаній; 6) въ надлежащемъ вниманіи начальства къ дѣйствительнымъ учебнымъ нуждамъ учащихся, и 7) въ строгомъ и немедленномъ подавленіи всякихъ волненій и безпорядковъ, безъ оказанія какого-либо послабленія и безъ допущенія какихъ-либо переговоровъ, тѣмъ менѣе уступокъ со стороны начальства».

Строки эти интересны и потому, что, не взирая на то, что онѣ написаны 22 года назадъ, если бы онѣ появились теперь, то нисколько не было бы анахронизмомъ, такъ какъ, въ сущности, нельзя сказать, чтобы въ настоящее время во взглядахъ на училищные безпорядки мы ушли далеко отъ этихъ общихъ мѣстъ... Мнѣ кажется даже, что мы сравнительно съ тѣмъ временемъ ушли дальше въ педагогическіе дебри, и то, что тогда основательно считалось серьезною причиною къ безпорядкамъ хроническимъ, теперь таковою не признается: напримѣръ, вопросъ о слишкомъ большомъ скопленіи учащихся въ университетахъ...

Это признавалось неудобствомъ 22 года назадъ при 1,500 студентовъ въ петербургскомъ университетѣ, а теперь ихъ около 3,000, и врядъ-ли почва, на которой эти 3,000 человѣкъ учатся, стала лучше.

Во всякомъ случаѣ, читая эти строки, нельзя не при-

знать, что въ то время, не смотря на несравненно большій разгаръ либерализма, чѣмъ теперь, извѣстныя требованія строгости назывались и опредѣлялись точнѣе и даже смѣлѣе, чѣмъ теперь: говорилось тогда объ усиленіи правительственнаго контроля за направленіемъ преподаванія, объ усиленіи надзора за студентами и *охраненіи полицейскаго порядка, о строгомъ и немедленномъ подавленіи всякихъ волненій и безпорядковъ, безъ оказанія какого-либо послабленія и безъ допущенія какихъ-либо переговоровъ, тѣмъ менѣе уступокъ со стороны начальства.*

Но какія были послѣдствія на дѣлѣ этихъ высказанныхъ верховною педагогическою комиссіею мыслей, мы въ то время не могли узнать, да и потомъ не узнали, ибо, увы, дальнѣйшія событія показали, что элементы безпорядка и революціи продолжали находить живые отголоски въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ особенности въ университетахъ. Валуевъ, когда его при мнѣ спросили: а что же будетъ дальше съ резолюціями вашей комиссіи?—отвѣтилъ: что будетъ дальше, это не наше дѣло, мы исполнили свое дѣло: мы высказали пожеланія; вопрошенные, мы отвѣтили; а дальнѣйшее зависитъ исключительно отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ приведенныхъ мною выше строкахъ, взятыхъ изъ тогдашняго «*Голоса*», обращалъ на себя вниманіе слѣдующій пунктъ, какъ одно изъ подмѣченныхъ явленій въ быту нашей учащейся молодежи: *отсутствіе семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, которые могли бы оказывать содѣйствіе начальству заведенія при охраненіи надлежащаго порядка.* Мысль эта, брошенная, такъ сказать, мимоходомъ, намекомъ, въ этомъ же году получила въ

устахъ министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. болѣе широкое и опредѣленное развитіе и именно въ его циркулярѣ, изданномъ на имя попечителей учебныхъ округовъ.

Циркуляръ этотъ отъ 24 мая 1875 года тоже составляетъ интересный историческій документъ въ лѣтописяхъ нашего учебнаго дѣла и печальное свидѣтельствованіе о той связи, которая продолжала существовать между революціонерными дѣятелями и государственною школою. Но въ особенности интересенъ этотъ циркуляръ тою печальною картиною, которою въ немъ очерчиваются отношенія семьи къ молодежи, именно въ области революціонерной пропаганды.

Привожу этотъ циркуляръ отъ 24 мая цѣликомъ.

«Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1874 г. я препроводилъ къ вашему превосходительству списокъ книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія, съ цѣлью поставить о нихъ въ извѣстность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, при обозрѣніи ими школъ. Нынѣ министръ юстиціи доставилъ мнѣ печатную записку о преступной пропагандѣ, обнаруженной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи. Посылая при семъ одинъ экземпляръ этой записки, прошу васъ, при личныхъ объясненіяхъ съ начальниками учебныхъ заведеній, сообщить имъ о содержащихся въ ней вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ.

Оказывается, что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды то, что для каждаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка составляетъ предметъ особой заботливости и охраны,—юношество и школу. И понятно: коммунистическія ихъ ученія, клонящіяся къ ниспроверженію всего общественнаго строя и водворенію взамѣнъ его, анархіи, до такой степени нелѣпы и дики,

что они могутъ найти успѣхъ развѣ между дѣтьми, недоучившимися юношами и неразвитыми простолюдинами. Но, къ сожалѣнію, эти дѣти и юноши, вмѣсто того, чтобы найти въ окружающей ихъ средѣ и въ своихъ семействахъ отпоръ преступнымъ увлеченіямъ и политическимъ фантазіямъ, встрѣчаютъ иногда, напротивъ того, ободреніе и поддержку; только этимъ и можно объяснить распространеніе соціалистическихъ теорій, давно осужденныхъ здравою наукою; въ 37 губерніяхъ, какъ обнаружило судебное изслѣдованіе, нѣкоторые отцы и матери подбивали къ нимъ своихъ дѣтей. Это явленіе въ моихъ глазахъ гораздо прискорбнѣе самой пропаганды: оно показываетъ до какой степени поверхностна и, скажу, невѣжественна извѣстная часть нашего общества: оно же еще болѣе подкрѣпляетъ меня въ убѣжденіи, что у насъ нерѣдко не семья поддерживаетъ школу, а школа должна воспитывать семью, чего нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, и что значительно усложняетъ и безъ того не легкую задачу воспитанія. Министръ юстиціи весьма вѣрно характеризуетъ это положеніе слѣдующими словами: «Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ, — такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается». Пусть же наставники замѣнятъ въ этомъ случаѣ родителей, — это ихъ прямое

17

призваніе, пусть, при случаѣ, и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится надобность, они разскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, недоученые юноши, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежемъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ. Этого будетъ достаточно для честной молодежи, все болѣе и болѣе нынѣ трудящейся, для того, чтобы со временемъ [illegible]ться полезными гражданами. Истина не боится свѣта; потому я не только не нахожу основанія скрывать это печальное явленіе въ нашей общественной жизни отъ наставниковъ юношества, но, напротивъ того, поручаю вашему превосходительству передать отъ меня начальникамъ учебныхъ заведеній, что ихъ я уполномочиваю разсказать о немъ преподавателямъ и наставникамъ.

Государь Императоръ изволилъ прилагать столько великодушныхъ попеченій объ упроченіи и развитіи нашего отечественнаго просвѣщенія, что не только прямой нашъ долгъ, но и совѣсть обязываютъ насъ приготовить для службы Его Императорскаго Величества и страны вѣрноподданныхъ не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодѣйствовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ, откуда бы они ни происходили».

Итакъ, вотъ, въ чемъ было горе, и вотъ, въ чемъ было дѣйствительно критическое и даже, серьезно говоря, безвыходное положеніе нашего учившагося тогда юношества. Министръ народнаго просвѣщенія, глава государственной школы, обвинялъ русскія семьи въ томъ, что онѣ не школѣ

помогали въ ея руководительной задачѣ, а революціонерамъ въ ихъ разрушительной задачѣ. Но въ то же время всѣ мы знали, и знали это со словъ самихъ родителей учащейся молодежи, что сама школа могла противопоставлять духу революціонной пропаганды тогдашняго времени самый ничтожный элементъ самостоятельнаго и убѣдительнаго противодѣйствія, такъ какъ большинство нашихъ тогдашнихъ профессоровъ и даже учителей гораздо болѣе сочувствовали либеральнымъ идеямъ времени, чѣмъ строго-консервативнымъ идеямъ ихъ начальника, министра народнаго просвѣщенія.

Второе собраніе, гдѣ предсѣдательствовалъ Валуевъ, былъ его знаменитый агрономическій парламентъ, имъ придуманный и имъ созданный подъ предлогомъ *рабочаго аграрнаго вопроса*... Это тоже былъ своего рода историческій курьезъ по отношенію къ нынѣшнему времени, ибо если 22 года назадъ Валуевъ этотъ рабочій вопросъ возбудилъ, то надо отдать справедливость, что 22 года спустя въ настоящее время онъ еще дальше отошелъ отъ какого-либо просвѣта для бѣднаго сельскаго хозяйства въ его тьмѣ, чѣмъ въ 1875 году.

Эту Валуевскую коммиссію назвали тогда аграр[illegible] парламентомъ, во-первыхъ, потому, что она составлена была изъ приглашенныхъ изъ разныхъ концовъ Русской земли представителей землевладѣнія и сельскаго хозяйства, въ лицѣ нѣсколькихъ дворянскихъ предводителей и отдѣльныхъ крупныхъ именъ извѣстныхъ помѣщиковъ-агрономовъ, а во-вторыхъ, потому, что главное занятіе этой коммиссіи заключалось въ *говореніи*...

Валуевъ не ограничивался однимъ рабочимъ вопросомъ, онъ открывалъ широкое поле за столомъ засѣданій для

разговоровъ о всякихъ аграрныхъ вопросахъ, и вызывалъ самые оживленные диспуты.

Но, увы, результатъ этой комиссіи мало отличался отъ результатовъ верховной педагогической комиссіи.

Объ ней тогда говорили: много было сказано, но очень мало было сдѣлано... Характернѣе всего былъ исходъ рабочаго вопроса: онъ прямо указывалъ, что уже тогда въ средѣ земельнаго дворянства царилъ тотъ духъ либерализма, который и теперь такъ рѣзко дѣлитъ земельное дворянство на партіи дворянскую и антидворянскую и мѣшаетъ этому несчастному дворянству сплотиться въ одну единомыслящую сословную семью. Рабочій вопросъ, оказалось, создалъ при обсужденіи его два мнѣнія, безъ всякой возможности ихъ согласить: яблокомъ раздора явился вопросъ о *рабочей книжкѣ*. Одни помѣщики настоятельно и основательно требовали введенія рабочей книги, обязательной, какъ узды для своеволія всякаго рабочаго, уже тогда нанимавшагося на работу, бросавшаго ее, когда онъ находилъ гдѣ нибудь плату болѣе для себя выгодную; другіе говорили: рабочая книжка вещь хорошая *въ принципѣ*, но дѣлать ее обязательною для рабочаго неудобно, такъ какъ она могла бы явиться *посягательствомъ* на личную свободу крестьянина и ставить его въ *слишкомъ* обязательныя отношенія къ помѣщику-нанимателю, а потому лучше предоставить употребленіе рабочей книжки обоюдному соглашенію между нанимателемъ и рабочимъ. Это мнѣніе, разумѣется, какъ либеральное, взяло верхъ, и какъ остроумно тогда выразился одинъ изъ членовъ Валуевскаго парламента—рѣшено было такъ: *ввести рабочую книжку тамъ, гдѣ она не нужна*, ибо, очевидно, тамъ, гдѣ по взаимному соглашенію между хозяиномъ и рабочимъ вводилась рабочая книжка, тамъ она не была

нужна, ибо ея дѣйствіе и ея силу замѣняло гораздо вѣрнѣе—взаимное согласіе между нанимателемъ и рабочимъ, основанное на хорошихъ отношеніяхъ.

XX.

(1875 годъ).

Внѣшнія политическія событія. — Спасаемая Императоромъ Александромъ II Франція.—Первые признаки пожара на Балканскомъ полуостровѣ.

Весною въ этомъ году происходили въ европейской политикѣ событія громадной важности, о которыхъ ни одного звука не проникло въ печать. Событія эти произвели спасеніе Франціи отъ новаго германскаго погрома, въ которомъ главную роль спасителя сыграла Россія.

Во Франціи тогда президентомъ республики былъ симпатичный маршалъ Макъ-Магонъ.

Имя это было боевое, а такъ какъ оно привлекало къ себѣ всѣ симпатіи французскихъ патріотовъ и тѣмъ давало болѣе силы процессу возрожденія порядка во Франціи, и такъ какъ, съ другой стороны, все это вмѣстѣ неизбѣжно придавало болѣе энергіи и военному вѣдомству въ его задачѣ вооруженія Франціи, то въ Берлинѣ такіе симптомы возрожденія Франціи стали не только занимать, но и волновать умы во всѣхъ сферахъ военно-политическихъ партій.

И хотя французы не проявляли никакого боевого пыла и никакихъ лозунговъ во имя revanche не провозглашали, но, тѣмъ не менѣе, берлинская военная партія, съ Мольтке во главѣ, очень громко стала говорить объ

угрожающихъ, со стороны Франціи, Германіи вооруженіяхъ и даже ставила вопросъ: не слѣдуетъ ли именно эту минуту признать удобною для объявленія войны Франціи подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Князь Бисмаркъ, прислушиваясь къ этимъ воинственнымъ голосамъ, находившимъ отголосокъ и въ придворныхъ сферахъ, воспользовался ими. чтобы внести въ парламентъ проектъ дополнительнаго военнаго кредита на вооруженіе германской арміи, а такъ какъ для этого нужно было поддерживать въ умахъ воинственное настроеніе, то онъ давалъ волю всякимъ наускиваніямъ общественнаго мнѣнія противъ Франціи.

Такова была политическая минута въ Европѣ въ началѣ весны 1875 года. Берлинскія демонстранціи прямо испугали французское правительство, и вотъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ написалъ французскому послу въ Петербургѣ, генералу Лефло, взволнованное письмо, въ которомъ поручалъ ему, во что бы то ни стало, добиться отъ Русскаго Императора его представительства за Францію передъ берлинскимъ кабинетомъ. Къ счастью для Франціи генералъ Лефло былъ весьма симпатичною личностью, пользовавшеюся въ Петербургѣ расположеніемъ общества и, что было всего важнѣе, личными симпатіями къ нему Государя. Лефло началъ свою миссію съ князя Горчакова, передавши ему содержаніе письма герцога Деказа. Горчаковъ, съ своимъ тяготѣніемъ къ Берлину вообще, и къ Бисмарку въ особенности, очутился въ трудномъ положеніи: онъ зналъ, что принять на себя активную роль въ защиту Франціи значило бы вооружить противъ себя своего друга Бисмарка; это были ощущенія его личнаго культа къ Бисмарку; а сверхъ того, такъ какъ въ ту пору уже начинали загораться

герцеговинскіе пожары на Балканскомъ полуостровѣ, то Горчаковъ очень добродушно вѣрилъ уже тогда въ обѣщаніе Бисмарка поддерживать Россію въ Восточномъ вопросѣ, въ которомъ, кстати сказать, Бисмаркъ уже вступилъ относительно Россіи въ роль няньки, добродушно дающей дитятѣ поиграть съ игрушкою до поры, до времени, и вотъ вслѣдствіе чего Горчаковъ ограничился при свиданіи съ Лефло нѣсколькими общими сочувственными фразами и поспѣшилъ, какъ онъ это дѣлалъ въ трудныя минуты, тяжесть вопроса перевесть отъ себя на Государя. обѣщавъ Лефло выпросить для него у Государя аудіенцію.

Это оказалось счастливою случайностью для французскаго дѣла. Государь принялъ французскаго посла въ особой аудіенціи и, внимательно его выслушавъ, долго съ нимъ говорилъ, и въ заключеніе сказалъ ему, что Онъ не допускаетъ возможности со стороны берлинскаго кабинета начать войну съ Франціей безъ серьезнаго къ тому повода со стороны послѣдней, что повода къ войнѣ Франція не даетъ, что вооруженіе Франціи Онъ признаетъ для нея необходимостью, и что если за всѣмъ тѣмъ Германія рѣшилась бы на войну съ Франціею, то она бы несла за нее ту же отвѣтственность передъ Европой, какую на себя принялъ Наполеонъ III въ 1870 году, вызвавъ Германію на войну съ Франціею. Но главное, что Государь сказалъ при этомъ свиданіи съ генераломъ Лефло, было обѣщаніе личнаго объясненія Его съ императоромъ Вильгельмомъ, при проѣздѣ Его черезъ Берлинъ, и если будетъ Франціи предстоять какая либо опасность, — прибавилъ Государь,—то знайте, что я первый васъ предупрежу. Страхъ войны съ Германіею былъ такъ великъ во Франціи, что герцогъ Деказъ не успокоился,

получивъ отъ своего посла подробный отчетъ объ его свиданіи съ Государемъ, и онъ снова ему написалъ длинное посланіе, въ которомъ высказывалъ ту мысль, что въ Берлинѣ могутъ скрыть отъ Русскаго Императора воинственное настроеніе Германіи, и лишить Государя возможности предупредить Францію объ опасности своевременно. Лефло снова явился къ Горчакову съ вторымъ посланіемъ къ нему герцога Деказа. Горчаковъ опять почувствовалъ себя въ непріятномъ положеніи, и чтобы изъ него выйти, et se donner, какъ говорятъ французы, une contenance, сдѣлалъ видъ обиженнаго недовѣріемъ Франціи къ Россіи, и упрекнулъ ея посла въ томъ, что его правительство, подъ впечатлѣніемъ fausses alarmes, недостаточно даетъ вѣры словамъ Русскаго Государя. Впрочемъ, прибавилъ канцлеръ, я все передамъ своему Государю. Государь, вѣроятно, тоже почувствовалъ неумѣстность такого вторичнаго обращенія къ нему французской дипломатіи, послѣ данныхъ Имъ послу завѣреній, и ограничился на представленіе князя Горчакова словами: что Онъ подтверждаетъ все сказанное Имъ ранѣе французскому послу.

Но въ то же время Онъ свято исполнилъ, данное Имъ французскому правительству, обѣщаніе. Въ маѣ, проѣздомъ, въ Германіи, Государь пробылъ два дня въ Берлинѣ, и въ эти два дня имѣлъ объясненіе съ глазу на глазъ съ своимъ дядей, императоромъ Вильгельмомъ, въ которомъ послѣдній далъ Русскому Государю торжественное завѣреніе, что Германія не помышляетъ ни о войнѣ съ Франціею, ни о нарушеніи европейскаго мира. Послѣ этого объясненія совершилось главное политическое событіе въ Европѣ той эпохи, въ видѣ телеграммы князя Горчакова

ко всѣмъ русскимъ посламъ изъ Берлина, въ которой заявлялось объ упроченіи европейскаго мира.

Въ самомъ Берлинѣ это событіе вызвало большое волненіе, ибо оно совершилось внѣ всякаго общенія съ княземъ Бисмаркомъ, и даже безъ его вѣдѣнія. Князь Горчаковъ не упустилъ при этомъ случая похвастаться своею политическою ролью въ Европѣ въ данную минуту, и результатомъ этого была бесѣда между двумя канцлерами, на которой князь Бисмаркъ не поскупился на колкости, и изъ которой выяснилось, что князь Бисмаркъ принялъ совершившееся въ Берлинѣ политическое событіе, какъ личную для себя обиду. На этомъ tête-à-tête двухъ канцлеровъ въ Берлинѣ Бисмаркъ, съ свойственною ему беззастѣнчивостью, сказалъ своему другу, что его démarche, то-есть его знаменитая успокоительная телеграмма не имѣла никакой raison d'être, такъ какъ никто, ни императоръ, ни онъ, не помышляли о какой либо войнѣ, а все сводилось къ партійнымъ воинственнымъ стремленіямъ, приписывавшимся всегда нѣмому Мольтке, между тѣмъ, образъ дѣйствій русскаго правительства въ данную минуту былъ таковъ, что оно вмѣсто того, чтобы дать Германіи засвидѣтельствовать свою миролюбивую политику proprio-motu, принимаетъ себѣ передъ Европою заслугу укрощенія, будто бы, воинствующей Германіи угрозами, и что такія дѣйствія нельзя назвать дружескими... Князь Горчаковъ, тѣмъ не менѣе, уѣхалъ изъ Берлина въ сладостномъ признаваніи себя тріумфаторомъ, не предвидя, что 4 года спустя ему придется въѣхать въ Берлинъ, какъ въ Каноссу, и горько заставить поплатиться Россію за его тріумфъ 1875 года. Только тогда пришлось понять, что коварная роль Бисмарка съ 1875 года,

во все время турецкой войны и до берлинскаго конгресса—была мщеніемъ за 1875 годъ.

Очевидно, князю Горчакову легко было, въ интересахъ своей собственной политики, а въ особенности въ интересахъ Россіи, повести дѣла въ Берлинѣ въ эти два дня пребыванія Государя въ 1875 году такъ, чтобы не оскорблять самолюбіе Бисмарка безъ всякой въ томъ нужды, а, напротивъ, пріобщить его къ событію настолько, чтобы и волки сыты были и овцы цѣлы, а декларацію европейскаго мира сдѣлать сообща съ берлинскимъ кабинетомъ. Достоинство Россіи отъ этого нисколько бы не умалилось въ своемъ спасительномъ значеніи для Франціи, но за то мы бы не имѣли за спиною замысла въ Берлинѣ намъ отомстить на Востокѣ.

Во всякомъ случаѣ, если весною 1875 года Франція была спасена Россіею, то въ то же время, съ 1875 года, при самыхъ дружескихъ отношеніяхъ обоихъ императоровъ, дяди и племянника, мы вступили въ такой фазисъ политическихъ отношеній къ Берлину, гдѣ главнымъ двигателемъ по отношенію къ Россіи былъ скрытый замыслъ Бисмарка вредить Россіи, елико возможно.

Самою удобною и благодарною для него почвою былъ Восточный вопросъ, начинавшій, какъ я сказалъ, разгораться тогда въ видѣ событій въ Герцеговинѣ.—Мы не будемъ воевать съ Франціей, но за то мы втравимъ Россію въ войну съ Турціею,—сказалъ себѣ Бисмаркъ,—а потомъ увидимъ.

Въ разгарѣ лѣта 1875 года, на политическомъ европейскомъ горизонтѣ появилась маленькая тучка, и телеграфъ принесъ извѣстіе о столкновеніи между герцеговинцами и турецкими солдатами. Это было въ іюнѣ. И вотъ, эта маленькая тучка начала рости, рости, и изъ

нея уже выросло цѣлое возстаніе, въ 1876 году охватившее и Сербію, и Болгарію, и Черногорію.

Исторія возростанія этой маленькой тучки въ цѣлую грозу происходила въ 1875 году на нашихъ глазахъ и была очень интересна по фазисамъ, черезъ которые это сперва незначительное, а потомъ разроставшееся событіе проходило, благодаря радѣнію о турецкихъ христіанахъ европейскаго концерта.

Самымъ интереснымъ въ то время было явное безсиліе Турціи справиться съ горстью возставшихъ герцеговинцевъ и босняковъ; къ концу 1875 года уже знали въ Европѣ о рядѣ побѣдъ, одержанныхъ инсургентами надъ турецкими войсками, и, сопоставляя этотъ фактъ борьбы горсти инсургентовъ, длившейся цѣлый годъ съ Турецкою имперіею и съ турецкою арміею, съ цѣлымъ годомъ борьбы нашихъ военныхъ силъ съ турецкими безъ результатовъ, пока на второй годъ мы не добились наконецъ успѣха,—приходишь въ недоумѣніе. Горсть инсургентовъ въ 1875 году одержала рядъ побѣдъ надъ турецкими войсками, а намъ потребовалось два года, чтобы добиться побѣдъ.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Когда началось возстаніе, въ Петербургѣ сразу почувствовалось что-то въ родѣ симпатическаго этому возстанію теченіе мыслей. Оно настолько усилилось, что уже мѣсяцъ спустя послѣ возстанія не только правительство разрѣшило подписки въ газетахъ въ пользу нуждающихся семействъ герцеговинцевъ, но и «*Красный Крестъ*» сталъ принимать пожертвованія въ пользу семействъ инсургентовъ, бѣжавшихъ изъ Герцеговины въ Черногорію, а самъ Государь далъ на эту цѣль изъ своихъ средствъ личныхъ десять тысячъ рублей.

Всѣ дипломаты Европы, особливо англійскіе и австрійскіе, засуетились. Взоры невольно обращались къ Петербургу, съ ожиданіемъ, какую позицію приметъ русская дипломатія. Князь Горчаковъ, несмотря на холодъ, наступившій въ его отношеніяхъ къ князю Бисмарку послѣ берлинскаго свиданія, позондировалъ берлинскій кабинетъ, и тамъ нашелъ, въ отличіе отъ Вѣны, гдѣ кипѣла тревога по восточному вопросу, равнодушное настроеніе къ событіямъ въ Герцеговинѣ, потомъ объяснившееся тѣмъ, что князь Бисмаркъ, какъ я сказалъ выше, задался уже тогда коварною мыслію, притаившись въ восточномъ вопросѣ, этимъ самымъ поощрять Россію быть смѣлѣе въ иниціативѣ и какъ можно далѣе заходить въ дебри восточнаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ.

Этотъ коварный лозунгъ «laissez faire» по отношенію къ Россіи, принятый Бисмаркомъ въ Восточномъ вопросѣ въ самомъ началѣ, пришелся по вкусу князю Горчакову, который, не подозрѣвая того, что въ немъ было коварнаго, увлекся мыслью опять играть роль иниціатора и вождя въ политическихъ затрудненіяхъ, и сталъ дѣйствовать съ извѣстною развязностью. Съ одной стороны, его обольщала эта политическая роль, съ другой стороны — ему хотѣлось быть популярнымъ въ той русской средѣ, гдѣ загорѣлись такъ демонстративно славянскія симпатіи.

И вотъ, мы узнаемъ въ то время, что русскій кабинетъ выступаетъ съ предложеніемъ по адресу турецкаго султана—даровать Босніи и Герцеговинѣ тѣ же политическія права, какія имѣла Сербія; но, увы, едва это предложеніе было заявлено, какъ пришлось ему потерпѣть фіаско, и не отъ отказа со стороны Турціи, которая въ то время, въ отличіе отъ слѣдующаго года, была довольно покладиста, а отъ вѣнскаго кабинета, энергично

протестовавшаго противъ такого предложенія Россіи. Но затѣмъ явилось другое предложеніе, ставшее уже европейскимъ концертомъ: настоять у Порты, чтобы она отправила на мѣсто возстанія своего верховнаго комиссара, разбирать недоразумѣнія, и установить modus vivendi, который могъ бы затушить мятежъ. Но и это предложеніе осталось безъ послѣдствія, такъ какъ мятежъ въ Герцеговинѣ все усиливался, турецкія войска начинали терпѣть пораженіе, и Порта поняла, что съ комиссаромъ на мѣстѣ возстанія далеко не уѣдешь. Тогда, по совѣту Англіи, турецкій султанъ вдругъ разрѣшился отъ бремени торжественнымъ *ирадэ*, въ которомъ всѣ подданные турецкаго султана осчастливливались сразу, не исключая и герцеговинцевъ и босняковъ, какими-то новыми правами мѣстнаго самоуправленія и даже выборомъ своимъ уполномоченныхъ для центральнаго правительства.

Этотъ фейерверкъ, что-то въ родѣ конституціи, пущенный въ минуту, когда уже кровь лилась на поляхъ Герцеговины за права жизни и свободы, зажегся, нашумѣлъ и потухъ. Всѣ поняли, что если Турція не въ силахъ справиться съ горстью повстанцевъ, то какую силу можетъ имѣть ея готовность вводить конституціонныя льготы, и, въ отвѣтъ на это «*ирадэ*», повстанцы повели свое дѣло еще энергичнѣе.

Тогда явилось въ «*Правительственномъ Вѣстникѣ*» у насъ «Правительственное Сообщеніе», уже какъ результатъ знаменитой entente européenne, въ которомъ говорилось, что европейскія государства согласились общимъ усиліями поддержать европейскій миръ, и тѣми же общими усиліями достигнуть разрѣшенія недоразумѣній между возставшими провинціями и Турецкою имперіею и прекращенія кровопролитія.

Дѣйствіе этого правительственнаго сообщенія, какъ и слѣдовало ожидать, было ничтожное, и ровно никого не успокоило, ибо фактъ постепенно разжигавшагося пожара возстанія въ Турціи прямо доказывалъ безсиліе этихъ европейскихъ коллективныхъ усилій дипломатіи. Изъ газетъ, и изъ частныхъ толковъ, да и въ самыхъ дипломатическихъ сферахъ Петербурга всѣ знали и говорили о томъ, что, не взирая на то, что европейскій концертъ потребовалъ въ началѣ возстанія отъ Сербіи и Черногоріи соблюденія полнаго нейтралитета, и Черногорія, и Сербія къ концу года оказывались безсильными совладать съ господствующимъ броженіемъ умовъ въ народныхъ массахъ, знали, что турецкія войска сами начинаютъ нарушать территоріальную неприкосновенность Сербіи и Черногоріи, этимъ усиливая воинственный пылъ въ Черногоріи и Сербіи, знали также еще и то, что и въ Черногоріи, и въ Сербіи составлялись вооруженныя шайки *инкогнито*, и переходили въ Герцеговину для подкрѣпленія инсургентовъ, знали все это и, тѣмъ не менѣе, ни въ Петербургѣ, ни въ Европѣ никто ничего не могъ сдѣлать, чтобы помѣшать развитію славянскаго пожара.

Явилась даже одна минута тревожная, когда Австрія сдѣлала конфиденціальное предложеніе занять возставшія провинціи по уполномочію Европы и, разумѣется, этимъ вызвала переполохъ въ Петербургѣ, а затѣмъ и энергичный отпоръ князя Горчакова. Князю Бисмарку все это было какъ нельзя болѣе съ руки, и не совсѣмъ далеки были отъ правды тѣ, которые тогда говорили, что, съ цѣлью усилить смуту и скорѣе втравить Россію въ активную роль на Балканскомъ полуостровѣ, мысль о занятіи Австріею войсками возставшихъ турецкихъ провинцій была подсказана въ Вѣнѣ княземъ Бисмаркомъ.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1875 года, послѣ всевозможныхъ дипломатическихъ усилій потушить славянскій пожаръ, и не взирая на всѣ эти усилія, какая-то роковая сила влекла событія къ цѣли, совсѣмъ противоположной этимъ усиліямъ и цѣли европейскаго концерта, и съ театра военныхъ дѣйствій приходили извѣстія о томъ, что инсургенты задались планомъ протянуть военныя дѣйствія всю зиму, съ тѣмъ, чтобы весною слѣдующаго года начать кампанію еще энергичнѣе, причемъ никто не скрывалъ увѣренности въ томъ, что къ этому времени присоединятся и Сербія, и Черногорія, и пожаръ охватитъ весь Балканскій полуостровъ.

Разсчеты и предвидѣнія оказались вѣрными.

Но какъ дали этимъ крошечнымъ въ зародышѣ событіямъ разгорѣться въ такіе громадные размѣры, этого понять тогда никто не могъ. Тутъ было именно что-то исторически-роковое. Петербургскій кабинетъ къ концу 1875 года былъ въ полномъ соглашеніи съ другими европейскими кабинетами и, не взирая на русскія симпатіи въ пользу славянъ, рѣшительно высказывался противъ всякаго вмѣшательства Россіи, и заявлялъ устами князя Горчакова, что, что бы то ни случилось, Россія не нарушитъ европейскаго мира.

XXI.

(1876 годъ).

Смерть моего брата.—Кончина моего отца.

Въ 1875 году 2 февраля скончался въ Парижѣ мой братъ Александръ, флигель-адъютантъ, и въ тотъ же день пришлось ѣхать въ Парижъ, чтобы привести его тѣло въ Петербургъ, гдѣ нѣсколько дней спустя на дебаркадерѣ варшавской желѣзной дороги оно было встрѣчено преображенскимъ полкомъ и товарищами, посреди которыхъ прошла его служба, и гдѣ его имя было любимо и уважаемо всѣми.

Останки его погребены въ Карамзинской церкви Новодѣвичьяго монастыря.

А въ 1876 году, увы, снова смерть явилась за своею жертвою въ нашу семью. Въ мартѣ мы поняли и почувствовали, что отъ насъ уходитъ нашъ отецъ. Хроническая болѣзнь, которою онъ страдалъ много лѣтъ, приняла острыя проявленія, и явилась опасность для жизни, которую, увы, никакія усилія медицины не могли спасти.

Этотъ прекрасный 74-лѣтній старецъ умиралъ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, тихо, спокойно, свѣтло и безстрашно, какъ умираютъ святые, какъ умираетъ храбрый воинъ на полѣ битвы, безъ страха и безъ сожалѣнія. Окруженный нѣжною любовью многихъ близкихъ и

друзей, онъ постепенно уходилъ отъ насъ, но уходилъ какъ будто незамѣтно, ибо до конца оставался все тѣмъ же — для окружающаго его міра ангеломъ кротости и любви, все тѣмъ же свѣтлымъ христіаниномъ, все тѣмъ же носителемъ яркой чистоты совѣсти, все тѣмъ же свѣточемъ вѣры и любви... Я ужъ не былъ молодъ, когда свершилось таинство смерти моего отца; съ тѣхъ поръ я уже состарился, и возстановляя въ душѣ то, что я тогда понималъ и чувствовалъ у изголовья умирающаго отца, съ тѣмъ, что я пережилъ послѣ, я могу убѣжденно сказать, что не рѣдко приходилось встрѣчать людей, которые словами выдавали и рисовали себя — христіанами, но ни разу не пришлось видѣть на дѣлѣ христіанина по душѣ, по жизни, и по кончинѣ въ такой простой и истинной красотѣ, какъ въ моемъ отцѣ...

Трудно было выразить наши душевныя впечатлѣнія около этого именно одра приближавшейся смерти. Грустно, тоскливо, больно по временамъ сжималось сердце отъ предчувствія и мысли, что *онъ* уходитъ отъ насъ, но въ то же время мы чувствовали, какъ *ему* легка кончина. Этимъ онъ былъ для насъ святой. Смерть обыкновенно даетъ ощущеніе наблюдающимъ за нею, что умирающій всею тяжестью своего грѣховнаго бытія какъ бы въ послѣдній разъ прижимается и прицѣпляется къ землѣ, и эта тяжесть тѣлесная производитъ мучительную борьбу жизни со смертью, не хотящей разстаться съ землею; а здѣсь, въ скромной квартирѣ 3 этажа, въ небольшой комнатѣ на Фурштадтской улицѣ, намъ казалось, что умиравшій отецъ сталъ легче маленькой птички, по отсутствію чего-либо грѣховнаго и тѣлеснаго, и вотъ-вотъ сейчасъ сорвется съ тонкой вѣточки, на которой колыхался, и улетитъ. Да, оно именно такъ было: такая

сложная и тяжелая вещь, какъ 74 года земной жизни въ омутѣ петербургской жизни, ничему другому не могла по отсутствію плотской тяжести уподобляться, какъ тончайшей вѣточкѣ, на которой присѣла мимолетная птичка, чтобы покачаться раза два, три—и улетѣть. Ни одного дурного дѣйствія, ни одного дурного слова, ни одной дурной мысли не было на совѣсти этого умиравшаго человѣка, послѣ 74 лѣтъ жизни, въ теченіе которыхъ онъ жилъ, любя человѣка, любя людей, любя жизнь и никогда не бывши ни на секунду ни моралистомъ, ни обличителемъ, ни судьею другихъ; всякимъ дыханіемъ своей души прославлялъ Бога, любилъ ближняго, и себя съ удовольствіемъ забывалъ для тѣхъ, кого любилъ.

И вотъ, въ томъ самомъ смиренномъ сіяніи своей душевной красоты, въ какомъ онъ жилъ, въ томъ самомъ умиралъ.

Онъ, какъ будто, заботился о томъ только, чтобы легче было окружающимъ бремя его послѣдней болѣзни и испытываемой о немъ скорби, и улыбка участія и привѣта не сходила со страдальческаго лица.

И съ тою-же улыбкою онъ отвѣчалъ докторамъ, утѣшавшимъ его надеждою: нѣтъ, не обманете, все кончено, и затѣмъ, чтобы равнодушіемъ не огорчить собесѣдника, онъ прислушивался, будто интересуясь его разсказами и впечатлѣніями отъ шумѣвшей вокругъ него жизни.

Пасхальная заутреня была вечеромъ пропѣта ему въ отраду и въ утѣшеніе наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія; затѣмъ, онъ сподобился радостнаго пріобщенія Св. Тайнъ и, совсѣмъ приготовившись душою къ разлукѣ съ землею, сталъ уже серьезнѣе и сосредоточеннѣе. 14 апрѣля онъ съ каждымъ изъ насъ простился, каждаго изъ насъ простилъ и каждаго благословилъ, а 15 утромъ, когда во-

шелъ докторъ, онъ съ кроткою улыбкою сказалъ ему: еще смерти нѣтъ, а предвѣстники ея всѣ на лицо, скоро, скоро... 15-го, въ ночь на 16-е, начался медленный параличъ легкихъ и онъ тихо скончался. Семью представляли тогда мой старшій братъ и я, моя сестра, ея мужъ, нынѣ покойный, графъ Клейнмихель, послѣдняя изъ сестеръ моего отца, княжна Софья Ивановна Мещерская, и отъ семьи Карамзиныхъ—два сына исторіографа, Александръ и Владиміръ, и одна незамужняя дочь Елизавета Николаевна Карамзина.

Закрылся гробъ его, и закрылся навсегда тотъ домъ Мещерскихъ въ Петербургѣ, гдѣ десятки лѣтъ, преемственно отъ преданій карамзинскаго дома, такъ много перебывало людей хорошихъ, честныхъ и даровитыхъ, приходившихъ въ него отводить душу отъ треволненій жизни и запасаться чистымъ вдохновеніемъ мысли, добра и правды, коихъ хозяева этого дома были свѣточами.

Похоронили его мы на Невскомъ кладбищѣ, возлѣ его дорогой супруги, нашей матушки, возлѣ милыхъ ему Карамзиныхъ.

На отпѣваніи никто не сказалъ надгробнаго слова. Да и что было говорить: онъ былъ не богатъ, и не имѣлъ ни одного ордена и не свершилъ ни одного подвига. Какъ соткать рѣчь изъ такихъ простыхъ мыслей: умеръ когда-то бывшій лучшій помѣщикъ для своихъ крестьянъ, лучшій изъ мужей, лучшій изъ отцовъ и лучшій изъ людей...

XXII.

(1876 годъ).

Славянскій пожаръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. — Характеристика настроенія умовъ.—Статья «Гражданина», его закрытіе.

Весною этого года уже въ полномъ разгарѣ былъ у насъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ славянскій пожаръ...

Желанія повстанцевъ и вожаковъ ихъ на Дунаѣ сбылись и блестяще оправдались. Зимою кое-какъ протянулось глухое движеніе повстанія, а съ лучами весенняго солнца оно вспыхнуло съ новою силою, и уже зажглось въ Сербіи. И сербы заголосили про турецкія звѣрства, и неизвѣстно почему — пока славянское дѣло изображали собою герои и храбрецы, какъ герцеговинцы, у насъ симпатіи къ ихъ защитѣ были довольно слабы; но какъ только завопили сербы и болгары, представлявшіе собою только сомнительные элементы, мы всѣ, чуть ли не поголовно, стали страстными славянофилами и воскликнули: къ оружію, россіяне. И въ заключеніе, въ подтвержденіе этой поразительной несправедливости судебъ и странной случайности, Сербія получила королевство, Болгарія княжество, а герои Герцеговины и Босніи австрійскаго генералъ-губернатора...

Дипломаты Европы, между тѣмъ, сходились и все толковали; чуть ли не ежедневно послы in corpore, или

по одиночкѣ сходились въ кабинетѣ князя Горчакова для придумыванія способа потушить славянскій пожаръ. И чѣмъ больше они говорили, тѣмъ сильнѣе и шире разгорался славянскій пожаръ на Дунаѣ, и разгорались страсти на Невѣ и на Москвѣ-рѣкѣ... Читая газеты и прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что тогда происходило въ главныхъ центрахъ Россіи, въ видѣ славянофильскихъ воинственныхъ демонстрацій, послы Европы выходили изъ себя, и, совсѣмъ сбитые съ толку, приходили къ старому канцлеру съ вопросомъ: да что же это значитъ, вся Россія въ пожарѣ, вы затѣваете войну? А Горчаковъ отвѣчалъ имъ, не безпокойтесь, это все платоническія демонстраціи, которыя правительство терпитъ, но съ которымъ оно вовсе не солидарно, Россія не двинетъ пальцемъ въ пользу славянскихъ повстанцевъ, и въ этомъ, какъ во всемъ, будетъ держаться только европейскаго концерта...

Но послы не успокоивались, и писали своимъ правительствамъ самыя минорныя донесенія, въ коихъ звучали такія изрѣченія: Россія въ бреду, правительство безсильно, мы ничего не понимаемъ...

И было съ чего повергаться въ недоумѣніе: вчера Горчаковъ говорилъ посламъ: будьте спокойны, правительство тутъ не при чемъ, а сегодня по Гостинному двору торжественно, съ краснымъ придворнымъ лакеемъ позади, ходятъ придворныя дамы и сбираютъ на *пользу раненыхъ славянъ Балканскаго полуострова*, и ужаленный этимъ зрѣлищемъ англійскій посолъ летитъ говорить Горчакову: развѣ можетъ придворная дама такъ открыто сбирать деньги по городу, если нѣтъ сочувствія сверху? На это ему отвѣчаетъ Горчаковъ: это сочувствіе въ пользу больныхъ и раненыхъ, а вовсе не въ пользу дерущихся...

И дѣйствительно было такъ... Правительства лозунгъ былъ sauver les apparences, а потому цензура вычеркивала вездѣ слова: въ пользу славянъ Балканскаго полуострова, а писала на ихъ мѣстѣ: въ пользу раненыхъ и больныхъ и т. д. Вообще, роль руководящей силы тогда правительства напоминала страуса, который, спрятавши глаза за камушекъ, думаетъ, что его не видятъ... Въ Москвѣ народнымъ диктаторомъ сталъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, взявшій въ свои руки все дѣло славянскаго движенія, а въ Петербургѣ его единоличную роль, дѣйствительно всемогущую, исполнялъ коллегіально славянскій комитетъ, и въ концѣ-концовъ явился кличъ къ добровольцамъ въ ряды сербской арміи, кличъ, получившій огромную силу главнымъ образомъ потому, что всѣ узнали о томъ, что генералъ Черняевъ поѣхалъ въ Сербію, съ цѣлью командовать сербскою арміею, а имя Черняева, благодаря его азіатскимъ лаврамъ, было въ высшей степени популярно въ Россіи.

И вотъ, къ концу лѣта все въ Россіи было отставлено на второй планъ, и только одинъ славянскій вопросъ завладѣлъ всѣми умами до такой степени, что не было уголка Россіи, гдѣ бы не горѣлъ славянскій вопросъ... Сборы, добровольцы, славянскіе комитеты — все пошло въ дѣло...

Славянофильское движеніе, охватившее умы въ началѣ лѣта этого года, было, дѣйствительно, весьма интереснымъ событіемъ; интересъ его заключался въ общности этого настроенія и въ особенности въ его популярности: чѣмъ ниже былъ общественный слой, тѣмъ сильнѣе проявлялся этотъ Drang на дунайскій востокъ. Въ особенности народность этого настроенія замѣтна была въ Москвѣ. Мнѣ случилось быть на одномъ пріемѣ у

И. С. Аксакова. Помню, что голова закружилась отъ этой массы людей всякаго званія, какъ потокъ, нахлынувшей въ его пріемную, и какъ сердце усиленно билось и умилялось отъ безчисленныхъ проявленій народнаго энтузіазма. Какъ вчера, помню этихъ старушекъ и стариковъ, на видъ убогихъ, приходившихъ вносить свои лепты для славянскихъ братій, въ какомъ-то почти религіозномъ настроеніи и въ этой толпѣ замѣтилъ одну старушку, на видъ старую, долго разворачивавшую грязненькій платокъ, чтобы достать изъ него билетъ въ 10 тысячъ рублей. И дѣйствительно, деньги лились рѣкою...

Собирались онѣ на раненыхъ и больныхъ братушекъ, а шли онѣ на вооруженіе и отправку въ Сербію добровольцевъ. Отправка эта производилась славянскими комитетами, какъ я говорилъ выше, но, кромѣ того, и главный штабъ принималъ въ этомъ дѣлѣ оффиціальное участіе, ибо къ нему обращались офицеры, состоявшіе на службѣ и получавшіе временной отпускъ для поступленія въ Черняевскую сербскую армію. Улицы стали наполняться маленькими группами русскихъ офицеровъ въ сербскихъ костюмахъ, и на поѣздахъ варшавской дороги не хватало мѣстъ для посадки ѣхавшихъ черезъ Вѣну на Дунай добровольцевъ.

Очки, черезъ которые мы глядѣли тогда на добровольцевъ, надо признаться, были очень розовые... Для меня этотъ періодъ розовыхъ очковъ длился недолго, до поѣздки моей въ августѣ въ Сербію; но пока онъ длился, мнѣ, какъ и всѣмъ, казалось, что эти добровольцы были герои, носители какой-то святой идеи, и новый видъ крестоносцевъ, шедшихъ умирать за свободу угнетенныхъ братьевъ... И чрезъ эти розовые очки мы не замѣчали или, вѣрнѣе, не хотѣли видѣть, какая сволочь шла въ

ряды добровольцевъ, и какое меньшинство составляли порядочные люди, бросавшіе спокойную жизнь дома, чтобы ѣхать на войну за славянскую братію... Потомъ я понялъ, что это большинство составляли люди, которымъ нечего было проигрывать и которые ампошировали русскія деньги славянскихъ комитетовъ, чтобы пускаться въ авантюру, и отъ Петербурга до Дуная покрывали стыдомъ русское имя... Самыми симпатичными въ этой массѣ были отставные солдаты, шедшіе въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно изъ идеи, ими просто воспринятой, и охотно готовые подраться съ турками...

До какой степени были очки у насъ розовые, доказывали отдѣльные эпизоды, напримѣръ, пріѣздъ въ это лѣто одного изъ адъютантовъ Черняева... Онъ явился въ фантастической формѣ, шутомъ какимъ-то: головной уборъ—кепи съ плюмажемъ, мундиръ съ золотыми аксельбантами, штаны съ широкими красными лампасами, и вотъ, разъѣзжая по Петербургу въ щегольской коляскѣ, этотъ молодецъ сбиралъ деньги вездѣ, ибо всѣ ему давали, безъ малѣйшаго недовѣрія, даже безъ вопроса, кто онъ, не мазурикъ-ли, и вотъ на эти деньги онъ завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ въ модныхъ ресторанахъ, шампанское разливалъ потоками, кутилъ съ красавицами, и всѣ это видѣли, и какъ ни въ чемъ не бывало продолжали ему давать деньги... Потомъ, узнавши, сколько тысячъ рублей онъ себѣ прикарманилъ, я задавалъ себѣ вопросъ: отчего такъ мало явилось именно такихъ молодцовъ? Это доказывало, въ сущности, что на крупныя продѣлки архи-грандіозныхъ мошенниковъ-самозванцевъ—охотниковъ было немного, не взирая на то, что опытъ такого адъютанта Черняева доказалъ, какъ можетъ быть выгодна и въ то же время безопасна такая роль.

Пожалуй, эту особенность можно было занести въ активъ тогдашняго русскаго общества въ оцѣнку его нравственности.

Не лишенною характеристики и даже комизма была въ эту лихорадочную минуту, охватившую всѣхъ, фигура министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, того самаго Тимашева, который къ разгрому въ комитетѣ министровъ своего грандіознаго проекта реформъ самоуправленія въ Россіи отнесся какъ къ выпитому стакану воды, а ужъ къ славянофильству, волновавшему всю Россію, относился какъ къ мухамъ, гдѣ-то жужжавшимъ. Это движеніе, охватившее умы, онъ считалъ какимъ-то ребячествомъ и негодовалъ, на сколько умѣлъ, на то, что, не взирая на всѣ препоны цензуры, славянскій пожаръ все сильнѣе разгорался во всей русской печати. Помню, какъ я тогда его вмѣстѣ со всѣми осуждалъ и бранилъ за его бездушіе къ этому святому дѣлу, какъ помню и то, какъ потомъ я сознавалъ ясно, что на этотъ разъ и въ этомъ случаѣ Тимашевъ былъ одинъ изъ немногихъ, который былъ глубоко правъ, осмѣивая этотъ энтузіазмъ и пророча отъ него для Россіи бѣды.

О томъ, какъ великъ былъ энтузіазмъ, я могъ убѣдиться изъ фактовъ моей личной инициативы въ то время.

Провелъ я іюль мѣсяцъ въ Ревелѣ. Ожидать мнѣ въ этой чухляндіи славянскаго энтузіазма было трудно, тѣмъ не менѣе я рѣшился пощупать эту модную струну и здѣсь, и взялся устраивать народный праздникъ въ пользу славянскихъ раненыхъ и больныхъ, какъ тогда предписывалось говорить на афишахъ. Главными дѣятелями моей затѣи были офицеры-моряки стоявшей въ Ревелѣ учебной артиллерійской эскадры, и сообща мы рѣшили устроить праздникъ-monstre.

Программа должна была поразить своимъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, и, въ видѣ громадной афиши на трехъ языкахъ: русскомъ, эстонскомъ и нѣмецкомъ, пущена была и расклеена повсюду въ громадномъ количествѣ экземпляровъ; изъ Петербурга я выписалъ раешниковъ, нѣсколько шарманокъ съ петрушками, затѣмъ устроили лотерею и, отдѣльно отъ народнаго, дѣтскій праздникъ. Цѣну за входъ на народный праздникъ совѣтовали намъ назначить наименьшую, а я настаивалъ на томъ, что цѣна должна быть назначена наивысшая, во-первыхъ, въ виду цѣли, а, во-вторыхъ, въ виду того, что такой праздникъ является новинкою въ нравахъ ревельцевъ.

Оказалось, что я былъ правъ. Народу прибыло множество и именно потому, что этотъ праздникъ со всѣми его аксессуарами былъ совсѣмъ новымъ зрѣлищемъ для чухонцевъ. Но прежде чѣмъ дожить до успѣха, мы пережили ужасныя минуты. Просыпаемся утромъ того воскресенья, когда въ полдень долженъ былъ начаться праздникъ, и о, ужасъ, небо совсѣмъ заволокло, дождь идетъ мелкій; ужасъ нами овладѣлъ, все пропадетъ: и иллюминація, и фейерверкъ, и сборъ... Пришла мысль отмѣнить праздникъ; но моряки, мои товарищи по устройству, сказали мнѣ, что, по ихъ наблюденіямъ, къ полдню погода должна проясниться, и, дѣйствительно, около полудня, о чудо, о радость, небо начало проясняться, а въ полдень начали расходиться тучи и солнце зацарило на синемъ небѣ, и мы видѣли, что со всѣхъ сторонъ стали набѣгать другія тучи,—то были радостныя людскія толпы, такъ что около 2 часовъ дня Екатериненталь переполнился народомъ и валило его столько, что пришлось устраивать двѣ входныя кассы; и все это былъ простой

народъ, эстонскіе мужики, съ ихъ семьями, въ праздничныхъ одеждахъ, съ удовольствіемъ платившіе по 40 копѣекъ за входъ.

Дворяне, съ своей стороны, примкнули къ публикѣ съ предводителемъ во главѣ, съ шикомъ заплатившимъ 100 рублей за чашку чая, затѣмъ все пріѣзжее русское общество, весь военный персоналъ, всѣ моряки, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, я послалъ въ Петербургъ, въ распоряженіе Краснаго Креста, для славянскаго дѣла около 5,000 р., полученныхъ въ томъ самомъ Ревелѣ, гдѣ никогда выручка за праздникъ не превышала и 500 руб.

Затѣмъ, мое славянофильское лихорадочное состояніе до того усилилось, что я попалъ даже въ агитаторы. Все это настроеніе я, разумѣется, изливалъ потоками въ «Гражданинѣ». «Гражданинъ» я сталъ пропагандировать для славянскаго дѣла между моряками; моряки, въ свою очередь, стали проявлять массовое сочувствіе, стали звать къ себѣ на суда, а когда появилась моя знаменитая статья «Славянская лѣтопись», вызвавшая всеобщій энтузіазмъ, съ одной стороны, и запрещеніе «Гражданина» съ другой, — то я сталъ уже въ глазахъ моряковъ своего рода героемъ и вдругъ на военныхъ судахъ, въ отвѣтъ на мою статью, всѣ молодые офицеры стали заявлять командиру о своемъ желаніи идти въ Сербію. Офицеры устроили у себя трапезу въ мою честь, а командиръ пріѣзжаетъ ко мнѣ упрашивать меня, чтобы я на этой трапезѣ ничего не говорилъ возбуждающаго умы, такъ какъ безъ того, по его словамъ, я сбилъ съ толку всѣхъ его офицеровъ и всполошилъ славянскимъ духомъ до *кортиковъ*. Я ему далъ слово и трапеза прошла благополучно; спичи говорили воспламененные офицеры, но

я ничего не говорилъ; пили за Черняева, за сербовъ, за добровольцевъ, и все кончилось благополучно.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, въ Сербію поѣхало нѣсколько морскихъ офицеровъ.

Исторія моей знаменитой статьи была интересна какъ эпизодъ того времени.

Для одержимаго бѣсомъ братушколюбія, какъ я, событія въ Европѣ, создавшіяся при участіи нашей дипломатіи, казались до такой степени въ разладѣ съ тогдашнимъ чисто воинственнымъ общественнымъ настроеніемъ въ Россіи, что я готовъ былъ въ эти минуты объявить врагомъ Россіи всякаго, кто не хотѣлъ, какъ я, и войны, и освобожденія всѣхъ славянъ, и за-одно взятія Константинополя.

Какъ я говорилъ выше, князь Горчаковъ со своими дипломатами всѣ усилія своего ума и искусства напрягалъ къ тому, чтобы достигать двухъ противоположныхъ цѣлей: одна цѣль была соглашеніе и ладъ съ Австріею, съ Германіею и съ Англіею для какого-то плана общаго воздѣйствія на Турцію и на славянъ, а другая цѣль была—мазать по губамъ русскихъ славянофиловъ, чтобы не идти въ разрѣзъ съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Во исполненіе первой задачи явилось свиданіе нашего Государя съ императоромъ австрійскимъ въ Рейхштадтѣ въ началѣ лѣта. Что именно на этомъ свиданіи было рѣшено, намъ было, разумѣется, неизвѣстно, но по ходившимъ о немъ слухамъ можно было догадываться, что цѣлью этого свиданія было соглашеніе на счетъ роли Австріи въ восточномъ вопросѣ на случай войны Россіи съ Турціею. По этому поводу говорили, что Австрія за свой нейтралитетъ потребовала себѣ Боснію и Герцего-

вину, а Россія, будто бы, обязалась не брать Константинополя.

И вотъ, возбужденный всѣми этими слухами, представлявшими Россію въ печальной зависимости отъ европейской антиславянской коалиціи, я пріѣхалъ въ Ревель, поселился въ маленькой дачѣ тогдашняго вице-губернатора Манжоса въ Екатериненталѣ, и, не взирая на миръ, и усладу, дышавшіе на берегу моря, я пришелъ въ такой воинственный и славянофильскій азартъ, что въ одинъ присѣстъ накаталъ длинную статью, подъ заглавіемъ: «Славянская лѣтопись», гдѣ напомнилъ преданія измѣны и коварства Австріи, и доказывалъ, что есть для Россіи нѣчто хуже и опаснѣе войны, это—роль прислужницы Европы, и миръ, купленный цѣною русскаго позора.

Написавъ эту статью, послалъ ее въ Петербургъ немедленно, и на другой день получаю отъ редактора «Гражданина» Пуцыковича телеграмму, въ которой онъ меня увѣдомляетъ, что хотя чуетъ бѣду, но статья моя такъ сильна и хороша, что онъ рѣшилъ ее помѣстить цѣликомъ. И помѣстилъ!

А затѣмъ пришла вторая телеграмма, извѣстившая, что «Гражданинъ» пріостановленъ на два мѣсяца... за явное и рѣзкое порицаніе отношеній правительства къ политическимъ событіямъ на Востокѣ.

Разумѣется, при тогдашнемъ настроеніи умовъ эта мѣра, принятая относительно «Гражданина», послужила къ его прославленію и создала ему ореолъ, котораго никогда бы не было, если №-ръ съ сею статьею вышелъ и прошелъ безъ вниманія къ нему цензуры. №-ръ 27 сталъ раскупаться нарасхватъ, и, смѣшно сказать, за послѣдніе оставшіеся экземпляры платили 5, 10 и даже 25 рублей.

Затѣмъ, стали меня заваливать привѣтственными телеграммами и письмами. И. С. Аксаковъ мнѣ прислалъ краснорѣчивое по сочувствію привѣтственное письмо, а самое замѣчательное, какъ результатъ было то, что къ слѣдующему году количество подписчиковъ сразу удвоилось. И сразу самый непопулярный и антипатичный для большинства лицъ органъ сталъ какъ будто популяренъ. И странно, какъ потомъ я узналъ, что статья моя всего болѣе озлила Тимашева, а Государя, которому ее показывали, не разсердила. Онъ сказалъ, что она черезчуръ горяча и необузданна, но что въ ней есть вѣрныя мысли...

Во всякомъ случаѣ, гнѣвъ Тимашева рѣшилъ мою участь по службѣ, ибо, благодаря ему, оказалось, что я славянскому вопросу принесъ самую большую жертву: свою служебную карьеру и сломанную шею. Впрочемъ, грозный Тимашевъ поступилъ совершенно лойяльно; по возвращеніи изъ отпуска, онъ призвалъ меня и сказалъ мнѣ, что мои политическія убѣжденія до такой степени рѣзко расходятся съ его взглядами, что онъ ставитъ мнѣ категорически вопросъ: хочу-ли я оставаться при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и тогда замолчать въ печати, или предпочитаю я говорить въ печати и тогда оставить мѣсто при немъ. Само собой разумѣется, что въ тогдашнемъ увлеченіи, или, вѣрнѣе, въ тогдашнемъ бреду славянофильской горячки, я, не долго думая, предпочелъ второе и, лишившись мѣста и жалованья около 4,000 руб., перешелъ къ графу Толстому въ министерство народнаго просвѣщенія безъ мѣста и безъ содержанія.

Кара, постигшая «Гражданинъ», была вторая за этотъ годъ, и замѣчательно, что обѣ кары были вызваны моими статьями, преимущественно направленными противъ Австріи, такъ что заграничныя газеты прямо мотивиро-

вали кары, постигшія «Гражданинъ», его нападками на Австрію и ея правительство.

Весною «Гражданинъ» былъ закрытъ на 1 мѣсяцъ, въ началѣ осени на 2 мѣсяца, итого, значитъ, 3 мѣсяца запрещенія, т.-е. такая кара, которой по строгости не удостоилось никакое изданіе въ Россіи, кромѣ «Современника» въ 1862 году за явнореволюціонныя статьи.

XXIII.

(1876 годъ).

Моя поѣздка въ Сербію.—Первыя впечатлѣнія.—Бѣлградъ.—Добровольцы и сербы.—Делиградъ и Черняевъ.

Чтобы дѣвать куда-нибудь свой славянофильскій пылъ, я воспользовался наступившимъ для «Гражданина» молчаніемъ, чтобы ѣхать въ Сербію, взглянуть на пожаръ собственными глазами.

Поѣхалъ я на Вѣну. Со мною въ поѣздѣ ѣхали добровольцы, и пѣсни, и крики: живіо! раздавались на поѣздѣ до самой Вѣны. Въ вагонѣ 1-го класса я замѣтилъ одну русскую фигуру, мнѣ знакомую, но, судя по которой, впослѣдствіи я понялъ, какова была сволочь, отправлявшаяся на Дунай подъ именемъ добровольца. Фигура эта—былъ молодой человѣкъ, съ какою-то фатальною и блѣдною физіономіею красиваго прохвоста. Я его помнилъ въ мундирѣ гвардейскаго кавалерійскаго полка, изъ котораго его протурили, и вотъ штатскимъ франтомъ я его вижу въ вагонѣ 1-го класса ѣдущимъ въ Сербію. Двѣ недѣли спустя, отъ знаменитаго тѣлохранителя Черняева, московскаго Хлудова, приходится услыхать жалобы на *мазуриковъ*-добровольцевъ, и узнать, между прочимъ, что этотъ самый спутникъ мой до Вѣны, красавецъ-прохвостъ, укралъ у него цѣнныя вещи, былъ имъ вздутъ и прогнанъ.

Въ Вѣнѣ на гремѣвшихъ своими саблями русскихъ добровольцевъ толпа смотрѣла съ любопытствомъ, а полиція—съ подозрительнымъ вниманіемъ. За то на пароходѣ, везшемъ насъ къ Бѣлграду по Дунаю, добровольцы рисовались уже во всю ширь русской натуры въ своей самодовольной роли освободителей и спасителей, и вели себя, надо имъ было отдать справедливость, съ непристойностью, не знавшею удержу. Въ Бѣлградѣ на пристани они были приняты съ криками живіо горланившими мальчуганами, а я, направившись въ гостинницу, засталъ тамъ за столами на террасахъ цѣлые кружки добровольцевъ, между которыми нашелъ весьма порядочныхъ молодыхъ людей, недовольныхъ тѣмъ, что приходилось сидѣть и брататься со всевозможными проходимцами. Любителей на чужой счетъ ѣсть и пить между этими героями оказалось не мало, и нѣкоторые изъ нихъ только этимъ, какъ я лично убѣдился, ограничили свой подвигъ добровольцевъ.

Въ Бѣлградѣ, познакомившись съ главными дѣйствующими лицами, я сразу получилъ холодную ванну, ибо убѣдился по впечатлѣніямъ, которыя они на меня произвели, что и князь Миланъ, и митрополитъ Михаилъ, и знаменитый премьеръ Ристичъ,—все это были болѣе или менѣе искусные *актеры*, разыгрывавшіе сообща комедію возстанія и, въ особенности, комедію эксплуатированія добродушной въ своемъ энтузіазмѣ Россіи. Симпатичное впечатлѣніе вынесъ только отъ молодой княгини Наталіи, въ которой, въ контрастъ со всѣми остальными, все показалось мнѣ искренно, правдиво и просто. Милана здоровенный и широкоплечій видъ мясника мало гармонировалъ съ тѣмъ, что разсказывали про его духовныя свойства.

Разсказывали, что по вечерамъ онъ игралъ въ макао съ извѣстнымъ кружкомъ болѣе элегантныхъ и состоятельныхъ добровольцевъ, и золотые лились потокомъ по зеленому полю, а по ночамъ онъ храбро вынималъ изъ ноженъ саблю, чтобы ею обшаривать полъ подъ кроватью и искать, не скрыты-ли подъ нею *убійцы*. Ристичъ мнѣ показался, съ своимъ холоднымъ, разсчетливымъ и въ глаза не глядѣвшимъ лицомъ—обтесаннымъ по-европейски комми-вояжеромъ, а въ митрополитѣ Михаилѣ я болѣе замѣчалъ его хитрые, бѣгавшіе глаза, чѣмъ сентиментальныя изліянія. Доминантною нотою всѣхъ троихъ было неудовольствіе на Россію, что она слишкомъ мало дѣлаетъ для Сербіи, и, не рѣшаясь объявить войны, ограничивается только присылкою *сброди* добровольцевъ-скандалистовъ и деньгами, которыхъ, кстати прибавляли они, шлютъ слишкомъ мало, причемъ я услышалъ ноту неудовольствія на Черняева за то, что ему шлютъ больше денегъ, чѣмъ Милану и Михаилу, занимавшемуся тогда устройствомъ кавалеріи. И все это я услыхалъ въ ту минуту, когда, пріѣхавъ въ Бѣлградъ, я думалъ застать всѣхъ отъ мала до велика въ настроеніи умиленія и благодарной любви къ Россіи.

И, вспоминая, какъ иные русскіе несли въ славянскіе комитеты свои кровные гроши, здѣсь сразу окунулся въ міръ, гдѣ между добровольцами шелъ разговоръ о томъ, сколько золотыхъ проиграно или выиграно Миланомъ во время ночной оргіи.

Въ итогѣ Бѣлградъ со всѣми своими оффиціальными лицами произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я думалъ въ немъ найти патріотическую температуру на нѣсколько градусовъ выше противъ петербургской, которая была высока, но нашелъ совсѣмъ противоположное.

Безъ преувеличеній скажу, что въ отличіе отъ того, что я оставилъ за собою въ Россіи, я не услыхалъ здѣсь въ сербскихъ сферахъ ни одного сердечнаго тона, ни одной ноты чувства. Наоборотъ, вездѣ я слышалъ только холодные отголоски разсчета, самолюбія, честолюбія и мыслишекъ эгоистичнаго холоднаго ума.

Въ этомъ разочарованіи пришлось волею неволею искать утѣшенія въ обществѣ соотечественниковъ-добровольцевъ. Какъ я сказалъ, ими полна была гостиница, гдѣ я остановился; перезнакомившись со всѣми, я звалъ ихъ на трапезы, и тутъ, не углубляясь въ изслѣдованія личностей, съ которыми судьба меня сталкивала, я отдавался иллюзіямъ, насколько могъ, и велъ бесѣды съ добровольцами, оживленныя идеею спасенія братушекъ отъ какого-то ужаснаго ига. По временамъ между ними звучала странная нота,—это отзывы критики по адресу Черняева, который, будто бы, не оправдывалъ чьи-то надежды и предпочиталъ сидѣніе въ бездѣйствіи—ряду блестящихъ побѣдъ, странною эта нота была, очевидно, потому, что эти осуждавшіе Черняева добровольцы только вчера прибыли въ Сербію и ни малѣйшаго представленія не имѣли о театрѣ войны. Да къ тому же, между этими военными критиками были штатскіе люди, уже совсѣмъ къ военнымъ сужденіямъ непригодные. Нѣсколько добровольцевъ показались мнѣ порядочными и симпатичными людьми: ихъ ничего не повлекло сюда, кромѣ идеи, и, въ бесѣдѣ съ ними, увлекаясь впечатлѣніями и стремленіями, мы взбирались на такія духовныя вершины, съ высоты которыхъ мы себя представляли самымъ искреннимъ образомъ вдохновенными вершителями историческаго подвига.

Изъ матеріальныхъ впечатлѣній я запомнилъ, уѣзжая

изъ гостиницы, два: необыкновенную дешевизну всѣхъ предметовъ жизни, и отличное неготинское бѣлое вино, въ 30 копѣекъ.

Затѣмъ, поѣхалъ я въ коляскѣ на почтовыхъ въ Делиградъ, въ главную квартиру Черняева. Шоссе было прекрасное: лошади отъ станціи до станціи везли великолѣпно, но на каждой почтовой станціи пришлось снова испытывать дѣйствіе холодныхъ душъ. Пріѣздъ коляски собиралъ народъ на станціонный дворъ, и пока закладывали лошадей, я вступалъ съ мирными поселянами въ разговоръ, ожидая отъ нихъ патріотическихъ изліяній. Но вездѣ мои ожиданія не сбылись. Отъ каждаго крестьянина я слышалъ все одну и ту же мысль: жилось имъ хорошо, никто ихъ не обижалъ, о туркахъ не было ни слуха, ни духа, и вдругъ наѣхали сюда русскіе, берутъ съ нихъ контрибуціи, раззоряютъ подводами, а иные такъ даромъ возить заставляютъ и лошадей загапиваютъ. И, глядя на повсемѣстныя окрестныя довольства и благополучія, на общіе и повсемѣстные признаки такого благосостоянія, въ которомъ народъ все имѣетъ, ничего не желаетъ и ни на что не жалуется, я начиналъ понимать, что эти дѣйствовавшіе на меня, какъ холодные души, народныя рѣчи были отголосками живой правды... Самое странное было то, что нигдѣ я не слышалъ даже малѣйшихъ проявленій той ненависти къ туркамъ, которою мы на берегахъ Невы такъ кипѣли.

По дорогѣ, какъ контрастъ съ этими прозаическими рѣчами сербскихъ мирныхъ и счастливыхъ поселянъ, я встрѣчаю партіи новобранцевъ-добровольцевъ, шедшихъ къ Черняеву, оглашая воздухъ веселыми русскими пѣснями. Прислушиваясь къ нимъ, я на минуты снова возвращался къ экзальтированному состоянію, и такъ, то падая, то

поднимаясь духомъ, я проѣхалъ въ какомъ-то странномъ нервномъ состояніи тѣ 200 съ чѣмъ-то верстъ, которыя меня отдѣляли отъ Алексинаца и Делиграда.

Съ минуты прибытія въ Делиградъ, то-есть въ лагерь Черняевской арміи, я очутился въ мірѣ совсѣмъ новыхъ и до-нельзя странныхъ впечатлѣній, гдѣ драма постоянно шла рядомъ съ комизмомъ, гдѣ серьезное постоянно сталкивалось съ опереткою, и гдѣ самое тяжелое было ощущеніе и сознаніе какого-то непреодолимаго безсилія...

Часа два послѣ прибытія въ этотъ міръ, изъ-за котораго вся громадная многомилліонная Россія зажглась святымъ огнемъ и полна была проявленій самаго чистаго духовнаго свойства, я понялъ, что онъ представляетъ собою какую-то квази-военную коммуну, гдѣ все жило и двигалось въ непониманіи не только строгой дисциплины, но единой власти и единой воли. Это было самое непріятное впечатлѣніе.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, гдѣ жилъ Черняевъ и гдѣ онъ любезно мнѣ предложилъ гостепріимство, я сразу вошелъ въ Шекспировскую драму... Достаточно было нѣсколько минутъ общенія съ этимъ человѣкомъ, чтобы получить убѣжденіе, что Черняевъ былъ созданъ, чтобы быть легендарнымъ народнымъ героемъ: его свѣтлая и честная вѣра въ свое призваніе этой исторической минуты, его дѣтская искренность и правдивость, его высоко-нравственная честность, его горячія и пылкія чувства, его безграничное самозабвеніе и, наконецъ, изъ всѣхъ его духовныхъ поръ, выступавшая боевая храбрость все это вмѣстѣ очаровывало васъ, притягивало васъ къ нему, держало васъ во власти его обаянія и наполняло васъ къ нему любовью, уваженіемъ и упованіемъ... Но потому-то, что такъ сильны были эти впечатлѣнія отъ

Черняева, вы сразу начинали за него страдать, и какъ сильны были ваши страданія... Страданія эти были слабыми откликами его страданій; а его страданія были страшно тяжелыя: сердце его билось въ униссонъ съ тою частью экзальтированной Россіи, которая ему посылала и свою вѣру въ него, и свои благословенія, и свои надежды на него, и свои деньги, и своихъ сыновъ. но тамъ, въ Россіи, весь этотъ міръ энтузіазма разгорался отъ волшебной силы иллюзіи, а здѣсь, наоборотъ, онъ долженъ былъ гаснуть отъ безпощадно разочаровывающей дѣйствительности, отъ рокового безсилія, дѣлавшаго изъ Черняева богатыря, съ горѣвшимъ сердцемъ и съ живою мощью,—съ связанными руками и ногами, обреченнаго на бездѣйствіе.

И такимъ именно я его засталъ. Вокругъ него были люди; но между этими людьми, во-первыхъ, не было ни одной выдающейся личности, а, во-вторыхъ, между этими людьми ничего не было связующаго и животворящаго. Замѣтилъ я здѣсь съ глубокомысленною физіономіею— точно рѣшающаго какія-то головоломныя задачи, и, напускавшаго на себя много важности—Комарова, начальника Черняевскаго штаба, но, увы, ничего изъ этой важности, кромѣ вздохообразныхъ звуковъ,—не выходило; и одинъ, всегда одинъ, бѣдный Черняевъ долженъ былъ свою душу героя влагать въ разыгрываніе роковой комедіи, быть архистратигомъ безъ воинства, быть героемъ эпоса безъ сподвижниковъ...

Я засталъ Черняева въ нервномъ настроеніи отъ вопроса, недававшаго ему ни днемъ, ни ночью покоя: почему турки не аттакуютъ его, и не разносятъ всѣ эти призраки сербской арміи. Турки были въ двухъ верстахъ; они были во сто разъ сильнѣе; день проходитъ за днемъ:

у Черняева нѣтъ настоящихъ войскъ, нѣтъ артиллеріи, нѣтъ кавалеріи, и нѣсколько выстрѣловъ было достаточно, чтобы всю эту сербскую армію разнести въ прахъ, и очистить свободный доступъ къ Бѣлграду для турецкой арміи. И все-таки турки не двигаются, и призрачный сербскій лагерь продолжаетъ существовать... Какъ я писалъ въ своихъ письмахъ изъ Сербіи тогда, ночью, когда все стихало вокругъ, Черняевъ выскакивалъ изъ своей комнаты на свѣжій воздухъ, потому что ему слышалась стрѣльба, возвѣщавшая наступленіе турокъ, но турецкій лагерь крѣпко спалъ, и эти галлюцинаціи слуха повторялись ежедневно...

Чтобы убѣдиться, насколько положеніе Черняева было драматично и его нервные страхи основательны, стоило только перейти въ окружавшій его военный міръ и побывать въ немъ, что я и сдѣлалъ, и, увы, побывши въ атмосферѣ этихъ сподвижниковъ Черняева нѣсколько часовъ, я понялъ печальную суть этой крупной иллюзіи. Что именно были храбрецы подъ иными палатками, въ этомъ не было и не можетъ быть сомнѣнія; но, съ одной стороны, эти отдѣльные храбрецы находились вблизи сербскихъ солдатъ, которые къ Черняеву питали скорѣе нехорошее, чѣмъ хорошее чувство, а съ другой стороны— бокъ-о-бокъ тутъ же тѣснилась какая-то русская интеллигенція добровольцевъ, составленная изъ всякаго вида дряни. Оттого, когда я вошелъ въ этотъ міръ, я былъ дальше, чѣмъ гдѣ-либо, отъ войны и ея вдохновляющихъ заботъ и треволненій; я слышалъ разсказы о томъ, какъ этотъ подрался съ тѣмъ-то, тотъ укралъ то-то у того то, этотъ напился пьяный и наскандалилъ и т. п., а въ промежуткахъ между такими разговорами интеллигентская критика на Черняева рѣзала мнѣ ухо. Симпа-

тичный московскій купецъ Хлудовъ сталъ отводить мнѣ свою душу, переполненную горькихъ впечатлѣній, и въ обожаніи Черняева, котораго знавалъ еще съ хивинскаго похода, кручинился за него, но въ то же время обвинялъ его въ томъ, что онъ, не вѣря въ свою звѣзду и въ мощь своего имени, не рѣшается идти на турокъ?..

— Да вы же сами говорили, что сербы драться не будутъ, а болѣе половины добровольцевъ — сволочь, съ кѣмъ же Черняевъ пойдетъ; вѣдь турецкая армія, какъ вы говорите, и дисциплинирована и вооружена?

— Это что! Я совѣтую Михаилу Григорьевичу сдѣлать ночную аттаку: турки ея не ждутъ, испугаются и бросятся бѣжать, а мы въ догонку.

— А если не испугаются?

— Ну, тогда пишите: пропало,—отвѣчалъ чудакъ-Хлудовъ.

Убѣдиться, насколько турецкая армія была близка, и въ то-же время насколько она была добродушна, было не трудно. Двое изъ штабныхъ Черняева предложили мнѣ съ ними поѣхать верхомъ, осматривать позиціи турокъ. Мнѣ дали бѣлую лошадь, и мы поскакали по холмамъ и доламъ; ровно четверть часа спустя, мы очутились на гребнѣ холма, съ котораго открылся видъ турецкаго лагеря въ долинѣ. Здѣсь впервые я познакомился съ чувствомъ несовсѣмъ пріятнымъ, или, вѣрнѣе, съ подобіемъ того чувства, которое, по словамъ Хрулева, севастопольскаго героя, долженъ неизбѣжно испытывать всякій при первомъ личномъ ознакомленіи съ боевыми выстрѣлами. Храбрые, какъ Хрулевъ, называли это чувство страхомъ, трусы называютъ это инстинктомъ самосохраненія, но дѣло въ томъ, что одинъ изъ моихъ компаньоновъ сказалъ мнѣ: вотъ, теперь, увидя вашу бѣлую лошадь, турки

станутъ стрѣлять по этому открытому мѣсту, если хотите вернемся. Не скажу, чтобы это сообщеніе было пріятно, но повернуть казалось еще непріятнѣе, то-есть постыдно, и мелкою рысью мы двинулись дальше, и, дѣйствительно, минуту спустя, въ долинѣ блеснулъ огонекъ, вспыхнулъ дымокъ, раздался выстрѣлъ, и граната куда-то полетѣла, и это, признаюсь, было зрѣлище не изъ пріятныхъ по ощущенію. Такихъ выстрѣловъ было пущено пять, гдѣ-то въ воздухѣ послышались звуки шипѣнья, но этимъ и кончилось; какъ я сказалъ, удалось познакомиться и съ громаднымъ лагеремъ турецкой арміи, и съ ея добродушіемъ. Она могла подняться и, какъ полчища Атиллы, ринуться, и все разнести, а вмѣсто этого она мирно сидѣла и забавлялась пусканіемъ снарядовъ или гранатъ по направленію бѣлыхъ коней.

Я назвалъ сейчасъ Хрулева. Помню его севастопольскіе разсказы однажды вечеромъ въ одномъ домѣ въ Петербургѣ. Рѣчь шла о храбрости и о трусости. Хрулевъ говорилъ своею простою рѣчью, что въ началѣ героевъ нѣтъ, всѣ трусы, а потомъ трусовъ ужъ нѣтъ ни одного, всѣ герои. Когда онъ командовалъ отдѣленіемъ въ Севастополѣ, во время осады, онъ ежедневно продѣлывалъ съ новыми опредѣляющимися въ гарнизонъ офицерами одну и ту-же сцену: онъ приказывалъ къ себѣ являться въ 10 часовъ утра на позицію, а для того надо было проходить всю линію огня, подъ выстрѣлами вражьихъ бастіоновъ; и вотъ ежедневно и со всякимъ повторялась та-же сцена: офицеръ выступаетъ храбро, дѣлаетъ пять шаговъ, начинаетъ вздрагивать, оглядываться, еще 5 шаговъ, и назадъ. Хрулевъ это видѣлъ и къ слѣдующему дню велѣлъ снова являться; на слѣдующій день та же исторія, но только съ 20 шагами, и опять назадъ; на

третій день та же сцена, но тогда офицеръ дѣлаетъ полдороги и все-таки поворачиваетъ и идетъ назадъ. Тогда Хрулевъ ему говоритъ: вы несообразительны, вы сдѣлали полдороги и вернулись, не проще ли было эту вторую половину шаговъ сдѣлать впередъ; попробуйте! И вотъ, на четвертый день, офицеръ проходитъ всю линію, и съ этой минуты онъ былъ севастопольскимъ героемъ.

У Черняева я прогостилъ четыре дня, въ теченіе которыхъ присутствовалъ при сценѣ, какъ отрядъ добровольцевъ явился въ количествѣ 200 человѣкъ къ Черняеву; по большей части это были отставные солдаты. Черняевъ къ нимъ вышелъ, ласково ихъ принялъ и затѣмъ сказалъ имъ, что надѣется ихъ увидѣть молодцами въ бою за святое дѣло. Они крикнули ура! и разошлись...

Вернулся я въ Бѣлградъ, и дорогою чувствовалъ и думалъ о томъ, что съ иными совсѣмъ впечатлѣніями на душѣ ѣду обратно; не то грусть, не то досада, не то тоска лежали камнемъ на душѣ, и весь этотъ чудный сонъ, въ которомъ я жилъ еще такъ недавно, разрушенъ былъ горькою и прозаическою дѣйствительностью... Я чувствовалъ и сознавалъ, что видѣлъ жалкую комедію, и возвращался, какъ изъ театра возвращается зритель, ожидавшій наслажденій и ничего не испытавшій, кромѣ разочарованія.

Пока я былъ въ Бѣлградѣ, пришла вѣсть съ посланнымъ изъ Делиграда отъ Черняева о новой комедіи, тамъ разыгравшейся: черняевскіе бойцы, вѣроятно, отъ скуки и отъ нечего дѣлать — взяли собрались и провозгласили ни съ того, ни съ сего *храбраго* князя Милана, не рѣшившагося пріѣхать и привѣтствовать черняевскую армію, *королемъ Сербіи*. Узналъ я объ этомъ отъ самого Милана, который такимъ эпизодомъ, какъ онъ самъ го-

ворилъ, былъ не столько польщенъ, сколько озадаченъ и даже испуганъ, ибо прежде всего онъ воскликнулъ, поднявши свои жиромъ заплывшіе глаза къ небу: что скажетъ Австрія, что скажетъ Европа! Но такъ какъ этотъ шутовскій, неприличный эпизодъ затушенъ былъ въ началѣ, то Европа ничего не сказала.

Главное, что было грустно, какъ впечатлѣніе, — это отсутствіе чего бы то ни было похожаго на патріотическое настроеніе во всѣхъ сербахъ, на спасеніе которыхъ явился Черняевъ и являлись сотни и тысячи русскихъ добровольцевъ. А уже объ отсутствіи братскаго сочувствія къ русскимъ и говорить нечего; я его нигдѣ не нашелъ въ Сербіи. О храбрости же сербовъ шли всякіе разсказы, изъ которыхъ одинъ меня поразилъ: говорили, что нѣсколько тысячъ молодыхъ сербовъ порѣзали себѣ пальцы, чтобы не идти въ солдаты и, сверхъ того, какъ послѣ уже я слыхалъ, нѣсколько тысячъ солдатъ-сербовъ разбѣжались въ октябрѣ во всѣ стороны.

Тѣмъ не менѣе, три арміи въ Сербіи были сформированы: одна Черняевская, другая и барская, подъ начальствомъ отставного русскаго генерала Новоселова и третья исключительно сербская, дринская армія. Драться онѣ принялись въ октябрѣ.

XXIV.

(1876 годъ).

Ходъ событій въ Россіи.—Правительственное сообщеніе и его дѣйствіе.—Пріѣздъ Государя въ Москву.—Его рѣчь.—Восторги.—Роль Тимашева.—Новая кара «Гражданина».

Въ Петербургѣ я засталъ ту же возвышенную славянофильскую воинственную атмосферу. Она стала усиливаться, когда начали приходить телеграммы объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ. Эти военныя дѣйствія на трехъ линіяхъ продолжались нѣсколько дней. Благодаря русскимъ добровольцамъ, волею-неволею сербскія войска должны были драться, и, несмотря на превосходство турецкихъ войскъ численностью, въ началѣ сербскія войска оказывались почти равными турецкимъ; то турки одерживали верхъ, то сербы, но это длилось недолго. Турецкія войска должны были взять верхъ, и перешли вездѣ въ наступленіе. Вотъ тогда получаться стали изъ Сербіи такія телеграммы: «Русскіе добровольцы умоляютъ спасти ихъ и Сербію, сдѣлавшихъ уже все, что было въ ихъ силахъ: жертвъ нашихъ недостаточно. Нужна помощь дѣятельная; помогите намъ во имя общаго дѣла». Эта телеграмма получена была въ Москвѣ 11 октября.

Въ это время Дворъ находился въ Крыму, а нашъ посолъ въ Турціи, гр. Игнатьевъ, находился въ Констан-

тинополѣ. Когда я оставлялъ Петербургъ, чтобы ѣхать въ Сербію, я зналъ, что въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, несмотря на все, что дозволялось въ пользу славянскаго пожара твердо рѣшились далѣе этихъ видовъ сочувствія славянскому дѣлу не идти, и слова князя Горчакова: все, кромѣ войны,—повторялись вездѣ.

Помню, какъ тогда мы недоумѣвали: какъ согласить эти слова съ тѣмъ, что дозволялось правительствомъ дѣлать въ Россіи въ пользу славянскаго возстанія, и какъ объяснить эту странную и въ то же время слѣпую непослѣдовательность; и говорили мы тогда это потому, что всѣми испытывалось убѣжденіе, что разъ правительство пошло такъ далеко по пути своихъ симпатій къ славянскому мятежу открыто, оно, очевидно, не будетъ въ силахъ устоять противъ напора событій, влекущаго Россію на войну. Замѣчательно, что тоже самое думали въ Берлинѣ, и Бисмаркъ писалъ князю Горчакову, что онъ не понимаетъ, почему вмѣсто добровольцевъ Россія не посылаетъ свои войска въ помощь сербамъ, чтобы кончить войну въ началѣ...

Наши предчувствія скоро сбылись.

Напоръ воинственныхъ вѣяній все усиливался, и телеграммы объ опасномъ положеніи сербскихъ армій, читавшіяся нами, читались тоже въ Ливадіи. Игнатьевъ, съ своей стороны, подливалъ масло въ огонь своими представленіями о необходимости прямого и активнаго вмѣшательства Россіи, и вотъ раздался первый выстрѣлъ, пущена была первая бомба...

20-го октября появилось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе слѣдующаго содержанія: «18 октября Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объявилъ Портѣ, что въ слу-

чаѣ, если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на шесть недѣль или на два мѣсяца, и если не дастъ немедленно приказанія пріостановить военныя дѣйствія, то онъ со всѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя, и дипломатическія сношенія будутъ прерваны».

Сообщеніе это произвело необычайное дѣйствіе: оно возбудило нервы общества до высшаго патріотическаго и славяно-фильскаго настроенія. Всѣ поняли, что это сигналъ къ войнѣ. И дѣйствительно, въ анналахъ дипломатіи никогда еще не было слышно о такомъ рѣшительномъ, энергичномъ и даже повелительномъ требованіи одной державы къ другой, ей равной.

Всѣ мы понимали, что въ этой формѣ—былъ вызовъ, и всѣ были увѣрены, что Порта отвѣтитъ на это требованіе войною.

Но 23 октября мы узнали, что Порта изъявила черезъ нашего посла генералъ-адъютанта Игнатьева согласіе на двухмѣсячное перемиріе, и дала приказанія всѣмъ начальникамъ войскъ пріостановить военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны.

Торжество Россіи было полное. Казалось, послѣ этого оставалось ожидать переговоровъ русской дипломатіи съ Портою, для прекращенія мятежа и войны, и для окончательнаго выясненія, на какихъ условіяхъ положеніе христіанскихъ народовъ, подвластныхъ Турціи, могло-бы быть улучшено и упрочено.

Но такой исходъ всего менѣе могъ нравиться нашимъ братьямъ-славянамъ. Они замышляли получить главное, что для нихъ было нужно, это втянуть Россію въ войну съ Турціею за нихъ, ибо тогда имъ не придется драться, а драться за нихъ будетъ Россія, и затѣмъ то, что они

могутъ для себя добыть отъ войны Россіи съ Турціею несравненно будетъ больше, чѣмъ то, что они получили-бы безъ войны Россіи съ Турціею, путемъ дипломатическихъ переговоровъ Россіи или Европы съ Турціею.

Разумѣется, главнымъ послѣдствіемъ того рѣшительнаго и энергичнаго шага, который сдѣлалъ Государь въ Ливадіи по турецко-славянскому вопросу, была немедленная забота, по иниціативѣ Англіи, изъ всѣхъ государствъ Европы составить концертъ и начать дипломатическія совѣщанія въ самомъ Константинополѣ, съ цѣлью придти къ возстановленію мира на Балканскомъ полуостровѣ...

Австрія и Англія очень дѣятельно и съ жаромъ взялись за это дѣло. Менѣе искренне и совсѣмъ хладнокровно, даже почти à contre coeur, приступилъ къ европейскому концерту берлинскій кабинетъ, ибо, какъ я писалъ прежде, князь Бисмаркъ признавалъ для германскихъ интересовъ несравненно выгоднѣе втравить Россію въ войну съ Турціею, чѣмъ дать конфликту между Россіею и Турціею уладиться съ помощью усилій европейскихъ дипломатовъ, и все, что отъ него исходило въ это время по адресу русскаго правительства, дышало воинственнымъ пыломъ, которымъ онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, вдохновить русское правительство... Пользуйтесь минутою, Европа не въ состояніи будетъ противодѣйствовать, Германія будетъ не только соблюдать строжайшій нейтралитетъ, но сдерживать Австрію и Италію своимъ вліяніемъ, Франція безсильна, идите смѣло и заставьте оружіемъ султана подчиниться всѣмъ вашимъ требованіямъ, Англія же одна не рѣшится дѣйствовать противъ Россіи открыто...—вотъ что приблизительно нашептывалъ другъ Россіи Бисмаркъ князю Горчакову, и

что через него проникало въ высшія правительственныя сферы.

И вотъ, Государь на возвратномъ пути изъ Ливадіи останавливается въ Москвѣ...

Всѣ ждали какого-нибудь Царскаго слова для просвѣтлѣнія всѣхъ томившей неизвѣстности..

Оно тѣмъ болѣе являлось потребностью, что за нѣсколько дней до этого, въ Лондонѣ, на обѣдѣ у лорда мэра въ Гильдхаллѣ премьеръ Англіи лордъ Биконсфильдъ произнесъ рѣчь, въ которой Европа услыхала угрозу по адресу Россіи *войною Англіи съ нарушителями мира.* Въ этой рѣчи заклятый и давнишній врагъ Россіи, англійскій премьеръ заявилъ, что первая цѣль, преслѣдуемая англійскимъ правительствомъ, есть сохраненіе мира, и лучшимъ средствомъ, по его мнѣнію, достигнуть этой цѣли, это держаться трактатовъ. А такъ какъ парижскій трактатъ 1856 года торжественно возобновленъ въ 1871 году на основѣ неприкосновенности Турціи, то Англія признала нужнымъ отвергнуть и проектъ занятія Босніи и Герцеговины Австріей, проектъ занятія Болгаріи Россіею, равно какъ проектъ отсылки судовъ всѣхъ державъ въ Константинополь (предложенный, если не ошибаюсь, княземъ Горчаковымъ). Вторая цѣль, по мнѣнію Биконсфильда, — это улучшеніе участи турецкихъ христіанъ. Англія взяла на себя почннъ предложенія конференціи, участвовать въ которой обѣщали всѣ державы. Въ заключеніе англійскій премьеръ сказалъ: «всѣ государственные люди того мнѣнія, что миръ, котораго слѣдуетъ добиваться на конференціи, находитъ лучшую гарантію для себя въ поддержаніи трактатовъ, такъ какъ сохраненіе цѣлости Турціи можетъ быть достигнуто только подъ условіемъ существованія правительства, заботящагося о

благѣ населенія. Онъ надѣется, что этотъ результатъ достижимъ безъ войны. Если же, все-таки, война возникла бы, то Англія наилучшимъ образомъ къ ней подготовлена. Англія будетъ воевать только за справедливое дѣло, но, въ такомъ случаѣ, ужъ до тѣхъ поръ, пока справедливости не дано будетъ полнаго удовлетворенія». Этотъ конецъ рѣчи былъ принятъ какъ дерзкій вызовъ, брошенный Россіи,—вызовъ, въ которомъ Англія признавала себя независимою отъ всей Европы, одну—верховнымъ судьею справедливости въ Восточномъ вопросѣ.

При этихъ впечатлѣніяхъ очень было понятно горячее настроеніе русскихъ умовъ, сосредоточившихся въ Москвѣ, дабы услыхать голосъ Русскаго Государя.

Съѣздъ въ Москвѣ былъ небывалый.

28 октября, вечеромъ, Государь и Императрица прибыли въ Москву. Ихъ проѣздъ почти шагомъ отъ курскаго вокзала до Иверской былъ какимъ-то волшебнымъ шествіемъ въ морѣ многихъ тысячъ народа, гдѣ ни на секунду не смолкало какое-то необыкновенное «ура», постепенно усиливавшееся и на Кремлевской площади обратившееся въ какой-то громкій громовой гулъ.

29 октября былъ выходъ изъ дворца съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ. Залы дворца не могли вмѣстить массы съѣхавшихся русскихъ людей, такъ что для прохода Ихъ Величествъ по заламъ оставалась лишь узкая тропинка.

Когда Государь съ Императрицею, при торжественномъ безмолвіи тысячей людей, подошли къ московскому городскому обществу, и городской голова поднесъ, по обычаю, хлѣбъ-соль, Государь принялъ хлѣбъ-соль, и затѣмъ громкимъ голосомъ заговорилъ.

«Благодарю васъ, — сказалъ Государь, — господа, за

чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому Я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со Мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится—и Я увижу, что Мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что Мы вправѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что, въ такомъ случаѣ, вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ».

Нѣсколько разъ, во время рѣчи Государя, проносился

трепетъ по залѣ, вѣщавшій про восторгъ, охватившій всѣ сердца. А когда Государь сказалъ слова: «Я увѣренъ, что вся Россія отзовется на Мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ», молчать стало всѣмъ не подъ силу, и въ залахъ грянуло «ура», но такое, что даже страшно стало; буквально задрожалъ полъ, задрожали стекла.

Наконецъ, по мановенію руки Государя все смолкло.

Тогда Государь сказалъ послѣднія слова.

«Я увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

Тогда «ура» грянуло еще сильнѣе, еще страшнѣе.

По лицу Императрицы покатились слезы... Многіе плакали...

Въ тотъ же день дворянское собраніе собралось для составленія адреса Государю, и для той же цѣли собралась московская городская дума. На улицахъ цѣловались.

Полчаса послѣ выхода слова Государя передавались по телеграфу всему міру.

Но въ Петербургѣ съ ними случился курьезный эпизодъ.

Когда министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ получилъ телеграмму со словами Государя, для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», онъ не захотѣлъ вѣрить этому тексту и сказалъ: «не можетъ быть, чтобы Государь это сказалъ, это переврано»... Какъ я писалъ Тимашевъ былъ безусловно противъ славянофильскаго движенія, и вслѣдствіе этого нашелъ текстъ Государевыхъ словъ нецензурнымъ. Тогда онъ телеграфировалъ министру Двора графу Адлербергу свое сомнѣніе и просилъ его ему передать настоящій текстъ Государевой

рѣчи, и къ ужасу Тимашева оказалось, что этотъ текстъ было слово въ слово повтореніемъ перваго текста, ему посланнаго изъ Москвы. Нечего было дѣлать, пришлось Тимашеву смириться и послать рѣчь печатать въ «*Правительственный Вѣстникъ*».

Не лишено пикантности, что на меня, маленькаго человѣчка, Тимашевъ вскорѣ обрушилъ гнѣвъ свой по поводу громаднаго историческаго событія, совершившагося въ Москвѣ. Я описалъ, какъ свидѣтель, все, что происходило въ Москвѣ, и написалъ съ энтузіазмомъ въ «*Гражданинѣ*». Тимашевъ вознегодовалъ на мою московскую лѣтопись и приказалъ управляющему по дѣламъ печати воспользоваться *первымъ* случаемъ придраться къ какой-нибудь статьѣ и закатить мнѣ второе предостереженіе. Сказано—сдѣлано. За корреспонденцію изъ Москвы о студенческихъ безпорядкахъ мнѣ дали второе предостереженіе, мотивированное тѣмъ, что въ немъ *непочтительно* говорилось о московской полиціи.

Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати мнѣ сказали, что кара не за это, а за мой славянофильскій пылъ въ моихъ письмахъ изъ Москвы о пребываніи Государя, помѣщенныхъ въ томъ же №-рѣ, гдѣ была статья объ университетскихъ безпорядкахъ. О всякомъ предостереженіи писали тогда Всеподданнѣйшій докладъ. И вотъ, черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили изъ управленія по дѣламъ печати подъ секретомъ копію со словъ Государя, написанныхъ на докладѣ о предостереженіи «*Гражданину*»: «*Жаль, что эта статья совпадаетъ съ прелестною статьею того же «Гражданина» о нашемъ послѣднемъ пребываніи въ Москвѣ*»...

XXV.

(1876 годъ).

Новое настроеніе умовъ въ Петербургѣ.—Нападки на Черняева.—Отливъ къ концу 1876 года.

Слова Государя, сказанныя въ Москвѣ, какъ оказалось вскорѣ послѣ, были апогеемъ того патріотическаго настроенія, въ которомъ пребывали умы образованныхъ слоевъ Россіи съ начала весны 1876 года.

По странной исторической случайности, съ этой минуты натянутая струна начала растягиваться, вода пошла на убыль, и ни разу уже послѣ, во все время войны, это высшее патріотическое настроеніе не повторялось.

Дворъ вернулся въ Царское Село. Въ Константинополѣ начались переговоры, про которые всѣ знали, что они ни къ чему не приведутъ, въ воздухѣ наступало мрачное предзимнее ненастье, съ мѣста войны на Дунаѣ приходили извѣстія, доказывавшія рѣшимость славянскихъ народовъ во что бы то ни стало заставить Россію за нихъ идти на войну съ Турціею, и именно въ это-то время на берегахъ Невы, когда для всѣхъ стало ясно, что война неизбѣжна, умы, вчера ее всѣми нервами и всѣми чувствами призывавшіе, стали какъ будто холодѣть, и въ общемъ хорѣ начали слышаться диссонансы, появилось то, чего прежде не было, явились критики и явились скептики.

И должно сказать, что этотъ скептицизмъ и этотъ пессимизмъ сталъ получать некрасивыя проявленія.

— Прежде всего въ петербургской печати, служившей отголоскомъ того, что говорилось и думалось въ разныхъ умственныхъ сферахъ петербургскаго общества, появились не только критики, но и хулители бѣднаго Черняева. Стали появляться газетныя статьи не только съ осужденіемъ его образа дѣйствій какъ военноначальника, но всю сербскую эпопею, со всѣми окружавшими Черняева дѣятелями, предавали осмѣянію, хулѣ и не скупились на комки грязи, чтобы забрасывать ими все то, что такъ еще недавно называлось святымъ и благороднымъ.

Въ «*Гражданинѣ*», въ концѣ октября, по этому поводу я писалъ слѣдующія, между прочимъ, строки:

Благо вамъ, честь вамъ, доблестные учители общества, профессора чести и патріотизма!

Но, какъ бы вы—въ дѣлѣ закидыванія грязью людей, неспособныхъ защищаться такимъ оружіемъ, какъ ваше, ни были мастера, не мѣшало бы вамъ, подчасъ, перечитывать ваши собственныя статьи, дабы не краснѣть отъ стыда—не за безчестность ихъ, отъ нея вамъ не краснѣть,—а за нелѣпость ихъ, за безсмысліе ихъ и за поводъ, который вы сами даете противъ себя къ обвиненію васъ въ безчестности вашими собственными словами.

Вотъ что вы сами пишете, г. анонимъ, въ вашей гнусной статьѣ противъ Черняева:

„Но на совѣсти каждаго изъ редакторовъ газетъ долженъ лежать тяжелый камень. Мы должны признаться, что передавали читателямъ далеко не всѣ извѣстія, доходившія до насъ изъ Бѣлграда и изъ тимокско-моравской арміи. Мы считали нужнымъ не ронять авторитета г. Черняева среди русскаго общества въ тотъ моментъ, когда имя его было одною изъ примановъ для сбора пожертвованій и для наплыва добровольцевъ“.

Хорошо собственное признаніе въ подтасовкѣ извѣстій! Хорошо понятіе о русскомъ обществѣ, дававшемъ деньги и добровольцевъ на славянское дѣло! Хороши понятія о храбрости! Такъ вы полагали, что русское общество посылало своихъ сыновей сражаться и умирать за славянъ потому, что ни оно, ни его добровольцы не знали, что борьба черняевской арміи съ турками есть неравный, страшный и опасный для каждаго добровольца бой?..

Вы полагали, что если бы вы не скрыли отъ вашихъ читателей, что положеніе черняевской арміи безпредѣльно трудно, что лишенія тамъ страшныя, что убитыхъ русскихъ много, то эти читатели струсили бы и не рѣшились бы идти, въ качествѣ добровольцевъ, сражаться подъ начальствомъ Черняева?

Вы полагали, что деньги перестал бы жертвовать русскій человѣкъ на славянское дѣло, если бы вы ему сказали, что въ арміи Черняева есть безпорядки...

Или, можетъ быть, вы этимъ хотите сказать, что вы скрывали отъ читателей нѣчто худшее: разныя сплетни и клеветы на самого Черняева?

И вы думали, что эта грязь запачкала бы кого-нибудь другого, кромѣ васъ самихъ, такъ какъ, повторяю, Черняевъ потому и привлекъ къ себѣ довѣріе общества, что онъ утвердилъ за собою прочно и неотъемлемо три вещи: честное имя, храбрость и любовь русскаго солдата!

Вы могли бы клеветать и бросать въ него грязью, сколько вамъ угодно; думать, что отъ грязи, брошенной въ Черняева органомъ г. Полетики, остановилась бы дающая рука русскаго народа, и русскій человѣкъ испугался бы идти дѣлить солдатскую жизнь съ Черняевымъ, значитъ—черезчуръ уже оскорблять русскій народъ, значитъ слишкомъ уже цинично доказывать, что вы, господа, о чести этого народа не имѣете даже дѣтскаго понятія!..

Нѣтъ, господа обвинители Черняева, переведите вашъ паѳосный и фальшиво-негодующій, за русскую кровь, языкъ на болѣе обыденный прозаическій и къ вамъ подходящій тонъ, и скажите просто:

Пока Черняевъ былъ въ славѣ и подавалъ надежды на побѣды, мы писали ему хвалы и скрывали отъ читателей нападенія на него потому, что эти похвалы и это умалчиванье насчетъ недостатковъ его были для насъ выгодны: мы эксплоатировали эту жилку, какъ эксплоатировали и будемъ эксплоатировать все на свѣтѣ,—а когда мы увидѣли, что сербы разбиты въ пухъ и прахъ, что надежды больше на успѣхъ не имѣется, что Черняевъ несчастнѣе всѣхъ, ибо на немъ легла отвѣтственность за бѣдствія, въ которыхъ виновны другіе... ну, тогда мы поняли, что нечего намъ доить эту славянскую корову,—отдоили ее, давай ругать Черняева, давай хулить все, чего прежде мы хулить не смѣли.

Вѣдь, лежачаго бить безопасно, подчасъ даже и выгодно!

Но, впрочемъ, довольно... васъ ли, господа, убѣдить?..

Я удовлетворилъ только желанію сказать вамъ въ глаза то, чего вы заслуживаете, такъ какъ Черняевъ самъ, оклеветанный и обруганный вами, защищаться не можетъ—на вашемъ полѣ битвы... и съ меня довольно!

Мой товарищъ, А. Апухтинъ, далеко не раздѣлявшій моихъ тогдашнихъ слявянофильскихъ увлеченій и моего воинственнаго пыла, тѣмъ не менѣе, не слабѣе меня со-

знавалъ, сколько было подлаго и гадкаго въ нападкахъ русскаго пера на Черняева, когда онъ сталъ не нуженъ, когда звѣзда счастья ему измѣнила, и прислалъ мнѣ для напечатанія въ «*Гражданинъ*» нѣсколько стиховъ, очень мѣтко выразившихъ этотъ моментъ нравственнаго міра, которые я здѣсь привожу, такъ какъ, кажется мнѣ, они не вышли въ собраніи стихотвореній покойнаго поэта.

Едва побѣдный кликъ враговъ
Раздался надъ вождемъ печальнымъ,
И легіонъ клеветниковъ
Врагамъ ужъ вторитъ эхомъ дальнимъ:
Не понимая торжества
Тобой прославленной идеи,
Вокругъ израненнаго льва
Шипятъ озлобленныя змѣи...
О, тотъ герой, кто въ морѣ бѣдъ
Держалъ такъ твердо знамя наше...
Иной уронъ славнѣй побѣдъ,
Иныя раны лавровъ краше!
И вѣрь—другой есть легіонъ:
Онъ заглушитъ слова пустыя,
Въ тебя, какъ прежде, вѣритъ онъ,
И легіонъ тотъ—вся Россія!

Но затѣмъ явилось еще болѣе гадкое проявленіе въ настроеніи тогдашняго общества.

По мѣрѣ того, какъ политическія событія неуклонно влекли насъ къ войнѣ, въ разныхъ сферахъ Петербурга начали говорить о томъ, готовы ли мы къ войнѣ?

Эта мысль, въ видѣ сомнѣнія, въ видѣ вопроса стала ходить по гостинымъ и клубамъ, стала просачиваться въ разныя щели газетныхъ текстовъ и, затѣмъ, стала проникать въ военный міръ.

Явились военные умные люди особаго рода, которые принимали глубокомысленныя и даже вдохновенныя физіономіи и говорили: что намъ *рискованно* и *опасно* идти *противъ турокъ*, такъ какъ турецкія войска *подгото-*

вленные нашихъ (sic), такъ какъ *артиллерія у нихъ лучше нашей* (sic), такъ какъ мусульманскій фанатизмъ удесятеритъ турецкія силы, а у насъ никакого *энтузіазма не будетъ*... Все это говорилось, повторяю, въ военныхъ кружкахъ, а такъ какъ все, что говорилось въ Петербургѣ, рано или поздно доходило отголосками до Дворца, то-есть до средоточія русской жизни, то легко себѣ представить, какъ въ эти, безъ того трудныя для Государя минуты—ему было тяжело и горько прислушиваться къ этимъ отзвукамъ малодушія. Тѣмъ не менѣе, событія шли своимъ роковымъ ходомъ. Послы въ Константинополѣ разсуждали. Бисмаркъ изъ Берлина понукалъ князя Горчакова въ неуступчивости передъ европейскимъ концертомъ и все сильнѣе насъ подзадоривалъ къ войнѣ. Начался рядъ военно-походныхъ подготовительныхъ правительственныхъ мѣръ. Главно-командующій Великій Князь Николай Николаевичъ въ началѣ зимы выѣхалъ въ Кишиневъ устраивать тамъ свою главную квартиру. Его отъѣздъ вызвалъ проявленіе народнаго восторга въ низшихъ слояхъ общества, но въ высшихъ, въ отвѣтъ на все, что предпринималось и готовилось къ войнѣ, слышалось въ гостиныхъ не то уныніе, не то сомнѣніе, не то даже проявленіе страха. Воскрешали Севастополь и говорили: будетъ тоже, что въ 1854 году; зачѣмъ намъ война? что намъ за дѣло до славянъ? мы не готовы; Европа пойдетъ противъ насъ; словомъ, какъ въ маѣ дышало жаждою войны, такъ въ декабрѣ все дышало страхомъ войны.

И вотъ, что въ концѣ 1876 года пришлось мнѣ писать въ «Гражданинѣ»:

Съ ужасомъ припоминается евангельская притча о десяти дѣвахъ мудрыхъ и десяти дѣвахъ юродивыхъ, и говоришь себѣ:

Въ минувшій годъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда мы, то-есть Россія, захотѣли пробужденіемъ въ себѣ идеи и чувства своей народности доказать міру, что мы готовы идти на бракъ вслѣдъ за женихомъ, мы зажгли свои свѣтильники яркимъ свѣтомъ и въ его освѣщеніи явились другимъ и показались самимъ себѣ полными жизни, полными силъ.

Мы съ восторгомъ сказали себѣ: вотъ, вотъ сейчасъ женихъ прійдетъ, и, увидя насъ въ полномъ блескѣ приготовленій къ его встрѣчѣ, похвалитъ насъ за мудрость, и введетъ насъ торжественно на пиръ.

Мы горѣли нетерпѣніемъ, и горѣли въ то же время избыткомъ жизни и увѣренности, что хватитъ нашего восторга на безконечное время.

Но женихъ опаздываетъ.

Мало по малу стихаетъ горячее сердце, холодѣетъ горячая кровь, блѣднѣютъ разгоравшіяся щеки, тускнутъ восторгомъ блиставшіе глаза, а въ рукахъ свѣтильники начинаютъ горѣть уже не ровно, вотъ проснется точно пламя, вотъ уменьшается, вотъ колеблется, а тамъ смотришь, всѣ заснули, и свѣтильники угасали, угасали и угасли...

Вотъ трепетъ приближенія жениха.

Все заснувшее вскакиваетъ и о горе! мы видимъ себя во мракѣ отъ погасшихъ въ нашихъ рукахъ свѣтильниковъ...

Мы бросаемся зажечь ихъ снова, но ужасъ нами овладѣваетъ, ибо свѣтильникъ не горитъ, не горитъ, потому что нѣтъ больше масла, все вышло!

Кончая нынѣшній годъ, не слишкомъ ли больно и живо приходится намъ причѣнять эту страшную притчу Спасителя къ самимъ себѣ, по поводу событій на Востокѣ?

Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ я писалъ: „но продлятся ли эти чувства, продлится ли эта вѣра? Не безсильные ли и не безплодные ли это порывы?“

Недолго пришлось ждать отвѣта на эти вопросы.

Въ декабрѣ истекающаго года, то-есть четыре мѣсяца спустя, приходится вписывать въ лѣтопись нашей жизни: да, это были безсильные и безплодные порывы, это были дѣтскія или женскія увлеченія—и ничего болѣе...

Послѣ этихъ женскихъ порывовъ, напоминающихъ восторги любви нашихъ институтокъ, насталъ періодъ бабьихъ сплетенъ и криковъ, въ морѣ которыхъ мы затопили и заглушили все, что считали святымъ, все, чѣмъ связывали народное и историческое значеніе этого рокового Восточнаго вопроса.

Да, русское общество,—возымѣемъ смѣлость себѣ это сказать, возымѣемъ смѣлость на эту гадкую картину взглянуть,—когда то представлявшее собою людей, будто бы убѣжденныхъ, людей, будто бы носителей какой-то идеи, людей, будто бы готовыхъ все жертвовать за эту идею людей, будто бы представляющихъ собою Россію десяти вѣковъ и сотней

поколѣній, вдругъ теперь обратилась въ кучу старыхъ бабъ, съ криками, ругательствами и дрожаніемъ отъ трусости во всѣхъ членахъ, считающихъ сколько у насъ не хватаетъ грошей, разбито посуды, и волнующихся отъ того, что такой-то пилъ шампанское, такой-то сдѣлъ то-то, такой-то сказалъ т то...

Отвратительная картина, по истинѣ.

И если не всѣ между нами ее видятъ, или хотятъ ее видѣть, то да знаютъ же тѣ, которые ея не видятъ, что уже за границею объ ней говорятъ и люди и газеты, прибавляя, „что уваженіе, которое они (нѣмцы) постоянно привыкли питать къ Россіи, не позволяетъ имъ вѣрить, чтобы возможна была та картина всеобщаго безсилія и разочарованія Россіи, которую рисуютъ съ полнымъ забвеніемъ своего народнаго достоинства и народной гордости сами же русскіе, кто на словахъ, кто на письмѣ"...

Да, вотъ до чего мы дожили къ концу 1876 года...

Изъ подъ сѣни своихъ домашнихъ очаговъ, со столбцевъ нашихъ газетъ, мы перенесли позоръ и грязь свою за границу, и не только германскія, но даже нѣкоторыя французскія газеты считаютъ себя вынужденными говорить намъ, въ устрашеніе Турціи и въ одобреніе намъ: что мы-де не такъ безсильны, не такъ растлѣны и не такъ трусы, какъ сами себѣ и другимъ говоримъ!

Да, можно положительно сказать за себя и за своихъ предковъ: никогда еще русскіе, имѣющіе очи, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать и сердце, чтобы чувствовать—не переживали такой ужасной годины, какова нынѣшняя!

Затѣмъ, въ той-же статьѣ я писалъ:

Къ тяжелому чувству души, при видѣ зрѣлища нашего перехода отъ пафоса увлеченія идеею къ состоянію повальнаго унынія, повальнаго невѣрія и повальной трусости, присоединяется и другое тяжелое чувство, которое чуть ли не тяжеле перваго.

Чувство это захватываетъ душу ужасною болью, и является сто разъ въ день при мысли: что должно испытывать въ эти ужасныя минуты сердце Царево? Если мы, отдѣльныя лица, несящія отвѣтственность только за себя, страдаемъ душою, когда слышимъ толки русскихъ людей о томъ, что у насъ денегъ нѣтъ, что у насъ военныхъ средствъ нѣтъ, что насъ побьютъ турки, что народъ не хочетъ войны, и все это въ минуту, когда идетъ рѣчь о чести Россіи,—то подъ бременемъ какой сверхъестественной, ужасной, никогда еще въ исторіи Россіи не посѣщавшей Царево сердце мукой должно изнемогать сердце Царя, двадцать лѣтъ бившееся только однимъ чувство[м] любовью къ Россіи, подвигавшей Его къ ея благу, и теперь призванное нести отвѣтственость за 80 милліоновъ своихъ подданныхъ...

Изъ всѣхъ концовъ Россіи шлются адресы Царю о спокойной вѣрѣ въ его просвѣщаемую и вдохновляемую Богомъ мудрость въ рѣшеніи вопроса о чести Россіи.

И въ то же самое время со всѣхъ сторонъ переполняютъ воздухъ бабьи вопли и стоны о томъ, что мы ничего не можемъ, ничего не должны смѣть, и обречены на безсиліе и безмолвіе государства, неимѣющаго ни чести, ни задачи.

Кому же долженъ Государь нашъ вѣрить?

Такъ окончился 1876 годъ.

XXVI.

(1876 годъ).

Кончина Ю. Ф. Самарина.—Его характеристика.

Въ этомъ 1876 году умеръ въ Россіи одинъ изъ умнѣйшихъ ея людей,—Юрій Федоровичъ Самаринъ, о которомъ хочется, припоминая прошлое, сказать то, что могло бы для потомства казаться интереснымъ, какъ освѣщеніе этой замѣчательной личности мыслителя и государственнаго дѣятеля.

Съ именемъ Самарина связаны преданія о золотыхъ дняхъ славянофильства, связана вся исторія великой крестьянской реформы, связаны всѣ опыты нашего правительства къ обрусѣнію на нашихъ окраинахъ, наконецъ, связана вся эпоха нашего умственнаго прогресса въ шестидесятыхъ годахъ.

По странной случайности, Самаринъ, этотъ энергичный боецъ за русскую народность противъ нѣмецкой, умеръ въ мартѣ 1876 года въ одной изъ больницъ Берлина, при трехъ свидѣтеляхъ соотечественникахъ, при совѣтникѣ русскаго посольства, при одномъ изъ братьевъ своихъ и при женѣ его, и умеръ далеко не достигши старости. Ему, кажется, не было шестидесяти лѣтъ.

Ю. Ф. Самаринъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ людей, которыхъ мнѣ пришлось

встрѣчать въ жизни, если не самымъ оригинальнымъ. Его имя прогремѣло въ ореолѣ славы не только въ Россіи, но и въ Европѣ, его нельзя было не признавать однимъ изъ столповъ и свѣточей русской мысли въ эпоху царствованія Александра II, но въ тоже время его оригинальность и интересъ его личности заключались въ томъ, что съ умомъ и дарованіями его никто такъ много не былъ призванъ сдѣлать великаго и полезнаго для своего отечества, и никто въ тоже время не сдѣлалъ такъ мало, въ смыслѣ благотворнаго, какъ этотъ самый Ю. Ф. Самаринъ, цѣлою головою стоявшій выше своихъ современниковъ. Почему это такъ, я объясню въ своихъ воспоминаніяхъ такъ, какъ я понялъ эту оригинальную личность.

Мои воспоминанія о Ю. Ф. Самаринѣ начинаются съ ранней юности, чуть ли не съ дѣтства, такъ какъ самаринская семья была издавна дружна съ карамзинскою и съ семьею моихъ родителей, и молодой Самаринъ въ это время былъ у моей бабушки Карамзиной на положеніи сына въ домѣ, другомъ ея сыновей, и вотъ, въ ту пору, я помню, Самаринъ производилъ на насъ, дѣтей, впечатлѣніе *страшно* умнаго человѣка, именно страшно умнаго, ибо мы его боялись, боялись его богатаго проявленіями ума лица, боялись потому, что онъ какъ будто никогда не нисходилъ до насъ, дѣтей, а дѣти, какъ извѣстно, именно боятся тѣхъ большихъ, которые до нихъ не нисходятъ. Объ этой, повидимому, мельчайшей подробности я упоминаю потому, что когда я выросъ и сталъ глядѣть на Самарина глазами развитого ума, я понялъ, отчего мы боялись его дѣтьми: оттого, что въ Самаринѣ всегда говорилъ и проявлялся умъ большой и блестящій, критическій и насмѣшливый, но никогда не слышалось

сердца. Дѣтское мое впечатлѣніе было вѣрно: въ дѣтскомъ возрастѣ цѣнятъ сердце и его проявленія, но когда его дѣти въ человѣкѣ не видятъ, они получаютъ къ нему какое то чувство страха.

И въ этомъ была разгадка той тайны въ жизни Ю. Ф. Самарина, почему съ такимъ свѣтлымъ и большимъ умомъ, съ такою необыкновенною даровитостью онъ многаго не сдѣлалъ, что могъ сдѣлать, и многое испортилъ изъ того, что сдѣлалъ.

Въ семьѣ моей я помню рѣчи о томъ, какъ печалилась о сынѣ своемъ мать Ю. Ф. Самарина, одна изъ почтеннѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ женщинъ старой Москвы; материнская печаль относилась къ двумъ сторонамъ духовной жизни даровитаго и, уже въ студенческомъ мундирѣ, блестящаго умомъ сына: къ его духу возмущенія противъ всего, что имѣло характеръ оффиціальнаго авторитета и, во-вторыхъ, къ недостатку въ немъ любви и смиренія, или, другими словами, къ недостатку сердца.

И, увы, не даромъ чудная мать Ю. Ф. Самарина надъ этимъ горевала, ибо эти двѣ черты его жизни и были причинами, почему черезъ всю жизнь Самарина, отданную благу Россіи, не прошла та благодать любви, которая одна способна оплодотворять творчество ума и ставить его на путь жизненной правды...

Въ лицѣ Самарина, кромѣ очень умнаго и пріятнаго выраженія, я съ молодости помнилъ раздувавшіяся ноздри; послѣ я сталъ бояться этой примѣты у людей въ лицѣ, ибо у Самарина всегда ноздри раздувались, когда онъ вдохновлялся въ какомъ-нибудь вопросѣ ненавистью къ тому, противъ кого, или противъ чего онъ говорилъ. Это случалось часто, но зато долженъ сказать,

что никогда его не видалъ или говорящимъ кротко и снисходительно, или умиляющагося, или, еще того меньше, вдохновляющимся любовью къ чему-либо... У него была выразительная и очаровательная улыбка: иногда она была насмѣшлива, иногда она была искривлена ненавистью, и всегда, глядя на нее, я понималъ, что онъ обожаетъ свой необыкновенный умъ, и прислушивается къ музыкѣ его мыслей, но я не запомнилъ улыбки сердечной.

По странной случайности, Самаринъ, какъ молодой москвичъ, былъ отличенъ между многими Императоромъ Николаемъ I въ бытность его въ Москвѣ, и по личному его указанію переведенъ въ Петербургъ камеръ-юнкеромъ, для службы при графѣ Блудовѣ... Его умъ, его фигура понравились Николаю; при этихъ условіяхъ карьера государственной службы, при умѣ и дарованіяхъ Самарина, должна была повести его далеко и высоко, но на бѣду Николай I со всѣмъ его міровоззрѣніемъ не понравился молодому Самарину, и онъ для своего критическаго ума сталъ искать дѣятельности внѣ Петербурга, и побывалъ на двухъ провинціальныхъ поприщахъ, въ Кіевѣ, при Д. Г. Бибиковѣ, гдѣ съ жаромъ принялся помогать ему въ дѣлѣ введенія инвентарей, то-есть первой попытки ограничить власть помѣщиковъ относительно крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ, и гдѣ страстная натура молодого Самарина получила удовлетвореніе въ двухъ его стремленіяхъ: идти противъ барства и помѣщика и противъ польскаго элемента въ Юго-Западномъ краѣ, объединившагося съ помѣщичьимъ... Второе поприще его была Рига. Здѣсь при Головинѣ онъ съ большей еще страстью началъ работать умомъ противъ остзейскаго барона, какъ нѣмца, и противъ него же, какъ дворянина, и увлекся этою двойною ненавистью такъ далеко, что ему пришлось

оставить край, а затѣмъ бросить и службу, такъ какъ онъ не желалъ подчиняться внушеніямъ умѣренности, отцовски ему преподававшимся самимъ Николаемъ I-мъ. Плодомъ его пребыванія въ Остзейскомъ краѣ была его знаменитая книга *Окраины*. гдѣ каждая страница блистала умомъ и дышала ненавистью къ нѣмецкому элементу Остзейскаго края, но въ то же время, все разрушая своимъ громаднымъ умомъ, что онъ ненавидѣлъ, Самаринъ въ своихъ твореніяхъ ничего не задумывалъ, ничего не создавалъ, ничего не проектировалъ во имя любви къ Россіи. Это была отличительная черта Самаринской умственной политической дѣятельности. Онъ не ненавидѣлъ изъ любви къ тому, что такъ страстно, казалось, онъ отстаивалъ. но ненавидѣлъ онъ прямо въ удовлетвореніе потребности его критическаго ума извѣстные предметы ненавидѣть.

Вернувшись въ Москву, Самаринъ, казалось, принадлежалъ душою къ прекрасному, по душевнымъ свойствамъ, кружку славянофиловъ тогдашней эпохи. Но это только казалось. На самомъ дѣлѣ, Самарина ума боялись его друзья славянофилы, какъ я боялся его ума, будучи отрокомъ, ибо и Хомяковъ, и Аксаковы жили больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, въ своемъ духовномъ мірѣ славянофиловъ, а Самаринъ пребывалъ въ немъ только своимъ крупнымъ умомъ, и потому въ ореолѣ большей противъ нихъ умственной силы онъ царилъ надъ ними своимъ холоднымъ, критическимъ разумомъ, подсмѣивался надъ ихъ увлеченіями сердца и держалъ ихъ въ какомъ то страхѣ и духовными рабами передъ собою... Никто не смѣлъ отдаваться всей своей душой горячо и безгранично при Самаринѣ, и еще менѣе кто-либо изъ славянофиловъ смѣлъ бы ему ставить въ вину его избытокъ

ненависти къ многому, и его недостатокъ любви и снисходительности къ чему-либо въ духовной области.

Въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ, предпринятомъ въ началѣ царствованія Александра II, случилось то же, что въ Москвѣ съ славянофилами, только въ несравненно большихъ размѣрахъ; всѣ приглашенные въ сотрудники по этому дѣлу соединились въ этомъ дѣлѣ двумя связями: одна — государственный интересъ предпринимаемаго дѣла, другая—поклоненіе уму Самарина. Никто не смѣлъ во имя этого поклоненія не только думать иначе, какъ онъ, но никто не смѣлъ вносить въ дѣло что-либо иное, кромѣ той ненависти къ дворянству, которая пронизывала насквозь душу Самарина, и благодаря которой вопросъ о томъ, какъ было бы лучше крестьянамъ,—сталъ второстепеннымъ сравнительно съ вопросомъ, какъ бы было похуже помѣщикамъ... Усмѣшка презрѣнія надъ всякимъ дворянскимъ интересомъ не сходила съ умнаго лица Самарина во все время, пока длились работы новаго крестьянскаго комитета, а ненависть къ дворянству не переставала быть главнымъ психическимъ двигателемъ тѣхъ, которые подъ опекою ума Самарина работали надъ крестьянскимъ дѣломъ...

Это диктаторство Самарина въ области крестьянскаго вопроса, во имя ненависти къ дворянству, брало свою причину бытія не только въ томъ, что Самаринъ былъ умнѣе всѣхъ другихъ его товарищей по дѣлу, но и въ томъ, что онъ изображалъ собою, кромѣ либерала, крупнаго помѣщика... Этотъ фактъ ему придавалъ значеніе эксперта и авторитета практическаго для тѣхъ, которые не желали увлекаться одною либеральною идеею эмансипаціи. А другой элементъ, дававшій силу анти-дворянскому диктаторству Самаринскаго ума, было тогдашнее

поклоненіе либеральнымъ идеямъ... Сила Самаринской ненависти къ дворянству, о которую, какъ о бездушную скалу, разбивались всѣ отдѣльные голоса одинокихъ людей, просившихъ у правительства болѣе безпристрастія и немного сердца въ пользу помѣщиковъ, заключалась именно въ томъ, что эта ненависть находила сочувствіе во всѣхъ либеральныхъ лагеряхъ...

XXVII.

(1877 годъ).

До войны — Дипломатическая робость. — Турецкое настроеніе. — Миссія Н. П. Игнатьева. — Объявленіе войны.

Наступившій 1877 годъ имѣлъ до весны довольно странный, по своимъ колебаніямъ и по своей неопредѣленности, характеръ.

Главнокомандующій въ Кишиневѣ уже назывался главнокомандующимъ *дѣйствующей* арміи, подъ ружьемъ мобилизація поставила около полмилліона войскъ; усиленные займы на военные расходы были сдѣланы, а между тѣмъ политическій барометръ въ Петербургѣ постепенно дѣлалъ въ своихъ указаніяхъ погоды крупные скачки, переходя отъ воинственнаго настроенія къ миролюбивому иногда въ теченіе одного дня. Старикъ князь Горчаковъ былъ въ то время самымъ выразительнымъ изображеніемъ этого барометра. То его приближенные слышали отъ него такія слова: mon cher, la paix avant tout, il faut éviter la guerre á tout prix, то, подъ вліяніемъ полученнаго имъ изъ Берлина письма Бисмарка, онъ къ вечеру того дня, когда утромъ говорилъ о paix à tout prix, говорилъ: mon cher, la guerre est imminente... Но и въ самомъ воинственномъ настроеніи этого живого барометра того времени бывали колебанія. То князь Горчаковъ говорилъ о томъ, что надо

покончить съ Восточнымъ вопросомъ и подписывать миръ въ Константинополѣ, то онъ говорилъ: да, война неизбѣжна, но наша задача ее ограничить самымъ малымъ раіономъ военныхъ операцій и самымъ ограниченнымъ количествомъ боевыхъ силъ.

Но самое интересное и любопытное было то, что пока у насъ жили въ колебаніяхъ и въ рѣзкихъ даже переходахъ отъ мира, во что бы то ни стало, къ войнѣ во что бы то ни стало, — въ Константинополѣ настроеніе было несравненно болѣе опредѣленное, и въ началѣ января мы узнали, что послѣ 10 засѣданій европейской конференціи Турція категоричнымъ образомъ отказалась принять предложенный ей всею Европою ультиматумъ и всѣхъ огорошила своимъ энергичнымъ «non possumus». Тогда произошла большая демонстрація противъ Порты. Всѣ послы, съ нашимъ посломъ Игнатьевымъ во главѣ, отрясли прахъ отъ ногъ своихъ на порогѣ Константинополя и выѣхали, отозванные своими правительствами.

Едва эта демонстрація произошла, какъ Порта какъ-будто испугалась своей собственной храбрости и послала циркулярную ноту съ оповѣщеніемъ, что хотя она не соглашалась принять условій въ той формѣ, въ какой они были ей предложены европейскою конференціею, но что, тѣмъ не менѣе, она признала себя обязанною сдѣлать для своихъ подвластныхъ христіанъ не только все то, что требуетъ отъ нея Европа, но даже гораздо болѣе.

Тогда опять усилились миролюбивыя теченія.

Въ Петербургѣ отказъ Порты усилилъ шансы войны настолько значительно, что заговорили даже о немедленномъ началѣ похода, не взирая на зиму... Какъ ни казался такой рѣшительный шагъ рискованнымъ, но потомъ явилось основаніе понять, что эта мысль двинуть войска

тогда же, была самою лучшею, ибо Турція, не готовая къ войнѣ и застигнутая врасплохъ, приняла бы тогда какія угодно условія мира съ воюющими княжествами, и война Россіи съ Турціею была бы устранена. Потомъ поняли, что отказъ Порты въ началѣ января былъ только однимъ изъ маневровъ ея хитрой политики, къ которому она прибѣгла исключительно для того, чтобы затянуть дѣло и протянуть время, дабы успѣть приготовиться къ войнѣ, что ясно обнаружилось въ апрѣлѣ, когда на новыя предложенія, ей сдѣланныя отдѣльно Россіею и отдѣльно Англіею, она отвѣтила категорическимъ отказомъ только потому, что считала себя уже подготовленною къ войнѣ съ Россіею.

Но хитрѣе Порты былъ князь Бисмаркъ, и во всякомъ случаѣ коварнѣе... Порта призвана была хитрить изъ-за собственной судьбы, изъ-за собственной шкуры, а князь Бисмаркъ хитрилъ съ исключительною цѣлью повредить Россіи, подъ личиною сочувствія къ ея интересамъ... Князь Бисмаркъ, какъ я уже писалъ, принималъ, можно сказать, къ сердцу интересы нашего достоинства горячѣе, чѣмъ мы сами, но дѣлалъ онъ это потому, что его главная цѣль въ восточномъ вопросѣ была, во что бы то ни стало, насъ втравлять въ войну. Едва только онъ получалъ изъ Петербурга свѣдѣнія о томъ, что барометръ поднимается къ миру, какъ немедленно онъ писалъ князю Горчакову, сообщавшему, разумѣется, его письма Государю: что вы колеблетесь, никогда такой удобной минуты рѣшить Восточный вопросъ мечемъ для Россіи не представится, не упускайте его; переговоры ни къ чему не приведутъ. Въ другой разъ онъ писалъ въ Петербургъ о томъ, что имъ употребляются всѣ усилія къ тому, чтобы Австрію *вынудить* принять относительно Россіи самый

благосклонный нейтралитетъ (neutralité bienveillante), а затѣмъ, когда Порта въ началѣ января отвѣтила европейской конференціи отказомъ, тогда Бисмаркъ пишетъ князю Горчакову: неужели же Россія не рѣшится на войну теперь, когда ея честь уже прямо затронута? Мало того, въ одномъ изъ своихъ сообщеній въ Петербургъ онъ пишетъ о томъ, что Россія подчинится по необходимости миролюбивому рѣшенію своего Государя избѣжать войны и уладить дѣло миромъ, но она этого оскорбленія все-таки не забудетъ, и надо опасаться внутреннихъ проявленій неудовольствія противъ правительства. Въ парламентѣ тотъ же князь Бисмаркъ о Восточномъ вопросѣ даетъ тотъ же провокантный по адресу Россіи характеръ. Онъ говорилъ о нейтралитѣ Германіи, но, въ тоже время, о сочувствіи своемъ благородной задачѣ Россіи даровать свободу ея собратамъ на Балканскомъ полуостровѣ, хотя бы цѣною войны.

Тѣмъ не менѣе, доброе миролюбіе брало верхъ надъ коварными воинственными внушеніями, исходившими изъ Берлина, и нота Порты послужила канвою для новыхъ по ней вышиваній миролюбивыхъ узоровъ.

Игнатьевъ, оказавшійся свободнымъ послѣ торжественнаго выѣзда нашего посольства изъ Константинополя, былъ посланъ во всѣ главныя столицы европейскихъ державъ, чтобы заручиться, такъ сказать, санкціею всей Европы на новый примирительный шагъ петербургскаго кабинета, и получить нравственное обязательство державъ, чтобы, въ случаѣ отказа Турціи отъ новыхъ предложеній, Россія могла считать свои руки развязанными Европою для единоличной уже расправы съ Турціею. Миссія Игнатьева увѣнчалась тѣмъ платоническимъ успѣхомъ, котораго только и можно было отъ нея ожидать,

и даже лондонскій кабинетъ изъявилъ свою готовность содѣйствовать миролюбивымъ стремленіямъ Россіи вліяніемъ на турецкое правительство. Составлено было даже два протокола, одинъ за подписью нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, другой за подписью лорда Дерби, англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, для представленія ихъ Портѣ. Австрія приняла на себя тоже примирительную миссію, но кончились всѣ эти переговоры, тянувшіеся цѣлыхъ три мѣсяца, какъ я сказалъ выше, тѣмъ, что Порта самымъ безцеремоннымъ образомъ наотрѣзъ отказалась принять предложеніе Англіи и Россіи, и такимъ образомъ дѣлала для Россіи объявленіе ей войны неизбѣжнымъ.

Оно и послѣдовало 12 апрѣля 1877 года, — но надо сказать, что послѣдовало оно при настроеніи общественномъ уже совсѣмъ иномъ, чѣмъ то, которое, подобно пожару, охватывало всѣ слои общества ровно годъ передъ этимъ. Объявленіе войны послѣдовало въ Кишиневѣ, передъ фронтомъ дѣйствующей арміи, въ видѣ манифеста, прочитаннаго архіепископомъ Павломъ, въ присутствіи Государя. Послѣ объявленія войны Государь отправился въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ Императрицею, и тамъ на выходѣ въ Кремлѣ, передъ всею собравшеюся въ немъ Москвою, сказалъ слѣдующія слова: «шесть мѣсяцевъ назадъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ, посреди нашего древняго, родного кремля, я выразилъ вамъ мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до-нельзя щадить дорогую русскую кровь, но старанія мои не увѣнчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстилъ Россіи, что минута, которую я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія.

какъ я ожидалъ, откликнулась на мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ, и вполнѣ оправдала мои надежды. Сегодня я счастливъ, что могу вмѣстѣ съ Государынею Императрицею благодарить всѣ сословія Москвы отъ глубины души за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но и дѣломъ. Могу сказать по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли мои ожиданія. Да поможетъ намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ Его благословеніе на нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ въ бой за вѣру, Царя и Отечество».

Нечего и говорить, что эти истинно прекрасныя слова встрѣчены были взрывомъ восторга всей Москвы.

Дѣло, про которое говорилъ Государь, столь порадовавшее Его и даже удивившее Его своими размѣрами, было пожертвованіе городомъ Москвою 1 милліона. Если вспомнить, что въ 1854 году одинъ Яковлевъ пожертвовалъ милліонъ, то невольно подумаешь, что Москва могла бы дать и больше; но дѣло въ томъ, что съ той поры, какъ это пожертвованіе было заявлено, я никогда не могъ узнать, было ли оно сдѣлано на самомъ дѣлѣ, а, напротивъ, я слышалъ не разъ въ Москвѣ, что этотъ милліонъ будто бы давно числился въ недоимкѣ. Правда ли это — не знаю. Вернувшись въ Петербургъ, Государь тоже принялъ адреса отъ города и дворянства при пожертвованіяхъ, и сказалъ депутаціямъ приблизительно то же, что въ Москвѣ. При пріѣздѣ въ Петербургъ Государь былъ встрѣченъ не поддѣльнымъ, а искреннимъ энтузіазмомъ.

Объявленіе войны принято было всѣми кабинетами Европы спокойно. Исключеній было два. Одно представлялъ берлинскій кабинетъ, который въ лицѣ Бисмарка

отнесся къ этому событію *особенно* сочувственно и не скупился на выраженія этого сочувствія въ своихъ сообщеніяхъ по адресу рускаго государственнаго канцлера; другой исходилъ отъ лондонскаго кабинета, и, наоборотъ, носилъ характеръ не только не сочувствующій Россіи, но прямо враждебный и даже дерзкій... Первое заявленіе, сдѣланное лордомъ Дерби черезъ нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, произвело въ Петербургѣ сенсацію: ибо и по формѣ своей, и по сущности оно имѣло характеръ дерзкаго выговора, объявляемаго англійскимъ правительствомъ нашему за то, что оно, во-первыхъ, не сдержало своего слова, и, во-вторыхъ, отступивъ отъ европейскаго концерта, дозволило себѣ объявленіе войны Турціи, не заручившись впередъ *согласіемъ на то* европейскихъ державъ. Нота эта по своей дерзости требовала или такого же дерзкаго отвѣта по адресу лондонскаго кабинета съ предвидѣніемъ дальнѣйшихъ послѣдствій, какъ-то: отозванія нашего посла изъ Лондона и прекращенія дипломатическихъ сношеній, или же оставленіе ея безъ отвѣта, съ признаніемъ non avenue... За первое не было подано ни одного политическаго голоса... Князь Горчаковъ посовѣтовалъ Государю второе; совѣтъ этотъ былъ принятъ и дерзкій выговоръ, объявленный Россіи Англіею, былъ оставленъ безъ вниманія и безъ послѣдствій. Но Англія этимъ не ограничилась. Въ Петербургъ пріѣзжаетъ нашъ лондонскій посолъ графъ Шуваловъ и привозитъ съ собою новую ноту сенъ-джемскаго кабинета, въ которой онъ категорично пересчитываетъ всѣ тѣ пункты неприкосновенности, которыхъ Англія требуетъ отъ Россіи подъ угрозою, въ случаѣ несогласія Россіи, признавать каждое изъ нарушеній этихъ перечисленныхъ пунктовъ за casus belli.

Пункты эти были слѣдующіе: Суэцкій каналъ, Египетъ, Дарданеллы и Босфоръ, Константинополь и, въ заключеніе, Персидскій заливъ.

Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на эту новую дерзкую выходку англійскаго кабинета князь Горчаковъ поступилъ непослѣдовательно, и, опасаясь разрыва съ Англіею, поступился достоинствомъ Россіи. Такъ казалось просто, согласно съ образомъ дѣйствія Россіи послѣ первой ноты, въ которомъ было именно соблюденіе своего достоинства со стороны русскаго правительства, или ничего не отвѣчать, или отвѣчать, что Россія будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого требуетъ согласованіе ея интересовъ съ интересами каждаго изъ европейскихъ государствъ, и этимъ прекратить всякое со стороны Англіи вмѣшательство въ наши дѣла. Но князь Горчаковъ счелъ нужнымъ отвѣтить лондонскому кабинету длиннымъ посланіемъ, въ которомъ уже безъ всякаго соображенія съ достоинствомъ Россіи, по каждому пункту отдѣльно, давалъ обязательство Англіи за Россію признавать ихъ обязательными...

Англія признала себя этою деклараціею Россіи удовлетворенною, но, увы, не могли быть ею удовлетворены интересы Россіи; напротивъ, они были давно попраны именно по отношенію къ главному: къ свободѣ нашего образа дѣйствій въ войнѣ съ Турціею... Эта декларація была Ахиллесовою пятою для Россіи въ предпринятой ею войнѣ, и все то, что 2 года спустя произошло для Россіи печальнаго и унизительнаго подъ стѣнами Царьграда сперва, и въ Берлинѣ на конгрессѣ послѣ, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой несчастной деклараціи, сдѣланной княземъ Горчаковымъ при объявленіи войны.

Это было прямо установленіемъ принципа опеки не

только Европы, но и лично Англіи надъ Россіею въ ея войнѣ съ Турціею.

Отчасти, надо полагать, именно этимъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи нашихъ дипломатическихъ отношеній къ Европѣ вообще, и къ Англіи въ особенности въ началѣ войны и слѣдуетъ объяснить то знаменитое слово: *военная прогулка*, которое, сколько разъ я слышалъ, было произносимо въ первый періодъ войны и которое, съ одной стороны, какъ легкомысленность, стоило намъ такихъ страшныхъ кровавыхъ и невознаградимыхъ жертвъ, а съ другой стороны такъ мало согласовалось со всѣми страстными тогда проявленіями военнаго патріотизма въ газетныхъ статьяхъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ военной пѣсни, гдѣ лозунгомъ былъ Царьградъ и св. Софія.

Въ кабинетѣ князя Горчакова разсуждали такъ: Россія войдетъ съ своими нѣсколькими корпусами въ Болгарію, ей не нужно содѣйствія ни сербскихъ, ни румынскихъ войскъ, ни болгарскаго народа; русскія войска дойдутъ къ концу лѣта до Балканъ, и Турція предложитъ намъ миръ, который мы и примемъ... Надо-де стараться не устрашать Европу слишкомъ большимъ количествомъ русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ, и въ то же время не привлекать къ военнымъ дѣйствіямъ славянскихъ войскъ, во избѣжаніе славянскаго пожара.— вотъ что приблизительно повторяли наши дипломаты въ ту минуту, когда тронулась наша армія къ Дунаю.

Планы войны были также скромны, какъ условія мира, которыя были приготовлены нашими дипломатами на случай, если султанъ, напуганный нашествіемъ нашихъ войскъ, попроситъ о мирѣ при приближеніи ихъ къ Балканамъ.

Условія эти были слѣдующія: Болгарія будетъ уподоблена Сербіи, т.-е. сдѣлается вассальнымъ Турціи княжествомъ, съ правомъ автономіи во внутреннемъ управленіи. Сербія и Черногорія получатъ приращеніе территоріи. Южные болгары и другія христіанскія народности получатъ *улучшенное* управленіе и улучшеніе Босніи и Герцеговины будетъ предоставлено Австріи. Вотъ тѣ скромныя условія, которыя готовилась русская дипломатія преподнесть Турціи, послѣ удачной *военной прогулки* по Болгаріи, стоившей намъ потерь нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ солдатъ и милліарда денегъ. При этомъ надо припомнить, что въ текстѣ этихъ разработанныхъ предварительно въ кабинетѣ князя Горчакова условій будущаго мира вездѣ прибавлялись слова: *подъ ручательствомъ Европы, съ согласія Европы*; такъ что по смыслу всѣхъ этихъ условій, мы не только приступали къ войнѣ съ Турціею подъ опекою Европы, но мы какъ будто эту войну предпринимали по довѣренности всей Европы... За нами оставались страшныя жертвы, а за Европою только главное: согласіе на то, что мы предложимъ Турціи въ видѣ условій мира. Именно тѣмъ объясняется та неимовѣрная политическая странность, что, обнаживъ мечъ, во избавленіе болгарскихъ братушекъ отъ ига Турціи, мы перомъ отдаемъ подъ иго Австріи два народа героевъ, Боснію и Герцеговину.

Для подъема духа и для нравственнаго настроенія при началѣ войны въ особенности очень много значило имя главнокомандующаго.

Можно безошибочно сказать, что выборъ Государя въ главнокомандующіе дѣйствующей арміи Великаго Князя Николая Николаевича былъ подсказанъ ему всею Россіею. ибо онъ былъ любимецъ не только въ войскахъ, но и во

всѣхъ слояхъ русскаго народа, чему, кромѣ его глубоко симпатическихъ качествъ простоты, прямоты, честности и привѣтливости, много способствовала его обаятельная наружность, напоминавшая всѣмъ во многомъ величественный образъ Николая I. Благодаря этому имени, духъ войскъ былъ превосходный, и въ томъ, что касается личности боевыхъ подвиговъ русскаго богатыря-солдата, никто не сомнѣвался.

Но, увы, это прекрасное настроеніе, вызванное симпатіями всѣхъ къ личности Великаго Князя главнокомандующаго, пострадало съ самаго начала отъ несчастливыхъ выборовъ, сдѣланныхъ имъ немедленно по назначеніи своихъ ближайшихъ помощниковъ. Пронеслись по Россіи два имени, многихъ удивившія и многимъ пришедшіяся не по душѣ, эти имена были: Непокойчицкій и Левицкій. Оба были поляки. Первый получилъ самый важный и отвѣтственный постъ начальника штаба, второй—постъ его помощника. Оба имени были безупречны и почтенны. Оба генерала были личности, противъ которыхъ никто не могъ произнесть малѣйшаго обвиненія, и даже набросить хотя малѣйшую тѣнь, это были честные, преданные и хорошіе люди, но все было въ національности. Выбрать начальника штаба поляка не значило-ли сказать, говорили тогда, что между русскими генералами достойнаго занять этотъ важный постъ не нашлось; ибо не могла же случайность сдѣлать, что изъ огромнаго большинства русскихъ генераловъ не нашлось ни одного, а изъ скромнаго меньшинства поляковъ взяты оба: и начальникъ штаба, и его помощникъ.

Затѣмъ, какъ только начались военныя дѣйствія, явился вопросъ: ѣхать-ли или не ѣхать Государю въ дѣйствующую армію? Болѣе чѣмъ понятно, что Государя

влекло туда, гдѣ должны были драться съ непріятелемъ его войска, гдѣ будутъ раненые и умирающіе. Къ тому же, примѣръ императора-старца Вильгельма, неотлучно находившагося во всѣхъ послѣднихъ войнахъ при своей арміи, могъ дѣйствовать и на его державнаго Племянника.

XXVIII.

(1877 годъ).

Вопросъ о поѣздкѣ Государя въ армію. — Эпизодъ послѣ взятія Никополя съ генераломъ Толстымъ —Плевна.—Вызовъ гвардіи.

Такимъ образомъ, личное желаніе Государя, въ связи съ дѣйствіемъ на него примѣра императора Вильгельма рѣшили вопросъ о поѣздкѣ Его на театръ войны. Да впрочемъ и вопроса, въ сущности, не было, ибо голоса, который бы заключалъ въ себѣ мнѣніе противоположное, подано не было.

Я упоминаю объ этомъ потому, что годъ спустя, когда я имѣлъ случай отъ разныхъ военныхъ лицъ слышать сужденіе объ эпизодахъ войны, не отъ одного, а отъ многихъ пришлось слышать мысли, приписывавшія неудачу цѣлаго долгаго перваго періода войны именно тому обстоятельству, что на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи были двѣ главныя квартиры, а слѣдовательно, два теченія, два вліянія и двѣ воли, руководившія походомъ. Въ главномъ штабѣ главнокомандующаго, какъ потомъ мнѣ разсказывали компетентные люди, извѣстіе о прибытіи Государя на Дунай произвело смущеніе; самъ главнокомандующій, при всей своей безграничной любви къ Государю, боялся, разумѣется, не Его, а окружавшихъ Государя лицъ, которыя навѣрно

захотятъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, хотя бы отъ нечего дѣлать, но, къ сожалѣнію, свои всѣ смущенія Великій Князь затаилъ въ себѣ, и не имѣлъ духу ихъ высказать Государю настолько откровенно и прямо, чтобы убѣдить Его отказаться отъ пріѣзда въ дѣйствующую армію.

Николай Павловичъ, именно для того, чтобы не вліять своею волею на главнокомандующаго, не ѣздилъ на театръ войны. У Шильдера, въ его исторіи Александра I, прекрасно описанъ тотъ историческій моментъ войны 1812 года, когда, движимые исключительно патріотизмомъ, люди, близкіе Александру I, рѣшились просить Его не исполнять своего намѣренія быть при дѣйствующей арміи. Императоръ Александръ I былъ уже въ центрѣ арміи, и съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ послалъ къ адмиралу Шишкову, находившемуся при немъ, проектъ приказа по арміи, который оканчивался словами: «Я всегда буду съ вами, и никогда отъ васъ не отлучусь». Слова эти смутили честнаго Шишкова. Его русское сердце чуяло, что пребываніе Императора въ дѣйствующей арміи можетъ погубить весь исходъ войны, и онъ рѣшился все сдѣлать, чтобы помѣшать осуществленію желанія Императора. Подчеркнувъ эти слова въ проектѣ приказа, ему присланномъ только для просмотра, Шишковъ сказалъ Чернышеву: донесите Государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что Онъ не можетъ то обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова, и въ то же время онъ оставилъ проектъ у себя и рѣшился послать Государю письмо, уже ранѣе имъ написанное подъ вліяніемъ томившей его мысли объ опасности для Россіи отъ пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи. Но, не признавая себя

одного достаточно сильнымъ авторитетомъ въ глазахъ Государя, онъ обратился къ Балашеву и къ Аракчееву и просилъ ихъ обоихъ подписать вмѣстѣ съ нимъ это письмо. Тѣ согласились, и вечеромъ въ тотъ же день письмо это было положено на ночной столикъ у кровати Александра I. Съ волненіемъ ждалъ Шишковъ результатовъ, и какова его радость была, когда на другое утро Государь сказалъ Аракчееву: «Я читалъ ваше письмо», и къ слѣдующему дню приказалъ изготовить коляски для отъѣзда въ Петербургъ черезъ Москву.

Къ сожалѣнію, въ 1877 году уже Шишковыхъ и Балашевыхъ при Русскомъ Государѣ не было, и хотя иные изъ преданныхъ Государю говорили между собою о томъ, что они предвидятъ много усложненій отъ поѣздки Государя на театръ войны, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ мужества сказать свое мнѣніе Государю открыто и честно.

Пріѣздъ Государя въ армію первоначально, разумѣется, такъ воодушевилъ войска, что начало военныхъ дѣйствій было рядомъ блестящихъ подвиговъ нашей арміи, начиная съ перехода черезъ Дунай у Зимницы и кончая взятіемъ Никопольской крѣпости. Всѣ были въ упоеніи, и впереди, казалось, ничего насъ не ждало, кромѣ скораго конца войны послѣ ряда побѣдъ.

Тутъ кстати вставить одинъ крошечный эпизодъ, который послѣ послужилъ наглядньмъ доказательствомъ того, какъ это присутствіе Государя на театрѣ войны не тѣмъ могло вредить ходу военныхъ дѣйствій, что Государь былъ лично при своихъ войскахъ, а только тѣмъ, что около Государя былъ тотъ самый муравейникъ, съ мыслями и съ претензіями на авторитетъ, изъ опасенія

кого въ 1812 году Шишковъ умолялъ Государя уѣхать изъ арміи.

Прибываетъ послѣ взятія Никополя въ Императорскую квартиру Свиты Е. В. генералъ И. Н. Толстой, неотлучно бывшій при войскахъ во время штурма Никополя, и пріѣзжаетъ съ плѣннымъ пашею и знаменами, посланными отъ генерала Крюденера. Пріѣздъ его съ трофеями славнаго дѣла усиливаетъ радостное настроеніе Императорской квартиры, но радость эту не раздѣляетъ одинъ генералъ Толстой, который и Государю, и всѣмъ приближеннымъ говоритъ не о прошедшемъ, а взволнованный и озабоченный говоритъ о будущемъ и впервые произнося имя «*Плевна*», онъ съ какимъ то фанатическимъ предвидѣніемъ повторяетъ только одно: займите Плевну, а то турки ее займутъ, и намъ плохо будетъ...

Слова эти въ окружающихъ Государя звучали скорѣе какъ бредъ, какъ возгласъ галлюцинаціи, чѣмъ какъ серьезная мысль, и не только не вызвали никакого разсужденія о нихъ, но когда Толстого отправили съ трофеями въ Петербургъ, всѣ вздохнули свободно, отдѣлавшись отъ мономана, мѣшавшаго своимъ предчувствіемъ будущаго радоваться настоящему. Черезъ нѣсколько дней Плевна была занята Османомъ-пашею безъ выстрѣла, и печальная судьба второго періода войны съ ея кровавыми ужасами была рѣшена. Я упоминаю объ этомъ эпизодѣ именно потому, что онъ доказалъ вліяніе свиты Государя на военные вопросы и, слѣдовательно, на присутствіе второй воли въ дѣлѣ, гдѣ весь успѣхъ могъ зависѣть только отъ одной воли. Маленькія причины производятъ большія послѣдствія, это въ исторіи доказывается ежечасно. И кто знаетъ, если бы тотъ же признанный

въ Императорской квартирѣ мономаномъ Толстой пріѣхалъ къ главнокомандующему со своимъ предчувствіемъ, не пройдя черезъ ироническій ареопагъ Императорской квартиры, онъ достигнулъ бы, можетъ быть, иныхъ результатовъ.

Какъ бы то ни было, но со взятіемъ Никополя началась печальная пора неудачъ на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Генералъ Гурко съ кавалеріею предпринялъ военную прогулку до Казанлыка, и почти не встрѣчая непріятеля, побѣдоносно завоевываетъ турецкую Болгарію и, быть можетъ, даже иные подъ его начальствомъ молодцы мечтали на ихнихъ коняхъ доскакать до Царьграда, но мечты разбились объ сильную турецкую армію за Казанлыкомъ, и такъ же скоро, какъ генералъ Гурко доскакалъ до Казанлыка, такъ же скоро долженъ былъ вернуться.

И этотъ эпизодъ, подобно плевненскому,— послѣ, когда кампанія стала разъясняться разсказами, явился очень курьезнымъ эпизодомъ тогдашняго страннаго порядка вещей. Ссылаясь на разсказчиковъ послѣ войны, надо полагать, что, пройдя Дунай и вступивъ на болгарскую территорію, мы находились въ полномъ невѣдѣніи, гдѣ и какія войска находятся у турокъ. Другого объясненія военные люди не могли дать знаменитому набѣгу Гурко и появленію какъ, deus ex machina, Османа-паши въ Плевнѣ.

Это незнаніе, гдѣ находятся непріятельскія арміи, и какія ихъ силы, по мнѣнію военныхъ людей, могло бы дорого намъ стоить, если турки, въ свою очередь, не застряли на своихъ позиціяхъ, раздѣлившись, вмѣсто того, чтобы двинуться съ трехъ сторонъ на нашу армію, и соединенными силами насъ принудить или принять рѣ-

шительное сраженіе, или отступить за Дунай. Такъ ли это было или не такъ, я не знаю, но я разсказываю здѣсь то, что въ 1878 году мною было записано со словъ военныхъ людей, и говорю объ этомъ только для того, чтобы припомнить главный фактъ: появленіе всей нашей арміи съ двумя главными квартирами на театрѣ военныхъ дѣйствій, безъ точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находятся непріятельскія главныя силы.

Послѣ двухъ плевненскихъ, отбитыхъ турками, штурмовъ, стоившихъ намъ нѣсколько тысячъ солдатскихъ жизней, явились двѣ мысли: одна—приступить къ тому, съ чего надо было, какъ говорили военные люди, начать, къ блокированію и къ правильной осадѣ Плевны, а другая—о походѣ на Балканы, для котораго рѣшено было вызвать изъ Петербурга гвардію, съ тѣмъ, чтобы ее поручить генералу Гурко. Увы, первая мысль, столь благоразумная, была замедлена въ своемъ осуществленіи. Партія нетерпѣливыхъ, во главѣ которой былъ Скобелевъ, хотѣла еще разъ испытать счастье штурмомъ, съ мыслью къ 30 августа поднести взятую Плевну въ именинный подарокъ Царю. Но, увы, третій штурмъ Плевны былъ еще ужаснѣе, по своимъ потерямъ, двухъ предыдущихъ, и оказался столь же безполезнымъ. Бѣдному Государю вмѣсто радости поднесли мучительное горе, въ видѣ многихъ тысячъ раненыхъ и убитыхъ, и только послѣ этого ужаснаго урока началась правильная блокада, которая длилась до конца октября. Гвардія быстро приспѣла на театръ войны.

XXIX.

(1877 годъ).

Моя поѣздка на Кавказъ.—Тифлисъ.— Александрополь.—Карсъ.—Ночной штурмъ и взятіе Карса.

Послѣ невеселаго лѣта, проведеннаго подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ нашихъ военныхъ неудачъ на обоихъ театрахъ войны, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, я рѣшился позднею осенью, сдавши «Гражданинъ» въ руки редактора В. Ф. Пуцыковича, поѣхать на театръ войны съ тѣмъ, чтобы къ холодному времени привезти раненымъ и больнымъ чай, сахаръ, теплыя вещи, и началъ мою поѣздку съ Кавказа...

Собралъ я нѣсколько тысячъ рублей, накупилъ, что могъ, и отправился черезъ Москву на Кавказъ.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда со мною случилось два эпизода, про которые я имѣлъ право сказать, что они отрадно коснулись моей сердечной жизни.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ секретарь Цесаревны Ф. А. Оомъ и сообщаетъ мнѣ, что Ея Высочество, узнавши о моемъ отъѣздѣ на Кавказъ, пожелала меня увидѣть до моего отправленія въ путь. Я отправился къ Цесаревнѣ и въ теченіе получаса удостоенъ былъ бесѣды, послѣ которой Она пожелала мнѣ добраго пути и успѣха въ моемъ предпріятіи.

Два дня спустя я получилъ извѣщеніе, что меня приметъ Императрица... Императрица тоже меня приняла благосклонно и въ теченіе четверти часа, которыя я у Нея пробылъ, я могъ убѣдиться, насколько и Она, подобно Цесаревнѣ, страдаетъ отъ печалей этого тяжелаго періода войны... Когда, выйдя отъ Нея, я былъ уже на лѣстницѣ, раздался какой-то голосъ, я оглянулся, оказалось, что это звалъ меня камердинеръ Государя, говоря мнѣ, что Государь меня зоветъ...

Я вернулся въ гостиную Императрицы и тамъ засталъ Государя, который ласково сказалъ мнѣ, что Онъ пожелалъ меня увидѣть, чтобы со мною проститься передъ моею поѣздкою... Поразспросивъ меня о подробностяхъ моего маршрута, Государь меня обнялъ и благословилъ, и легко понять, въ какомъ душевномъ состояніи я вышелъ изъ Зимняго Дворца, чувствуя, какъ воспоминанія прошлаго, нынѣшнія печали и тревоги и ласка Государя встрѣчались разомъ, и заволновали безъ того взволнованную душу.

Въ концѣ октября въ самую ненастную погоду я отправился въ путь... Послѣ Москвы, гдѣ пробылъ два дня и гдѣ обѣщалъ Каткову сообщать свѣдѣнія, я остановился въ Владикавказѣ. Тутъ пріютившись на два дня въ хорошей гостинницѣ, содержимой французомъ, и началъ уже знакомство съ преддверіями Кавказа. Засталъ я тутъ довольно большой военный міръ, и первый сборный пунктъ для раненыхъ... Какъ настроеніе я засталъ здѣсь конецъ унынія и начало періода оживленнаго ободренія, который предшествовалъ знаменитому и славному авліарскому дѣлу... Это ободреніе я слышалъ въ разговорѣ со всѣми и съ каждымъ отдѣльно, и впечатлѣнія я испытывалъ такія,

что какъ будто солнце засвѣтило, хотя небо было свинцовое, и о солнцѣ на немъ не было и помину...

Въ эту скучную погоду, холодную и сырую, я совершилъ путь до Гадаура, то-есть до перевала, сквозь туманъ знакомясь съ красотами военно-грузинской дороги. Оживленіе на этой дорогѣ напоминало московскую Никольскую улицу: на каждомъ шагу обозы съ лошадьми, обозы съ верблюдами, колонны солдатъ, повозки съ ранеными, почтовые экипажи...

Не забуду поэтическихъ впечатлѣній того часа времени, въ теченіе котораго спирально поднимаешься на высоты Гадаура; начался путь въ туманѣ, съ тучами надъ головою, а полчаса спустя эти тучи были подъ ногами, а надъ головою синее небо, ярко блиставшая луна, разливавшая свой свѣтъ на высокія вершины Казбека, и морозъ настолько чувствительный, что пришлось закутаться въ шубу. Потомъ сталъ я спускаться, и еще черезъ полчаса очутился въ тепломъ почти воздухѣ, съ темною зеленью южной растительности, посреди которой суровая зима, только что мною пережитая, казалась мелькнувшимъ сномъ, а утромъ сквозь тучи блеснуло солнце, и я почувствовалъ его теплые лучи. Въ этомъ тепломъ воздухѣ и въ этой зелени я ѣхалъ до Тифлиса. Тифлисъ засталъ ликующимъ и обрадованнымъ авліарской побѣдой, имѣвшей значеніе выиграннаго генеральнаго сраженія.

Въ Тифлисѣ я представился Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, супругѣ Намѣстника, и впервые увидавъ ее близко, испыталъ чары ея ума, ея живой личности, и ея теплаго сердца. Она вся жила впечатлѣніями отъ войны, раздѣленная съ мужемъ и съ театромъ событій двухъдневнымъ разстояніемъ, вся горѣла этими событіями, и успокоеніе находила только въ тѣ часы, которые еже-

дневно проводила между ранеными, размѣщенными въ лучшихъ мѣстностяхъ за городомъ. Въ Тифлисѣ я узналъ яснѣе, о чемъ прежде зналъ смутно, что если тамъ, на театрѣ войны, такъ вяло и такъ неудачно шли долгое время событія, то главною тому причиною былъ разладъ между главными военными личностями, окружавшими Великаго Князя Намѣстника. Другою причиною считали— нерѣшительность Лорисъ-Меликова, въ своей роли командующаго войсками.

Изъ Тифлиса я и отправился на театръ военныхъ дѣйствій подъ Карсомъ. Дорога опять раздѣлялась, относительно погоды, на двѣ половины. До Андижана я находился въ климатѣ юга, въ мягкомъ и почти тепломъ воздухѣ; затѣмъ въѣхалъ въ климатъ холодный, и остановился въ Александрополѣ, гдѣ былъ главный пунктъ для больныхъ и раненыхъ.

Здѣсь я пережилъ интересныя психическія минуты. Въѣзжая въ Александрополь, я испыталъ два сильныя и одинаково непріятныя впечатлѣнія. Первое—отъ цѣлой вереницы покойниковъ, которыхъ везли изъ больницъ на кладбище; а второе—ужасный смрадъ отъ какого-то запаха, который, какъ я потомъ узналъ, происходилъ отъ больничнаго зараженія. Явившись къ коменданту, милому старичку Зедергольму, я узналъ отъ него, что Александрополь насквозь пропитанъ госпитальнымъ тифомъ, отъ котораго несчастные раненые и больные мрутъ какъ мухи, и мретъ ихъ столько, что едва успѣваютъ ихъ хоронить. Долженъ признаться, что когда я все это узналъ отъ старика генерала Зедергольма, и когда вдобавокъ онъ мнѣ посовѣтовалъ поменьше оставаться въ Александрополѣ, я просто-на-просто струхнулъ, и почувствовалъ себя очень нехорошо въ этомъ городѣ смерти и вони. А когда

одинъ изъ военныхъ врачей къ разсказамъ Зедергольма присоединилъ свою характеристику госпитальнаго тифа и назвалъ его подобіемъ чумы, то я почувствовалъ себя еще хуже.

Состояніе это продолжалось часа два. Затѣмъ наступила крайняя минута: нѣчто въ родѣ нравственнаго кризиса и остраго боя между страхомъ за свою шкуру и между разумомъ, доказывавшимъ мнѣ мой долгъ. Результатомъ этого было то, что на третій часъ я уже входилъ въ одинъ изъ госпиталей, и тамъ, просиживая на кроватяхъ больныхъ и раненыхъ по нѣсколько минутъ, я пробылъ болѣе двухъ часовъ времени. Съ этой минуты я позабылъ, что госпитальный тифъ страшенъ, и прожилъ въ Александрополѣ 6 дней, не миновавъ ни одного госпиталя, и нравственныя ощущенія, которыя дано мнѣ было испытывать отъ созерцанія того удовольствія, которое доставляло бѣднягамъ больнымъ маленькое проявленіе живого участія, подарки, и въ особенности раздача евангелій были настолько сильны, что на седьмой день моего пребыванія въ Александрополѣ мнѣ не хотѣлось уѣзжать изъ этого города смерти и смрада, до того страдавшіе въ немъ стали мнѣ близки. Мнѣ все видѣлись тѣ слезы и тѣ улыбки, которыми несчастные больные отвѣчали на каждую ласку. Интересно это психическое явленіе: та бездна, которая отдѣляетъ первоначальное состояніе страха смерти отъ того состоянія, когда не только ничего не боишься, но съ какимъ-то безпокойствомъ задаешь себѣ вопросы: да не окаменѣли ли нервы, не притупилась ли чувствительность сердца. Бывало, я не могъ выносить вида раны, а тѣмъ паче вида операціи. Тутъ, на пятый день, главный хирургъ Рейеръ, потомъ ставшій знаменитостью, пригласилъ меня къ себѣ въ оперціонныя па-

латки: подъ навѣсомъ, на открытомъ воздухѣ. несчастные раненые оперировались на столѣ. Я простоялъ на 5 операціяхъ, и не только не дрогнулъ, но почти чувствовалъ окаменѣніе, испугавшее меня, ибо операціи были столь же ужасны, какъ стоны несчастныхъ раненыхъ. Но пришлось уѣхать. Я простился съ моимъ милымъ комендантомъ, и когда черезъ 3 недѣли я вернулся въ Александрополь, увы, пришлось узнать, что заразился отъ госпитальнаго тифа и похороненъ на холмѣ славы комендантъ Зедергольмъ. Я направился къ Визенкеву, къ последней станціи до Карса.

Путь мой отъ Александрополя до главной квартиры главнокомандующаго шелъ по каменистой мѣстности, гдѣ начинался уже кряжъ горъ, и гдѣ я впервые познакомился съ *невидимыми* селеніями. Особенно меня это поразило, когда, въ позднюю вечернюю пору, мой экипажъ остановился и ямщикъ мнѣ сказалъ, что мы пріѣхали на военную станцію какого-то селенія, и я, въ недоумѣніи оглядываясь кругомъ, ничего не вижу, кромѣ камней, лежащихъ на землѣ. Оказалось, что все селеніе было въ подземельѣ, и взойдя въ какое-то отверстіе, гдѣ пришлось спуститься, я очутился въ просторномъ помѣщеніи станціи, гдѣ засталъ, кромѣ офицера, начальника поста, пылающій весело каминъ и нѣсколько проѣзжихъ офицеровъ. На всемъ пути встрѣчались транспорты съ больными и ранеными. Ихъ везли знаменитыя фуры молоканъ; я говорю знаменитыя потому, что никто изъ мѣстнаго населенія не оказалъ такихъ существенныхъ услугъ, какъ эти молокане, своими громадными и удобными фургонами, своими крѣпкими лошадьми и своими честными, трезвыми и надежными людьми, а между тѣмъ на этихъ самыхъ молоканъ, еще недавно, подъ предлогомъ ихъ

сектантства, взводились обвиненія чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

Пріѣздъ мой въ Визинкевъ никогда не забуду. Это было вечеромъ; небо было ясно, мѣсяцъ на немъ ярко блестѣлъ. въ чистомъ воздухѣ чувствовался порядочный морозъ, и едва я пріѣхалъ въ жилище начальника военной станціи, какъ узналъ, что всѣ на горѣ и смотрятъ на штурмъ Карса. И я туда отправился. На пути явственно слышалась канонада; она напоминала шумъ тяжелыхъ обозовъ по замороженному шоссе: то долго длившаяся трескотня ружейной пальбы, то одинокіе громко-величественные выстрѣлы пушекъ, повторявшіеся гдѣ-то звучнымъ хо. На горѣ зрѣлище открылось необыкновенное. Гора и вся отдаленная мѣстность со всѣхъ сторонъ были покрыты снѣгомъ; снѣгъ этотъ блисталъ подъ яркимъ блескомъ луны; въ отдаленіи какія-то очертанія высотъ и, затѣмъ, какіе-то фантастическіе зигзаги движущихся мелькавшихъ огней: то были штурмовавшія колонны, надвигавшіяся на нижнія укрѣпленія Карса. Минуты проходили за минутами; въ какомъ-то лихорадочномъ напряженномъ состояніи мы всѣ стояли передъ этою необыкновенною картиною; прислушиваясь къ этимъ страшнымъ звукамъ и горя желаніемъ узнать сквозь эту бѣлую даль, что тамъ происходитъ—побѣда или отступленіе, потому что по временамъ вдругъ потухали кое гдѣ линіи ружейныхъ огней, и какъ будто стихала трескотня выстрѣловъ, и между глядѣвшими на эту картину, вокругъ меня раздавались слова: отбили, подлецы, наши отступаютъ; что-то падало внутри, въ области сердца, замиралъ духъ, а потомъ вдругъ опять линіи огней какъ будто подвигались впередъ, опять усиливалась ружейная трескотня и опять разгоралась въ душѣ надежда, что наши идутъ впередъ.

Помню, какъ одинъ молоденькій офицеръ, глядѣвшій съ нами на этотъ штурмъ, вдругъ сказалъ; нѣтъ. не въ силахъ — бросился куда то. исчезъ и, затѣмъ. минуты черезъ двѣ показался уже на лошади и, прямо спустившись съ горы, полетѣлъ по направленію къ Карсу. Сколько мы стояли—не помню, но помню, что настала торжественная минута затишья: почти вездѣ смолкли звуки штурма, и мы ушли на отдыхъ въ подземное жилище. Но не до отдыха было въ эту минуту нервамъ. Я ждалъ, лежа съ открытыми глазами, ясно видѣвшими все ту же картину, — на ярко бѣломъ снѣгѣ наступающія колонны — и, опять прислушиваясь къ этимъ раскатамъ выстрѣловъ. ждалъ свѣта. чтобы ѣхать далѣе... Явился. наконецъ, дневной свѣтъ. Я сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ Веранъ-Кала, гдѣ была главная квартира... Дорога шла все время кругомъ Карса... Ясно и красиво передо мною рисовались Карскія высоты съ фортами, и тишина была полная... По дорогѣ встрѣчались пѣшіе солдатики, встрѣчались повозки... Каждому живому человѣку мы задавали вопросъ: что Карсъ? и каждый отвѣчалъ намъ свое неумолимое: не знаемъ... Наконецъ, я подъѣхалъ къ палаткамъ, къ баракамъ. гдѣ виднѣлась суета, и прямо передо мною опять-таки глядѣлъ величественный Карсъ; у палатокъ вертѣлись какіе-то чиновники въ походной формѣ... Я попалъ на почту и, выскочивъ, подбѣжалъ къ этимъ чиновникамъ и спросилъ: ну, что Карсъ? И здѣсь странный отвѣтъ: Богъ ихъ знаетъ,—говоритъ одинъ; говорятъ, что взять,—говоритъ другой; а кто говоритъ, что отбить штурмъ,—сообщаетъ третій... Я обратился въ другія палатки, но тамъ натыкался только на деньщиковъ, ибо никого изъ *господъ* не было дома: всѣ были еще на штурмѣ... Узналъ только, что былъ штурмъ, но взять ли

Карсъ, глядѣвшій на насъ въ своемъ грандзіозномъ безмолвіи, я не могъ узнать. Вдругъ раздался звукъ военнаго сигнальнаго рожка. Я бросился по его направленію, и вижу — издали приближается огромная куча всадниковъ... То было возвращеніе Великаго Князя... Когда они приблизились и можно было разглядывать лица, я сталъ жадно-вопросительно на нихъ глядѣть. Увидѣлъ на лицѣ Великаго Князя полное спокойствіе, но сіянія радости не видѣлъ; посмотрѣлъ и на другія лица: тоже не видѣлъ радости и опять душа погрузилась въ невѣдѣніе... Минутъ двадцать спустя появилась другая, меньшая группа всадниковъ: то былъ Лорисъ-Меликовъ съ своимъ штабомъ; онъ ѣхалъ къ Великому Князю, и на лицѣ его была скорѣе озабоченность, чѣмъ что бы то ни было радостное. Вскорѣ послѣ того я опять увидѣлъ Лориса-Меликова, съ своимъ штабомъ выѣзжающаго отъ Великаго Князя. Въ тотъ же день я узналъ разгадку этой неопредѣленности въ физіономіяхъ главныхъ дуйствующихъ лицъ кавказской арміи. Оказалось по расказамъ, что Великій Князь возвращался домой съ своимъ штабомъ съ отраднымъ чувствомъ, что Карсъ взятъ, но, съ одной стороны, присущее ему смиреніе, а съ другой стороны — *все* пережитое имъ въ эту ночь, вѣроятно, не давали еще мѣста той безграничной радости побѣдителя, отпечатка которой мы такъ жадно искали на его лицѣ; но, когда вернувшись къ себѣ, онъ захотѣлъ послать депешу Государю о взятіи Карса, предсталъ передъ нимъ осторожный Лорисъ-Меликовъ и сказалъ: надо подождать, я поѣду и осмотрю позиціи, чтобы узнать повѣрнѣе, взятъ ли Карсъ. Великій Князь будто бы отложилъ перо, и рѣшился ждать возвращенія съ осмотра позицій Лориса-Меликова... Черезъ полтора часа Лорисъ-Меликовъ вернулся и доложилъ Великому Князю,

что Карсъ взятъ,—все это мнѣ разсказывали въ этотъ день,—и только тогда началось ликованіе... въ мірѣ оффиціальномъ. Но запомнилъ я отъ этого дня, что ликованіе о побѣдѣ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ — произвело на меня особенное впечатлѣніе, какъ совсѣмъ новый психическій міръ, своими контрастами и рѣзкими переходами отъ торжествующихъ минутъ жизни къ ужасамъ смерти: Эти переходы проявлялись во всѣхъ кружкахъ. Человѣкъ говоритъ, захлебываясь, такъ сказать, впечатлѣніями пережитой славы: глаза его горятъ, сердце бьется сильно, въ какомъ-то героическомъ вдохновеніи онъ расказываетъ дѣло, и потомъ вдругъ обрывается громкій и звучный голосъ, въ глазахъ тухнетъ—огонь: этотъ палъ убитымъ, этотъ смертельно раненъ и разсказчикъ и его собесѣдники, двумя минутами вдругъ наступившей тоски,—справляютъ тризну по убитымъ товарищамъ. Цѣлый день я испытывалъ и слышалъ эти переходы отъ восторга побѣдителя къ тоскѣ по убитымъ, и когда вечеромъ, съ душою, полною этихъ животрепещущихъ разсказовъ о подвигахъ героизма, я очутился на морозѣ, на сборномъ пунктѣ раненыхъ, гдѣ сотни солдатъ стонали въ судорогахъ страданій и холода, о, тогда все веселое было забыто, и все славное превратилось въ ужасное.

Черезъ одного изъ приближенныхъ Великаго Князя я былъ ему представленъ въ той большой палаткѣ, гдѣ собиралась свита для завтраковъ и обѣдовъ, и получилъ постоянное приглашеніе къ завтраку и къ обѣду отъ Августѣйшаго хозяина. Здѣсь я мигомъ обратилъ себя въ пчелу, а всѣхъ окружавшихъ меня въ цвѣты, и я сталъ отъ одного къ другому переходить съ разспросами объ совершившемся великомъ событіи. Въ первый разъ въ жизни пришлось дѣлать работу военнаго корреспондента. Работа

была трудная: во-первыхъ, надо было умѣть спрашивать, затѣмъ слушать, затѣмъ все систематизировать и связывать и, наконецъ, помнить. Могу похвастаться, работа эта мнѣ удалась. Заручившись впередъ дозволеніемъ Великаго Князя, я въ два часа времени настолько овладѣлъ предметомъ, что поѣхалъ на походный телеграфъ, тамъ сѣлъ за столъ, и сталъ писать безконечную реляцію о штурмѣ Карса по адресу Каткова экспромтомъ, и по мѣрѣ того, какъ исписывалъ страницу, передавалъ ее на телеграфъ. Она прибыла ночью въ Москву, а на другой день появилась въ газетѣ. Это было первое подробное извѣстіе о штурмѣ Карса, и въ «Рускомъ Инвалидѣ» первая реляція была эта самая моя депеша; она же изъ Москвы передана была во всѣ города Европы. За этимъ первымъ завтракомъ Великій Князь былъ очаровательно веселъ, очарователенъ, благодаря простотѣ и скромности этого веселія. Изъ физіономій самыя интересныя были у Лорисъ-Меликова, у Лазарева и у князя Мирскаго.

Не стану описывать подробностей этого великаго боевого подвига кавказскихъ войскъ, такъ какъ много разъ онъ былъ описанъ. Я буду говорить только о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Побывши день между военными людьми, я вынесъ убѣжденіе, что взятіе Карса, да еще ночнымъ штурмомъ, для всѣхъ было событіе совсѣмъ неожиданное: оттого, когда то, что цѣлые долгіе мѣсяцы считалось невозможнымъ, осуществилось, всѣ были въ томъ состояніи, которое побудило Лорисъ-Меликова сказать Великому Князю: подождите телеграфировать Государю, я поѣду убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ взятъ Карсъ. Всѣ были какъ бы въ дурманѣ, какъ бы подъ давленіемъ вопроса: сонъ ли это, или дѣйствительность? Въ этотъ же день я увидѣлъ самаго счастливаго въ военной

семьѣ храбрецовъ, окружавшей Великаго Князя, это молодого конногвардейскаго офицера, С. Н. Бибикова, котораго Великій Князь избралъ курьеромъ для отправленія къ Государю, и котораго, очевидно, ждали флигель-адъютантскіе вензеля. Это не былъ выборъ по протекціи, это былъ выборъ, павшій на одного изъ храбрѣйшихъ и достойныхъ.

На основаніи слышанныхъ мною разсказовъ, я составилъ себѣ о событіи штурма такое представленіе. Послѣ последней Авліарской побѣды осторожный Лорисъ-Меликовъ высказалъ мнѣніе, что теперь, въ виду наступившей зимы, слѣдуетъ войскамъ отойти отъ Карса и перейти на зимнія стоянки, то-есть, другими словами, отложить военныя дѣйствія до весны и дать турецкимъ войскамъ отдохнуть, оправиться и укрѣпиться. Мнѣніе это нашло сочувствіе въ однихъ и протестъ въ другихъ. Всѣхъ рѣшительнѣе протестовалъ любимецъ войскъ, генералъ Лазаревъ, который настаивалъ на томъ, что Карсъ можно взять, и что именно теперь, послѣ нанесенныхъ туркамъ послѣднихъ пораженій, самая удобная минута для рѣшительныхъ дѣйствій. Великій Князь созвалъ военный совѣтъ. На немъ, какъ разсказывали, когда Лорисъ-Меликовъ спросилъ у Лазарева: гдѣ же его планъ штурмованія Карса?—онъ взялъ листъ бѣлой бумаги и, отдавъ Лорисъ-Меликову, сказалъ: вотъ мой планъ. На этомъ совѣтѣ убѣжденность и энергія Лазарева взяли верхъ надъ всѣми другими соображеніями, и Великій Князь поручилъ Лазареву повести этотъ штурмъ. Когда это было рѣшено, и начальство надъ штурмомъ отдано было Лазареву, многіе говорили, что половина дѣла уже сдѣлана, — до того вѣра войска въ Лазарева и любовь къ нему были велики. Мысль о ночномъ штурмѣ тоже вы-

звала въ средѣ военнаго совѣта оживленные споры. но и тутъ Великій Князь далъ перевѣсъ голосу Лазарева, считавшаго ночь однимъ изъ главныхъ условій успѣха.

Тутъ надо отмѣтить фактъ, сдѣлавшій огромную честь кавказской арміи. Тайна штурма была строжайше соблюдена, и только когда начался штурмъ, турки про него узнали. Они до того были застигнуты врасплохъ, что когда наши штурмующія войска начали въ образцовомъ порядкѣ свое наступательное движеніе противъ нижнихъ фортовъ, турецкій комендантъ спалъ сладкимъ сномъ и былъ разбуженъ криками его свиты: русскіе идутъ на штурмъ. Этому сладкому сну способствовало и то обстоятельство, что всѣ турецкія военныя власти пребывали въ полномъ убѣжденіи, что Карсъ взять штурмомъ нельзя,— убѣжденіе, которое, по странной случайности, раздѣлялъ столь же искренно Лорисъ-Меликовъ, ссылаясь на лѣтнія неудачи, и на отбитые штурмы въ 1814 году. Какъ извѣстно, судьба штурмовавшихъ колоннъ была иная, чѣмъ судьба обходной колонны генерала Комарова. Смѣшно сказать, но надо признать, что наивное объясненіе, которое тогда давали этому различію судебъ, самые серьезные люди признавали правдою. Объясненіе было такое: турки признавали взятіе Карса съ фронта штурмомъ невозможнымъ: форты, какъ Карадахъ, Аракъ, Гафисъ, считались неприступными; въ обходъ же они боялись штурма; оттого колонны, штурмовавшія Карсъ съ фронта, подъ непосредственнымъ начальствомъ Лазарева, взяли одинъ за другимъ всѣ форты Карса, встрѣтивъ сравнительно меньше сопротивленія и воспользовавшись ужасомъ и паникою, овладѣвшими турками, а обходная колонна генерала Комарова, встрѣтивъ огромныя силы турокъ, на мѣстѣ, гдѣ турки ждали штурма, должны были, не смотря

на геройство Комарова и его войска, отступить вслѣдствіе страшныхъ потерь отъ убійственнаго турецкаго огня. Случилось вслѣдствіе этого, какъ мнѣ разсказывали, нѣчто совсѣмъ необыкновенное. Лазаревъ уже вступалъ въ цитадель Карса, когда въ обходной колоннѣ Комарова раздался сигналъ къ отступленію. Лорисъ-Меликовъ получилъ донесеніе объ отступленіи Комарова, но ничего не зналъ о ходѣ штурма у Лазарева, и вслѣдствіе этого послалъ адъютантовъ къ генералу Лазареву, съ приказаніемъ *отступить*. Многіе говорили, что когда адъютантъ Лорисъ-Меликова, прискакавъ черезъ взятыя позиціи, доскакалъ до Лазарева, онъ засталъ его уже въ цитадели и получилъ въ отвѣтъ отъ Лазарева такія слова: скажите командующему корпусомъ, что отступить некуда. Карсъ взятъ и я въ цитадели. Вслѣдствіе этого, какъ разсказывали, Великій Князь почти одновременно—получилъ отъ посланца Лазарева, храбраго офицера Кутаисскаго полка Тхоржевскаго, взявшаго лично съ командою охотниковъ фортъ Аракъ, донесеніе, что Карсъ взятъ, а Лорисъ-Меликовъ привозитъ извѣстіе объ отбоѣ и отступленіи русскихъ войскъ.

Изъ разсказовъ мнѣ стало ясно, почему Лазаревъ такъ убѣжденно и такъ увѣренно взялся за штурмъ Карса. Оказывается, что, ровно за 10 дней до этого, славный Кутаисскій полкъ 40-й дивизіи, входившій въ отрядъ Лазарева, предпринялъ, подъ начальствомъ храбраго своего командира Фадѣева, — рекогносцировку къ нижнимъ укрѣпленіямъ Карса и, во время этой рекогносцировки атаковалъ одинъ изъ фортовъ и взялъ его штурмомъ, и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся назадъ. Этотъ подвигъ кутаисскихъ баталіоновъ произвелъ на Лазарева настолько сильное впечатлѣніе, что онъ немед-

ленно задумалъ планъ ночного штурма всего Карса, совершенно такъ же, какъ произвелъ рекогносцировку и завладѣлъ фортомъ Фадѣевъ.

Хотя и Лазаревъ, и Лорисъ-Меликовъ были армяне, но трудно было найти болѣе противоположные два типа, какъ эти оба армяне. Лорисъ-Меликовъ, съ своимъ выразительно-умнымъ лицомъ, гдѣ прежде всего бросалась въ глаза хитрость, хотѣлъ казаться прямымъ, откровеннымъ, добродушнымъ и энергичнымъ, то-есть тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ, и какъ онъ ни игралъ своею физіономіею, онъ могъ только въ первую минуту произвести на собесѣдника впечатлѣніе откровеннаго и добродушнаго человѣка; на вторую минуту хитрость вступала въ свои права, и вы сразу и навсегда уже чувствовали, что имѣете дѣло съ умнымъ актеромъ. Что же касается харатера и энергіи, то вся минувшая до того времени кампанія, томившая всѣхъ своею неопредѣленностью и бездѣйствіемъ,— слишкомъ явно доказала, что у Лорисъ-Меликова не было ни энергіи, ни характера, и въ то же время не было рѣшимости.

Лазаревъ, наоборотъ, съ перваго взгляда на него держалъ всякаго, подходившаго къ нему, подъ обаяніемъ сильной воли и прямодушія. Эта прямота его личности была одною изъ главныхъ причинъ его популярности въ войскѣ. Очень высокаго роста, съ поднятою головою, въ которой было что-то львиное, онъ могъ казаться страшнымъ, но съ перваго же слова, съ перваго же взгляда на страшнаго на видъ генерала вы получали впечатлѣніе, что передъ вами тотъ русскій боевой легендарный герой, котораго русскій солдатъ такъ любитъ и такъ чтитъ. И при этомъ, какъ неотъемлемая принадлежность этого легендарнаго типа, простота и скромность: ни-

когда ни слова о себѣ, всегда о другихъ — то для похвалы, то для ободренія.

Третья крупная личность былъ генералъ-адъютантъ, помощникъ Великаго Князя, князь Мирскій. Это былъ совсѣмъ европейскій типъ, но весьма привлекательный. На его красивомъ, пріятномъ и умномъ лицѣ виднѣлось оживленіе, какъ постоянное отраженіе его бойкаго ума и горячаго сердца; онъ говорилъ пріятно и убѣжденно, говорилъ съ вдохновеніемъ, и несмотря на то, что въ немъ виднѣлась страстная натура, въ немъ было какое-то спокойное владѣніе собою. Я провелъ два часа въ вечерней бесѣдѣ съ Лорисъ-Меликовымъ съ глаза на глазъ въ его палаткѣ. Его рѣчь была интересна, его разсказы оригинальны и бойки, но послѣ этихъ двухъ часовъ я подумалъ, имѣя передъ глазами его хитрый, бѣгающій взглядъ: вотъ человѣкъ, которому слѣдовало бы быть нашимъ посломъ въ Константинополѣ. Послѣ бесѣды съ княземъ Мирскимъ я подумалъ: вотъ человѣкъ, которому слѣдовало бы быть министромъ. Судьба рѣшила иначе. Князь Мирскій далъ себя забыть на Кавказѣ, а Лорисъ-Меликовъ далъ себя увлечь въ сферу внутренней политики, на которую у него не было никакихъ данныхъ.

На третій день послѣ взятія Карса Великій Князь Намѣстникъ, во главѣ огромной свиты, дѣлалъ верхомъ торжественный въѣздъ въ Карскую цитадель при яркомъ солнцѣ, озарявшемъ грандіозную живопись этой, столь долго считавшейся неприступною твердыни. Кромѣ величественности укрѣпленій, кромѣ великолѣпія видовъ, меня поразило то добродушіе, съ которымъ жители Карса, безъ различія пола и возрастовъ, встрѣчали побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Измученные осадою, они встрѣчали, забывши свой національный и свой религіозный фана-

тизмъ, въ русскомъ войскѣ избавителя отъ долгихъ лишеній и страданій. Разставленный кучками многочисленный турецкій гарнизонъ Карса, своею покорностью и измученнымъ видомъ, внушалъ всѣмъ глубокое сожалѣніе, и сталъ оживать отъ русскаго провіанта, раздававшагося щедрою рукою.

Прислушиваясь къ военнымъ отзывамъ направо и налѣво во время объѣзда Карса Главноначальствующимъ, я вывелъ убѣжденіе, что укрѣпленія Карса оказались таковыми, что взять его можно было только такъ, какъ задумалъ этотъ штурмъ Лазаревъ, предположеніемъ застигнуть гарнизонъ врасплохъ ночнымъ штурмомъ. Инженеры говорили, что, будь штурмъ днемъ, по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, онъ былъ бы отбитъ, какъ былъ отбиваемъ прежде. Въ цитадели былъ сервированъ роскошный завтракъ. Потоки шампанскаго смѣнили потоки крови. Настроеніе было ликующее. Часть нашей арміи была послана къ Эрзеруму настигать послѣднія силы турокъ, и вѣсть о послѣднемъ сраженіи при Девя Бойно, у Эрзерума,—была послѣднимъ побѣднымъ извѣстіемъ съ кавказскаго театра войны, заканчивавшимъ столь неудачно начатую и столь блестяще оконченную кампанію нашихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны.

Послѣ парада войскамъ, на которомъ Великій Князь благодарилъ героя русскаго солдата за побѣду, главная квартира перенесена была въ Карсъ, и всѣ обрадовались возможности жить въ теплыхъ каменныхъ домахъ, послѣ долгаго пребыванія на морозѣ въ палаткахъ.

Грѣшной плоти въ теплыхъ квартирахъ стало хорошо, успокоенному духу тоже, и началась нормальная жизнь, при которой, признаюсь пришлось, заносить въ свой дневникъ невеселыя впечатлѣнія. Многочисленная главная

квартира, размѣстившись удобно по квартирамъ, обратилась въ большой придворный муравейникъ, гдѣ вчерашній воинъ сталъ сегодняшнимъ царедворцемъ, и гдѣ на веселомъ досугѣ всякій давалъ волю языку и притаившемуся на время червячку самолюбія и зависти. Начались другъ противъ друга сплетни и интриги. Всякому было непріятно слышать отзывъ похвалы о другомъ, и всякій изобрѣталъ какую нибудь ложь. чтобы чернить того, про котораго говорили, что онъ былъ молодцомъ или героемъ. Вся Ревизоровская сцена съ безсмертнымъ: да и тотъ свинья.—разыгрывалась на полномъ просторѣ, и именно тотъ, кто меньше всего участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, громче и злѣе всѣхъ осуждалъ и бранилъ дѣйствительныхъ участниковъ войны, и никто никого не щадилъ. Герои Карса превратились въ виндзорскихъ кумушекъ, и поневолѣ. слушая ихъ сплетни, я возвращался къ себѣ въ уединеніе съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ, съ ощущеніемъ чего-то гадкаго, пережитаго душою, жаждавшей въ эти минуты героическихъ впечатлѣній.

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ усилій улавливать правду изъ кучи сплетенъ я могъ составить себѣ извѣстные образы. Такъ, напримѣръ, мнѣ удалось усвоить себѣ убѣжденіе, что царями и героями славнаго кавказскаго войска оказались двѣ дивизіи, кавказская гренадерская, и пришедшая изъ Саратова на Кавказъ 40-я дивизія генерала Алхазова. Малорослые крѣпыши 40-й дивизіи творили чудеса подвижности и выносливости, не говоря о храбрости, которая была присуща всѣмъ войскамъ. Ее Лазаревъ полюбилъ по-отцовски и полагался на нее, какъ на каменную гору, онъ ей далъ во время штурма главную дѣйствующую роль, и она блестяще оправдала увѣренность въ нее своего отца-командира.

Пресыщенный муравейникомъ сплетенъ, я безъ сожалѣнія выѣхалъ изъ Карса и, пробывъ два дня снова въ Александрополѣ, гдѣ эпидемія госпитальнаго тифа, вслѣдствіе новаго наплыва раненыхъ, усиливалась, и два дня пробывъ въ Тифлисѣ, гдѣ передалъ всѣ мои впечатлѣнія Великой Княгинѣ Супругѣ Намѣстника, я вернулся въ Петербургъ налегкѣ, раздавши свой огромный багажъ приношеній для раненыхъ по госпиталямъ.

XXX.

(1877 годъ).

Петербургъ.—Поѣздка въ Константинополь.—Свиданіе съ германскимъ посломъ.—Встрѣча съ русскими войсками.—Санъ Стефанское сидѣніе.

Въ Петербургѣ я сталъ собираться въ поѣздку въ дѣйствующую армію въ Европейской Турціи съ тою же цѣлью, и собравъ разныя приношенія, въ январѣ направился на югъ, думая совершить путь черезъ Румынію и Болгарію. Но въ это время уже готовилось подписаніе перемирія, и когда я прибылъ въ Одессу, то узналъ, что перемиріе подписано, и что наши войска подходятъ къ Константинополю. Бывшій тамъ градоначальникъ Одессы, графъ Левашевъ, мнѣ подалъ мысль отправиться прямо въ Константинополь, такъ какъ, вслѣдствіе перемирія, первый пароходъ «Messagerie Maritime» прибылъ въ Одессу изъ Константинополя за транспортомъ быковъ, и поѣздку потому въ Константинополь очень легко осуществить. Дѣйствительно, оказалось, что французскій пароходъ черезъ два дня идетъ въ Константинополь и старый капитанъ-французъ съ большимъ удовольствіемъ предложилъ меня принять въ пассажиры. Тогда я телеграфировалъ германскому послу въ Константинополь, принцу Рейсу, о своемъ выѣздѣ, прося его покровительства, и въ солнечный день по морю, гладкому, какъ зеркало, прямо отпра-

вился съ своимъ багажемъ въ Константинополь, куда прибылъ на другой день.

На пристани въ Босфорѣ я встрѣченъ былъ кавасами германскаго посольства, и благополучно доставленъ въ гостиницу въ Пера, стоявшую рядомъ съ нашимъ опустѣлымъ посольствомъ. Я носилъ на головѣ придворную фуражку съ кокардою, и упоминаю объ этомъ потому, что благодаря ей я съ первой минуты вступленія въ Константинополь проходилъ черезъ самыя для меня неожиданныя впечатлѣнія. При встрѣчѣ съ этою фуражкою, къ величайшему моему изумленію, турки узнавали во мнѣ русскаго чиновника и очень привѣтливо со мною раскланивались. Въ объясненіе этого удивительнаго для меня явленія на улицахъ Стамбула старикъ-хозяинъ гостиницы сказалъ мнѣ, что русскіе между турками стали симпатичны, и что послѣдніе готовятъ русскимъ войскамъ торжественную встрѣчу въ Константинополѣ. Готовили ли эту торжественную встрѣчу или не готовили,—я не могъ провѣрить, но одно отмѣчу, что когда я два дня спустя посѣтилъ большой базаръ, турки-купцы стали на меня накидываться, звали наперерывъ къ себѣ въ лавки, и самымъ гостепріимнымъ образомъ угощали кофеемъ, вареньемъ и кальяномъ, увѣряя меня, что они съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія русскихъ войскъ въ Константинополѣ.

Черезъ три дня по главной улицѣ Пера я замѣтилъ—начали постройки какихъ-то эшафодажей; я спросилъ: что это строятъ? Мнѣ отвѣчали, что строятъ трибуны для публики ко дню вступленія русскихъ войскъ въ Константинополь.

Послѣ визита къ принцу Рейсу, котораго я не засталъ дома, я получилъ приглашеніе къ нему обѣдать.

Тутъ разъяснился вопросъ о русскихъ войскахъ въ видѣ характерной и интересной сцены.

За обѣдомъ, кромѣ матери посла и членовъ посольства, были два посла, итальянскій и австрійскій. Послѣ обѣда мужчины отправились въ кабинетъ принца курить. и здѣсь посолъ мнѣ сообщаетъ пріятное извѣстіе, что я скоро увижу моего зятя, графа Клейнмихеля, командовавшаго тогда Императорскими стрѣлками.

— Гдѣ же?—спрашиваю я его.

— А здѣсь,—отвѣчаетъ принцъ.

— Какъ здѣсь?—спросилъ я.

— Да, на-дняхъ русскія войска входятъ въ Константинополь.—сказалъ посолъ.—это рѣшено, а такъ какъ вашъ зять въ авангардѣ, то онъ войдетъ однимъ изъ первыхъ.

Я смотрю на обоихъ пословъ, и вижу на ихъ лицѣ тревожное изумленіе.

— То-есть. какъ войдутъ, — спросилъ австріецъ,— частнымъ образомъ?

— Нѣтъ. самымъ оффиціальнымъ.

— Какъ, съ оружіемъ въ рукахъ?

— Да, съ оружіемъ въ рукахъ.

— Такъ это взятіе Константинополя? — спросилъ австріецъ.

— Да. взятіе Константинополя. Я полагаю, что русскіе имѣютъ на то полное право.—замѣтилъ принцъ.

— А Европа,—почти торжественнымъ голосомъ сказалъ итальянскій посолъ,—а Англія?

Принцъ усмѣхнулся.

— Мой дорогой коллега,—отвѣтилъ онъ,—вы знаете. что Европа, а. слѣдовательно, и Англія признаютъ принципъ совершившагося факта (du fait accompli).

Послы пришли въ явное смущеніе.

Я вышелъ изъ германскаго посольства въ какомъ-то радостномъ настроеніи.

Наконецъ-то,—подумалъ я,—давнишняя русская мечта становится дѣйствительностью!..

Но ровно два дня спустя, проходя черезъ улицу Пера, я увидѣлъ рабочихъ, разламывающихъ амфитеатръ. Я подошелъ къ постройкѣ, и черезъ своего каваса спросилъ, отчего ломаютъ постройку.

— Приказано ломать,—отвѣчали мнѣ.

— Отчего приказано?—спросилъ я.

— Оттого приказано, — былъ отвѣтъ, — что русскія войска входить въ Константинополь не будутъ.

Ошеломленный этимъ извѣстіемъ, я поѣхалъ къ г. Ону, находившемуся тогда въ Константинополѣ, узнавать, въ чемъ дѣло, и узналъ отъ него, что, дѣйствительно, въ теченіе этихъ двухъ дней произошла важная перемѣна, и главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ получилъ приказаніе изъ Петербурга остановить войска въ Санъ-Стефано, и въ Константинополь съ ними не входить.

Разумѣется, отвѣта на вопросъ: отчего?—я тогда получить не могъ, но замѣчательно, что послѣ и такъ до сего времени мнѣ не удалось на этотъ вопросъ получить ясный отвѣтъ, и во всемъ, что писалось объ этой эпохѣ войны, и во всемъ, что разсказывалось о ней,—вопросъ: что именно побудило дать приказаніе изъ Петербурга остановить наши войска у воротъ Царьграда, оставался и остается безъ точнаго отвѣта. Когда пришелъ въ Санъ-Стефано штабъ Великаго Князя, я узналъ, что этимъ распоряженіемъ обязаны были вліянію графа Шувалова, тогдашняго нашего посла въ Лондонѣ, представившаго

будто бы неизбѣжнымъ занятіе англійскимъ флотомъ Дарданеллъ и начатіе новой войны, если только наши войска займутъ Константинополь, но подтвержденія яснаго и точнаго факта этого я никогда не находилъ послѣ, и дипломатическій этотъ фактъ остался прикрытымъ непроницаемою тайною.

Въ ожиданіи подступавшихъ къ Санъ-Стефано нашихъ войскъ, я поѣхалъ отъ нечего дѣлать въ одно засѣданіе Краснаго Полумѣсяца, на которое, неизвѣстно почему, меня пригласили, и которое запомнилъ потому, что единственный разъ въ моей жизни видѣлъ дѣловое совѣщаніе, на которомъ подъ звуки докладчика, правда, довольно монотонные, почтенные члены, турецкіе сановники такъ сладко спали въ своихъ удобныхъ позахъ на диванахъ...

Я, разумѣется, тогда смѣялся надъ этими спавшими сладостно турецкими пашами и эффенди. Но мѣсяцъ спустя я сталъ понимать, что это состояніе сладкаго соннаго оцѣпенѣнія есть какъ бы послѣдствіе вліянія мѣстнаго воздуха, ибо мнѣ пришлось уже надъ самимъ собою смѣяться, такъ какъ я чувствовалъ все время, съ одной стороны, полную невозможность не только работать, читать, писать, но даже думать серьезно и долго объ одномъ предметѣ, а съ другой стороны—непреодолимое желаніе или смотрѣть въ пространство, ни о чемъ не думая, или сладко дремать. Это дѣйствіе Босфорнаго воздуха до того произвело на меня сильное впечатлѣніе, что я самымъ искреннимъ образомъ сталъ фанатически вѣрить, что воздухъ Босфора несомнѣнно изнѣжилъ и убилъ могучую расу турокъ, и что, несомнѣнно, то же дѣйствіе будетъ и на могучее русское племя, если когда-нибудь мы устроимъ центръ русской жизни на Босфорѣ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе этой изнѣживающей и раз-

слабляющей атмосферы испытывалъ далеко не я одинъ. Мнѣ казалось, что наши герои-войска, усѣвшись въ Санъ-Стефано, у воротъ Царьграда, увы, похожи были на Руслана въ замкѣ Наины, отдаваясь чарамъ изнѣженной истомы и теряя волю, энергію и инидіативу.

Когда я узналъ, что нашъ авангардъ приближается къ Санъ-Стефано, я нанялъ коляску и поѣхалъ въ Санъ-Стефано, а оттуда въ поле ожидать появленія нашихъ войскъ.

Послѣ двухъ часовъ ожиданія, я завидѣлъ въ полѣ вдали конныя фигуры, и на пригоркѣ встрѣтился съ двумя передовыми офицерами стрѣлковаго Императорской Фамиліи баталіона, открывавшими шествіе войскъ; этотъ баталіонъ открывалъ шествіе, такъ что полчаса спустя я могъ уже обнять моего зятя, графа Клейнмихеля. Онъ помѣстился съ своими офицерами въ двухъ-этажной дачѣ въ полѣ, близъ Санъ-Стефано... Боже, какой у нихъ видъ былъ послѣ этого страшно усиленнаго труднаго похода: измученные, усталые, почти голодные и нравственно убитые извѣстіемъ о томъ роковомъ «*стой*», которое судьба произнесла въ тотъ мигъ, когда они вынесли всѣ невзгоды, всѣ тяжести похода, съ надеждою все забыть въ стѣнахъ взятаго Царьграда... Получивъ деньги въ Петербургѣ отъ жертвователей въ свое распоряженіе на нужды на мѣстѣ войны, я часть этихъ денегъ посвятилъ на раненыхъ и больныхъ, а другую часть призналъ своимъ священнымъ долгомъ употребить на угощеніе баталіона послѣ его похода, и на другой день въ поѣздѣ по желѣзной дорогѣ привезъ въ Санъ-Стефано провіанта, о которомъ въ теченіе мѣсяцевъ похода они совсѣмъ забыли.

Тутъ началась новая жизнь нашей гвардіи. Она рас-

положилась лагерями около Санъ-Стефано, и получила отдыхъ и приволье. Но не веселы были этотъ отдыхъ и это приволье. Внезапный переходъ отъ героическихъ подвиговъ небывалаго въ исторіи міра перехода черезъ Балканы, съ лазаньемъ по горамъ и переходами по шею черезъ рѣки,—къ бездѣйствію въ мягкомъ воздухѣ Босфора имѣлъ губительное дѣйствіе на наши войска и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Сразу между войсками, гдѣ не было больныхъ на сказочныхъ вершинахъ Балканъ, появился тифъ, сразу стали наполняться госпитали, а рядомъ съ этимъ, цѣлый день, чтобы изгнать тоску, люди ѣли, пили, играли, дремали до вечера, когда вездѣ открывались гостепріимныя двери кафе-шантановъ и, одурѣлые отъ дневного бездѣйствія, люди въ полудремотѣ слушали пахабныя шансонетки.

Проводя въ военныхъ кружкахъ долгіе часы, я, понятно, жаждалъ разсказовъ о боевыхъ подвигахъ; но вскорѣ понялъ, что состояніе духа, въ которомъ были наши вчерашніе герои-богатыри, мѣшало имъ даже увлекаться и жить свѣжими впечатлѣніями прошлаго: они были именно въ состояніи какого-то полусна или оцѣпенѣнія, безъ энергіи для жизни и даже для разсказовъ...

Какъ вчера, помню сильное впечатлѣніе, которое на меня произвела картина одного изъ многихъ дѣйствій этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшаго своему имени ореолъ героизма. Я принялся его искать въ Санъ-Стефано между офицерами, чтобы его увидѣть, ему поклониться, его послушать... И вотъ, нахожу его жилище, стучусь въ дверь, деньщикъ отворяетъ, впускаетъ меня въ комнату, и я застаю моего героя у окна, съ видомъ на море, съ глазами, устремленными

вдаль, и съ неизбѣжною содовою водою съ коньякомъ подъ руками на столикѣ...

Я бросился къ нему въ порывѣ энтузіазма... Мы обнялись... Но затѣмъ, послѣ первыхъ минутъ радостной встрѣчи, я сталъ испытывать странныя впечатлѣнія, глядя на усталое, скучное и безжизненное выраженіе лица, глаза точно дремлющіе, рѣчь лѣнивая, съ постоянными перерывами, и четверти часа было, увы, достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что всѣ эти внѣшнія впечатлѣнія были отраженіемъ того тоскливаго и апатичнаго душевнаго состоянія, въ которомъ вчерашній герой столь же безсмысленно глядѣлъ на жизнь, какъ на стаканъ съ своимъ содо-брэнди...

Что я ни дѣлалъ, чтобы разбудить въ немъ дремлющаго льва вопросами и разспросами, я не могъ ничего добиться, кромѣ общихъ фразъ, дышавшихъ скукою и разочарованіемъ, и послѣ часовой квази-бесѣды я вышелъ съ самыми тяжелыми впечатлѣніями въ душѣ.

19 февраля нарушило общую спячку въ Санъ-Стефано. На этотъ день назначенъ былъ парадъ войскамъ, для торжественнаго объявленія о заключенномъ мирѣ.

Переговоры насчетъ мира велись очень дѣятельно въ Санъ-Стефано, подъ руководствомъ бывшаго нашего посла въ Константинополѣ Г. А. Игнатьева. Про эти переговоры шли разные толки. Я запомнилъ, между прочимъ, одинъ толкъ, чрезвычайно характерный. Разсказывали, что нашъ главный уполномоченный настоятельно требовалъ уступки Россіи турецкаго флота, на что турецкіе уполномоченные ему отвѣтили самымъ энергичнымъ: non possumus, прибавляя къ тому, что султанъ скорѣе предпочтетъ *сжечь всѣ свои корабли*, чѣмъ уступить хоть одинъ изъ нихъ Россіи... Что султанъ давно уже сжегъ всѣ свои корабли

въ аллегорическомъ смыслѣ, въ этомъ ни малѣйшаго не было сомнѣнія, но чтобы такой аргументъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ могъ подѣйствовать настолько убѣдительно на нашихъ уполномоченныхъ, что они отказались отъ требованія флота, того, очевидно, никто не могъ ожидать. Но этого мало: съ присущимъ туркамъ лукавствомъ, уполномоченный Порты — сталъ говорить: вмѣсто флота требуйте земли, побольше земли, вотъ карта,—сталъ онъ говорить, развертывая карту Европейской Турціи, и тыкая пальцами по благодатной Болгаріи, — берите, что хотите: этого вамъ мало, берите вотъ это; а если и этого мало, берите еще вотъ это, и такимъ образомъ чуть ли не цѣлую Турцію предлагали въ распоряженіе нашихъ уполномоченныхъ.

Хитрый маневръ удался, какъ нельзя лучше. У нашихъ уполномоченныхъ стали течь слюнки и разбѣгаться глаза отъ лакомыхъ кусочковъ, любезно предлагаемыхъ турецкими лисами, такъ что они сразу позабыли про турецкій флотъ и стали съ веселымъ аппетитомъ кроить, забирая земли за землями, цѣлую громадную Болгарію.

А потомъ турки говорили промежъ себя, смѣясь: все равно, Европа отберетъ назадъ эти земли и намъ возвратитъ, пускай тѣшатся теперь и забираютъ, что хотятъ, а флотъ останется у насъ.

Штука удалась...

XXXI.

(1878 годъ).

Подписаніе мира.—Парадъ.—Впечатлѣнія.

Ужасный день былъ этотъ день 19 февраля въ Санъ-Стефано. Все время тихая погода вдругъ разсердилась, и впервые явилась во всей ярости своего гнѣва. Съ утра сталъ шумѣть ужаснѣйшій вѣтеръ, море заволновалось, по небу неслись темныя тучи, и въ этой-то холодной и мрачной обстановкѣ войска стали сбираться на парадъ, на полѣ возлѣ Санъ-Стефано.

Собрались войска; прошло полчаса, прошелъ часъ, прибылъ Главнокомандующій Великій Князь со свитою. И онъ сталъ передъ войсками въ выжидательную позу. А люди зябнутъ отъ ужасныхъ порывовъ бушевавшаго урагана и думаютъ объ одномъ: какъ бы скорѣе пытка кончилась.

Всѣ взоры обратились туда, вдаль, вправо, къ бѣлому дому, на краю Санъ-Стефано, гдѣ происходили переговоры о мирѣ. Оказалось, что переговоры еще тянулись передъ подписаніемъ договора.

Въ ожиданіи этого конца произошелъ эпизодъ, который забыть трудно... Невинный и маленькій этотъ эпизодъ заключалъ въ себѣ всю сущность конца свершеннаго героями гигантскаго похода.

Великій Князь подъѣхалъ къ первымъ шеренгамъ войскъ и сказалъ солдатикамъ: ребята, оглянитесь назадъ, вонъ Святая Софія. Солдаты оглянулись назадъ.

— Вотъ отсюда, съ пригорка вамъ лучше будетъ видно,—сказалъ Великій Князь, указывая на мѣсто, гдѣ онъ находился.

И солдатики подбѣжали къ этому возвышенному мѣсту и оттуда стали смотрѣть въ темную даль, гдѣ съ трудомъ, благодаря мчавшимся по небу тучамъ, можно было разглядѣть куполъ какой-то мечети.

Помню, какъ у меня въ эту минуту болѣзненно сжалось сердце.

Такъ вотъ, для чего были всѣ эти побѣдные и братскіе клики; вотъ, для чего десятки тысячъ лучшихъ сыновъ нашего народа легли на вѣки на полѣ битвы; вотъ, для чего тысячи и тысячи солдатъ лежали, томясь въ страданіяхъ отъ ранъ и болѣзней,—думалъ я, и думали, вѣроятно, всѣ до единаго стоявшія на сёмъ санъ-стефанскомъ полѣ русскія войска,—чтобы взбѣжать на пригорокъ подъ стѣнами Константинополя, и оттуда взглянуть черезъ туманную даль, будто бы, на куполъ Св. Софіи.

Я стоялъ близко отъ Великаго Князя, когда онъ обратился къ солдатамъ съ этими словами, и я увидѣлъ, какъ, пока онъ говорилъ, его доброе, привѣтливо-открытое лицо какъ будто приняло грустно-насмѣшливое выраженіе, и мнѣ казалось, что подъ этою грустною усмѣшкою скрывалось душевное ощущеніе, какъ больно и какъ жутко въ эту минуту русскому человѣку, и въ немъ—именно въ немъ—эти тяжелыя ощущенія каждаго русскаго должны были быть сильнѣе, ибо онъ ближе всѣхъ видѣлъ

героизмъ нашихъ войскъ, и страданія и лишенія, ими переживаемыя...

Да, въ этомъ эпизодѣ была почти комическая развязка 2 года длившейся драмы...

Да, въ этомъ эпизодѣ обращалась въ дымъ и улетала, чтобы изчезнуть въ висѣвшихъ надъ головами нашими тучахъ, та идея, которою мы два года жили, въ лихорадочномъ сознаніи, что свершаемъ историческій и народный подвигъ...

Но, увы, въ этомъ же комическомъ эпилогѣ ужасной драмы заключалось начало новой, еще болѣе ужасной драмы, духовнаго внутренняго переворота, какъ роковой реакціи, и перехода отъ пережитаго идейнаго состоянія къ состоянію тупого и тоскливаго разочарованія, сдѣлавшаго атмосферу душною, и подвергнувшаго всѣхъ въ какое-то зловѣщее состояніе недовольства и чего-то неудовлетвореннаго...

Годъ спустя, я уже припоминалъ эту минуту, когда солдатики, добродушно смѣясь, смѣялись какъ будто надъ самими собою на пригоркѣ, чтобы взглянуть на Св. Софію, и припоминалъ потому, что между этою минутою и тѣмъ состояніемъ умовъ, которое и слышалъ и понималъ вокругъ себя потомъ, я находилъ роковую связь послѣдствія съ своей причиною.

Но вотъ завидѣли вдали, направо, у бѣлаго домика, что-то вродѣ движенія, раздалась команда: смирно, и мы увидѣли ѣдущую, направляясь къ фронту войска, коляску съ тройкой лошадей, въ которой, съ бумагами въ рукахъ, сидѣлъ главный уполномоченный, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Онъ ѣхалъ и держалъ бумагу свою высоко, точно торжественно, и словно ее возносилъ надъ тысячами героевъ-солдатъ, стоявшихъ въ строю подъ своими пре-

стрѣленными знаменами, точно онъ говорилъ: вотъ, ребята, плодъ вашего героизма и дѣло вашей крови!

И затѣмъ прочитано было объявленіе Санъ-Стефанскаго мира.

Раздалось «ура»...

Ураганъ, заглушавшій это «ура»,—былъ сильнѣе звуковъ солдатской груди, а такъ же холоденъ, какъ ся крикъ!

Но лицо у главнаго представителя нашей дипломатіи было сіяющее, и этотъ контрастъ между сіяніемъ вѣстника мира и между разочарованіемъ войскъ, которымъ онъ о немъ объявлялъ, я запомнилъ.

Затѣмъ всѣхъ поразила торжественность минуты, когда провозглашена была на этомъ полѣ вѣчная память войскамъ, животъ свой положившимъ за вѣру, Царя и отечество, и когда всѣ войска въ эту минуту преклонили колѣна, подъ звуки молитвеннаго пѣнія, сливавшіеся съ плачемъ шумящаго вѣтра...

Потомъ все кончилось церемоніальнымъ маршемъ, и войска стали расходиться съ вопросомъ: когда же вернемся домой?..

Но этому желанію не скоро суждено было сбыться.

Начался новый періодъ стоянія подъ Константинополемъ, отличавшійся отъ перваго: въ первомъ періодѣ что-то поддерживало духъ въ видѣ отдаленной надежды на почетный миръ; во второмъ періодѣ эта надежда угасла; сознаніе, что всѣ эти жертвы Русскаго народа были принесены для созданія какой-то громадной Болгаріи, и такъ какъ войска стояли въ Санъ-Стефано уже съ ощущеніемъ омерзенія къ этимъ братушкамъ, требовавшимъ деньги даже за стаканъ свѣжей воды для утоленія предсмертной жажды русскаго солдата, то нельзя было себѣ представа-

вить. какъ мало нравственнаго удовлетворенія внеслось въ душу русскаго солдата послѣ объявленія санъ-стефанскаго мира, и какъ много вселилось въ нее горькаго разочарованія.

Около этого времени мнѣ пришлось познакомиться со Скобелевымъ въ самой оригинальной обстановкѣ, въ Константинополѣ, въ одномъ изъ многихъ кафе-шантановъ, за бутылкою шампанскаго и съ одною изъ французскихъ пѣвицъ въ придачу. Тутъ я дѣйствительно познакомился съ этою оригинальною историческою личностью, ибо увидалъ его забывающимъ въ самомъ безшабашномъ и даже грубо проявляемомъ разгулѣ все то духовное, съ чѣмъ онъ пришелъ въ Санъ-Стефано, и все то, что онъ перенесъ въ себѣ. Скобелевъ, какъ говорятъ, открыто возсталъ противъ дипломатическаго рѣшенія стать у воротъ Константинополя и любоваться волшебною картиною Св. Софіи; онъ требовалъ немедленнаго похода на Галлиполи и занятія этого портоваго города съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать англичанамъ войти въ Дарданеллы; была одна минута, когда все зажглось около Скобелева его рѣшимостью и смѣлостью, и обрадовалось возможности промѣнять ужасное сидѣнье въ Санъ-Стефано на походъ на Галлиполи; но это была минута; изъ Петербурга прибыло строжайшее veto, и Скобелеву сказали: успокойтесь. А когда въ придачу къ этому впечатлѣнію, или, вѣрнѣе, къ этому удару пришлось испытать общее впечатлѣніе отъ мира, давшаго такъ много Болгаріи и такъ мало Россіи, Скобелевъ вошелъ въ еще болѣе возмущенное состояніе духа, и вотъ въ такую-то минуту я съ нимъ познакомился, когда въ промежуткахъ между цинизмомъ и грубостью его рѣчи съ француженкой онъ возвращался къ извѣстному спокойному положенію, когда по его первому

тону я узнавалъ, какъ онъ негодуетъ, какъ онъ оскорбленъ всѣмъ, что заключаетъ въ себѣ это санъ-стефанское сидѣнье для Россіи печальнаго.

Да, въ этотъ странный, по своей дикой обстановкѣ, часъ, между бутылкою шампанскаго и кокоткою, я могъ узнать и понять Скобелева—въ безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ его необыкновенно-оригинальной личности. Второго, ему подобнаго, человѣка я никогда не встрѣчалъ. Эти быстрые и всегда неожиданные переходы отъ бездушной и циничной грубости, въ которыхъ легко было себѣ представить того же Скобелева бездушнымъ, какъ камень на войнѣ для смерти и для солдата, къ состоянію нервной женщины, съ трепетомъ въ голосѣ и со слезами на глазахъ; отъ полнаго хладнокровія и крѣпкаго обладанія собою къ полному отданію этой могучей за минуту до того своей личности въ рабство сильному ощущенію; отъ горячей и даже пламенной иллюзіи къ самой прозаической разочарованности,—такіе внезапные переходы составляли сущность его личности, избалованной счастьемъ и никогда не бывавшей въ серьезной школѣ нравственной дисциплины, столь нужной для образованія цѣльнаго и крупнаго характера. Все время въ теченіе этого часа я любовался Скобелевымъ, какъ интереснымъ героемъ жизни, но все время тоже я слышалъ и сознавалъ въ немъ не характеръ, а капризы нервнаго и дурно воспитаннаго баловня судьбы, который долженъ былъ внѣ часовъ командованія солдатами на войнѣ быть тяжелымъ для людей по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по отсутствію въ немъ любви къ кому бы то ни было, и во-вторыхъ, по отсутствію въ немъ уваженія къ людямъ; а рядомъ съ этимъ, хотя онъ свою жизнь въ бою цѣнилъ дешевле гроша, онъ внѣ боевого огня любилъ себя съ кокетствомъ и съ сочувствіемъ къ

тѣмъ декораціямъ, которыя онъ придавалъ своей личности, рисуясь и раскрашивая себя нравственными бѣлилами и румянами.

Я увидѣлся съ принцемъ Рейсомъ, германскимъ посломъ, и напомнилъ ему его слова о вступленіи русскихъ войскъ въ Константинополь.

— У васъ есть дипломаты, — сказалъ онъ, — болѣе европейцы, чѣмъ Европа, и менѣе русскіе, чѣмъ Россія.

Въ Санъ-Стефано за завтракомъ въ ресторанѣ — пришлось мнѣ узнать про драматическій эпилогъ одного интереснаго эпизода, случившагося со мною въ предыдущемъ году.

Однажды, въ 1877 году, приходитъ ко мнѣ дама, очень порядочная на видъ, и не желая себя назвать, выразила желаніе меня видѣть... Остановившись у дверей моего кабинета, она мягкимъ и пріятнымъ голосомъ задаетъ мнѣ вопросъ: думаю ли я и чувствую ли я то, что я пишу, а когда я ей на это отвѣтилъ, что я только тогда пишу, когда хочу выразить то, что думаю, и то, что чувствую, она вошла въ кабинетъ и, съ прикрытымъ вуалью лицомъ, сѣла на диванъ и заговорила.

Рѣчь ея оказалась началомъ исповѣди ея бурнаго прошлаго. Я началъ слушать ее внимательно, но когда исповѣдь начала проникать уже въ черезчуръ интимныя тайны ея жизни, я ее остановилъ, сказавши, что я не довольно старъ, чтобы слушать такія исповѣди и давать совѣты, и думаю, что она должна искать болѣе достойнаго исповѣдника... Тогда она мнѣ отвѣтила, что, читавши мой романъ «Женщины петербургскаго большого свѣта», она нашла во мнѣ, какъ авторѣ, глубокое пониманіе женскаго сердца, и обратилась ко мнѣ съ мыслью, что, можетъ быть, я могу дать совѣтъ: что дѣлать съ

жизнью... Я ей повторилъ, что считаю себя слишкомъ дурнымъ человѣкомъ, чтобы давать совѣты, рѣшающіе участь чьей-либо жизни и требующіе, притомъ, самой сокровенной исповѣди...

— Но что же мнѣ дѣлать?—сказала она,—вѣдь отца Іоанна нѣтъ же на свѣтѣ, нѣтъ?

Отецъ Іоаннъ былъ священникъ, изображенный мною въ романѣ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—есть.

— Какъ? — воскликнула она. — вашъ отецъ Іоаннъ существуетъ, и онъ въ Петербургѣ?

— Да,—говорю я,—онъ въ Петербургѣ. Я его назвалъ отцемъ Іоанномъ, но онъ носитъ другое имя.

— Бога Самого ради, укажите, гдѣ я могу его найти?

Я далъ ей адресъ священника и, затѣмъ, мы разстались.

При прощаніи она себя назвала и приподняла вуаль. По лицу это была бальзаковская женщина, по глазамъ видно было, что она много плакала: на лицѣ сохранились еще глубокіе слѣды замѣчательной красоты.

Прошло нѣсколько недѣль. Я успѣлъ забыть про этотъ таинственный визитъ. Однажды утромъ эта дама пріѣзжаетъ ко мнѣ снова.

Но, Боже, какая метаморфоза. Лицо ея было свѣтло и свѣжо, какъ майское утро. Оно было спокойно и ясно.

Изъ ея словъ я узналъ, что она обратилась къ моему отцу Іоанну, и нашла въ немъ именно того духовнаго отца, какого она искала, какой ей былъ нуженъ, и именно такимъ, какимъ я его описалъ въ своемъ романѣ.

— Онъ мнѣ указалъ мою дорогу,—сказала она,—и я по ней пойду; я уже пошла по ней, и съ тѣхъ поръ чувствую въ душѣ какое то невыразимо-благодатное, спокойствіе.

Дорога, ей указанная, оказалась миссіею сестры милосердія на войнѣ. Она рѣшилась ѣхать въ дѣйствующую армію и, прощаясь со мною, поблагодарила меня за то, что я ей указалъ спасителя ея жизни, оттолкнувшаго ее съ любовью отъ пропасти и излѣчившаго губившую ее тоску.

Прошелъ весь 1877 годъ.

Однажды сижу я въ веселой компаніи, за завтракомъ. въ Санъ-Стефано; вблизи меня завтракалъ мой хорошій знакомый Н.. бывшій тогда однимъ изъ уполномоченныхъ Краснаго Креста. Онъ что то разсказывалъ, только-что вернувшись изъ филиппопольскаго отряда.

Вдругъ я слышу знакомое имя.

Я прислушиваюсь, и вспомнилъ. что это знакомое имя была фамилія моей таинственной собесѣдницы весны прошлаго года.

Н. разсказывалъ про чудесную смерть одной сестры милосердія въ филиппопольскомъ госпиталѣ, только-что имъ видѣнную; и то была смерть этой самой дамы...

Разсказъ меня глубоко поразилъ. и всѣхъ насъ умилилъ. Она заразилась при уходѣ за больными тифомъ, и умирала въ госпиталѣ, гдѣ была любимою сестрою милосердія. Умирала она свѣтло и спокойно, окруженная любовью и благодарностью: любовь къ ней выражали ея сподвижницы милосердія; благодарность выражали нѣсколько выздоравливающихъ раненыхъ; и тѣ и другіе окружали ея постель, иные на колѣняхъ, съ лицами, по

которымъ текли тихія и горячія слезы. Умиравшая ихъ утѣшала и ободряла.

Потомъ она сказала: умирать не страшно и не трудно, но одно ужасно: не вѣдать, простилъ ли мнѣ Богъ... О, если бы я могла благословить моего сына передъ смертью, какъ я была бы счастлива, это значило бы, что Богъ меня простилъ!

Прошло четверть часа послѣ этихъ словъ; царило таинственное молчаніе. какъ вдругъ послышался конскій топотъ. Всѣ вздрогнули. Потомъ раздался ясно молодой мужской голосъ. Умиравшая открыла глаза, приподняла голову; дверь отворилась: вдругъ она вскрикнула, то былъ ея сынъ, успѣвшій прибыть изъ своего полка во-время.

Свиданіе съ матерью было зрѣлищемъ, неподдающимся описанію.

— Теперь я совсѣмъ счастлива, Боже, благодарю Тебя!—сказала она, съ сіявшимъ какъ-будто лицомъ, и не прошло минуты, какъ, держа руку сына, она глубоко вздохнула и скончалась.

Подходила Страстная недѣля, а войска наши все продолжали свое тоскливое сидѣніе подъ Константинополемъ.

Я жилъ между Императорскими стрѣлками въ Санъ-Стефано, и воспользовался свободными деньгами, чтобы выписать изъ Одессы пароходомъ розгавливанье для всего баталіона: привезли бочки творогу, сдѣлали пасхи, и въ звѣздную теплую ночь, на полѣ. передъ домомъ, батальонъ выстроенъ былъ въ карэ, и началась пасхальная заутреня, прекрасно спѣтая пѣвчими батальона. Свѣтлый праздникъ только этимъ и отличился отъ другихъ дней, и въ Свѣтлое Воскресенье продолжалась, какъ вчера и прежде, та же отвратительная по бездѣйствію и безсмыслію жизнь.

Боже, что это была за жизнь, и вездѣ — на огромномъ протяженіи всего лагеря она была одинакова. Самую печальную картину представляли собою офицеры въ полкахъ. Отъ бездѣйствія день и ночь дѣлились между пошлыми кутежами въ константинопольскихъ кафе-шантанахъ и разныхъ игорныхъ трипо и между игрою у себя за бутылкою вина, пива или водки.

Жалко и больно было смотрѣть на это зрѣлище; у каждаго почти офицера была тамъ, на родинѣ, семья; каждый офицеръ привезъ въ Санъ-Стефано капиталецъ, составленный благодаря походнымъ сбереженіямъ и лишеніямъ; казалось бы, отчего эти деньги не поберечь до возвращенія домой или послать въ свою семью? Но не тутъ то было: санъ-стефанское сидѣніе дѣйствовало притупляющимъ и одуряющимъ образомъ на духовный организмъ молодого офицера; въ этой атмосферѣ все, что должно было быть близкимъ сердцу, забывалось, и всѣ деньги у офицера уходили на карточныя игры и на кутежи, безъ остатковъ, такъ что значительная часть офицеровъ не только ничего не привезли съ собою, но вернулись домой безъ гроша денегъ или, что еще хуже, съ долгами.

Послѣ Пасхи я собрался въ обратный путь, и никогда не забуду того тяжелаго душевнаго состоянія, съ которымъ прощался съ батальономъ и со всѣми пріятелями, оставляя за собою среду, гдѣ духъ былъ такъ низко упавшимъ, гдѣ все великое и священное отъ недавней героической эпопеи давно было не то, что забыто, а какъ-будто осмѣяно, развѣнчано, уныніемъ обращено въ ничто! Когда я уѣзжалъ, уже всѣ знали, что санъ-стефанскій договоръ былъ кассированъ и опротестованъ Европою. Здѣсь, подъ стѣнами Константинополя, съ

массою раненыхъ на мѣстѣ и съ массою убитыхъ, оставшихся позади, всѣ эти вчерашніе герои, русскія войска, получили роковой смыслъ тѣней, декорацій, а жизнь и центръ ея переходили въ Берлинъ, гдѣ надлежало Россіи-побѣдительницѣ выступить передъ европейскимъ ареопагомъ въ роли смиренной подсудимой, и гдѣ ее ждало быть побѣжденною перомъ.

И не было солдата, и не было офицера, который въ то время не чувствовалъ, что русскія войска въ позорномъ плѣненіи у Европы передъ воротами Константинополя. Вотъ чувство, съ которымъ я выѣхалъ изъ Константинополя.

Не легче были чувства, которыя я началъ испытывать, вступивъ на русскую почву. Какою то тоскою, горечью и грустью повѣяло кругомъ, и вспоминая недавнее прошлое, я испытывалъ впечатлѣніе вродѣ того, которое заволакиваетъ душу на свѣжемъ пепелищѣ послѣ пожара, гдѣ обгорѣлые, безмолвные останки напоминаютъ то время, когда все было здѣсь полно жизни, веселья и свѣтлыхъ призраковъ будущаго...

Въ Петербургѣ я нашелъ первыя проявленія весны въ природѣ, но въ людской атмосферѣ дышалось такъ же тяжело и грустно, какъ осенью, и куда ни пойдешь, съ кѣмъ ни заговоришь, вездѣ болѣзненно звучала нота разочарованія, нота глухого протеста противъ судьбы, сдѣлавшей изъ героическихъ подвиговъ русскаго войска, и изъ тысячей труповъ русскихъ воиновъ — подножіе и ореолъ для новаго торжества Бисмарка, Берлина, Германіи.

XXXII.

(1878 годъ).

Дипломатическій походъ противъ Россіи.—Невыгодное положеніе Россіи.—Заслуги графа П. А. Шувалова.

Со дня подписанія санъ-стефанскаго договора началась въ Европѣ дипломатическая война противъ Россіи, гдѣ, какъ и слѣдовало ожидать, главными дѣйствующими силами были кабинеты вѣнскій, съ Андраши во главѣ, и кабинетъ великобританскій, съ Биконсфильдомъ и лордомъ Салисбери, весьма недружелюбно относившимися къ факту русскаго военнаго торжества.

Условія, при которыхъ начался этотъ дипломатическій походъ противъ Россіи, были для нея самыя неблагопріятныя. Прежде всего, какъ я о томъ писалъ выше, главная причина фальшиваго положенія, въ которомъ очутилась Россія передъ Европою, заключалась въ самомъ санъ-стефанскомъ договорѣ, гдѣ лживая готовность турецкихъ уполномоченныхъ идти навстрѣчу наивному замыслу генералъ-адъютанта Игнатьева создать изъ $^3/_4$ Балканскаго полуострова какую то единую Болгарію къ тому именно и была направлена, чтобы на другой же день вызвать въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ категорическій протестъ, основанный на совершенно естественномъ предположеніи, что эта громадная Болгарія будетъ не чѣмъ

инымъ, какъ русскою областью... И въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ не могли, разумѣется, никакъ думать, что Россія собиралась свое великодушіе довести до такихъ гигантскихъ размѣровъ, чтобы сто тысячъ русскихъ жизней и два милліарда денегъ посвятить на то, чтобы создать противъ себя анархическую республику подъ именемъ болгарскаго княжества, всѣ думали, что Россія de facto сдѣлаетъ изъ Болгаріи свое покорное и ею управляемое княжество, и потому, очень естественно, прежде всего требовали, чтобы эта освобожденная Болгарія была размѣрами какъ можно менѣе. Турки въ Санъ-Стефано отлично это предвидѣли, но не предвидѣлъ этого одинъ лишь нашъ уполномоченный генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. И вотъ, какъ протестъ противъ Болгаріи, раздутой Игнатьевымъ въ область больше самой Европейской Турціи, — началась, какъ я сказалъ, дипломатическая война Европы противъ Россіи.

Вторымъ невыгоднымъ условіемъ для Россіи было согласіе, послѣдовавшее на требованіе Англіи—не входить въ Константинополь и не занимать Галлиполи. На мѣстѣ было ясно, что если бы до начала переговоровъ о мирѣ Россія потребовала бы, какъ залога, предоставленія ей турецкаго флота, входа въ Константинополь и занятія Галлиполи, и все это было бы совершено быстро, то Англія лишена была бы возможности войти въ Дарданеллы иначе, какъ съ объявленіемъ намъ войны и съ рискомъ потерять три четверти своей эскадры, при попыткѣ прорвать Дарданеллы... Какъ говорилъ тогда германскій посолъ—великій принципъ du fait accompli получилъ бы свое торжественное и несокрушимое для Россіи примѣненіе. Но мы сдѣлали совсѣмъ наоборотъ: мы дали англійскому флоту подойти къ Дарданелламъ, мы не за-

вяли ни Константинополя, ни Галлиполи, отказались съ перваго же слова отъ взятія турецкаго флота и... начали опереточные переговоры о созданіи чудовищно-великой Болгаріи. Такимъ образомъ, обманывая самихъ себя,—мы начали переговоры о мирѣ, и эти переговоры привели къ такому тексту договора, который насъ обязательно ставилъ прямо подъ угрозу войны съ Австріею и Англіею одновременно. Третье существенно невыгодное для насъ условіе было тогдашнее состояніе нашего канцлера иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова: его преклонныя лѣта лишали его въ это время двухъ главныхъ нужнѣйшихъ качествъ: прозорливости и энергіи, они же дѣлали его слабымъ и апатичнымъ—съ одной стороны, а съ другой стороны—рождали въ немъ какую то лихорадочную жажду власти и какое то слѣпое упрямство... Въ этомъ печальномъ состояніи онъ былъ уступчивъ во всемъ, что касалось тѣхъ нашихъ интересовъ, гдѣ неуступчивость могла угрожать международными осложненіями, и былъ неуступчивъ лишь въ отстаиваніи всякихъ прерогативъ своего поста, къ которому прицѣплялся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе слабѣло его когда то даровитое самообладаніе.

Вотъ почему послѣдній остатокъ своихъ силъ онъ положилъ на то, чтобы всѣми силами поддержать приписывавшійся тогда графу Шувалову, нашему лондонскому послу, совѣтъ не входить въ Константинополь; вотъ почему онъ подалъ голосъ противъ занятія Галлиполи, и вотъ почему, едва былъ подписанъ санъ-стефанскій договоръ, и завопили въ Вѣнѣ и Лондонѣ противъ него, — князь Горчаковъ, смущенный этими шумными протестами, поспѣшилъ съ каждымъ кабинетомъ отдѣльно вступить въ переговоры, и, начавши оные, такъ же поспѣшно предложилъ отдать санъ-стефанскій договоръ на судъ

европейскаго конгресса, изъявляя впередъ свою готовность подчиниться его приговору...

Все это наносило ударъ за ударомъ нашему Главнокомандующему у стѣнъ Константинополя, такъ, что убитый нравственно, больной физически, послѣ ряда нанесенныхъ русскимъ интересамъ и его самолюбію пораженій во всѣхъ случаяхъ, когда на его прямыя рѣшительныя предложенія слѣдовало неумолимое veto изъ Петербурга, онъ долженъ былъ просить объ увольненіи его отъ должности и вернуться въ Петербургъ, уступивъ свою власть генералу Тотлебену, и фельдмаршальскій жезлъ, данный ему въ утѣшеніе и награду и кавказскому Главнокомандующему, являлся, увы, эмблемою его слабости передъ всемогущимъ перомъ дипломатіи.

Какъ бы то ни было, но переговоры съ вѣнскимъ и лондонскимъ кабинетами тянулись дни, тянулись недѣли, тянулись мѣсяцы, и ни къ какому исходу не приводили, а войска наши продолжали находиться въ тоскѣ и таять отъ болѣзней у Константинополя. Россія продолжала вооружаться и раззоряться... Положеніе становилось все тяжелѣе и острѣе...

Въ эту то трудную для Россіи минуту сыгралъ видную историческую роль и оказалъ Россіи большую услугу нашъ лондонскій посолъ графъ Шуваловъ, и если, какъ тогда говорили, на него легла тяжелая отвѣтственность за совѣтъ, данный не брать Константинополя и не занимать Галлиполи, то три мѣсяца спустя своею энергичною и умною инціативою онъ искупилъ свою вину недавняго прошлаго. Графъ Шуваловъ былъ тогда единственнымъ крупнымъ по уму русскимъ дипломатомъ въ Европѣ. Отъ этого крупнаго и тонко-прозорливаго ума не могли укрыться всѣ тѣ огромныя по вреду своему для Россіи

послѣдствія, которыя угрожали ей отъ образа дѣйствій нашей дипломатіи, не только ведшей отдѣльно переговоры съ Австріей и Лондономъ, безъ успѣха и безъ всякаго шанса на успѣхъ, но готовой въ этомъ начальномъ и неподготовленномъ видѣ отдать все дѣло на судъ европейскаго конгресса, и рѣшился принять на себя инициативу, чтобы найти выходъ для Россіи, сколь возможно, менѣе тягостный изъ создавшагося положенія, безусловно безвыходнаго.

Графъ Шуваловъ понялъ двѣ вещи: 1) что одновременные переговоры съ Австріею и Англіею ведутъ только къ ухудшенію положенія Россіи, ибо даютъ Австріи силу проявлять смѣлость, которая происходила отъ сознаванія себя какъ бы въ союзѣ съ Англіею, и въ возможности въ случаѣ войны съ Россіею разсчитывать на этотъ союзъ, и что, слѣдовательно, надо было, прежде всего, порвать солидарность между Австріею и Англіею, и 2) что идти въ томъ положеніи, какъ того хочетъ князь Горчаковъ, на судъ европейскаго конгресса—не только ни въ чемъ не прійдя къ соглашенію или къ какому-либо компромиссу, но прямо подъ вліяніе на конгрессѣ—Англіи, соединившейся съ Австріею, значило бы впередъ согласиться на отданіе чести и интересовъ Россіи въ полное распоряженіе анти-русской лигѣ на конгрессѣ, и понявъ эти двѣ вещи, онъ началъ дѣйствовать скоро, рѣшительно и умно.

Его планъ былъ простъ: Австрію оставить въ сторонѣ, прекративъ съ нею всякіе переговоры, и вести переговоры только съ однимъ лондонскимъ кабинетомъ, чтобы затѣмъ уже заручиться отдѣльнымъ соглашеніемъ съ Германіею, и спеціально съ княземъ Бисмаркомъ. Графъ Шуваловъ, съ согласія Государя, сдѣлалъ лорду Биконс-

фильду предложеніе секретныхъ переговоровъ, и получилъ согласіе подъ условіемъ веденія дѣла въ тайнѣ отъ всей Европы. Тайна эта была такъ строго соблюдена, что не только переговоры графа Шувалова съ лордомъ Салисбери велись съ глазу на глазъ, но рѣшено было ничего не писать, а вести все дѣло на словахъ. Разумѣется, все вниманіе лондонскаго кабинета сосредоточилось надъ Игнатьевскою Болгаріею. Лордъ Салисбери потребовалъ ея раздѣленія на двѣ части, съ тѣмъ, чтобы южная оставалась турецкою провинціею, подъ властью христіанскаго генералъ-губернатора, а сѣверная за Балканами образовала сепаратное княжество. Графъ Шуваловъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, какъ мало значенія можно было придавать Игнатьевской Болгаріи, и полною сговорчивостью на этомъ пунктѣ купилъ неотъемлемость пунктовъ пріобрѣтенія, прямо касавшихся Россіи, дунайскихъ устьевъ, и въ Азіи Батума. Самъ Государь, когда ему было доложено о требованіи Англіи насчетъ разъединенія Игнатьевской Болгаріи, сказалъ: вотъ уже мнѣ все равно, пусть ее дѣлятъ, на сколько угодно частей.

Такимъ образомъ, окончивъ въ нѣсколько дней переговоры съ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ, графъ Шуваловъ заручился согласіемъ Биконсфильда на сообщеніе результатовъ переговоровъ въ Берлинѣ Бисмарку, и проѣздомъ въ Петербургъ остановился въ Берлинѣ; князь Бисмаркъ изумился быстротѣ и содержанію переговоровъ, и сказалъ: ну, если вы главнаго достигли, соглашенія съ Англіею, то остальное пустяки; Германія присоединяется къ вашему соглашенію, значитъ, Австрія одна воевать не рѣшится. Въ Петербургѣ результатъ переговоровъ былъ принятъ Государемъ одобрительно, и такимъ образомъ главная цѣль графа Шувалова была достигнута; Австрія

была отброшена отъ Англіи, а на конгрессѣ Россія могла уже предстать не для выслушиванія условій, имѣющихъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ, ей неизвѣстныхъ, а для объявленія своихъ условій—послѣ опредѣленныхъ на то соглашеній съ Англіею и Германіею, на которыя остальнымъ державамъ оставалось только отвѣтить согласіемъ. Итакъ, заслуга передъ Россіею графа Шувалова заключалась въ томъ, что онъ спасъ отъ ожидавшей ее позорной роли подсудимой передъ Европой, являющейся выслушивать неизвѣстныя рѣшенія европейскихъ державъ.

XXXIII.

(1878 годъ).

Внутренніе безпорядки въ Россіи.—Усиленіе революціонной пропаганды.—Краткій очеркъ этой пропаганды.—Приговоръ 193.—Актъ помилованія.—Послѣдствія.—Дѣло Засуличъ.—Убійство шефа-жандармовъ.—Мѣры правительства.—Два назначенія.

По возвращеніи въ Петербургъ изъ Санъ-Стефано, къ веснѣ 1878 года, пришлось переживать новаго рода тяжелыя впечатлѣнія отъ всего того, что слышалъ и узнавалъ о проявленіяхъ анархистской пропаганды.

Пропаганда эта принимала все большіе размѣры, и распространяла свои корни все глубже въ жизнь по многимъ причинамъ.

Главнѣйшая причина была на виду у всѣхъ: она заключалась въ неумѣлости правительственныхъ органовъ ей энергично противодѣйствовать, и съ нею умно бороться.

Къ числу же причинъ, способствовавшихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ распространенію анархизма, безъ сомнѣнія, должно было относить то глубоко деморализованное и разочарованное состояніе умовъ, про которое я говорилъ, и которое овладѣло всѣми слоями общества съ самаго конца военнаго періода 1877 и 1878 года. Благодаря этому нравственному настроенію—все, что въ низшихъ слояхъ общества предпринималось съ цѣлью всту-

пить въ борьбу съ правительственными учрежденіями, во имя соціализма и коммунизма,—встрѣчало только слабое противодѣйствіе не только въ высшихъ слояхъ общества, но даже въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, и вотъ это-то деморализованное и малодушное отношеніе разнообразныхъ представителей власти къ своему долгу и было однимъ изъ благопріятныхъ условій для пропаганды анархизма, ибо она нигдѣ не встрѣчала нужнаго энергичнаго отпора.

Въ этомъ смыслѣ исходъ войны, съ его неудовлетворенными стремленіями и чувствами, имѣлъ роковое значеніе въ исторіи русской внутренней государственной жизни за послѣдніе годы царствованія Александра II. И если въ началѣ войны, вслѣдствіе извѣстнаго подъема духа, многіе вѣрили въ ослабленіе анархической пропаганды, то, увы, тѣмъ сильнѣе уныніе и деморализація въ концѣ войны и въ эпоху дипломатическаго дѣйствія— привели къ ужасной реакціи въ 1878 году, выражавшейся не только въ общемъ упадкѣ духа, но и въ состояніи какого-то всеобщаго глухого недовольства и недомоганія...

Это угнетенное состояніе у общества было потому роковымъ, что оно дало силу анархическому движенію въ Россіи перейти изъ хроническаго состоянія въ острое, и при этомъ воспользоваться для своего успѣшнаго развитія всѣми благопріятными для него условіями. Не будь этого печальнаго исхода войны, анархическое движеніе у насъ оставалось бы попрежнему хроническимъ недугомъ въ умственной жизни Россіи и не нашло бы почвы для себя, чтобы перейти въ состояніе острое и къ дерзкому походу противъ государственнаго порядка.

Неумѣлость правительственной политики отпора крамолѣ обнаружилась съ уходомъ гр. Шувалова съ поста

шефа жандармовъ. Нельзя сказать, чтобы при гр. Шувалове крамола бездѣйствовала и признавала себя побѣжденною, но она не смѣла переступать извѣстныхъ предѣловъ своей тайной области, и тотъ фактъ, что во время начальствованія III отдѣленіемъ графа Шувалова не было ни одного покушенія, ни одного дерзкаго открытаго проявленія крамолы, доказываетъ, что государственная полиція въ борьбѣ съ крамолою находилась въ умныхъ и мощныхъ рукахъ.

Этой умѣлости не стало послѣ ухода гр. Шувалова, и въ рукахъ такого шефа жандармовъ, какъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, III отдѣленіе превратилось въ какое-то средоточіе множества мелочей, сплетень и интригановъ, благодаря которымъ всѣ кружки крамолы могли дружно объединиться, почувствовать себя сильнѣе и переходить къ той системѣ террора, которая въ 1878 году явилась уже въ полномъ своемъ разгарѣ.

Еще въ 1874 году въ Саратовѣ обнаруженъ былъ громадный заговоръ главнѣйшихъ кружковъ партій соціалистовъ и анархистовъ, и около тысячи человѣкъ было привлечено къ судебной отвѣтственности. Дѣятельныя усилія полиціи привели къ дальнѣйшимъ открытіямъ, но затѣмъ вплоть до 1877 года—наступила эпоха новаго послабленія полицейскаго надзора, и присмирѣвшіе было кружки крамолы стали размножаться и ободряться, чему, между прочимъ, не мало способствовала странная система административныхъ высылокъ въ разныя мѣста Россіи подъ надзоръ полиціи лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ соціалистической пропагандѣ, но не уличенныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ,—система, которая имѣла своимъ практическимъ послѣдствіемъ зажиганіе революціонерной пропаганды въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, куда

ссылались поднадзорные соціалисты для жительства. Умственная болѣзнь Потапова покончила его политическую жизнь; на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Мезенцевъ, человѣкъ честный, умный, но скорѣе мягкій, чѣмъ строгій, при которомъ крамола продолжала усиливаться, и его самого сдѣлала жертвою этого усиленія въ этомъ роковомъ 1878 году...

Дѣйствительно, этотъ годъ былъ роковымъ въ исторіи Россіи и царствованія Александра II...

Онъ начался знаменитымъ объявленіемъ приговора сената 193 обвиняемымъ, въ январѣ.

Приговоръ этотъ имѣлъ растлѣвающее дѣйствіе, и послужилъ лозунгомъ, такъ сказать, для перехода, какъ я сказалъ, анархическаго движенія умовъ изъ хроническаго въ острое. Онъ послужилъ доказательствомъ, съ одной стороны, слабости уголовнаго правосудія, а съ другой стороны—зловѣщимъ признакомъ той террористической силы, которую имѣла тогда крамола.

Сущность помянутаго приговора надъ 193 обвиняемыми и уличенными анархистами заключалась въ томъ, что сенатъ не посмѣлъ обвинять такое значительное число лицъ въ государственныхъ преступленіяхъ, и для большей части изъ нихъ нашелъ предлоги, принявъ во вниманіе ихъ долгое заключеніе во время слѣдствія, длившееся три года, зачислить въ наказаніе арестное время и, затѣмъ, ихъ освободить.

Насколько эти освобожденные, съ одной стороны, не заслуживали этого проявленія къ нимъ милосердія верховнаго судилища, а съ другой стороны—насколько они оцѣнили этотъ актъ милосердія, доказалъ рядъ послѣдовавшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ почти всѣ они, по освобожденіи отъ суда, вернулись къ анархическимъ сво-

имъ кружкамъ, и создали изъ себя ту среду, изъ которой потомъ выходили всѣ политическіе преступники до 1 марта включительно.

Въ этомъ смыслѣ печальный актъ помилованія большинства 193 преступниковъ, совершенный сенатомъ въ январѣ 1878 года, получилъ роковое значеніе одной изъ главныхъ причинъ ужаснаго злодѣянія 1 марта. Не будь этого фальшиваго акта милосердія, вызваннаго не чѣмъ инымъ, какъ малодушіемъ и вліяніемъ на судей террористическаго либерализма, всѣ будущіе крамольники находились бы не на свободѣ, а на каторгѣ, и никогда не хватило бы ни матеріальной, ни нравственной силы вести эту упорную войну съ государственнымъ порядкомъ и этотъ рядъ покушеній съ 1878 года по 1881 г.

Главную роль въ слѣдствіи надъ саратовскими анархистами-обвиняемыми игралъ тогда одинъ изъ умнѣйшихъ и лучшихъ представителей прокуратуры въ Россіи, прокуроръ палаты, С. С. Жихаревъ, явившійся въ этомъ дѣлѣ настоящимъ Баярдомъ безъ страха и безъ упрека.

Но Баярды тогда были не по вкусу, и если я упоминаю объ этомъ фактѣ, и называю это имя, то потому, что съ судьбою этого замѣчательнаго дѣятеля, которымъ должно было гордиться судебное вѣдомство, связано одно изъ характерныхъ знаменій того печальнаго времени. Кто могъ подумать, что этотъ свѣтлый и мѣткій умъ, эта желѣзная воля, эта строгая спартанская честность и это геройское безстрашіе слуги Государя, отданные всецѣло на исполненіе долга во всей его полнотѣ,—были причиною его немилости и сломали ему шею, только потому, что въ высшихъ тогда сферахъ, несшихъ отвѣтственность за жизнь Государя, нашли, что Жихаревъ слишкомъ строго и слишкомъ серьезно относился къ своему дѣлу, и что

изъ 1,000 заподозрѣнныхъ привлекать 193 обвиняемыхъ было уже черезчуръ. Это «черезчуръ» было вмѣнено въ вину Жихареву, и уже ранѣе, чѣмъ сенатъ своимъ приговоромъ даровалъ свободу доброй сотнѣ отчаянныхъ анархистовъ, Жихаревъ долженъ былъ, какъ опальный, искать убѣжища въ уединеніи деревни...

Съ грустью и отвращеніемъ приходится припоминать эти печальные и позорные дни малодушія и трусости Царевыхъ слугъ, готовившихъ новыя катастрофы для Россіи и для Царя, хотя и теперь даже, послѣ стольнихъ лѣтъ, съ трудомъ вѣрится, что такой фактъ, какъ освобожденіе уличенныхъ въ анархизмѣ преступниковъ и одновременно опала надъ геніальнымъ ихъ обличителемъ, былъ возможенъ въ благоустроенномъ государствѣ...

Какъ бы то ни было, но фактъ свершился...

Но событія заговорили громче испуганныхъ и смущенныхъ слабостью, трусостью и малодушіемъ правительственныхъ слугъ людей, и первая заговорила съ пистолетомъ въ рукахъ Вѣра Засуличъ.

Какъ я сказалъ, непосредственнымъ результатомъ сенатскаго приговора надъ политическими преступниками, проникнутаго скорѣе малодушіемъ, чѣмъ основательною снисходительностью, было покушеніе съ револьверомъ въ рукахъ Вѣры Засуличъ на жизнь петербургскаго градоначальника, генералъ-адъютанта Трепова.

Покушеніе это совершилось чуть ли не на слѣдующій день послѣ объявленія сенатскаго приговора. Оно замѣчательно было не только по дерзости исполненія, но по дерзости мотивовъ, побудившихъ эту женщину совершить свое преступленіе не только безбоязненно, но даже съ фанатическимъ сознаніемъ исполняемой ею миссіи, свидѣтельствовавшимъ явно о томъ, каково было тогдашнее

настроеніе политическихъ преступниковъ, и какова ихъ была коллективная сила. Вѣра Засуличъ, въ опасной связи съ тогдашними кружками крамолы, явилась исполнительницею какого-то приговора правосудія надъ петербургскимъ градоначальникомъ за то, что онъ, при посѣщеніи дома заключенныхъ, какъ тогда говорили, велѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію одного арестанта, позволившаго себѣ дерзкое съ нимъ обращеніе! Рана, произведенная выстрѣломъ почти въ упоръ, была тяжелая; пуля засѣла въ нижнюю часть брюшной полости. Государь въ тотъ же день посѣтилъ своего вѣрнаго слугу, но, къ сожалѣнію, малодушные совѣтники поспѣшили дать Государю роковой совѣтъ: согласиться на уходъ съ должности градоначальника генерала Трепова, а это-то имѣло вліяніе на усиленіе крамолы несравненно сильнѣйшее, чѣмъ самое преступленіе Вѣры Засуличъ: для всѣхъ фактъ увольненія генерала Трепова признанъ былъ равносильнымъ новому признаку не только торжествующей силы крамолы, но правительственнаго передъ нею страха. Во всякомъ случаѣ, выстрѣлъ Засуличъ послужилъ началомъ для ряда политическихъ преступленій, уже не прерывавшихся до самаго 1881 года.

Въ Одессѣ, почти вслѣдъ за покушеніемъ Засуличъ, полиція встрѣтила на одномъ обыскѣ цѣлое вооруженное противодѣйствіе шайки анархистовъ, и должна была прибѣгнуть къ помощи войска. Въ Ростовѣ-на-Дону одинъ заподозрѣнный крамольниками въ доносѣ на нихъ чернорабочій присуждается приговоромъ суда анархистовъ къ смертной казни, и онъ убивается среди бѣлаго дня, не найдя защиты въ мѣстной полиціи для своей судьбы. Впрочемъ, можно ли было тогда ожидать защиты какому нибудь чернорабочему, когда само правительство такъ

мало думало о своей защитѣ, въ лицѣ ея органовъ полиціи. Съ одной стороны, побѣги политическихъ арестантовъ изъ мѣстъ заключенія не только въ Россіи, но и въ Сибири стали нормальнымъ явленіемъ; съ другой стороны, начался рядъ дерзкихъ преступленій въ лагерѣ анархистовъ, который прямо доказывалъ ихъ твердое намѣреніе усиливать терроръ смертными казнями уже не надъ беззащитными рабочими-доносчиками, а надъ главными дѣятелями полиціи. Въ февралѣ начинаются политическія волненія въ Кіевѣ, въ которыхъ принимали даже участіе нѣсколько кружковъ мѣстныхъ студентомъ университета. Дерзость злоумышленниковъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что они расклеиваютъ по городу объявленія своихъ смертныхъ приговоровъ и вступаютъ въ драку съ мѣстною полиціею, препятствовавшею этой расклейкѣ. Въ числѣ смертныхъ приговоровъ обнародывается присужденіе къ смерти представителя прокуратуры Котляревскаго, и жандармскаго офицера барона Гейкинга, дѣятельно ведшаго борьбу съ политическими преступниками. Въ Котляревскаго стрѣляли, но неудачно; а въ маѣ отъ кинжала падаетъ убитымъ баронъ Гейкингъ.

Въ мартѣ оправдательный приговоръ надъ Вѣрою Засуличъ является событіемъ, открывающимъ не только силу крамолы, но даже извѣстное право на поддержку со стороны общества, и этимъ то и объясняется та новая сила дерзости, съ которою кіевскіе анархисты дѣйствовали въ Кіевѣ.

Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарическомъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной Имперіи такое страшное глумленіе надъ Государевыми высшими слугами, и столь

наглое торжество крамолы; но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи всѣ молчали, и никто не смѣлъ громко протестовать... Такъ, промежъ себя, нѣкоторые русскіе люди говорили, что если бы, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, Государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда, и весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы, и проявилъ бы эту строгость немедленно и всенародно, то весьма вѣроятно развитіе крамолы было бы сразу пріостановлено.

Но все, что происходило по дѣлу Засуличъ, къ сожалѣнію, носило характеръ рокового малодушія и слабости передъ крамолою. Такъ, дали на улицахъ разжечь цѣлую громадную демонстрацію въ честь оправданія Засуличъ, вызвавшую открытый бой толпы съ полиціею, и рядомъ съ тѣмъ ходили по городу разсказы о томъ, что не только вся зала суда рукоплескала Засуличъ въ минуту ея оправданія, но что даже присутствовавшіе въ залѣ высшіе сановники Государя явились во главѣ этихъ рукоплескателей... Потомъ стали отрицать этотъ фактъ, но, очевидно, дѣло было не въ томъ, апплодировали ли сановники или не апплодировали Вѣрѣ Засуличъ, а въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, среда высшей интеллигенціи въ Петербургѣ была въ то время такъ настроена, что за правительство и за Государя никто не смѣлъ высказываться, а сочувствіе къ крамолѣ и къ крамольникамъ, по трусости однихъ и по убѣжденію въ другихъ, высказывалось громко, и никого не ставила къ суду совѣсть передъ вопросомъ: не есть ли это малодушіе въ ту минуту подлость, и не граничитъ ли оно съ умышленною измѣною?

Насколько почва была въ правительственныхъ сфе-

рахъ шатка подъ ногами, насколько извращены были представленія о долгѣ—съ одной стороны, и объ опасности, угрожавшей правительственнымъ интересамъ,—съ другой, послужили нагляднымъ доказательствомъ тѣ мѣропріятія, которыя въ эту минуту были приняты правительствомъ для борьбы съ возраставшею крамолою.

Несомнѣнный фактъ быстраго рѣшительнаго усиленія крамолы ясно указывалъ на двѣ вещи: во-первыхъ, на необходимость и, притомъ, безотлагательную необходимость приступить къ ряду самыхъ строгихъ мѣръ пресѣченія зла наказанія злоумышленниковъ, дабы строгость наказанія и предупрежденія преступленій явилась сильнѣе преступнаго терроризма, и свидѣтельствовала объ энергіи правительства, и во-вторыхъ, указывала на ту безусловную истину, что усиленіе крамолы явилось послѣдствіемъ слабости всѣхъ предшествовавшихъ правительственныхъ мѣропріятій.

Но, къ сожалѣнію, въ этомъ странномъ состояніи деморализаціи и оцѣпенѣнія эти двѣ вещи были упущены изъ виду и оставлены безъ вниманія въ правительственныхъ сферахъ настолько, что когда Государь поручилъ министрамъ разработать программу противодѣйствія крамолѣ, то безъ преувеличенія можно сказать, что они предпочли заняться своего рода схоластикою въ этомъ роковомъ вопросѣ, и ограничились разработкою новыхъ правилъ о ссылкѣ и о заключеніи политическихъ преступниковъ, находя въ своемъ ослѣпленіи, что измѣненіе въ чемъ либо, хотя бы въ болѣе строгомъ смыслѣ инструкцій полиціи о поднадзорныхъ и ссыльныхъ, и инструкціи смотрителямъ тюремъ скорѣе могли бы въ это время подѣйствовать устрашающимъ образомъ на группы лицъ, успѣхомъ своихъ преступленій доведенныхъ до признанія

себя въ силѣ самому высшему правительству бросить перчатку для вызова его на смертный поединокъ.

Такой же характеръ обличенія своей слабости имѣло послѣдовавшее подъ вліяніемъ оправданія Засуличъ измѣненіе въ порядкѣ производства судебныхъ политическихъ дѣлъ. На основаніи новыхъ законовъ извѣстныя политическія дѣла перешли въ вѣдѣніе судебной палаты съ сословными представителями, другія въ вѣдѣніе особыхъ верховныхъ комиссій, съ отнятіемъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ преступленій, заключающихся въ покушеніяхъ на жизнь должностныхъ лицъ.

Всѣ поняли, когда эти новые законы были изданы, что правительство, недовѣряя вѣрноподданнической преданности не только общества, поставляющаго присяжнаго засѣдателя, но и самого судебнаго вѣдомства, поставлено въ необходимость, для самообороны, всѣ политическія преступленія отдавать на судъ особенныхъ, не причастныхъ къ судебному вѣдомству лицъ; а разъ всѣ это поняли, то естественное представленіе о слабости и о растерянности правительства должно было усилиться, а вслѣдствіе этого дерзость преступниковъ должна была постоянно и пропорціонально увеличиваться. Были тогда голоса, имѣвшіе дерзость находить, что совсѣмъ противоположнаго результата достигло бы правительство въ томъ случаѣ, если оно просто предупредило судебное вѣдомство, что оно отвѣтственно за оправдательные приговоры надъ политическими преступниками, и энергично принялось осуществлять эти предостереженія на дѣлѣ. Но громко совѣтовать правительству предпочесть энергичныя и строгія мѣры не только противъ преступниковъ, но и противъ недобросовѣстныхъ чиновниковъ никто не смѣлъ.

Какъ бы то ни было, но результаты новыхъ проявленій правительственной слабости не заставили себя долго ждать.

Въ августѣ уже не жандармскіе офицеры и не чернорабочіе падаютъ жертвами анархическихъ казней. Утромъ, во время прогулки, совершается покушеніе на жизнь самого шефа жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, и черезъ нѣсколько часовъ онъ умираетъ.

Убійство шефа-жандармовъ, генералъ-адъютанта Мезенцева, совершенное съ такою дерзостью и, притомъ, съ исчезновеніемъ даже слѣда убійцъ, повергло въ новый ужасъ правительственныя сферы, обнаруживъ съ большею еще ясностью, съ одной стороны, силу ассоціаціи крамолы и слабость противодѣйствія со стороны правительства...

Для всѣхъ было очевидно, что если шефъ-жандармовъ могъ быть убитъ въ центрѣ города во время прогулки, то, значитъ, ни онъ, ни подвѣдомственная ему тайная полиція ничего не знали объ замыслахъ подпольныхъ преступниковъ, а если послѣ совершенія преступленія злодѣи могли такъ легко укрыться, то, значитъ, въ самой петербургской полиціи ничего не было подготовлено къ борьбѣ съ преступными замыслами крамольниковъ...

И дѣйствительно, мы всѣ слышали ежедневно о появлявшихся повсюду печатныхъ прокламаціяхъ тайнаго революціоннаго комитета, несомнѣнно, дѣйствовавшаго въ самомъ Петербургѣ, объ его угрозахъ, объ его приговорахъ, но о мѣрахъ строгости противъ нихъ и объ какихъ-либо дѣятельныхъ розыскахъ полиціи мы, увы, ничего не слыхали.

Послѣднее преступленіе, однако, вызвало въ прави-

тельствѣ рѣшимость къ болѣе энергичному образу дѣйствій. Эти мѣры явились какъ бы отвѣтомъ на распространившійся по Петербургу манифестъ революціоннаго комитета, въ которомъ онъ объявлялъ правительству свое намѣреніе пріостановить свою террористическую дѣятельность, но подъ условіемъ, чтобы правительство, съ своей стороны, объявило амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, находящимся въ его власти, и прекратило всякіе политическіе розыски и аресты.

Мѣры, принятыя правительствомъ въ августѣ 1878 года, заключались въ слѣдующемъ: во-первыхъ, изданы были новыя правила для производства дознанія по политическимъ преступленіямъ, на основаніи которыхъ права арестованія распространены были на всякаго жандармскаго офицера и на всякаго чина полицейскаго управленія; во-вторыхъ, изданъ былъ указъ сената, на основаніи котораго всѣ политическіе обвиняемые предавались военному суду, и, въ третьихъ, издано было въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, имѣвшее характеръ воззванія къ обществу, съ цѣлью вызвать въ немъ нравственное, такъ сказать, содѣйствіе правительству для борьбы съ разроставшеюся крамолою, причемъ конецъ этого воззванія былъ обращенъ непосредственно къ учащейся молодежи, которая призывалась къ повиновенію, къ порядку и къ недовѣрію проповѣдямъ подстрекателей къ безпорядкамъ и къ неповиновенію.

Къ сожалѣнію, надо, припоминая то время, свидѣтельствовать, что всѣ эти мѣры, даже имѣвшія видъ строгости, какъ преданіе военному суду всѣхъ политическихъ обвиняемыхъ, являлись, во-первыхъ, запоздавшими, а во-вторыхъ, слабыми по своему дѣйствительному значенію, вслѣдствіе того, что, съ одной стороны, общество,

на которое правительство возлагало надежды на содѣйствіе, было въ то время настолько глубоко даморализовано и отравлено революціоннымъ либерализмомъ, что не могло отвѣтить правительству на его призывъ не чѣмъ инымъ, какъ равнодушіемъ, а съ другой стороны, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ политика главныхъ лицъ была настолько апатична и вяла, что даже мѣрамъ строгости, принимавшимся по волѣ Государя, суждено было оставаться мертвою буквою, не говоря уже о томъ, что между министрами, какъ скоро сіе обнаружилось, не было ни общаго плана дѣйствія, ни даже единомыслія. Характеръ и настроеніе тогдашняго общества слишкомъ, увы, краснорѣчиво выразилъ печальный и роковой эпизодъ оправданія Вѣры Засуличъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что насъ, страшно возмущенныхъ этимъ ужаснымъ актомъ нарушенія правосудія, было въ то время въ Петербургѣ весьма немного; мы составляли значительное меньшинство, причемъ, надо сказать, что въ высшей сановной іерархіи, до сената и государственнаго совѣта включительно, оправдательный приговоръ, почтившій Вѣру Засуличъ, былъ принятъ одними съ громкимъ восторгомъ, другими съ тихимъ одобреніемъ, но почти всѣ сочувственно, и я помню, какъ лица, которыя потомъ при Александрѣ III говорили объ этомъ оправданіи съ громкимъ негодованіемъ, совсѣмъ забывая, что въ 1878 году они самымъ малодушнымъ образомъ пріобщились къ тѣмъ сановникамъ, которые, услыхавъ объ оправданіи Засуличъ, въ семьяхъ своихъ и въ клубахъ дерзали кричать «ура» и поднимать бокалы *за торжество правосудія*.

Легко понять, что не чѣмъ инымъ могло отозваться правительственное воззваніе къ такому обществу, какъ

политическимъ равнодушіемъ. Погруженное въ развратное оцѣпенѣніе, это общество имѣло роковую глупость думать, что удары, наносимые русскому правительству въ лицѣ его главныхъ представителей власти, касались только правительства, не касаясь общества, не касаясь аккуратно получавшихъ 20-го числа жалованье сановниковъ.

При такомъ общественномъ настроеніи мягкія увѣщевательныя слова, обращенныя правительствомъ къ учащейся молодежи, получили для серьезныхъ и преданныхъ правительству лицъ значеніе крупной ошибки, сдѣланной правительствомъ въ такую минуту, когда молодежь, сбитая съ толку революціонною пропагандою, между прочимъ, обращавшеюся къ ней, какъ къ политическому элементу борьбы съ правительствомъ и съ порядкомъ, только и мечтала о томъ, что она не только умственная, но и политическая общественная сила. Ясно, что, обращаясь въ такой торжественной формѣ и въ политическомъ актѣ, всенародно объявленномъ къ учащейся молодежи, правительство этимъ показывало, что и оно, подобно революціонерамъ, считаетъ учащуюся молодежь какою-то дѣйствующею въ государствѣ если не силою, то стихіею, играющею роль въ политическихъ безпорядкахъ. Вся разница заключалась въ томъ, что революціонеры эту стихію призывали въ сотрудники своему дѣлу разрушенія, а правительство къ ней обращалось съ словами вразумленія, чтобы привлечь эту молодежь на свою сторону; но оба соединялись во-едино, въ признаніи, какъ я сказалъ, учащейся молодежи какою-то дѣйствующею въ государствѣ стихіею! Такова была ошибка, сдѣланная тогда правительствомъ. Слова увѣщанія должны и могли быть сказаны по адресу молодежи, но въ

классахъ учебныхъ заведеній ихъ прямыми начальниками и воспитателями, и тамъ же, какъ съ дѣтьми, должны были быть принимаемы мѣры дисциплинарнаго взысканія за дурное поведеніе, съ причисленіемъ всякихъ политическихъ проступковъ къ категоріи строго наказуемыхъ дѣтскихъ шалостей, но всенародно обращаться къ участію молодежи отъ лица правительства прямо значило съ нею считаться, какъ съ политическою фракціею общества.

Люди, строго судившіе ошибку правительства, не ошиблись. Горькій опытъ это немедленно доказалъ. Едва успѣло это воззваніе правительства къ учащейся молодежи появиться, какъ разомъ начали вспыхивать мятежи во всѣхъ почти высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Воззваніе правительства явилось какъ бы сигналомъ для общаго движенія въ университетахъ, и ясно стало, что учащаяся молодежь, именно потому, что она составляла массу дѣтей, потому и бросалась въ политическія приключенія, что почувствовала себя польщенною важнымъ значеніемъ, ей приданнымъ всенародно правительствомъ, и такъ какъ отъ семей, гдѣ кричали «ура» и пили за здоровье Засуличъ, трудно было ожидать правильнаго воздѣйствія на умы молодежи, то увлеченіе молодежи соблазнительною ролью политическихъ преступниковъ явилось и зажглось, какъ порохъ, отъ одной искры.

Въ концѣ августа Государь отправился въ Ливадію. Тамъ состоялись два важныхъ назначенія. Одно было назначеніе шефа жандармовъ, павшее на прекраснаго и честнѣйшаго человѣка, генералъ-адъютанта Дрентельна, а другое было назначеніе на мѣсто генералъ-адъютанта Тимашева министромъ внутреннихъ дѣлъ Т. С. Макова, бывшаго его товарища.

Послѣднее назначеніе было встрѣчено въ Петербургѣ съ недоумѣніемъ.

Много горя принесло въ послѣднее время Россіи — беззаботное и даже безпечное управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генерала Тимашева, который какъ будто менѣе другихъ давалъ себѣ отчета въ опасныхъ свойствахъ послѣднихъ годовъ его управленія, и не отступая отъ своего принципа: laissez faire, laissez passer, и обращаясь съ самыми серьезными вопросами легко и какъ бы шутя, онъ ничего и не подозрѣвалъ, что такая политика квіетизма явилась однимъ изъ главныхъ благопріятныхъ условій для усиленія крамолы въ Россіи.

XXXIV.

(1878—1879 годъ).

Чума въ Ветлянкѣ.—Гр. Лорисъ-Меликовъ.—Убійство князя Крапоткина.—Покушеніе Соловьева.—Новыя мѣропріятія правительства.—Характеръ ихъ.

Я назвалъ недоумѣніемъ то чувство, которое испытала Россія при назначеніи новаго министра внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ бывшаго товарища Г. А. Тимашева, Л. С. Макова. Недоумѣніе это было искренне и основательно, ибо трудно было найти меньше соотвѣтствія между тогдашнимъ свойствомъ времени, требовавшимъ на труднѣйшій тогда постъ въ Россіи государственнаго человѣка съ авторитетомъ, съ опытомъ, съ знаніемъ Россіи и съ именемъ, способнымъ обозначать энергію, и между почтеннымъ товарищемъ Тимашева, Маковымъ, котораго знали всѣ за любезнаго человѣка, за отличнаго начальника канцеляріи, за хорошаго составителя дѣловой бумаги. Самый фактъ, что указаніе такого, легко смотрѣвшаго на свое время и на свое мѣсто бывшаго министра, какъ Тимашевъ, себѣ преемника, могло быть принято во вниманіе, казался печальнымъ знаменіемъ времени. Маковъ могъ быть хорошимъ товарищемъ министра, но быть министромъ, съ значеніемъ первенствующей и важнѣйшей тогда политической роли,—онъ и во снѣ не думалъ и не могъ быть, и потому ничего не было удивительнаго.

что, со вступленіемъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ, Макова, престижъ этого поста поблекъ, и политическая роль министерства внутреннихъ дѣлъ сведена была до блѣднѣйшаго и пассивнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій...

Для довершенія печальной картины того времени слѣдуетъ припомнить ужасъ, охватившій Петербургъ, никогда не отличавшійся храбростью, и Россію, вообще, при вѣсти о появленіи на Волгѣ азіатской чумы...

Была ли эта вдругъ открывшаяся болѣзнь въ с. Ветлянкѣ, Самарской губерніи, дѣйствительно чума, или была ли она болѣзнью, похожею на чуму, вопросъ этотъ остался не разрѣшеннымъ... Но фактъ тотъ, что въ Петербургѣ въ оффиціальномъ мірѣ это зловѣщее слово—чума—было произнесено, и рѣшено было принять самыя энергическія мѣры. При этомъ слѣдуетъ сказать, что на сей разъ энергическія мѣры были приняты весьма обдуманно и цѣлесообразно, вслѣдствіе чего исходъ этого зародившагося на Волгѣ бѣдствія, грозившаго перекинуться далѣе, оказался весьма благополучнымъ. Невольно тогда приходила въ голову мысль въ видѣ вопроса: отчего правительство, столь умѣло и энергично поступившее съ чумою, не могло ту же умѣлую энергію проявить въ борьбѣ съ духовною чумою, свирѣпствовавшею тогда подъ именемъ крамолы во всей Россіи?.. Вопросъ этотъ былъ не трудный и, увы, получалъ въ тогдашней жизни, какъ окружавшей, свой роковой отвѣтъ. Мы понимали тогда, что силъ и умѣнья въ избыткѣ хватило бы у правительства для борьбы съ крамолою и для подавленія ея, но дѣло было въ томъ, что то, что сумѣло бы и могло правительство сдѣлать для пораженія крамолы въ ея корнѣ, того оно не *смѣло* дѣлать; въ этомъ заключался печальный роковой отвѣтъ.

Деморализованное общество создало въ ту пору атмосферу, въ которой сверху до низу правительственные люди думали, что надо съ *чьмъ-то* считаться въ обращеніи съ крамолою такимъ, что обязывало къ извѣстной сдержанности относительно каждаго мерзавца, шедшаго на какое угодно преступленіе, въ особенности относительно всего, будто бы, либерально настроеннаго интеллигентнаго общества. Со времени, когда министры Государя читали Герцена съ *благоговѣйною* трусливостью,—мы въ 1878 году оказались сдѣлавшими большой путь въ политическомъ своемъ прогрессѣ, или, вѣрнѣе, въ своемъ политическомъ растлѣніи. Герценъ былъ въ то время воспоминаніемъ о чемъ-то дѣтскомъ въ сравненіи съ тѣми авторами отдѣльныхъ манифестовъ, воззваній, судебныхъ приговоровъ, предостереженій, которыя разбрасывались въ столицахъ и въ провинціи, и читались не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ точно такъ же, какъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ читали Герцена съ благоговѣйною трусливостью. Малодушные Государевы слуги не смѣли черезъ-чуръ негодовать на эти проявленія дерзости крамолы, но трусливо исповѣдовали въ ней какую-то силу, какой-то авторитетъ, и вотъ почему въ людяхъ, окружавшихъ Государя, не раздавались голоса, которые посмѣли бы относительно крамолы потребовать такой же умѣлой энергіи, какъ та, которая была проявлена и оказалась столь дѣйствительною относительно ветлянской чумы.

Какъ бы то ни было, но мѣры относительно чумы были приняты безотлагательно, обдуманно и толково. Но фактъ этотъ получилъ важное историческое для Россіи значеніе, ибо въ немъ зародилась слава Лорисъ-Меликова, какъ администратора, которая потомъ такъ много при-

несла съ собою неожиданныхъ послѣдствій для бѣдной Россіи.

Явилась, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ мѣръ противъ чумы, мысль о необходимости послать на мѣсто человѣка съ неограниченными полномочіями министра-диктатора. Лорисъ-Меликовъ былъ тогда въ Петербургѣ, кто-то произнесъ его имя, кто-то его повторилъ, и этого оказалось достаточно, чтобы внушить Государю мысль поручить ветлянское дѣло Лорисъ-Меликову, и онъ былъ назначенъ.

На вопросъ: почему именно Лорисъ-Меликова?—можно было тогда отвѣтить: потому что этотъ въ высшей степени ловкій и искусный человѣкъ успѣлъ до извѣстной степени обворожить новизною своего типа. Дѣйствительно, ни до, ни послѣ въ Петербургѣ не было второго Лорисъ-Меликова, генерала съ очень умнымъ лицомъ, съ кавказскими манерами развязности и отваги, съ запасомъ сладкой рѣчи по мѣрѣ надобности и, вдобавокъ, съ престижемъ боевого генерала. Я помню, какъ однажды, утромъ, въ эту зиму, этотъ Лорисъ-Меликовъ предсталъ предъ мною въ моемъ скромномъ жилищѣ, со словами: кавказскій солдатъ явился отдать русскому князю визитъ, и какъ цѣлые полчаса онъ говорилъ, словно на сценѣ, политическіе монологи, повѣствуя съ самыми на видъ добродушными мыслями критика о событіяхъ дня. Больше, чѣмъ когда-либо, слушая его рѣчи и глядя на его бойкую и хитрую физіономію, я думалъ о томъ, о чемъ думалъ при первомъ свиданіи съ нимъ въ палаткѣ подъ Карсомъ: какой онъ былъ бы идеальный посолъ въ Константинополѣ?—но историческая судьба въ своихъ капризахъ думала иначе, и вскорѣ за этимъ я услышалъ имя Лориса произнесеннымъ по поводу ветлянской чумы. Че-

резъ нѣсколько дней я его встрѣтилъ на балу въ Дворянскомъ собраніи. Онъ уже былъ ветлянскимъ диктаторомъ, и на лицѣ, и въ манерахъ носилъ отпечатокъ новой своей миссіи, что-то серьезное, озабоченное, что-то сдержанное въ словахъ и въ игрѣ лица, и выраженіе какой-то покорности передъ павшимъ на него жребіемъ.

Онъ быстро составилъ себѣ цѣлый штабъ сподвижниковъ и, надо сказать, въ большинствѣ хорошихъ. и отправился на Волгу, гдѣ сразу вселилъ къ себѣ довѣріе своимъ спокойнымъ и твердымъ авторитетомъ, такъ что не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Петербургъ вздохнулъ свободно, узнавши, что бѣдствіе на Волгѣ побѣждено. Этотъ успѣхъ не только сразу поставилъ Лорисъ-Меликова въ первый рядъ среди государственныхъ дѣятелей, но сдѣлалъ его даже популярнымъ въ Россіи, хотя слѣдуетъ припомнить, что уже тогда въ Петербургѣ ходила очень увѣренно распространившаяся молва о томъ, что въ Ветлянкѣ никакой чумы не было, а было острое проявленіе тифа. чему способствовалъ не мало покойный профессоръ С. П. Боткинъ, захотѣвшій пошумѣть около одного петербургскаго больного, въ коемъ онъ нашелъ будто бы всѣ признаки чумного зараженія и съ которымъ нянчился, какъ съ излюбленнымъ дѣтищемъ своего пылкаго воображенія, говоря, что то былъ чумный больной и онъ выздоровѣлъ.

Невольно этотъ эпизодъ показался для всѣхъ фарсомъ, и невольно покончившаяся ветлянская чума подъ вліяніемъ этого эпизода показалась тоже легендою о чумѣ.

Это было въ началѣ 1879 года.

Увы, избавившись отъ страшной угрозы чумы, Россія не только не освободилась отъ угрозъ крамолы, но все сильнѣе подпадала подъ ужасный гнетъ ея террора и ея торжествующихъ злодѣяній.

Къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ прибавился новый театръ дѣйствій для крамолы: тюрьма. Разомъ въ нѣсколькихъ губернскихъ тюрьмахъ стали вспыхивать тюремные мятежи, обнаружившіе связь, установившуюся между подпольными главарями и руководителями революціи извнѣ—и между ихъ соумышленниками, схваченными и посаженными въ тюрьмы, и вступившими въ роль поджигателей къ бунту арестантовъ. Харьковская тюрьма явилась однимъ изъ главныхъ центровъ политическаго и упорнаго мятежа. Энергичный и прекрасный губернаторъ свиты Государя князь Крапоткинъ сталъ принимать строжайшія мѣры въ стѣнахъ тюрьмы, вслѣдствіе чего онъ получилъ отъ подпольнаго комитета свой смертный приговоръ. Въ началѣ февраля этотъ приговоръ исполняется. Россія съ ужасомъ узнаетъ, что князь Крапоткинъ убитъ. Нѣсколько дней спустя среди бѣлаго дня на Дворцовой набережной лихой наѣздникъ догоняетъ карету шефа-жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна и стрѣляетъ почти въ упоръ, но не задѣваетъ свою намѣченную жертву.

Замѣчательно, что это новое проявленіе дерзкаго умысла со стороны крамолы застало общество чуть ли не въ состояніи равнодушія. Покушеніе не удалось, говорили кругомъ, и слава Богу, а испугаться той силы организаціи, которая такъ умно и такъ безпрепятственно дѣйствовала въ своей подпольной атмосферѣ—никому не приходило въ голову.

Но не прошло мѣсяца послѣ покушенія на шефа жандармовъ, кстати сказать, не раскрытаго, какъ 2 апрѣля весь Петербургъ поневолѣ содрогнулся... Утромъ, совершая свою ежедневную прогулку и входя въ Милліонную улицу, Государь видитъ, какъ навстрѣчу ему идетъ человѣкъ

подозрительной наружности въ чиновничьей фуражкѣ, и какъ въ разстояніи отъ него нѣсколькихъ шаговъ онъ преспокойно вынимаетъ изъ-подъ пальто револьверъ и стрѣляетъ въ Государя. Государь дѣлаетъ движеніе направо, преступникъ стрѣляетъ вторично направо, Государь переходитъ на лѣвую сторону, преступникъ стрѣляетъ въ третій разъ. и въ третій разъ Богъ чудеснымъ образомъ охраняетъ Своего несчастнаго Помазанника, и только тогда полиція успѣваетъ схватить преступника, оказавшагося сельскимъ учителемъ изъ исключенныхъ изъ университета, Александромъ Соловьевымъ, дѣйствовавшимъ по порученію все того же таинственнаго революціоннаго комитета.

Опять глубокое смущеніе охватило русскихъ людей. Первая мысль, которая у всѣхъ вырывалась наружу, была изумленіе, какъ могла разставленная по всѣмъ направленіямъ полиція явная и тайная допустить, чтобы могъ первый встрѣчный идти навстрѣчу на Государя и почти въ упоръ въ него стрѣлять. Изумленіе это было духовною скорбью болѣе чѣмъ естественною надъ такимъ плохимъ устройствомъ полиціи, и всѣ поняли тогда, что не даромъ анархисты крамолы посредствомъ выстрѣла въ генералъ-адъютанта Тренова захотѣли достигнуть, чтобы во-главѣ петербургской полиціи не было такого энергичнаго и умнаго человѣка, какъ Треповъ, и чтобы вслѣдствіе этого общій характеръ дѣятельности полиціи сталъ слабѣе и растеряннѣе, чѣмъ прежде. Покушеніе Соловьева вызвало и другой вопросъ: да когда же эта крамола будетъ обезоружена и обезсилена!

Къ сожалѣнію, этого дождаться не было намъ суждено при Александрѣ Второмъ. Въ концѣ мая Соловьевъ былъ повѣшенъ, по приговору верховнаго уголовнаго

суда, но эта казнь являлась новымъ зловѣщимъ свидѣтельствомъ безсилія полиціи и администраціи въ борьбѣ съ крамолою, ибо доказала, что, не взирая на всѣ усилія, не взирая на то, что самъ Соловьевъ призналъ себя орудіемъ, слѣпымъ исполнителемъ революціоннаго комитета, слѣдствіе не напало ни на какой слѣдъ сообщниковъ, и ничего не открыло въ области подпольной организаціи крамолы.

Послѣ покушенія всѣ министры были призваны Государемъ въ его кабинетъ для обсужденія вопроса: какія мѣры предпринять для борьбы съ крамолою?

Послѣ обмѣна мыслей — единогласно было постановлено: учредить повсемѣстно должности генералъ-губернаторовъ, для нѣсколькихъ губерній по одному, начиная съ Петербурга, съ предоставленіемъ имъ обширныхъ полномочій власти и права не стѣсняться тѣми постановленіями и формальностями, которыя введены были вмѣстѣ съ судебными уставами, и носили характеръ ограниченія административной и полицейской властей. Средоточіемъ для этихъ новыхъ генералъ-губернаторскихъ постовъ были избраны университетскіе города, а выборъ лицъ былъ сдѣланъ самимъ Государемъ. При этомъ были избраны главные дѣятели войны. Въ Петербургъ назначенъ былъ генералъ Гурко, въ Харьковъ — Лорисъ-Меликовъ, въ Одессу—генералъ Тотлебенъ. Мысль о такихъ генералъ-губернаторахъ съ диктаторскими полномочіями была одобряема одними, и осуждаема—другими. Первые ее одобряли, какъ проявленіе правительственной энергіи; вторые ее осуждали, какъ признакъ признанія самимъ правительствомъ слабости своей нормальной власти.

Во всякомъ случаѣ, практика съ ея послѣдствіями обнаружила весьма скоро безпомощность и безсиліе и

этой мѣры, состоявшія въ томъ, противъ чего генералъ-губернаторы не имѣли и не могли имѣть никакой роли,— въ глубоко деморализованной и развращенной до мозга костей интеллигентной средѣ русскаго общества, а среду эту составляли столько же праздные люди, сколько чиновный людъ и весь почти поголовно личный составъ нашей государственной школы; даже жандармы и полицейскіе и тѣ были заражены либерализмомъ до такой степени, что считали себя *обязанными* дѣйствовать утонченно, небрежно и снисходительно въ сферѣ сношеній съ политическими неблагонамѣренными людьми. И потому, что удивительнаго, если диктаторы генералъ-губернаторы, явившись въ свои центры дѣятельности, прежде всего имѣли въ нихъ общество скорѣе къ нимъ враждебное, чѣмъ сочувствующее, и полицейскую власть, распущенную и либерально-равнодушную къ успѣхамъ крамолы, и рядомъ съ этимъ призваны были считаться съ судебною и съ прокурорскою властями, въ то время настроенными во имя того же либерализма тоже же весьма недовѣрчиво къ новой политической власти генералъ-губернатора. И если прибавить къ этому, что храбрость и высшая распорядительность боевыхъ генераловъ на поприщѣ имъ родномъ и близко знакомомъ могли вовсе не сходиться съ столь трудными обязанностями гражданской власти въ сферѣ новыхъ людей, новыхъ идей и новыхъ совсѣмъ затрудненій,—что именно и случилось, — то легко себѣ представить, почему эта мѣра учрежденія генералъ-губернаторовъ, съ широкими полномочіями власти, на дѣлѣ не привела ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, и дѣйствія крамолы нигдѣ не остановила. Въ существѣ власть, которая должна была имѣть въ центрѣ Россіи отвѣтственнаго хозяина всѣхъ дѣйствій противъ крамолы,

раздѣлилась на нѣсколько отдѣльныхъ представителей, но вовсе не соединенныхъ между собою генералъ-губернаторовъ, и неизбѣжно отъ этого раздѣленія стала слабѣе. Сразу эти генералъ-губернаторы, какъ незнакомые ни съ мѣстностью, ни съ администраціей, подпали подъ власть своихъ правителей канцелярій, и какъ это скоро, увы, показалъ печальный опытъ, стали болѣе примѣнять свои диктаторскія права къ подчиненію себя камертону изъ Петербурга, чѣмъ въ строгихъ дѣйствіяхъ противъ всякихъ проявленій крамолы. Въ Петербургѣ мы это ясно видѣли на яву. Очень скоро послѣ назначенія генерала Гурко генералъ-губернаторомъ со всѣхъ сторонъ раздаваться стали недоумѣвающіе вопросы: да въ чемъ же проявляется сильная и энергичная правительственная власть? Тайныя типографіи продолжали печатать свои прокламаціи, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ продолжалось дѣйствіе революціонной пропаганды, газеты продолжали свою либерально-демократическую проповѣдь и въ чиновничьихъ сферахъ продолжалъ царствовать тотъ же духъ анти-монархическаго либерализма.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ, отъѣзжая съ Императрицею въ Ливадію, Государь призвалъ Валуева, бывшаго тогда министромъ государственныхъ имуществъ, и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи учредить немедленно подъ его предсѣдательствомъ особое совѣщаніе изъ министровъ, для обсужденія причинъ внутренняго безпорядка и мѣръ, которыя могли бы способствовать возстановленію порядка.

Въ совѣщаніе это вошли, по указанію Государя, членами: министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, министръ финансовъ Грейгъ, военный министръ графъ Милютинъ, министръ юстиціи Набоковъ, министръ народнаго просвѣ-

щенія графъ Толстой и шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ.

Первый шагъ этого совѣщанія сопровождался эпизодомъ, какъ нельзя болѣе характеризовавшимъ тогдашнюю деморализацію въ самой высшей правительственной средѣ, какъ отраженіе террористическаго дѣйствія, которое имѣли на умы подпольныя ассоціаціи революціонеровъ и цареубійцъ. Совѣщаніе состояло изъ министровъ, лично Государемъ назначенныхъ. Но, между тѣмъ, когда предсѣдатель совѣщанія, Валуевъ, вошелъ въ комитетъ министровъ съ докладомъ, въ которомъ онъ представилъ ему, такъ сказать, на благоусмотрѣніе программу будущаго совѣщанія, то произошло невѣроятное событіе. Комитетъ министровъ, коего большую часть составляли члены совѣщанія, почти единогласно призналъ, что въ виду тревожнаго времени онъ находитъ *неудобнымъ* и даже *опаснымъ* возлагать на совѣщаніе обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которыхъ разглашеніе могло бы усилить раздраженіе умовъ противъ существующаго порядка, а потому предлагаетъ отложить разсмотрѣніе программы совѣщанія до болѣе удобнаго времени. Другими словами, комитетъ министровъ призналъ себя изъ трусости передъ анархистами въ правѣ не принять къ немедленному исполненію воли Государевой.

Когда Государь получилъ это малодушное и въ тоже время непокорное постановленіе комитета министровъ, онъ немедленно повелѣлъ тому же комитету министровъ въ точности исполнить Его волю, и комитетъ министровъ, во исполненіе вторично выраженной Государевой воли, приступилъ къ обсужденію разработанныхъ совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, соображеній и мѣропріятій...

По правдѣ сказать, случилось съ этимъ проектомъ мѣропріятій то, что слѣдовало ожидать отъ такого мягкаго и нерѣшительнаго человѣка, какимъ былъ Валуевъ: гора родила мышь, и когда мнѣ случилось познакомиться съ содержаніемъ того, что совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Валуева могло признать дѣйствительными мѣрами противодѣйствія неунимавшейся крамолѣ, я не могъ даже найти главнаго: близкой практической связи съ образомъ дѣйствій крамолы, и непосредственнаго на нее дѣйствія, а нашелъ лишь самую отдаленную и почти отвлеченную связь, такую же, какъ, напримѣръ, мысль объ усиленіи количества дыма могла бы имѣть съ мыслью произвести тучи, а изъ тучи вызвать искусственный дождь... Но и тѣ даже отдаленныя отъ прямой цѣли и почти отвлеченныя мѣропріятія совѣщанія не были единогласны, и вызвали въ средѣ самого совѣщанія отдѣльныя по вопросамъ разногласія.

Всѣ мѣропріятія, проектированныя совѣщаніемъ, дѣлились на двѣ главныя категоріи: одну составляли мѣры немедленныя и, такъ сказать, административно-законодательныя; другую категорію составляли даже не мѣры, а соображенія въ области народнаго образованія...

Мѣропріятія первой категоріи, въ свою очередь, дѣлились на два вида: одни касались учрежденій, другія извѣстныхъ частей населенія; но отъ обоихъ вѣяло наивностью. И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть наивнѣе въ эпоху, когда ассоціаціи террористовъ столь дерзко и настойчиво проявили свою скрытую силу рядомъ злодѣяній, державшихъ въ страхѣ и въ оцѣпенѣніи всю Россію, принимать такія мѣры, какъ, напримѣръ, отнимать у мировыхъ судей право давать предписанія полиціи; или постановленіе о томъ, чтобы писецъ опредѣлялся въ

земскую или городскую управу не иначе, какъ съ согласія губернатора; или постановленіе объ изданіи болѣе строгихъ законовъ о періодической печати и т. п. Наивность эта тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ аргументаціи совѣщанія было торжественно и черезчуръ преувеличенно сказано, что *Россіи грозитъ серьезная опасность* отъ революціонной пропаганды, и на ряду съ этимъ, какъ бы въ подтвержденіе этой грозящей опасности, тутъ же заявлялось, что агенты революціи дѣйствовали (значитъ, допускалось) въ должностяхъ городской и земской службы... Единственное мѣропріятіе, которое имѣло серьезный характеръ въ этой категоріи, было постановленіе о необходимости усилить полицію въ Россіи, которая количествомъ съ 1863 года оставалась при своихъ временныхъ, въ видѣ опыта введенныхъ штатахъ, но и эта мѣра оказалась на половину отвлеченностью, такъ какъ ничего не произвела кромѣ миніатюрнаго по своему значенію учрежденія нѣсколькихъ урядниковъ по уѣздамъ.

Вторая категорія мѣропріятій являлась еще болѣе отдаленною, какъ средство борьбы съ крамолою, отъ главной задачи, и тоже носила болѣе отвлеченное, чѣмъ практическое значеніе. Таковыми являлись мысли о необходимости облегчить положеніе раскольниковъ, чтобы ихъ неподдававшаяся революціонной пропагандѣ среда могла, сблизившись съ православною, быть дѣйствительною, какъ сила противодѣйствія и отпора попыткамъ соціалистовъ проникать въ народъ. Во имя той же идеи совѣщанія признано нужнымъ снять съ польскаго населенія нашихъ окраинъ главныя бремена, на него наложенныя правительствомъ въ 1864 году послѣ мятежа; причемъ, такого рода мысль подкрѣплялась соображе-

ніемъ, что въ польской средѣ не являлось причастныхъ къ заговору анархистовъ... То и другое развѣ не поражало своею легкомысленностью и отсутствіемъ серьезнаго государственнаго взгляда, и не проявляло ли оно именно растерянное отъ страха опасности состояніе правительства, которое отмѣняетъ извѣстныя бремена съ милліоновъ народа только въ минуту для него опасную, и только потому, что въ нихъ не было послѣдователей крамолы...

Какъ бы то ни было, но всѣ эти проектированныя мѣропріятія были въ главныхъ чертахъ одобрены комитетомъ министровъ, и затѣмъ приняты къ руководству подлежащими министерствами, но въ большей ихъ части только платонически, такъ какъ на дѣлѣ не появилось ни новыхъ законовъ о печати, ни новыхъ штатовъ для полиціи, ни пересмотра устава мировыхъ судей, ни облегченія положенія раскольниковъ и католиковъ.

Затѣмъ, по вопросу о народномъ образованіи въ совѣщаніи и въ комитетѣ министровъ произошло существенное разногласіе между министрами. Вопросы, создавшіе это разномысліе, были въ высшей степени интересны. Нѣкоторые изъ министровъ заявили и, кстати сказать, весьма основательно, что одними изъ главныхъ причинъ усиленія революціонной пропаганды въ Россіи и привлеченія къ ней учащейся молодежи слѣдуетъ считать: 1) слишкомъ широкій и легкій доступъ къ высшему образованію лицъ, по своему рожденію и по своей средѣ вовсе къ нему не подготовленныхъ, и 2) печальное состояніе нашей народной школы, раздѣленной, какъ и теперь, между тремя вѣдомствами и лишенной вслѣдствіе этого искренняго руководительства церкви и непосредственнаго съ нею общенія. Въ виду перваго пункта ми-

нистры предлагали ограничить доступъ въ высшія учебныя заведенія, какъ относительно образовательнаго, такъ и относительно матеріальнаго ценза; въ виду второго— они предлагали народную школу отдать въ полное завѣдываніе духовенства при церковныхъ приходахъ.

Графъ Толстой, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, явился энергичнымъ антагонистомъ противъ обоихъ мнѣній. По первому—онъ признавалъ все зло исходящимъ не отъ излишняго количества учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а отъ неудовлетворительности учебныхъ уставовъ, и потому обязался возстановить порядокъ, если будетъ утвержденъ проектъ его новаго университетскаго устава, и если всѣ стипендіи будутъ сосредоточены въ его рукахъ, съ правомъ неограниченнаго ими распоряженія; а относительно второго графъ Толстой настаивалъ на томъ, что, не отвергая въ принципѣ важнаго вліянія церкви на школу, онъ, тѣмъ не менѣе, видитъ исходъ только въ воспитаніи посредствомъ учительскихъ семинарій особо подготовленныхъ свѣтскихъ народныхъ учителей.

Комитетъ министровъ, обсудивъ эти разногласія по существу,—избралъ въ нихъ средину и постановилъ соединить задачу учительскихъ семинарій съ задачею вліянія церкви на народную школу.

Такъ или иначе, но, читая всѣ эти оффиціальныя бумаги того времени, нельзя удержаться отъ удивленія, что въ столь острую минуту, когда правительство нуждалось въ энергическихъ рѣшеніяхъ, и въ особенности въ энергическихъ мѣрахъ, весь высшій личный составъ этого правительства могъ свести задачу къ такимъ жалкимъ пародіямъ на мѣропріятія и къ академическимъ преніямъ на тему: въ какой мѣрѣ можетъ быть допущено

вліяніе церкви на народную школу? Читая эти журналы комитета министровъ, человѣкъ получалъ убѣжденіе, что къ наступавшей грозовой развязкѣ съ одинаковою силою вели дерзость враговъ правительства и непростительная слабость его слугъ. Несомнѣнно, не такихъ мѣропріятій могъ ожидать отъ нихъ Государь, поручая Валуеву руководить совѣщаніемъ, и если бы, въ оправданіе ожиданій Государя, совѣщанія пришли къ принятію ряда неумолимо строгихъ и энергичныхъ мѣръ, и законнымъ терроромъ отвѣтили бы на терроръ крамолы,—ходъ анархіи былъ бы остановленъ. Вѣдь, легко было бы губернаторовъ снабдить полномочіями особенной власти въ это время для борьбы съ крамолою: но предпочли генералъ-губернаторамъ въ 4 пунктахъ Россіи дать диктаторскія полномочія въ средѣ, гдѣ они были чужды, и гдѣ все для нихъ было ново, и оставить губернаторовъ въ ихъ безсиліи и въ ихъ рабской зависимости отъ Петербурга и отъ судебной конституціи у себя на мѣстѣ.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ тогда правительствомъ подъ вліяніемъ утвержденныхъ комитетомъ министровъ предписаній Валуевскаго совѣщанія, оживленные тогда толки вызвало появившееся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, о томъ, что никакихъ прирѣзокъ и новыхъ нарѣзовъ по крестьянскимъ надѣламъ не будетъ.

Мѣру эту, благонамѣренную по существу, люди благоразумные и правительству преданные назвали въ то время не счастливою, по причинѣ ея несвоевременности. По этому поводу говорили и, казалось мнѣ, не безъ основанія, что не такую минуту, когда всѣ усилія террористовъ были направлены къ тому, чтобы распространять

проповѣдь соціализма въ народѣ, надо было избрать, чтобы вызывать въ крестьянскомъ населеніи такія земельныя волненія, которыя неизбѣжно дурную часть населенія въ каждой деревнѣ ставили прямо подъ вліяніе сновавшихъ по деревнямъ народниковъ, и давали имъ въ руки Высочайшія повелѣнія, съ правомъ, указывая на нихъ, говорить крестьянамъ: вотъ видите, Царь хотѣлъ вамъ дать земли, но господа Ему помѣшали и т. д... Эта критика правительственнаго заявленія о прирѣзкахъ земли по отношенію его несвоевременности оказалась, къ сожалѣнію, основательною, ибо именно то, что они предвидѣли, случилось. Правительственное заявленіе никого не успокоило, но въ то же время дѣйствительно послужило для террористовъ оружіемъ въ ихъ рукахъ, которымъ они во многихъ мѣстахъ воспользовались, чтобы вызвать въ крестьянскомъ населеніи безпокойство и смуту.

Но, увы, самое знаменательное въ то время было то, что вся совокупность этихъ правительственныхъ мѣропріятій, въ связи съ дѣйствіями новыхъ генералъ-губернаторовъ, носившими характеръ энергическихъ будто бы мѣръ,—шла рядомъ съ возраставшимъ успѣхомъ дѣйствія террористовъ и анархистовъ, постепенно пріобрѣтавшихъ новыхъ адептовъ, расширявшихъ раіоны своей дѣятельности и усиливавшихъ, такъ сказать, дерзость своихъ замысловъ.

Читателю, судящему объ этомъ злосчастномъ періодѣ того времени издалека, должно казаться не только страннымъ, но и непостижимымъ это постепенное усиленіе подпольной революціонной и террористической ассоціаціи, какъ разъ въ то время, когда правительство приступало къ энергичной борьбѣ со своими давнишними врагами Престола и порядка. И дѣйствительно, кому могло быть

понятно, чтобы правительство въ Россіи со своими многочисленными органами власти — могло оказаться безсильнымъ не только справиться съ нѣсколькими горстями крамольниковъ, но даже мѣшать ихъ усиленію и даже не знать: кто ихъ дѣятели?

Увы, и въ то время этотъ вопросъ глубокаго и скорбнаго недоумѣнія исходилъ со дна души у многихъ изъ насъ; и больно вспомнить, какой отвѣтъ давала жизнь въ разъясненіе этого вопроса, тогда казавшагося неразъяснимымъ и непостижимымъ недоразумѣніемъ.

Невольно я припоминилъ тогда начало семидесятыхъ годовъ, когда по поводу разрѣшенной на сценѣ герцогини Герольдштейнъ я говорилъ, что боюсь не пьесы, а того шага къ распущенности, который признаетъ приличнымъ то, что прежде признавалось безусловно неприличнымъ: насмѣшку надъ русскою великою монархинею и надъ русскимъ солдатомъ, боюсь послѣдствій этого шага, и когда, въ отвѣтъ на это, одинъ изъ умнѣйшихъ главарей тогдашняго либеральнаго движенія отвѣтилъ мнѣ на это въ одной гостиной: какое тебѣ дѣло мѣшать правительству само себя обезсиливать? Съ этого времени по 1879 годъ, увы, только это и происходило; правительство само себя обезсиливало, и результатомъ этого являлось постепенное усиленіе распущенности во всѣхъ рѣшительно слояхъ правительственнаго и общественнаго строя. И когда въ довершеніе несчастный исходъ для русскаго самолюбія войны 1878 года вселилъ въ разные слои общества какое-то горькое разочарованіе, тогда эта распущенность стала постепенно доходить до какихъ-то уже острыхъ проявленій небрежности въ исполненіи служебнаго долга. Вотъ эта-то острая небрежность въ исполненіи служебнаго долга и была тотъ талисманъ, благодаря

которому революціонная пропаганда въ Россіи, невзирая на всѣ мѣропріятія правительства, только росла и усиливалась, ибо вездѣ находила если не сочувствіе, то полное бездѣйствіе и несопротивленіе тамъ, гдѣ она должна была встрѣтить энергическій отпоръ и противодѣйствіе.

До чего доходили эта небрежность и это равнодушіе въ исполненіи служебнаго долга, я случайно въ то время узналъ съ ужасомъ изъ случайнаго разговора съ однимъ жандармскимъ офицеромъ. Его слова открыли мнѣ ключъ къ пониманію тогда непонятнаго, и потомъ уже, послѣ разыгравшихся драмъ, всѣ они, увы, математически вѣрно оправдались. Этотъ жандармскій офицеръ сказалъ мнѣ не много, но въ этомъ немногомъ какая страшная заключалась драма...

— Что вы хотите,—сказалъ онъ мнѣ,—когда нѣтъ той мѣры, той секретной бумаги, той шифрованной депеши, о которыхъ не знали бы анархисты иногда раньше того должностного лица, котораго онѣ касаются... У анархистовъ нашихъ агентовъ нѣтъ, а у нихъ есть свои агенты въ III отдѣленіи, есть въ петербургской полиціи, есть въ управленіи генералъ-губернатора здѣсь, въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ, есть въ каждомъ министерствѣ... Все то, что я вамъ сказалъ, я знаю навѣрное, но то, что я вамъ теперь скажу, я сообщаю какъ догадку: у нихъ въ Зимнемъ Дворцѣ должны быть свои гнѣзда.

Совершенно естественно,—я ему на это сказалъ,—да если вы такъ это увѣренно знаете, отчего же вы не говорите этого высшему начальству, не кричите объ этомъ?

— А вы думаете,—сказалъ онъ мнѣ,—что я объ этомъ не говорилъ. Говорилъ не разъ, а нѣсколько разъ,

и знаете, что произошло: вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ я устраненъ отъ политической части, и занимаюсь вопросами общественной нравственности.

Его послѣднія слова были: очнутся, но поздно будетъ...

Содержаніе этого случайнаго разговора, не называя лица, я передалъ черезъ близкихъ имъ лицъ тогдашнему шефу-жандармовъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Первый по этому поводу сказалъ, будучи слишкомъ честнымъ самъ, чтобы допустить что-либо очень безчестное: это преувеличенные толки, у страха глаза велики; второй сказалъ: все это догадки, а фактовъ нѣтъ... Увы, это напомнило мнѣ тогда, какъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ, въ отвѣтъ на мои предостереженія на счетъ Огрицко, добрѣйшій и милѣйшій тогдашній шефъ жандармовъ В. А. Долгоруковъ отвѣтилъ мнѣ по-французски: что вы станете дѣлать, когда канцелярія Суворова кишитъ разными «огрицками».

Я привелъ эти воспоминанія именно потому, что при освѣщеніи, отъ нихъ, какъ бы они малы ни были, становится понятнымъ тотъ чудовищный успѣхъ, съ которымъ шло дальнѣйшее движеніе крамолы. Какъ бы въ доказательство этого чудовищнаго успѣха подпольной революціи, слѣдуетъ приложить тотъ фактъ, что главными центрами дѣятельности анархистовъ оказались именно тѣ пункты, куда были назначены съ своими диктаторскими полномочіями новые генералъ-губернаторы, а именно: Харьковъ, Одесса и, разумѣется, Петербургъ...

XXXV.

(1879—1880 гг.).

Характеръ дѣятельности крамольниковъ.—Съѣзды.—Двѣ партіи.—Планы партіи террора.

Время, считая съ лѣта 1879 года до весны 1881 года, было, какъ оказалось послѣ, самымъ оживленнымъ періодомъ въ исторіи анархистовъ въ Россіи, въ теченіе котораго составлялись провинціальные съѣзды, независимо отъ собранія въ Петербургѣ, издавались программы и манифесты, объявлявшія впередъ дѣйствіе террора, и въ теченіе котораго, кромѣ того, въ самой партіи дѣйствія произошли извѣстныя внутреннія перемѣны весьма характернаго свойства. И все это дѣлалось безпрепятственно въ разныхъ концахъ Россіи, при чемъ слѣдуетъ вспомнить, что за все это время не было сдѣлано ни одного крупнаго ареста, и не было принято ни одной мѣры къ воспрепятствованію ряду задуманныхъ противъ Государевой жизни покушеній... Перемѣна, о которой я говорю, заключалась въ томъ, что на общемъ съѣздѣ анархистовъ, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Воронежѣ, называвшихся обществомъ «Земля и воля», состоялось раздѣленіе общества на двѣ отдѣльныя группы. Одна, меньшая часть, какъ оказалось послѣ, состоявшая не болѣе, какъ изъ двадцати главныхъ сообщниковъ,—объявила своею

программою цареубійство. Другая группа, въ видѣ большинства, назвала себя обществомъ «Чернаго передѣла» и признала своею программою революціонерное дѣйствіе среди народа, безъ проявленій террора.

Эти двѣ политическія партіи, о которыхъ я выше сказалъ, партія народниковъ и партія террористовъ, хотя существенно отдѣлялись одна отъ другой и средствами къ достиженію единой цѣли: ниспроверженія государственнаго порядка въ Россіи и демократической революціи,—дѣйствовали тѣмъ не менѣе сообща, и этимъ-то отчасти и объясняется та сила, съ которою въ совокупности вся революціонная организація—разросталась и расширяла районъ своей подпольной дѣятельности. Дѣйствуй партія террористовъ одна, она не находила бы, само собою разумѣется, ни въ комъ и ни въ чемъ какой бы то ни было видъ содѣйствія, но разъ террористы имѣли своими союзниками партію, такъ сказать, спокойной революціи, то, благодаря этому, она пользовалась тѣми рессурсами, которыя партія народниковъ находила отчасти въ недалекихъ отъ нея кругахъ крайнихъ либераловъ, фигурировавшихъ тогда и между правительственными чиновниками, отчасти въ той массѣ равнодушныхъ интеллигентныхъ людей, которые это равнодушіе проявляли столько же въ дѣлѣ отстаиванія правительственныхъ интересовъ и порядка, сколько въ дѣлѣ противодѣйствія всякой противоправительственной агитаціи.

Какъ бы то ни было, но въ августѣ 1879 года состоялось собраніе террористовъ въ Петербургѣ, которое учредило свой исполнительный комитетъ, для приведенія въ исполненіе постановленія собранія—во что бы то ни стало добиться цареубійства...

До какой степени велика была наглая смѣлость этихъ

XXXV.

(1879—1880 гг.).

Характеръ дѣятельности крамольниковъ.—Съѣзды.—Двѣ партіи.—Планы партіи террора.

Время, считая съ лѣта 1879 года до весны 1881 года, было, какъ оказалось послѣ, самымъ оживленнымъ періодомъ въ исторіи анархистовъ въ Россіи, въ теченіе котораго составлялись провинціальные съѣзды, независимо отъ собранія въ Петербургѣ, издавались программы и манифесты, объявлявшія впередъ дѣйствіе террора, и въ теченіе котораго, кромѣ того, въ самой партіи дѣйствія произошли извѣстныя внутреннія перемѣны весьма характернаго свойства. И все это дѣлалось безпрепятственно въ разныхъ концахъ Россіи, при чемъ слѣдуетъ вспомнить, что за все это время не было сдѣлано ни одного крупнаго ареста, и не было принято ни одной мѣры къ воспрепятствованію ряду задуманныхъ противъ Государевой жизни покушеній... Перемѣна, о которой я говорю, заключалась въ томъ, что на общемъ съѣздѣ анархистовъ, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Воронежѣ, называвшихся обществомъ «Земля и воля», состоялось раздѣленіе общества на двѣ отдѣльныя группы. Одна, меньшая часть, какъ оказалось послѣ, состоявшая не болѣе, какъ изъ двадцати главныхъ сообщниковъ,—объявила свою

программою цареубійство. Другая группа, въ видѣ большинства, назвала себя обществомъ «Чернаго передѣла» и признала своею программою революціонерное дѣйствіе среди народа, безъ проявленій террора.

Эти двѣ политическія партіи, о которыхъ я выше сказалъ, партія народниковъ и партія террористовъ, хотя существенно отдѣлялись одна отъ другой и средствами къ достиженію единой цѣли: ниспроверженія государственнаго порядка въ Россіи и демократической революціи,—дѣйствовали тѣмъ не менѣе сообща, и этимъ-то отчасти и объясняется та сила, съ которою въ совокупности вся революціонная организація—разросталась и расширяла районъ своей подпольной дѣятельности. Дѣйствуй партія террористовъ одна, она не находила бы, само собою разумѣется, ни въ комъ и ни въ чемъ какой бы то ни было видъ содѣйствія, но разъ террористы имѣли своими союзниками партію, такъ сказать, спокойной революціи, то, благодаря этому, она пользовалась тѣми рессурсами, которыя партія народниковъ находила отчасти въ недалекихъ отъ нея кругахъ крайнихъ либераловъ, фигурировавшихъ тогда и между правительственными чиновниками, отчасти въ той массѣ равнодушныхъ интеллигентныхъ людей, которые это равнодушіе проявляли столько же въ дѣлѣ отстаиванія правительственныхъ интересовъ и порядка, сколько въ дѣлѣ противодѣйствія всякой противоправительственной агитаціи.

Какъ бы то ни было, но въ августѣ 1879 года состоялось собраніе террористовъ въ Петербургѣ, которое учредило свой исполнительный комитетъ, для приведенія въ исполненіе постановленія собранія—во что бы то ни стало добиться цареубійства...

До какой степени велика была наглая смѣлость этихъ

дѣятелей, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что постановленіе свое и извѣстіе о полномочіяхъ, принятыхъ отъ собранія исполнительнымъ комитетомъ, были напечатаны въ Петербургѣ въ тайной типографіи общества террористовъ, въ органѣ, носившемъ названіе «*Народная Воля*».

Немедленно вслѣдъ за постановленіемъ начались и дѣйствія. Сразу было приступлено къ четыремъ планамъ покушенія на Государеву жизнь.

Три плана были примѣнены къ желѣзной дорогѣ, съ цѣлью взорвать Царскій поѣздъ при обратномъ слѣдованіи Государя изъ Крыма въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ; четвертый планъ сосредоточивался въ Зимнемъ Дворцѣ, и тогда сбылась зловѣщая догадка жандармскаго офицера, предвидѣвшаго, что анархисты имѣли своихъ агентовъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Для осуществленія первыхъ трехъ плановъ избраны были исполнительнымъ комитетомъ три пункта: Одесса, Александровскъ и Москва.

Въ каждый изъ этихъ пунктовъ были отправлены техники для устройства подземныхъ минъ и всѣхъ приспособленій къ взрыву во время прохожденія Царскаго поѣзда. Въ Одессѣ заговорщики раздѣлили между собою роли: главный исполнитель нанялся въ дорожные сторожа на 15 верстѣ отъ Одессы, а другіе поселились въ Одессѣ, а ночью они сходились для подземныхъ работъ. Въ Александровскѣ заговорщики преспокойно заняли домъ возлѣ желѣзной дороги, объявивъ о своемъ намѣреніи построить на этомъ мѣстѣ кожевенный заводъ, а въ Москвѣ еще спокойнѣе они заняли цѣлое большое помѣщеніе близъ линіи курской дороги и цѣлою партіею приступили къ подземнымъ работамъ, о серьезности коихъ

можно судить потому, что глубина подземныхъ ходовъ доходила до 2 саженей...

Государь черезъ Одессу не проѣхалъ, но проѣхалъ черезъ Александровскъ. За нѣсколько часовъ до проѣзда Царскаго поѣзда два злоумышленника прибыли въ тарантасѣ къ мѣсту взрыва, осмотрѣли всѣ приспособленія, и затѣмъ приняли мѣры къ соединенію электрическихъ токовъ мины въ минуту проѣзда поѣзда. Поѣздъ прошелъ, токи были соединены, но взрыва не послѣдовало, и поѣздъ ушелъ, не подозрѣвая, какой опасности онъ избѣгъ. Въ Москвѣ взрывъ удался, но Богу угодно было, чтобы первымъ поѣздомъ, шедшимъ по линіи, былъ дополнительный, а второй былъ Царскій. Царь спасенъ и невредимъ прибылъ въ Москву. Разумѣется, проявленіямъ радости о вновь спасенномъ Царѣ не было конца, но, увы, и это ужасное покушеніе, столь дерзко приведенное въ исполненіе, и надъ которымъ работали 3 цѣлыхъ мѣсяца, осталось тоже не открытымъ...

Оставался четвертый планъ.

Исполненіе его началось съ сентября мѣсяца, когда одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, подъ видомъ столярнаго рабочаго, съ фальшивымъ паспортомъ, нанялся въ рабочую команду при дворцѣ, и на этомъ положеніи получилъ помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ Зимняго Дворца, какъ разъ подъ комнатами Государевыхъ покоевъ...

Здѣсь онъ ежедневно приносилъ въ свое помѣщеніе извѣстное количество динамита, и носилъ его въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ—до дня, когда принесеннаго динамита оказалось 6 пудовъ, и заговорщики признали это количество достаточнымъ для совершенія взрыва.

5 февраля 1880 года былъ назначенъ взрывъ въ 6

часовъ вечера, то-есть въ часъ, когда Государь садится за обѣденный столъ: комната же въ подвалѣ, гдѣ былъ приготовленъ взрывъ, находилась какъ разъ подъ столовою, и раздѣлена была отъ нея главною гауптвахтою въ I этажѣ. Новое чудо спасло Государя. Въ шесть часовъ послѣдовалъ страшный взрывъ, отъ котораго убито и ранено было больше половины караула финляндскаго полка, но Государя въ столовой не было, ибо въ этотъ день Государь ожидалъ съ варшавскаго поѣзда принца Александра Гессенскаго и обѣдъ былъ назначенъ на полчаса позже...

Такимъ образомъ, четыре покушенія на жизнь Государя чудесно обезсиленныя, совершились въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Легко себѣ представить, какое было настроеніе въ Петербургѣ въ это время, за нѣсколько дней до празднованія всею Россіею двадцатипятилѣтія этого самаго Государя, который видѣлся намъ подъ чудесною охраною Провидѣнія стоящимъ надъ нами въ видѣ мишени для какихъ-то таинственныхъ, все учащающихся въ своей злобѣ извергов... Ужасное было время: мы видимъ удары, но кто ихъ наноситъ, никто—ни мы, ни обязанная это знать полиція—не знаетъ...

Это безсиліе, эта умственная немощь охранительныхъ органовъ власти давила всѣхъ насъ своимъ мучительнымъ бременемъ.

И дѣйствительно, если припомнить подробности этого времени съ сентября по февраль, то ужасъ проникнетъ душу отъ всего, что мы узнавали послѣ. Не говоря уже о томъ, что мѣсяцы могли безпрепятственно готовиться четыре плана цареубійства, такъ сказать подъ носомъ у генералъ-губернаторовъ, назначенныхъ для уничтоженія крамолы, и даже въ Зимнемъ Дворцѣ, вздрагиваешь, при-

поминая, что даже тогда, когда случайность наталкивала представителей охраны на преступниковъ и на признаки преступленія, даже и тогда продолжалось это роковое бездѣйствіе, это роковое безсиліе... Такъ, когда стало извѣстнымъ заговорщикамъ, что Государь не проѣдетъ черезъ Одессу, одинъ изъ одесскихъ террористовъ былъ захваченъ на желѣзной дорогѣ между Одессою и Александровскомъ съ цѣлою кладью динамита, казалось бы — этого достаточно должно было быть, чтобы немедленно устроить осмотръ всей линіи до Москвы передъ проѣздомъ Государя; но нѣтъ, преступникъ былъ схваченъ, онъ ничего не показалъ, и оба взрыва въ Александровскѣ и въ Москвѣ преспокойно продолжали подготовляться. Но еще поразительнѣе было то, что мы узнали послѣ покушенія 5 февраля: мы узнали, что за 2 мѣсяца до этого было арестовано, опять таки случайно, три анархиста, у одного изъ нихъ былъ найденъ планъ той части Зимняго Дворца, гдѣ были Государевы покои, и на этомъ планѣ мѣсто будущаго взрыва въ подвальномъ этажѣ было показано особымъ знакомъ, и, не смотря на то, никто не призналъ себя обязаннымъ сдѣлать осмотръ подвальнаго помѣщенія и обыскъ у живших въ немъ лицъ. Мнимый столяръ продолжалъ ежедневно приносить свой динамитъ, и въ день взрыва исчезъ безъ слѣда...

Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ.

XXXVI.

(1880 годъ).

Послѣдствія взрыва.—Новое совѣщаніе министерства.—Голосъ Цесаревича.—Рѣшеніе Государя.—Верховная комиссія.—Выборъ графа Лорисъ-Меликова.—Его первыя дѣйствія.—25-ти-лѣтіе царствованія.

Разумѣется, взрывъ динамита въ Зимнемъ дворцѣ сопровождался взрывомъ негодованія и ужаса не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи. Всѣ поняли, что даже жилище Царя, подобно улицѣ, подобно полотну желѣзной дороги, подвержено неумѣнію охранять отъ горсти преступниковъ правительственными слугами...

Увы, въ правѣ былъ это понять прежде всего Государь...

Только нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вступили въ свои диктаторскія права новые генералъ-губернаторы, и, между прочимъ, генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ, и въ результатѣ три покушенія на желѣзной дорогѣ и одно въ Зимнемъ дворцѣ, въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Вопросъ: что дѣлать?—былъ у всѣхъ на умѣ и на устахъ. Онъ явился и у Государя...

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ учредились во дворцѣ Великаго Князя Константина Николаевича, по повелѣнію Государя, совѣщанія изъ министровъ, для обсужденія темы: какими мѣрами остановить несомнѣнно возраставшій успѣхъ крамолы... Совѣщаніе это получило громадное

значеніе историческаго событія, но значеніе это было роковое...

Кромѣ министровъ въ немъ принялъ участіе и Цесаревичъ Александръ Александровичъ.

Послѣ открытія этого совѣщанія нѣсколькими вступительными словами председателя, начался обмѣнъ мыслей. Мысли эти не выражали ничего новаго, вращаясь въ сферѣ разныхъ полумѣръ, перебывавшихъ уже въ головахъ министровъ на всѣхъ прежнихъ совѣщаніяхъ. Къ тому же, совѣщаніе стояло передъ тѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ, что, повидимому, все возможное было сдѣлано для противодѣйствія крамолѣ: учреждены были съ неограниченною почти властью генералъ-губернаторы; губернаторамъ даны были тоже усиленныя полномочія: всѣ политическія преступленія отданы были подъ военный судъ; всѣ пружины и струны строжайшаго полицейскаго надзора доведены до maximum'а напряженія... Что же еще оставалось дѣлать?... Поднятъ былъ снова вопросъ объ отношеніяхъ школы къ крамолѣ, но, во-первыхъ, графъ Толстой, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, увѣрялъ, что имъ приняты были всѣ нужныя мѣры къ прекращенію зла, а, во-вторыхъ, время-ли было въ такую острую минуту, когда дѣйствовать надо было немедленно — приступать къ сложному вопросу пересмотра нашей системы и нашихъ учрежденій народнаго образованія.

Тѣмъ не менѣе, прижатое къ стѣнѣ возложеннымъ на него Государемъ порученіемъ, совѣщаніе посвятило себя обсужденію разныхъ мѣропріятій, предлагавшихся министрами, и имѣвшихъ характеръ усиленія надзора, охраны и проявленій власти, но, къ сожалѣнію, какъ тогда говорили скептики, и весьма основательно, ничего

не предвѣщавшихъ, кромѣ усиленія переписки и пререканій между разными вѣдомствами...

Вотъ въ эту то минуту, когда, казалось, исчерпаны были въ головахъ государевыхъ совѣтниковъ всѣ мѣры, по ихъ мнѣнію, способныя улучшить безпомощное положеніе правительства, раздался голосъ Наслѣдника Цесаревича.

Тогда то и наступила та важная историческая минута, про которую я сейчасъ сказалъ...

Голосъ Наслѣдника раздался потому, что онъ одинъ былъ внутренно несогласенъ съ тѣмъ, что говорилось около него, и онъ одинъ признавалъ жизненную правду во всей ея печальной наготѣ.

Когда председатель совѣщанія обратился къ Наслѣднику Цесаревичу, молчаливо слушавшему всѣ происходившіе обмѣны мыслей, съ вопросомъ объ его мнѣніи насчетъ всего, въ совѣщаніи проектированнаго, Цесаревичъ сказалъ, что онъ не ожидаетъ особеннаго успѣха отъ предложенныхъ мѣропріятій, такъ какъ видитъ, что главное зло, мѣшающее правительству быть дѣйствительно сильнымъ въ борьбѣ съ крамолою и, вообще, съ безпорядками, заключается, по его мнѣнію, не въ отсутствіи мѣропріятій, которыхъ очень много, а въ разрозненности вѣдомствъ между собою, въ отсутствіи солидарности между ними, во внутреннемъ разладѣ между ними, и что вслѣдствіе этого онъ полагаетъ, что единственная мѣра, которая могла бы положить конецъ такому печальному порядку вещей, есть подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ одному руководителю, отвѣтственному передъ Государемъ въ данную минуту за востановленіе порядка, съ тѣмъ, чтобы по всѣмъ вопросамъ государственной внутренней безопасности министры обязаны были дѣйствовать сообща.

подчиняясь волѣ одного лица. Таковъ былъ приблизительно отвѣтъ Цесаревича.

Нужно ли говорить, что этотъ голосъ Наслѣдника Престола, столь прямо и столь мудро указавшій на главное больное мѣсто всего нашего тогдашняго строя, всѣхъ поразилъ своею неожиданностью. Нужно ли прибавлять, что въ тоже время главная мысль этого мнѣнія пришлась не по вкусу всѣмъ поразившимся имъ министрамъ и создала общую министерскую гримасу.

Но искреннимъ, какъ всегда оказался только предсѣдатель, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Раздѣлялъ ли онъ мнѣніе своего Племянника, или не раздѣлялъ, никто знать того не могъ, но, воспріимчивый и умный, онъ сразу сталъ на подобавшую этой минутѣ патріотическую высоту.

Выслушавъ мнѣніе Наслѣдника Престола, Великій Князь сказалъ, что такъ какъ мысль его Царственнаго Племянника выходитъ по своей сущности изъ предоставленныхъ ему Государемъ полномочій, то онъ не считаетъ себя въ правѣ ее подвергать обсужденію, но въ то же время считаетъ своимъ долгомъ ее повергнуть на благоусмотрѣніе Государя, и надѣется, что Цесаревичъ не откажется съ своей стороны эти мысли высказать своему Державному Родителю. На это Цесаревичъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ на себя эту обязанность.

И дѣйствительно, какъ Цесаревичъ, такъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ при докладѣ Его Величеству о протоколахъ совѣщанія довели до свѣдѣнія Государя и о мысли, высказанной Наслѣдникомъ въ совѣщаніи...

Государь ее призналъ не только достойною вниманія, но требующею немедленнаго осуществленія. Для этой

мундирахъ, и къ которому графъ Лорисъ-Меликовъ вышелъ въ халатѣ, съ длинною трубкою въ рукахъ; зная, наконецъ, что онъ ни одной энергической мѣры не принялъ, и зная все это, что могли мы предвидѣть новаго отъ появленія его уже на самой вершинѣ управленія, съ полномочіями всероссійскаго диктатора... Даже прославившаяся въ 1879 году ветлянская диктатура успѣла въ теченіе этого года, подъ вліяніемъ разныхъ узнанныхъ подробностей, развѣнчаться настолько, что стали говорить, что, когда Лорисъ-Меликовъ поѣхалъ въ Ветлянку, чумы уже не было, но что, тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ создать себѣ ореолъ славы изъ всего, что до него было тихо и скромно сдѣлано людьми на мѣстѣ. Правда ли это было такъ или неправда, я не могъ провѣрить, но привожу всѣ эти толки во свидѣтельство того, что назначеніе гр. Лорисъ-Меликова было встрѣчено въ иныхъ кружкахъ недовѣрчиво.

Какъ бы то ни было, но Лорисъ-Меликовъ принялъ предложенную ему должность. Но тутъ же, съ воспоминаніями того времени въ рукахъ, я долженъ сіе сказать, онъ сразу взялъ ту фальшивую ноту, которая оправдала всѣ приходившіе изъ Харькова слухи объ его игрѣ въ популярность. Сразу онъ создалъ для себя помостки, и выступилъ на нихъ гораздо болѣе актеромъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, обремененнымъ такою страшно отвѣтственною должностью. Роль его заинтересовала болѣе чѣмъ сущность его задачи, и въ день его назначенія я записывалъ въ свои замѣтки слѣдующее: «Лорисъ-Меликовъ дѣлаетъ видъ жертвы, покоряющейся своей судьбѣ, и какъ будто извиняется передъ людьми въ томъ, что ему дали такъ много власти, и уже сегодня тѣмъ, которые говорили ему о необходимости строжайшихъ мѣръ, онъ отвѣчалъ обѣщаніями дать бомбошки либерализма»

Указъ 12 февраля подчинилъ графу Лорису-Меликову всю полицію въ Имперіи и всѣ вѣдомства по вопросамъ государственной безопасности, сдѣлавъ его по всѣмъ ихъ дѣламъ единственнымъ докладчикомъ у Государя, и право отмѣны его и комиссіи распоряженій предоставилъ только ему и, разумѣется, Государю. Въ то же время уничтожилась генералъ-губернаторская власть въ Петербургѣ. Но любопытно здѣсь вспомнить, что при составленіи этого указа о верховной комиссіи забыты были генералъ-губернаторы съ ихъ диктаторскими полномочіями, такъ что вскорѣ послѣ начала дѣятельности верховной комиссіи возникъ вопросъ: подчинены ли ей генералъ-губернаторы?.. Для отвѣта на этотъ вопросъ генералъ-губернаторы были созваны въ Петербургъ, и на особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ гр. Лориса-Меликова, установлено было, что генералъ-губернаторы не подчинены верховной комиссіи, а должны только о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ увѣдомлять председателя верховной комиссіи.

Такимъ образомъ, получилось странное политическое положеніе, при которомъ министры были подчинены по вопросамъ внутренней безопасности гр. Лорису-Меликову, а генералъ-губернаторы, по общимъ законамъ подчиненные министру внутреннихъ дѣлъ, не подчинялись председателю верховной комиссіи, такъ что, въ сущности, вся чрезвычайная власть гр. Лорисъ-Меликова, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ Петербургѣ.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что я набросалъ въ своихъ замѣткахъ о первомъ днѣ Лорисовской диктатуры, мы вскорѣ узнали двѣ вещи: первую, что гр. Лорисъ-Меликовъ, при выборѣ себѣ членовъ въ верховную комиссію, прежде всего озаботился подборомъ *мягкихъ* людей; и вторую, что немедленно онъ сталъ говорить о *необходимости*

успокоить общественное мнѣніе насчетъ смысла своего назначенія, дабы не могли подумать, какъ онъ говорилъ, что онъ явится какимъ-то *тираномъ* и мстителемъ. Членами комиссіи были назначены т. с. *Побѣдоносцевъ*, *Кахановъ*, *Ковалевскій*, *Шамшинъ*, генералы *Черевинъ* и *Батьяновъ*, и затѣмъ оберъ-прокуроръ сената Марковъ, и правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ *Перфильевъ*. Изъ этихъ членовъ о троихъ говорили, какъ о представителяхъ энергическаго образа дѣйствій: о Побѣдоносцевѣ, о Черевинѣ и о храбромъ боевомъ генералѣ, Батьяновѣ.

Первымъ дѣломъ графа Лорисъ-Меликова явилось его воззваніе къ *жителямъ столицы*. Воззваніе это не произвело иного дѣйствія, какъ коментаріи и толки на тему о немъ; успокоительнаго же дѣйствія оно не имѣло по той простой причинѣ, что это воззваніе слишкомъ явно носило слѣды сочинительства, и не имѣло того характера сильнаго волею и убѣжденіемъ слова, которое производитъ глубокое дѣйствіе на массы и на отдѣльные умы. Въ немъ были двѣ части: одна, первая, говорила о мѣрахъ строгости; другая была обращеніемъ къ поддержкѣ общества, въ концѣ котораго цѣлью было поставлено «*возвращеніе отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія*». Гораздо внушительнѣе этого академическаго воззванія, гдѣ не было ни одной сердечной ноты, оказалось дѣйствіе Лориса-Меликова пять дней спустя, когда анархисты признали нужнымъ на воззваніе его отвѣтить выстрѣломъ въ него одного изъ своихъ агентовъ, въ минуту, когда графъ входилъ въ свой домъ на углу Большой Морской и Почтамтскаго переулка. Выстрѣлъ далъ промахъ, но преступникъ былъ схваченъ, и графъ Лорисъ-Меликовъ велѣлъ его немедленно отдать подъ военный судъ, и черезъ три дня онъ былъ повѣшенъ. Такой

образъ дѣйствій новаго диктатора возвысилъ его въ общественномъ мнѣніи, но, къ сожалѣнію, такъ случилось, что это былъ единственный разъ, когда графъ Лорисъ поступилъ энергично. Послѣ этого о новыхъ мѣрахъ строгости мы уже не слыхали, и анархисты продолжали свое дѣло попрежнему.

Въ этомъ невеселомъ настроеніи пришлось Россіи праздновать 19 февраля двадцатипятилѣтіе царствованія Александра II...

Бѣдному Государю могло ли быть въ такія тяжелыя минуты до праздниковъ въ честь его царствованія, когда, съ одной стороны, столько упорной и фанатической ненависти къ нему проявлялось въ этой подпольной крамолѣ, а съ другой стороны, правительственный строй оказался столь безсильнымъ, послѣ всѣхъ великихъ реформъ, Государемъ сдѣланныхъ, охранить въ Россіи порядокъ и безопасность самого Царя...

День этотъ начался большимъ военнымъ музыкальнымъ привѣтствіемъ на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, потомъ начался большой пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ и молебенъ въ придворномъ соборѣ. На душѣ у всѣхъ было тяжело. Вблизи отъ Бѣлой залы, всѣ знали, тихо умирала въ это время Императрица, вѣрная спутница Царя-юбиляра въ это истекшее 25-лѣтіе, а когда Государь, обратившись къ представителямъ войска, сказалъ: когда меня не будетъ, я надѣюсь, что вы такъ же вѣрно будете служить моему Сыну,—у многихъ выступили на глаза слезы, у всѣхъ стѣснилось больно и очень больно сердце, и невольно всѣ взоры устремились на стоявшаго возлѣ Государя Его Наслѣдника, и увидѣли, какъ его всегда свѣтлое лицо глубоко омрачилось грустью, какъ сдвинулись его брови, и какъ въ глазахъ его грустный

успокоить общественное мнѣніе насчетъ смысла своего назначенія, дабы не могли подумать, какъ онъ говорилъ, что онъ явится какимъ-то *тираномъ* и мстителемъ. Членами комиссіи были назначены т. с. *Побѣдоносцевъ*, *Каханов*, *Ковалевскій*, *Шамшинъ*, генералы *Черевинъ* и *Батьяновъ*, и затѣмъ оберъ-прокуроръ сената Марковъ, и правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ *Перфильевъ*. Изъ этихъ членовъ о троихъ говорили, какъ о представителяхъ энергическаго образа дѣйствій: о Побѣдоносцевѣ, о Черевинѣ и о храбромъ боевомъ генералѣ, Батьяновѣ.

Первымъ дѣломъ графа Лорисъ-Меликова явилось его воззваніе къ *жителямъ столицы*. Воззваніе это не произвело иного дѣйствія, какъ коментаріи и толки на тему о немъ; успокоительнаго же дѣйствія оно не имѣло по той простой причинѣ, что это воззваніе слишкомъ явно носило слѣды сочинительства, и не имѣло того характера сильнаго волею и убѣжденіемъ слова, которое производитъ глубокое дѣйствіе на массы и на отдѣльные умы. Въ немъ были двѣ части: одна, первая, говорила о мѣрахъ строгости; другая была обращеніемъ къ поддержкѣ общества, въ концѣ котораго цѣлью было поставлено «*возвращеніе отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія*». Гораздо внушительнѣе этого академическаго воззванія, гдѣ не было ни одной сердечной ноты, оказалось дѣйствіе Лориса-Меликова пять дней спустя, когда анархисты признали нужнымъ на воззваніе его отвѣтить выстрѣломъ въ него одного изъ своихъ агентовъ, въ минуту, когда графъ входилъ въ свой домъ на углу Большой Морской и Почтамтскаго переулка. Выстрѣлъ далъ промахъ, но преступникъ былъ схваченъ, и графъ Лорисъ-Меликовъ велѣлъ его немедленно отдать подъ военный судъ, и черезъ три дня онъ былъ повѣшенъ. Такой

образъ дѣйствій новаго диктатора возвысилъ его въ общественномъ мнѣніи, но, къ сожалѣнію, такъ случилось, что это былъ единственный разъ, когда графъ Лорисъ поступилъ энергично. Послѣ этого о новыхъ мѣрахъ строгости мы уже не слыхали, и анархисты продолжали свое дѣло попрежнему.

Въ этомъ невеселомъ настроеніи пришлось Россіи праздновать 19 февраля двадцатипятилѣтіе царствованія Александра II...

Бѣдному Государю могло ли быть въ такія тяжелыя минуты до праздниковъ въ честь его царствованія, когда, съ одной стороны, столько упорной и фанатической ненависти къ нему проявлялось въ этой подпольной крамолѣ, а съ другой стороны, правительственный строй оказался столь безсильнымъ, послѣ всѣхъ великихъ реформъ, Государемъ сдѣланныхъ, охранить въ Россіи порядокъ и безопасность самого Царя...

День этотъ начался большимъ военнымъ музыкальнымъ привѣтствіемъ на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ, потомъ начался большой пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ и молебенъ въ придворномъ соборѣ. На душѣ у всѣхъ было тяжело. Вблизи отъ Бѣлой залы, всѣ знали, тихо умирала въ это время Императрица, вѣрная спутница Царя-юбиляра въ это истекшее 25-лѣтіе, а когда Государь, обратившись къ представителямъ войска, сказалъ: когда меня не будетъ, я надѣюсь, что вы такъ же вѣрно будете служить моему Сыну,—у многихъ выступили на глаза слезы, у всѣхъ стѣснилось больно и очень больно сердце, и невольно всѣ взоры устремились на стоявшаго возлѣ Государя Его Наслѣдника, и увидѣли, какъ его всегда свѣтлое лицо глубоко омрачилось грустью, какъ сдвинулись его брови, и какъ въ глазахъ его грустный

взоръ заволокли слезы. Оба привѣтствія — отъ государственнаго совѣта, прочитанное Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и отъ сената, — были прекрасно изложены, и въ отвѣтъ на каждое изъ нихъ Государь послѣ благодарности выразилъ надежду, что скоро окончатся печальные дни... Увы, намъ всѣмъ тогда было грустно потому, что этой надежды на скорый конецъ этихъ безпорядковъ мы не испытывали. Днемъ Государя на улицахъ восторженно привѣтствовали, а вечеромъ Петербургъ былъ залитъ огнями.

XXXVII.

(1880 годъ).

Мое свиданіе съ графомъ Лорисомъ-Меликовымъ.—Мои впечатлѣнія.—Мое письмо къ нему.—Уходъ генералъ адъютанта Дрентельна.—А. А. Абаза.

Когда графъ Лорисъ-Меликовъ переѣхалъ въ нанятый для него большой домъ Бутурлина, по Мойкѣ, противъ реформатской церкви, мнѣ пришлось его посѣтить. Доступъ къ нему сопровождался необходимостью пройти черезъ небывалый въ какой-либо передней подборъ множества хранителей, въ видѣ околоточнаго, жандарма, казака, швейцара, помощника и курьеровъ, и ужъ пройдя черезъ этотъ авангардъ величія и силы, я очутился въ крошечной гостиной, гдѣ меня принялъ диктаторъ. Пробылъ я у него минутъ двадцать, и вынесъ отъ этого свиданія странное впечатлѣніе. Я почти не говорилъ, а говорилъ Лорисъ. Говорилъ онъ прежде всего о томъ, какъ онъ изнемогаетъ подъ бременемъ на него свалившейся власти, какъ она, кромѣ того, ему не по душѣ, какъ ему трудно держать разумную средину между двумя крайностями, между *полиціею* и *общественнымъ мнѣніемъ*, а когда я ему дерзнулъ сказать, что по-моему теперь главная нужда—не разумная средина, а строгая и твердая политика власти, строгой для всѣхъ,—Лорисъ меня прервалъ, и началъ говорить о томъ, что одною стро-

гостью не возьмешь, а надо такъ вести дѣло, чтобы имѣть за себя и общественное мнѣніе, которое тоже возбуждено противъ правительства, и, если хотите,—прибавилъ Лорисъ, — имѣетъ основаніе быть недовольнымъ скачками то назадъ, то впередъ въ правительственной политикѣ...

— Теперь время такое, — продолжалъ Лорисъ, — что нельзя не прислушиваться къ общественному мнѣнію: нельзя допускать крамолы, но надо тоже избѣгать проявленій деспотизма...

Я отвѣтилъ Лорису-Меликову, что на деспотизмъ власти никто не жалуется, кромѣ анархистовъ, но всѣ жалуются, напротивъ, на недостатокъ власти, на отсутствіе въ правительствѣ общей энергіи и...

Опять Лорисъ-Меликовъ меня прервалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, какъ будто съ одушевленнымъ убѣжденіемъ,—не на это жалуются; жалуются на то, что всю нашу учебную молодежь душатъ въ тискахъ классицизма и формализма: вотъ откуда идетъ главное революціонное движеніе: тутъ вы съ полиціею не справитесь.

— Можетъ быть, и давятъ классицизмомъ болѣе, чѣмъ нужно, — сказалъ я, — но объ этомъ ли теперь, когда всѣ умы возбуждены и воспламенены, говорить: теперь нужна твердая рука для водворенія вездѣ порядка; прежде всего надо сильную власть, а все остальное послѣ...

— Это вы а ля-Катковъ изволите разсуждать... А я съ этимъ несогласенъ; кулакомъ теперь ничего не возьмешь; теперь нужно, прежде всего, возстановить спокойствіе, а чтобы этого достигнуть, надо отнимать поводы къ неудовольствію, надо *смягчать* общественное мнѣніе...

Потомъ Лорисъ-Меликовъ какъ будто подъ вліяніемъ внезапно прервавшей ходъ его размышленій мысли, сказалъ: ну да это что, а главное вотъ что: армяшка Лорисъ-Меликовъ совсѣмъ не годится въ диктаторы. такая у васъ тутъ въ Питерѣ кутерьма, что и не разберешься.

По взгляду не то хитрому, не то лукаво-вопросительному, съ которымъ меня фиксировалъ диктаторъ, я понялъ, что эта неожиданная фраза была сказана имъ съ цѣлью узнать, что я на это отвѣчу.

Но я только усмѣхнулся и ничего не сказалъ.

А ничего не сказалъ я потому, что почувствовалъ дѣланность и комедію этой фразы.

Приблизительно на этомъ и кончилась наша краткая бесѣда.

Проходя снова черезъ строй хранителей въ швейцарской разнаго сорта, я невольно подумалъ: какъ много здѣсь внизу аттрибутовъ власти, а тамъ, на верху, какъ мало ея сознанія, и вышелъ на улицу съ тяжелымъ ощущеніемъ.

Я подумалъ, что если бы я вышелъ не изъ кабинета Лорисъ-Меликова, а изъ кабинета Краевскаго, издателя «Голоса», я, вѣроятно, испытывалъ бы то же самое, ибо, вѣроятно, то же самое пришлось бы слушать. До моего свиданія таилась во мнѣ какая то иллюзія, теперь она исчезла и я вернулся къ себѣ съ тоскою на душѣ, понявъ, что не только нечего ждать чего либо новаго, но что предвидѣть надо много худшаго, ибо я понялъ, что диктатура была дана человѣку, который не сознаетъ ея цѣли, и понималъ ее, такъ сказать, по передовымъ изъ газеты «*Голосъ*».

Что я подумалъ тогда о «Голосѣ», въ томъ ничего не было удивительнаго, такъ какъ всѣ стали говорить,

что «Голосъ» сдѣлался органомъ графа «*Лориса-Меликова*». Отчасти этотъ толкъ объясняется именемъ Скальковскаго, которое носилъ бывшій въ Харьковѣ начальникъ канцеляріи у Лориса-Меликова, братъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ «*Голоса*», а отчасти и тѣмъ, что въ своихъ рѣчахъ, на которыя, кстати, сказать, графъ не былъ скупъ, въ разговорахъ направо и налѣво, дѣйствительно, многіе слышали отзвуки вдохновенія «Голоса», заклятаго врага графа Толстого и классицизма, и борца за правовый порядокъ и за то какое то общественное мнѣніе, про которое такъ часто говорилъ Лорисъ-Меликовъ.

Во всякомъ случаѣ, подъ впечатлѣніемъ моего свиданія съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ я въ тотъ же вечеръ написалъ ему письмо.

Въ этомъ письмѣ, совершенно искренно говоря о моемъ желаніи ему блага, я ему высказалъ, какъ бы по поводу его фразы о петербургской безурядицѣ, что, по отношенію къ нему и къ его будущей дѣятельности, боюсь дѣйствія на него трехъ элементовъ той самой петербургской безурядицы, которые и отдѣльно каждый, и всѣ вмѣстѣ могутъ, по моему искреннему убѣжденію, имѣть на него самое гибельное вліяніе. Три эти элемента слѣдующіе: петербургскій чиновникъ, петербургская печать и петербургская женщина...

Общаго между этими тремя элементами то, что всѣ они имѣютъ подъ собою фантастическую и искусственную жизненную почву и, живя на ней, ничѣмъ не могутъ вдохновляться инымъ, какъ только фальшью и ложью, съ одной стороны, а съ другой стороны,—что еще хуже,—полнымъ пренебреженіемъ къ жизненной правдѣ во всѣхъ русскихъ государственныхъ вопросахъ.

О чиновникѣ я писалъ Лорисъ-Меликову, что онъ прежде всего либераленъ, но что либерализмъ его вреднаго свойства тѣмъ, что онъ одинаково пренебрегаетъ интересами той власти, которой онъ служитъ и отъ которой получаетъ жалованье, и интересами народа, для удовлетворенія которыхъ онъ служитъ: а подъ народомъ я разумѣю всѣ рѣшительно виды частныхъ интересовъ; пренебреженіе къ интересамъ власти въ немъ проявляется, какъ культъ либерализма, а пренебреженіе къ интересамъ народа, какъ культъ бездушнаго эгоизма, и въ такомъ настроеніи единственное, что вліяетъ на сего чиновника,— это погоня за популярностью въ либеральной печати. За похвалу въ ней онъ отступится отъ какихъ угодно интересовъ—не только власти вообще, но и Государевыхъ...

На счетъ печати я писалъ Лорисъ-Меликову, что особенно боюсь ея вліянія на него. Она его держитъ въ атмосферѣ онміама и похвалъ, очевидно, не для его прекрасныхъ глазъ, а пото..., что разсчитываетъ его этими похвалами держать у себя въ повиновеніи, и вести его постепенно такъ, чтобы онъ, подъ предлогомъ успокоенія общественнаго мнѣнія, работалъ для успѣховъ либерализма и подготовлялъ почву для дальнѣйшихъ либеральныхъ реформъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы эти реформы умаляли авторитетъ и престижъ государственной власти.—Изъ двухъ-трехъ колкихъ словъ, вырвавшихся у Лориса-Меликова въ разговорѣ со мною о Катковѣ,—писалъ я ему,—я уже могъ увидѣть, что въ этомъ отношеніи наша печать свое вліяніе на него, Лориса-Меликова, имѣла, ибо я могъ понять, что у него совсѣмъ сбившіяся о печати понятія; у Каткова могутъ быть свои недостатки, но нельзя отрицать, что онъ одинъ въ печати стоитъ за сильную Государеву власть, а пе-

тербургская печать, наоборотъ, стоитъ за ослабленіе этой власти; какъ же можно мириться съ тѣмъ, чтобы государственный человѣкъ, призванный Государемъ возстановлять порядокъ и авторитетъ власти, стоялъ за печать либеральную, и противъ печати порядочной...

Что касается третьяго пункта, петербургской женщины, то я о ней заговорилъ потому, что уже въ ту пору въ извѣстныхъ политическихъ салонахъ петербургскаго либеральнаго оттѣнка появились дамы, которыя спеціально занялись ухаживаніемъ за старикомъ Лорисомъ-Меликовымъ, чтобы изъ этихъ ухаживаній сдѣлать политическое воспитаніе Лориса-Меликова въ либеральномъ направленіи.

Кончилъ я свое письмо моленіемъ — прислушаться только къ голосу совѣсти солдата, которая вѣрнѣе чиновника, печати и петербургскихъ дамъ ему скажетъ, что теперь для спасенія Россіи надо спасти Государя, а спасти Государя можетъ только одно: твердая строгость со всѣми и во всемъ...

Увы, очень скоро слова мои о трехъ элементахъ оказались пророчествомъ, поразительно осуществившимся.

По странному, но, увы, роковому—въ смыслѣ неизбѣжности—совпаденію, прежде чѣмъ верховная распорядительная коммиссія, съ Лорисомъ во главѣ, успѣла открыть хотя бы одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей подпольной крамолы, отставленъ былъ отъ своей дѣятельности и отдаленъ былъ отъ Государя, по настоянію Лориса, *честнѣйшій* въ то время изъ государственныхъ людей и изъ ближайшихъ государевыхъ слугъ,—шефъ-жандармовъ генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ...

Такой фактъ сразу произвелъ деморализирующее дѣйствіе на ту среду, гдѣ честные люди понимали разницу

между честными слугами Престола и между тѣми, которые изображали собою разные оттѣнки оппортюнизма и карьеризма...

Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ былъ для всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, именно идеаломъ честнаго человѣка, и всѣ честные и преданные русскіе люди отлично понимали, что если борьба съ крамолою шла такъ неуспѣшно для правительства, то вовсѣ не потому, что шефъ-жандармовъ генералъ Дрентельнъ не былъ на высотѣ своего положенія, а потому, главнымъ образомъ, что этотъ высокочестный шефъ-жандармовъ встрѣчалъ противодѣйствія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ—въ глубоко-деморализованномъ тогдашнемъ высшемъ строѣ государственныхъ дѣятелей, доведшихъ разъединеніе вѣдомствъ и различіе въ главныхъ воззрѣніяхъ до предѣловъ полнаго безпорядка, который имѣлъ послѣдствіемъ полную невозможность для Государя держаться единаго плана дѣйствій и единаго взгляда на тогдашнее положеніе Россіи. Нагляднымъ проявленіемъ этого безпорядка вверху—послужило кратковременное генералъ-губернаторство самого Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до своего назначенія въ диктаторы, онъ все время дѣйствовалъ наперекоръ шефу-жандармовъ генералъ-адъютанту Дрентельну, и своимъ единственнымъ руководителемъ въ управленіи призналъ тогдашняго прокурора судебной палаты Мечникова, составившаго себѣ имя своимъ весьма развязнымъ политическимъ либерализмомъ.

Оттого легко было понять, что первою потребностью для Лорисъ-Меликова диктатора явилось удаленіе отъ Государя, какъ совѣтника по политическимъ внутреннимъ дѣламъ, того самаго генерала Дрентельна, который своимъ

личнымъ обаяніемъ высокой честности не могъ не имѣть на Государя нравственнаго вліянія. Говоря откровеннѣе, Дрентельнъ былъ слишкомъ прямою и несложною личностью для той сутолочи, которую создалъ въ своемъ полномъ непониманіи и незнаніи государственной Русской жизни около себя Лорисъ-Меликовъ, какъ политическую атмосферу.

Замѣстителя для этого свѣтлаго честностью человѣка въ роли шефа-жандармовъ Лорисъ-Меликовъ. разумѣется, нашелъ въ самомъ себѣ, ни на секунду не задумавшись надъ тѣмъ. что. принимая на себя эту отвѣтственную должность въ такое трудное время съ такимъ легкомысліемъ, онъ сразу дѣлалъ безплодною свою диктатуру, ибо въ своемъ лицѣ ставилъ въ одно и тоже время—и во главѣ управленія, и во главѣ политическаго розыска и борьбы съ крамолою—человѣка, не имѣвшаго никакого понятія ни о Россіи, ни объ эпохѣ, ни объ условіяхъ жизни, въ которыхъ текла тогдашняя государственная жизнь.

Я назвалъ сутолочью тогдашнюю атмосферу, создавшуюся около Лорисъ-Меликова, ибо дѣйствительно она именно тѣмъ и была... Такъ какъ Лорисъ-Меликовъ ничего не зналъ о жизни политической Россіи, то вмѣстѣ съ диктатурою и обязанностями дѣйствовать для водворенія въ Россіи порядка соединялась для него необходимость учиться понимать Россію, и начинать это ученіе съ азбуки, а потому всѣ его совѣтники призваны были быть въ тоже время его учителями. То, что произошло въ Харьковѣ, произошло и въ Петербургѣ... Лорисъ-Меликовъ сталъ искать вліянія на себя и руководительства прежде всего въ сферѣ судебнаго вѣдомства, находя въ его либерализмѣ то, что, по близорукости своей, онъ для

себя считалъ главнымъ: почетъ и популярность и заигрываніе съ либералами, будто бы съ цѣлью успокаивать и разоружать общественное мнѣніе... Вторую категорію учителей, какъ я уже раньше говорилъ, Лорисъ-Меликовъ съ большимъ еще непониманіемъ избралъ себѣ въ газетной печати, и именно въ печати либеральной, вступивъ въ непосредственно близкія отношенія съ газетою «Голосъ» и съ ея главными сотрудниками. Картина губернаторовъ и даже министровъ, ожидавшихъ въ пріемной Лорисъ-Меликова,—пока изъ его кабинета выйдетъ приглашенный для бесѣды либеральной журналистъ «Голоса», стала сразу возможною и нормальною въ обиходѣ диктатора, и ни малѣйшаго въ томъ не было сомнѣнія, что Лорисъ-Меликовъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ былъ убѣжденъ, что такія ухаживанія за либералами печати, хотя бы въ явный ущербъ достоинству правительства, были проявленіями очень мудрой политики. Третьимъ учителемъ и руководителемъ Лориса-Меликова въ то время былъ А. А. Абаза. Александръ Аггѣевичъ Абаза представлялъ собою весьма интересный типъ государственнаго дѣятеля.

Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и даже великолѣпныхъ типовъ политическаго оппортюнизма въ то время въ Россіи, какъ метеоръ, пролетѣвшій по государственному горизонту Россіи... Первымъ шагомъ въ жизненной карьерѣ этого интереснаго человѣка была его женитьба на дочери знаменитаго въ пятидесятыхъ годахъ богача-откупщика Н. Д. Бенардаки. Красивый, изящный и умный молодой Абаза сумѣлъ изъ большого приданаго своей жены сдѣлать себѣ блестящую обстановку для жизни, и мало-по-малу сталъ выдвигаться впередъ въ рядахъ представителей блестящаго мужского пола, при-

чемъ его успѣхи въ петербургскомъ свѣтѣ росли одновременно съ его состояніемъ... Я помню первый золотой вѣкъ А. А. Абазы; это былъ вѣкъ его славы, вѣкъ очаровательнаго игрока. Въ новомъ элегантномъ клубѣ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ полубога, про широкіе розмахи его въ карточной игрѣ говорили тогда съ какимъ-то благоговѣніемъ. Всегда спокойный, всегда пріятный, всегда очаровательный и элегантный, Абаза ставилъ надъ картою сто-тысячные куши съ легкостью зефира, и проигрывалъ ихъ съ такимъ же изящнымъ и красивымъ равнодушіемъ, съ какимъ ихъ выигрывалъ, вставалъ со стула, когда проигрышъ доходилъ до maximum'а, изящно извиняясь передъ партнеромъ въ томъ, что его средства не позволяютъ ему проигрывать болѣе, причемъ всѣ знали, что на другой день, къ обѣденному часу, дворецкій клуба будетъ передъ началомъ обѣда разносить пакеты съ проигранными деньгами А. А. Абазы, по адресу каждаго выигравшаго.

Затѣмъ, насталъ второй золотой вѣкъ: это былъ вѣкъ придворныхъ и салонныхъ успѣховъ А. А. Абазы. Великая Княгиня Елена Павловна его пригласила въ гофмаршалы своего блестящаго двора, и здѣсь, въ центрѣ, гдѣ издавна сходились всѣ умнѣйшіе люди Петербурга, и гдѣ умъ былъ въ почетѣ, Александръ Аггѣевичъ съ своимъ природнымъ умомъ, съ своими пріятными отношеніями къ людямъ, составилъ себѣ очень скоро положеніе, въ которомъ его цѣнили уже какъ умнаго и талантливаго человѣка; его репутація изящнаго игрока отошла на задній планъ, и объ Абазѣ стали говорить, какъ о кандидатѣ на государственныя должности. Эта репутація росла, и въ прекрасный день, когда открылась вакансія государственнаго контролера,—выборъ Государя остано-

вился на А. А. Абазѣ. Единственнымъ препятствіемъ была его репутація игрока. Государь объ этомъ препятствіи заговорилъ, и тогда, какъ разсказывали въ Петербургѣ, съ А. А. Абазы взято было, по желанію Государя слово, что онъ кончитъ навсегда съ крупною игрою за зеленымъ столомъ, и затѣмъ А. А. Абаза былъ назначенъ на министерскую должность. Съ этою должностью, при своей даровитости, онъ справлялся блестяще, и ничего не было удивительнаго, когда позже явился вопросъ о замѣщеніи должности министра финансовъ, то совершенно такимъ же порядкомъ, какимъ Абаза наслѣдовалъ Грейгу въ государственномъ контролѣ, онъ унаслѣдовалъ тому же Грейгу въ управленіи министерствомъ финансовъ. Вотъ этотъ государственный человѣкъ и явился главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ Лориса-Меликова.

XXXVIII.

(1880 годъ).

Докладъ графа Лориса-Меликова.—Графъ Толстой.—Его характеристика.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ диктаторства, гр. Лорисъ-Меликовъ счелъ себя въ правѣ представить цѣлый общій докладъ о положеніи вещей въ Россіи, отъ имени верховной комиссіи, коей онъ былъ председателемъ. Докладъ этотъ на имя Государя заключалъ въ себѣ двѣ части: указаніе всѣхъ слабыхъ сторонъ государственнаго строя и его жизни, и затѣмъ указаніе мѣръ, необходимыхъ для поправленія зла.

Докладъ этотъ былъ характернымъ знаменіемъ тогдашняго времени. Его прежде всего можно было сравнить съ протоколомъ консиліума врачей, случайно сошедшихся у изголовья больного, или мало, или совсѣмъ имъ незнакомаго, гдѣ первую часть составлялъ діагнозъ, поставленный больному, а вторую часть—перечень цѣлительныхъ мѣръ. Написанъ онъ былъ языкомъ газеты „*Голосъ*“ скорѣе, чѣмъ государственнымъ языкомъ, и заключалъ въ себѣ все то, что думали либеральные совѣтники Лориса все то, что въ разныхъ перефразировкахъ сто разъ высказывала газета „*Голосъ*“, но о томъ, что высказывала, какъ нужду, сама жизнь, не было, разумѣется, и рѣчи— по той простой причинѣ, что то главное, что нужно было

тогда Россіи, режимъ и система сильной власти, считалось всѣми совѣтниками и сотрудниками Лориса не либеральнымъ.

Нелѣпое и призрачное въ этомъ докладѣ смѣшивалось съ яснымъ и вѣрнымъ; отвлеченное—съ практическимъ; предвзятая мысль—съ указаніемъ опыта; и въ общемъ получалось впечатлѣніе именно діагноза надъ больнымъ, врачемъ незнакомымъ, гдѣ послѣдствія признавались причинами и подробности отвлекали отъ главнаго, причемъ средства спасенія весьма схожи были съ тѣми мѣрами лѣченія, которыя предписываетъ консиліумъ врачей, вродѣ, напримѣръ, *полнаго спокойствія* для больного, коего самая жизнь есть источникъ непрестаннаго безпокойства.

Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ общей рѣчи о власти докладчикъ-диктаторъ говоритъ о разъединеніи ея, но не объ ослабленіи ея въ угоду либерализму, и вслѣдствіе этого въ минуту, когда вся Россія изнемогала подъ гнетомъ безсилія и малодушія власти, графъ Лорисъ-Меликовъ предлагалъ Государю объединить власть подъ *руководительнымъ* вліяніемъ того самаго министерства юстиціи и той самой прокуратуры, которыя такъ рѣзко въ это время проявляли свое отчужденіе отъ правительственной власти, и даже свое пренебреженіе къ ней. Рядомъ съ этимъ докладъ указывалъ на необходимость привлеченія земствъ и городовъ къ болѣе вліятельному участію въ обсужденіи ихъ мѣстныхъ нуждъ.

Болѣе и больше всего въ этомъ докладѣ доставалось министру народн[illegible] просвѣщенія графу Дмитрію Андреевичу Толстому, коего управленіе и политика по веденію классицизма изображены были главными причинами неудовольствія и раздраженія какъ въ школѣ, такъ въ

семьѣ и въ общественномъ мнѣніи, и даже, какъ говорилось въ докладѣ, между высшими сановниками.

Результаты этого доклада были двояки: политическіе и реальные.

Къ первымъ должны быть отнесены всѣ циркуляры и инструкціи, которые разосланы были Лорисомъ-Меликовымъ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ цѣлью объединить вѣдомства, ускорить дѣлопроизводство, изслѣдовать степень благонадежности и т. п., и которые рѣшительно никакого дѣйствія на русскую жизнь и на успокоеніе умовъ не имѣли.

Къ реальнымъ результатамъ доклада должно быть отнесено увольненіе графа Толстого отъ двухъ его должностей, министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Чисто ребяческая радость, съ которою въ эти дни Лорисъ говорилъ о своемъ торжествѣ надъ сваленнымъ гр. Толстымъ, „я его свалилъ, я его низвергъ", и говорилъ это направо и налѣво, принимая поздравленія отъ дамъ, отъ Краевскаго, отъ сановниковъ,—успѣло во мнѣ меланхолическое представленіе о несерьезности Лориса въ столь серьезныя минуты, и объ отсутствіи въ немъ государственнаго ума... Даже, болѣе того, мнѣ казалось, что въ этой ребяческой радости было что-то личное, что-то въ родѣ удовлетвореннаго личнаго возмездія за то, что графъ Толстой былъ тогда единственнымъ министромъ, который не только не преклонялся передъ временщикомъ, но проявлялъ къ нему пренебреженіе, и внутреннее чувство говорило мнѣ, что если бы тотъ же графъ Толстой съ его крупными недостатками, какъ министръ народнаго просвѣщенія и какъ оберъ-прокуроръ синода, унизился

до пресмыканія передъ Лорисомъ и его сателлитами, ни онъ, ни классицизмъ не были бы признаны Лорисомъ и его верховною комиссіею главными причинами анархіи въ Россіи.

Отсутствіе же государственнаго ума въ Лорисѣ въ этомъ фактѣ было несомнѣнно. Будь у него этотъ умъ, онъ понялъ бы, что удаленіе гр. Толстого, если оно было необходимо, могло послѣдовать послѣ успокоенія умовъ и послѣ водворенія порядка, но никакъ не въ самый разгаръ безурядицы и безпорядка, царившихъ въ школѣ и въ жизни, такъ какъ при этихъ условіяхъ оно было бы принято только какъ новый признакъ слабости правительства, какъ новая уступка, сдѣланная властью въ угоду элементамъ безпорядка, и не имѣло бы другихъ послѣдствій, какъ усиленіе безпорядка. Замѣчательно, что именно это-то и случилось. Съ увольненіемъ графа Толстого анархія въ университетахъ и даже въ гимназіяхъ стала усиливаться... Нельзя было это яснѣе понять въ тотъ печальный день, когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ торжественномъ собраніи университета, послѣ долгаго оглушительнаго свиста, раздававшагося съ хоровъ университетской залы, гдѣ были студенты, одинъ изъ нихъ, подъ аккомпаниментъ привѣтствій товарищей, сошелъ внизъ и нанесъ сильный ударъ новому и мягкому министру народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову. Его возгласъ въ эту минуту, послѣ событія, не бывавшаго по дерзости въ стѣнахъ университета: *„это совсѣмъ неожиданно“*, — былъ историческимъ словомъ: онъ выразилъ собою все добродушіе режима того времени, но для насъ онъ былъ зловѣщимъ, ибо мы всѣ понимали, что ударъ, нанесенный однимъ изъ тѣхъ тысячей студентовъ, для успокоенія которыхъ поднесли имъ въ даръ увольненіе

графа Толстого, не могъ быть неожиданностью, а былъ послѣдствіемъ необдуманнаго совѣта...

Но съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ я преклонялся передъ графомъ Толстымъ въ тѣ минуты, когда съ такимъ великолѣпнымъ достоинствомъ и съ такимъ благородствомъ вельможи стараго закала онъ держалъ себя передъ Лорисомъ-Меликовымъ, и принялъ свое увольненіе, я долженъ здѣсь сказать, что назначеніе графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода было одною изъ крупнѣйшихъ ошибокъ царствованія Александра II, ибо врядъ ли можно было подыскать для этихъ двухъ должностей менѣе подходящаго человѣка, какъ графа Толстого. Будь онъ обыкновенный, дюжинный человѣкъ, фактъ, что графъ Толстой не подходилъ къ потребностямъ двухъ должностей, ему ввѣренныхъ, былъ бы незначительнымъ фактомъ, однимъ изъ многихъ ему подобныхъ; но такъ какъ графъ Толстой былъ крупною и цѣльною личностью, головою выше стоявшею многихъ своихъ современниковъ, то этотъ самый фактъ сталъ по своимъ послѣдствіямъ важнымъ государственнымъ событіемъ тогдашней эпохи.

Несомнѣнно, его недостатки и духовныя особенности мирились со всякою дѣятельностью, со всякою должностью, за исключеніемъ именно тѣхъ двухъ, на которыя онъ былъ назначенъ и для которыхъ они должны были быть препятствіями непреодолимыми и безусловными.

Въ этомъ отношеніи судьба Россіи сыграла злую шутку съ графомъ Толстымъ.

Нади на него во цвѣтѣ лѣтъ, съ его обширнымъ всеобщимъ и политическимъ образованіемъ, съ его знаніемъ русской жизни, съ его энергіею и волею, съ его свѣтлымъ, быстрымъ и чуткимъ большимъ умомъ, выборъ

Александра II для министерства внутреннихъ дѣлъ такъ же мѣтко, какъ палъ на него уже въ старости выборъ Александра III, и будь графъ Толстой министромъ внутреннихъ дѣлъ въ тѣ 14 лѣтъ, которые онъ посвятилъ народному просвѣщенію и синоду, — царствованіе Александра II получило бы несомнѣнно совсѣмъ другое продолженіе и совсѣмъ другой конецъ, и никогда Россія этой ужасной эпохи торжества безвластія и анархіи не видала бы!

Увы, совершенно противоположное изобразилъ собою графъ Толстой въ тѣхъ двухъ должностяхъ, которыя ему выпали въ удѣлъ. Въ области отношеній къ церкви графъ Толстой, какъ человѣкъ, изображалъ собою деиста, философа, все, что хотите, но только не убѣжденнаго православнаго христіанина, слѣдовательно, почва, на которой этотъ необыкновенный умомъ и образованіемъ государственный человѣкъ могъ дѣйствовать, какъ оберъ-прокуроръ синода, была только почва дѣловая, оффиціальная и формальная, на которой въ каждомъ вопросѣ и въ сношеніи съ каждымъ лицомъ могли участвовать его умъ, его степень знанія, но гдѣ его душевное, а тѣмъ паче его сердечное участіе совсѣмъ отсутствовали; оттого духъ индеффирентизма къ живой и главенствующей роли церкви сталъ, такъ сказать, руководительнымъ началомъ его политики оберъ-прокурора синода, и вслѣдствіе этого то, что могло быть случайно до него,—давленіе оберъ-прокурора на духовную самостоятельность синода—при графѣ Толстомъ стало окончательно установившимся порядкомъ вещей, и одновременно обезсилило церковь и обезличило ея іерарховъ.

Я живо припоминаю, съ какимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ я выходилъ изъ пріемной гр. Толстого въ велико-

лѣнномъ нарышкинскомъ палаццо, по Литейной, ставшимъ домомъ оберъ-прокурора синода, всегда переполненной толпою представлявшихся, такъ какъ на пріемъ лицъ по обоимъ вѣдомствамъ назначался *одинъ часъ* въ недѣлю. Тяжелое это впечатлѣніе происходило отъ зрѣлища тѣхъ архіепископовъ и епископовъ, которые ожидали въ пріемной рядомъ съ разными учителями и чиновниками, и одинаково ждали своей очереди, такъ что нерѣдко архіепископу приходилось входить въ кабинетъ графа послѣ какого-нибудь надворнаго совѣтника... Помню и то, какъ иному запоздавшему архіепископу неумолимый курьеръ говорилъ: опоздали, приходите на будущей недѣлѣ; помню, наконецъ, и то, что получить свиданіе внѣ этого часа въ недѣлю было безусловно невозможно, какой бы важный къ тому поводъ ни былъ. Эта неизбѣжная особенность въ офиціальной жизни графа Толстого, не допускавшая особеннаго почитанія къ іерархамъ церкви, именно и выражала характеръ отношеній гр. Толстого къ церкви и, практикуемая столько лѣтъ, вездѣ распространила убѣжденіе, что церковь въ лицѣ ея высшихъ представителей въ Петербургѣ въ пренебреженіи...

Что же касается графа Толстого, какъ министра народнаго просвѣщенія, то слѣдуетъ сказать, что онъ то хорошее, что сдѣлалъ своею энергіею и своею настойчивостью, къ сожалѣнію, обезплодилъ своими личными свойствами и своею исключительно внѣшнею политикою.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія послѣ періода его шатанія и броженія, въ погонѣ за какою-то *популярною* системою образованія, графъ Толстой въ два, три года энергичнаго управленія, дѣйствительно, прекратилъ это шатаніе и это броженіе государственной школы, введя извѣстную въ ней дисци-

плину, но въ то же время изумительное равнодушіе къ вопросу: кто его исполнители, кто его помощники и сотрудники въ духовномъ отношеніи, — погубило все дѣло народнаго образованія и, пожалуй, сдѣлало его хуже тѣмъ, что подъ маскою внѣшней дисциплины, изъ страха ея, вогнало внутрь всѣ пороки нашей несчастной школы, и развило повсюду лицемѣріе и чиновничью выслужливость...

Я никогда не забуду, что одного изъ своихъ попечителей учебнаго округа графъ Толстой при другихъ никогда не упускалъ случая называть *подлецомъ*, и все-таки держалъ его на этомъ самомъ высокомъ и отвѣтственномъ посту, какъ ни въ чемъ не бывало. Этого факта достаточно, чтобы характеризовать душевныя отношенія графа Толстого къ своему вѣдомству и къ своему призванію.

Можетъ быть, если бы графу Толстому пришлось продолжать прежде установившійся режимъ, всѣ тѣ душевныя свойства не имѣли бы такого глубокаго и сильнаго вліянія на судьбы русской школы, но именно потому, что на него палъ жребій вводить цѣлую новую систему средняго образованія и классическую гимназію, несравненно строже Уваровской, его душевныя свойства дали учебной реформѣ при ея введеніи, и въ ея поддерживаніи тотъ характеръ бездушнаго внѣшняго формализма, который, въ свою очередь, привелъ къ двумъ непоправимо-печальнымъ послѣдствіямъ: 1) къ самому неудовлетворительному подбору личнаго состава для новаго дѣла и 2) къ превращенію всего дѣла изъ живого въ безжизненное, изъ внутренняго во внѣшнее. Ни звука любви не было проронено, ни капли любви не было вложено въ это дѣло, и, къ радости нигилистовъ и либераловъ, учебная

реформа благодаря равнодушію къ душевной сторонѣ дѣла—къ подбору лицъ—получила характеръ насильственнаго примѣненія классической системы образованія.

Умысла къ тому въ графѣ Толстомъ не было, но случилось это потому, что съ перваго дня вступленія на поприще дѣятельности, для него совсѣмъ новой, графъ Толстой, какъ весьма мало знакомый съ предметомъ выпавшей на его долю задачи, волею неволею подпалъ подъ опеку и подъ руководительство извѣстнаго кружка знатоковъ классицизма, которые съ фанатизмомъ схватились за это дѣло, и съ перваго раза вложили въ него болѣе ненависти къ прошлому, чѣмъ любви къ юношеству, призванному войти въ классическую школу. У этихъ людей страхъ, чтобы графъ Толстой не подпалъ иному вліянію, и что-нибудь не упустилъ изъ программы реформы, ими разработанной, ставилъ на весьма отдаленный планъ вопросы психическаго міра и заботу о томъ, чтобы юношеству внушить прежде всего любовь къ новой школѣ, а потомъ уже страхъ ея дисциплины, и вотъ почему все свелось къ тому, чтобы побольше собирать въ школьное дѣло личностей, которыя бы фанатично и слѣпо взялись за исполненіе учебнаго дѣла, причемъ, разумѣется, вопросъ: не притворенъ-ли этотъ фанатизмъ, не притворно-ли это внѣшнее усердіе,—оставленъ былъ безъ всякаго вниманія.

Душою, то есть разумомъ и двигателемъ всего дѣла былъ покойный М. Н. Катковъ. У него, какъ у источника, зажигались эта энергія и этотъ фанатизмъ. Его большому уму, его знаніямъ, его энергіи были подъ силу всѣ трудности и всѣ требованія задачи, но, къ сожалѣнію, стоя головою выше своего штаба, Катковъ могъ только созидать, вдохновлять, направлять дѣло, но его

проводить и вести съ подобавшими дѣлу даровитыми и вдохновленными сотрудниками и исполнителями онъ не могъ, ибо, во-первыхъ, ихъ не было въ тогдашней педагогической средѣ, а, во-вторыхъ, эту-то задачу—искать способныхъ и преданныхъ дѣйствительно людей—графъ Толстой, поступившій подъ руководительство Каткова, на себя принялъ, какъ я сказалъ, только съ формальной стороны. Въ его природѣ не было потребности вопрошать душу педагога, онъ на него смотрѣлъ, какъ на чиновника, и болѣе, чѣмъ отъ чиновника, не требовалъ. Такимъ образомъ, графъ Толстой пренебрегъ двумя важнѣйшими на него возлагавшимися тогда задачами. Онъ не принялъ на себя личною инціативою, личнымъ участіемъ къ внутренней судьбѣ новаго дѣла смягчать все то, что въ фанатизмѣ и въ настойчивости его вдохновителей могло быть безъ пользы для дѣла слишкомъ педантично, слишкомъ деспотично, слишкомъ жестко, и, дорожа сущностью и основами дѣла, не приравнивать ее къ мелочнымъ деталямъ служебнаго обихода и къ формальной сторонѣ дѣла. А, во-вторыхъ, онъ пренебрегъ, какъ я сказалъ, задачею быть строго умомъ и сердцемъ, разборчивымъ въ выборѣ лицъ для новаго дѣла и въ оцѣнкѣ качествъ, для его успѣха нужныхъ. Въ этомъ отношеніи, слушая совершенно одинаково прекраснаго человѣка, говорившаго отзвуками души, и, засыпавшаго отъ собственной скуки во время рѣчи, классика-чеха,—принимая съ удовольствіемъ въ подчиненные прекраснаго человѣка, потому что онъ прекрасенъ, и тутъ же говорящаго про негодяя подчиненнаго; чортъ съ нимъ, пускай сидитъ—графъ Толстой былъ поистинѣ непостижимъ.

Какъ бы въ подтвержденіе всего того, что я говорю изъ воспоминаній той эпохи о графѣ Толстомъ, какъ о

министрѣ народнаго просвѣщенія, случилось нѣчто на практикѣ, что краснорѣчивѣе всякаго слова доказало, что вся учебная реформа, введенная гр. Толстымъ, не была бы безплодна, если онъ тѣ двѣ задачи, на которыя я сейчасъ указалъ, исполнялъ, вмѣсто того, чтобы ими пренебречь...

Катковъ, желая какъ будто на дѣлѣ показать достоинства классицизма, коего на словахъ онъ былъ главный творецъ въ Россіи, учредилъ въ Москвѣ классическій лицей Цесаревича Николая. Сразу этотъ лицей пошелъ прекрасно, и сразу сталъ образцовымъ. Но почему? Оказалось, потому именно, что при его учрежденіи и при веденіи его строжайше были соблюдены Катковымъ всѣ тѣ главныя условія, которыми пренебрегъ графъ Толстой въ своей реформѣ. Во-первыхъ, все было введено для успѣха сущности дѣла, и все мелочное и формальное было признано учредителемъ лицея второстепеннымъ; во-вторыхъ, съ особеннымъ тщаніемъ были выбраны всѣ учителя и всѣ воспитатели; къ нимъ предъявлены были Катковымъ требованія сердца, ума, нравственности и знанія; любовь къ юношеству поставлена была во главѣ условій для будущаго педагога Катковскаго лицея; и въ-третьихъ, на лицей Цесаревича Николая возложена была задача не только учить, не только развивать, но и воспитывать...

Оттого для такой наивысшей педагогической задачи— выборъ педагогическаго персонала въ лицей былъ сдѣланъ Катковымъ столь строго и столь удачно, что, впрочемъ, было легче Каткову, чѣмъ гр. Толстому, такъ какъ Катковъ прислушивался охотнѣе къ отзвукамъ души, чѣмъ къ холоднымъ рѣчамъ мозга.

Глядя на Катковскій лицей, мы понимали, что графъ Толстой равнодушно отнесся къ той сторонѣ дѣла, кото-

рую Катковъ признавалъ главною,—къ воспитательному призванію школы.

Все это, къ сожалѣнію, слѣдуетъ признать главною ошибкою графа Толстого. Онъ принялъ русскую школу расшатанною умственно и исковерканною нравственно. Съ его ли умомъ было не понять, что одною учебною классною реформою нельзя было повліять на духовный міръ молодежи съ цѣлью его упорядоченія, а что главная помощь должна была прійти отъ воспитательной задачи школы, тѣмъ болѣе нужной, что школа была именно потому исковеркана до графа Толстого, что его предшественники поставили себѣ либеральною задачею уничтожить воспитательное значеніе гимназіи, и закрыли почти до послѣдняго всѣ гимназическіе воспитательные пансіоны. Ясно, что графу Толстому прежде всего слѣдовало этотъ ударъ, нанесенный школѣ, отмѣнить. Но графъ Толстой именно оставилъ то худшее, что было сдѣлано его пре емникомъ въ школѣ, и не сдѣлалъ, что сдѣлалъ Катковъ съ своимъ лицеемъ,—не возстановивъ воспитательной миссіи гимназіи, онъ ограничился одною учебною реформою, и изъ своего министерства сдѣлалъ вѣдомство внѣшняго школьнаго міра, совсѣмъ устранивъ заботы о его внутреннемъ мірѣ. Оттого ему показалось легко учредить гимназіи, прогимназіи и реальныя училища десятками и сотнями, ибо, разъ воспитательной задачи не было, подборъ учебнаго персонала являлся только формальнымъ и поверхностнымъ, и принципъ: лучше поменьше школъ, но получше воспитательный личный составъ,—не примѣнялся.

Педагогическій персоналъ подбирался отовсюду: требовалось только внѣшнее усердіе,—и не прошло двухъ лѣтъ послѣ вступленія графа Толстого министромъ на-

роднаго просвѣщенія, какъ обозначился очень рельефно характеръ и духъ этого личнаго состава школы: наружная исправность, фанатическая требовательность для формы и буквы устава, бездушное отношеніе къ молодежи и холопское пресмыканіе и заискиваніе передъ начальствомъ.

Увы, все это вмѣстѣ и привело къ тому печальному явленію, что школа при графѣ Толстомъ явилась однимъ изъ гнѣздъ политическаго растлѣнія—сильнѣе, чѣмъ при его либеральныхъ предшественникахъ.

XXXIX.

(1880 годъ).

Смерть Императрицы Маріи Александровны.

Пока вокругъ Зимняго Дворца въ началѣ 1880 года суетливо кипѣла политическая жизнь, съ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, направленная къ достиженію не столько порядка, сколько призраковъ порядка,—въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ тихо заканчивалась жизнь вѣрной спутницы Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, привезенной въ концѣ января изъ Каннъ, юга Франціи, по настоятельному ея желанію вернуться домой, чтобы умирать не на чужбинѣ, а на родинѣ...

И вотъ, три мѣсяца она тихо угасала въ своемъ печальномъ уединеніи, чужая уже Двору, чужая уже свѣту, чужая шумѣвшему около нея политическому новому міру, сосредоточившись мыслями и молитвами надъ дорогимъ Своимъ Супругомъ и злополучнымъ Императоромъ...

Въ эти дни послѣдняго прощанія съ жизнью—страданія Ея души должны были быть сильнѣе страданій тѣлесныхъ. По тому, что я могъ узнавать объ этихъ минутахъ отъ лицъ, имѣвшихъ вѣрныя свѣдѣнія о предсмертномъ состояніи души Императрицы Маріи Александровны, можно было догадываться, что болѣзненнѣе всего ее тѣснили душевныя предчувствія. Источникомъ

ея предчувствія была ея сильная любовь къ Государю-Супругу. Я запомнилъ въ то время тѣ замѣчательныя слова, которыя незадолго до кончины Императрицы-Страдалицы, вмѣстѣ съ тихими слезами, катившимися по ея безжизненному лицу, вылились изъ ея души и сказаны были одной изъ ближайшихъ къ ней особъ, не отходившей отъ нея во все время послѣдней болѣзни...

— Я не боюсь смерти для себя,—сказала Императрица,—я вѣрую, что Богъ надо мною сжалится, но я боюсь своей смерти потому, что пока я жива, я молюсь день и ночь за Государя, и пока я молюсь, мои молитвы его сохраняютъ... А когда я умру...—умиравшая Царица не договорила, однѣ слезы, покорныя и тихія, досказали ея пророческую мысль... И дѣйствительно, какимъ пророчествомъ поразительнымъ были эти слова. Пока Императрица была жива—ни одно покушеніе, самое неизбѣжное, казалось, и не устранимое, никогда не удавалось; когда ея не стало,—первое покушеніе оказалось смертельнымъ. Какъ всегда, былъ конвой, была полиція, былъ увѣренный, благодаря своимъ мѣрамъ, въ безопасности Государя Лорисъ-Меликовъ, но не было одного: молитвъ Императрицы, и преступленіе совершилось.

Въ маѣ, съ расцвѣтомъ природы, Императрица тихо и безболѣзненно скончалась...

При ея жизни—я помню, какъ часто задававшійся вопросъ—кто она была, какъ личность и какъ характеръ,—оставался безъ удовлетворительнаго отвѣта. Надъ закрывшеюся надъ ея прахомъ могилою вопросъ: кто была она, эта спутница 25-лѣтія царствованія Александра II, остался столь же труднымъ къ разрѣшенію. Безспорно, это была женщина далеко не изъ обыкновенныхъ по уму, по прелестямъ ея обаянія, по душевнымъ своимъ

свойствамъ, но все это принадлежало совсѣмъ оригинальной и самобытной личности, въ которой, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, было таинственное сочетаніе трехъ существъ, женщины, женщины-христіанки, въ строгомъ и чистомъ значеніи этого слова, и, наконецъ, женщины, напоминающей легендарные типы средне-вѣковыхъ принцессъ... Это сліяніе въ одной умной и прекрасной женщинѣ трехъ личностей дѣлало ее непонятною для большинства людей, непонятною вслѣдствіе полнаго отсутствія въ ней чего-либо банальнаго, непонятною и потому, что она, казалось, только скользила по поверхности жизненной прозы и проявляла предпочтеніе своему внутреннему міру мыслей и чувствъ, для всѣхъ закрытому, но въ то же время дававшему ея уму особенную прозорливость, особенную дальновидность и особенную чуткость къ предчувствіямъ...

Что же касается ея политическаго вліянія, то, повидимому, съ годами оно слабѣло по двумъ причинамъ... Въ ней были два повелѣвавшія ся личностью чувства: она свято блюла слова апостола: жена, да боится своего мужа, и въ тоже время она была горда какъ супруга, и гордость ея была искренняя и высокаго свойства; эти два чувства, постепенно усиливаясь, обязывали ее избѣгать всего, что могло быть похожимъ на заискиваніе вліянія, и могло наводить на мысль, что она ищетъ вмѣшательства въ дѣла... Она предпочитала быть въ данную минуту забытою, чѣмъ показывать кому-либо, что она о себѣ напоминаетъ... А такъ какъ въ придворномъ мірѣ неизбѣжно, по законамъ человѣческимъ, вліянію чистому и гордому пособниковъ всегда находится гораздо меньше, чѣмъ для вліянія корыстнаго или эгоистичнаго, во имя личной интриги или личнаго интереса,

то само собою такъ дѣлалось, что чѣмъ больше расширялся при Дворѣ кругъ интересовъ личныхъ, тѣмъ меньше было простору, то-есть времени и случая, для вліянія чистаго и высокаго; Императрица, какъ я сказалъ, была слишкомъ горда, чтобы заискивать себѣ это вліяніе, и боялась своего мужа въ апостольскомъ смыслѣ слова, и вотъ почему ея вліяніе, которое въ началѣ было благодатно своею силою, мало-по-малу начало слабѣть... Она не нисходила до спора съ кѣмъ-либо объ этомъ вліяніи, и вслѣдствіе этого должна была покориться передъ ходомъ обстоятельствъ съ порядкомъ вещей слагавшимся изъ случайностей...

Покорная судьбѣ по христіанскому долгу и по гордости, она незамѣтно переходила отъ активной роли къ пассивной, и, я думаю, что не будь этого, а будь наоборотъ, то-есть, прими она отъ обстоятельствъ и отъ людей, съ своимъ умомъ и съ своими нравственными силами, съ своимъ тонкимъ чутьемъ въ пониманіи людей, борьбу за свое вліяніе, многаго не случилось бы въ судьбѣ Императора Александра II, что затруднило и затуманило безъ того уже трудную его жизнь.

XL.

(1880 годъ).

Дальнѣйшая дѣятельность графа Лориса-Меликова.—Цѣлый планъ.—Ревизія и уничтоженіе III-го отдѣленія.—Закрытіе верховной коммиссіи.—Графъ Лорисъ-Меликовъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

Событія, между тѣмъ, шли своимъ роковымъ чередомъ. Съ кончиною Императрицы, Лорисъ-Меликовъ къ своей роли государственнаго человѣка присоединилъ роль придворнаго домашняго человѣка въ новой обстановкѣ жизни Государя, и съ страннымъ кокетствомъ всякому встрѣчному говорилъ *отъ души*, что придворная его [illegible]ъ отнимаетъ у него столько времени отъ государствен[illegible] дѣла. Государственное же дѣло, какъ казалось Лорисъ-Меликову, шло какъ по маслу. Случайно захваченный знаменитый Гольденбергъ, убійца харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, сдѣлалъ много разоблаченій относительно прошлаго, какъ будто для того, чтобы яснѣе стало безсиліе полиціи что либо узнать собственными средствами, но тотъ не открылъ ни кого изъ своихъ сообщниковъ, и полиція продолжала искать попрежнему вождей крамолы, и попрежнему никого не находила, не взирая на то, что крамола продолжала дѣйствовать попрежнему, съ изумительною наглостью, располагая своею типографіею въ Петербургѣ для прокламацій, и своими агентами по всей Россіи. Но такъ какъ дѣя-

тели крамолы рѣшили пріутихнуть, являя затишье передъ грозою, то Лорисъ-Меликовъ легкомысленно приписалъ это умышленное затишье за признакъ своей побѣды надъ крамолою, и не переставалъ въ томъ увѣрять Государя.

Впрочемъ, благодаря своему легкомыслію, онъ прежде всего увѣрилъ себя самого въ томъ, что его *мудрое* управленіе побѣдило крамолу, и вслѣдствіе этого отставя на второй планъ вопросъ о безопасности Государя и заботы тайной полиціи, онъ отдался въ сообществѣ съ своими друзьями, Абазою, Кахановымъ, Ковалевскимъ и друг., вопросамъ государственной внутренней политики.

Результатомъ этихъ бесѣдъ явился планъ возобновленія въ Россіи сенаторскихъ ревизій. Это былъ любопытный эпизодъ его диктаторства, любопытный тѣмъ, что эти сенаторскія поѣздки оказались въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣми, которыя въ Николаевскія времена предпринимались, и которыя для Лорисъ-Меликова послужили образцомъ подражанія. Сенаторскія ревизіи прежняго времени ожидались, какъ грозы, тѣми, которые ея боялись какъ Немезиды, но съ благословеніями ожидались тѣми, которые знали по опыту, что ревизующій сенаторъ ни одной малѣйшей просьбы самаго маленькаго обиженнаго человѣка не оставитъ безъ послѣдствій. Но политическаго характера эти ревизіи имѣли весьма мало. У Лорисъ-Меликова въ головѣ составился, наоборотъ, цѣлый планъ политическихъ сенаторскихъ изслѣдованій, которыя должны были достигнуть двухъ главныхъ цѣлей: вопервыхъ, проповѣди какого-то тона для провинціи, тона либеральнаго, тона, дающаго понять, что губернаторъ и вообще администрація—это трынъ-трава, а главное—это сила общественнаго мнѣнія, а во-вторыхъ, приведенія

въ ясность настроенія умовъ въ провинціи, какъ оказалось потомъ, для того, чтобы создать себѣ почву для дальнѣйшихъ плановъ государственной внутренней политики... Самый выборъ людей для этихъ ревизій былъ прежде всего направленъ къ тому, чтобы будущіе апостолы были не только умными людьми, но и либеральными.

Почти одновременно съ составленіемъ плана сенаторскихъ ревизій, на основаніи котораго четыремъ сенаторамъ. Ковалевскому, Шамшину. Мордвинову и Половцеву, предоставлено было по двѣ губерніи, графъ Лорисъ-Меликовъ задумалъ поднести на утвержденіе Государя еще болѣе важный актъ: это проектъ упраздненія Верховной комиссіи, коей онъ былъ председателемъ.

Въ состоявшемся по этому поводу Высочайшемъ повелѣніи сказано было, что верховная распорядительная комиссія закрывается по достиженіи ея главной цѣли: объединенія всѣхъ вѣдомствъ для борьбы съ крамолою.

Причина эта была подсказана Государю самимъ Лорисъ-Меликовымъ въ томъ докладѣ, гдѣ онъ испрашивалъ утвержденіе Государя на закрытіе верховной комиссіи, и потому какъ все, что въ видѣ государственныхъ мыслей исходило отъ гр. Лорисъ-Меликова, носило прежде всего характеръ смѣлой фантазіи, но въ то же время было неискренно, такъ какъ являлось предлогомъ, подъ прикрытіемъ котораго таилась другая побудительная причина.

Изъ случайнаго и краткаго весьма разговора, который мнѣ удалось схватить на лету при встрѣчѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, я услышалъ отъ него слѣдующія слова: мое положеніе меня тяготитъ, и оно не симпатично общественному мнѣнію.

Эта послѣдняя фраза была искренняя, и она то была

главною побудительною причиною для Лорисъ-Меликова искать перваго повода, чтобы сложить съ себя оффиціальную диктатуру, не отказываясь отъ всѣхъ ея прерогативъ,—сложить съ тѣмъ, чтобы привлечь себѣ симпатіи либеральнаго общественнаго мнѣнія и заставить про себя сказать: какой либеральный человѣкъ Лорисъ-Меликовъ: третьяго дня онъ уничтожилъ III отдѣленіе, вчера онъ свалилъ графа Толстого, сегодня онъ слагаетъ съ самого себя полномочіе диктатора...

И вотъ, онъ дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ, присоединяя къ себѣ званіе и должность шефа-жандармовъ и сохраняя главное руководительство надъ всѣми дѣлами, неоконченными въ Верховной комиссіи, что въ тоже время сохраняло за нимъ извѣстное право вмѣшательства въ дѣла другихъ министерствъ...

Такимъ образомъ, все, что льстило его самолюбію,—осталось за новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но все, что могло не нравиться либеральному общественному мнѣнію, было убрано съ политической сцены. Что же касается политической серьозной стороны этого новаго преобразованія, то слѣдуетъ сказать, что все дѣло Верховной комиссіи по отношенію къ главной ея цѣли, къ борьбѣ съ крамолою, было настолько несерьезно, настолько легкомысленно и лишено главнаго—единства дѣйствія и одного плана для нихъ,—что составлявшееся по новой реформѣ созданіе департамента государственной полиціи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ сосредоточіемъ въ немъ всей полиціи въ Россіи, представляло значительное улучшеніе въ задачѣ правительственной борьбы со всѣми элементами крамолы. Явилась почва подъ ногами, которою министръ внутреннихъ дѣлъ болѣе серьезный, чѣмъ былъ Лорисъ-Меликовъ, могъ воспользоваться

для того, чтобы вести дѣйствительную борьбу съ партіею анархіи и цареубійцъ.

Стоило только войти въ невзрачную пріемную новаго министра внутреннихъ дѣлъ въ зданіи министерства у Чернышева моста, чтобы убѣдиться, во-первыхъ, въ несерьезности его новаго положенія и, во-вторыхъ, въ томъ, что роль премьера за отставнымъ диктаторомъ осталась попрежнему...

Я разъ зашелъ въ эту пріемную. Графъ Лорисъ-Меликовъ, даже въ мелочахъ желавшій щеголять популярностью, избралъ своимъ кабинетомъ грязненькій и маленькій кабинетъ вице-директора департамента общихъ дѣлъ, у двери котораго величественными аргусами стояли чуть ли не полдюжины курьеровъ и чиновниковъ. Пріемная была переполнена ожидавшими, какъ въ купели Силоамской больные и хромые,—движенія воды; но по качеству этой толпы просителей можно было судить о томъ, что за роль игралъ тогда тотъ, кто сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ въ своемъ грязненькомъ кабинетѣ; впереди стояли два министра, почтительно ожидавшіе зова его сіятельства графа, за ними одинъ генералъ-губернаторъ, товарищъ министра, три директора съ докладными портфелями, человѣкъ десять губернаторовъ, столько же предводителей, нѣсколько генераловъ, нѣсколько сенаторовъ и т. д.

Почему же два министра могли ожидать въ пріемной?—невольно задалъ я себѣ вопросъ.

Оказалось, что они ждали потому, что графъ Лорисъ-Меликовъ какъ разъ въ эту минуту изволилъ на-скоро завтракать въ своемъ кабинетѣ, за неимѣніемъ времени позавтракать дома, и наскоро закусывалъ принесенный изъ *трактира* фриштикъ! Не трудно было понять, что

такой театральный завтракъ, какъ все остальное, былъ разсчитанъ на эффектъ въ публикѣ; съ одной стороны, министры ждутъ министра внутреннихъ дѣлъ въ пріемной наравнѣ съ просителями, съ другой стороны — къ вечеру всѣ будутъ знать, что бѣдный Лорисъ-Меликовъ такъ обремененъ занятіями, что не успѣваетъ даже позавтракать...

Но вотъ, завтракъ торжественно выносится на подносѣ изъ графскаго кабинета, и курьеръ подходитъ къ одному изъ министровъ и милостиво приглашаетъ войти въ святая святыхъ, пока другой министръ ожидаетъ смиренно своей очереди.

Разумѣется, безразсудно было надѣяться простому смертному дождаться своей очереди быть принятымъ, и потому я удалился, но интересно было то, что почти всегда этотъ комичный пріемъ прерывался въ самую неожиданную минуту появленіемъ фельдъегеря съ требованіемъ гр. Лорисъ-Меликова къ Государю, и тогда графъ Лорисъ-Меликовъ, принимая утомленный видъ, выходилъ изъ кабинета и громко говорилъ: что прикажете дѣлать, не даютъ мнѣ покоя, и уѣзжалъ во дворецъ, гдѣ подъ разными предлогами оставался по нѣскольку часовъ днемъ, независимо отъ того, что почти каждый вечеръ ѣздилъ къ Государю на вечернію партію въ ералашъ.

Такимъ образомъ, явились двѣ самыя затруднительныя вещи въ Петербургѣ: для всякаго нуждавшагося въ томъ увидѣть Лорисъ-Меликова, а для ЛорисъМеликова заняться серьезно дѣломъ.

Обыкновенно, часъ занятій наступалъ для графа Лориса-Меликова около двѣнадцати часовъ ночи, когда, дѣйствительно утомленный сутолокою цѣлаго дня, онъ возвращался къ себѣ домой и тамъ застав[…] […]ѣлые мон-

бланы докладовъ и, сверхъ того, должностныхъ лицъ, ожидавшихъ графа по самымъ экстреннымъ дѣламъ... и, сверхъ того, лицъ, которыхъ самъ Лорисъ назначалъ ночное время для какихъ нибудь разговоровъ.

Нужно ли прибавлять, что при такихъ условіяхъ была немыслима для графа Лориса-Меликова какая бы то ни было послѣдовательная и серьезная работа. Съ его живымъ и бойкимъ умомъ онъ схватывалъ, не взирая на утомленіе, главныя верхушки дѣлъ и вопросовъ, а все остальное предоставлялъ директорамъ департаментовъ, которые при немъ были дѣйствительно диктаторами въ области своего департамента, гораздо болѣе, чѣмъ ихъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ.

Насколько несерьезно было тогда отношеніе къ дѣлу со стороны его хозяина по министерству внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствовалъ одинъ отвѣтъ, данный Лорисомъ губернатору на вопросъ послѣдняго объ общемъ направленіи, котораго онъ долженъ былъ держаться, и запомненный мною, какъ въ высшей степени характерный.

— Дѣлайте такъ, чтобы объ васъ какъ можно менѣе было слышно,—отвѣтилъ Лорисъ-Меликовъ,—вотъ самая лучшая политика для губернатора.

Другому онъ сказалъ: общество настолько созрѣло, что въ помочахъ не нуждается.

По этимъ брошеннымъ мимоходомъ Лорисомъ фразамъ можно судить, каково было тогдашнее настроеніе общества и каковы были отношенія къ нему правительственной власти.

Всѣхъ болѣе ими былъ обманутъ бѣдный Государь. Успокоенный полными самообольщенія докладами Лориса-Меликова, Государь уѣхалъ въ августѣ въ Ливадію. Тамъ въ августѣ былъ подписанъ задушевный рескриптъ на

имя гр. Лориса-Меликова, при которомъ ему былъ пожалованъ Андрей Первозванный, и въ которомъ сказано было, что послѣ 6 мѣсяцевъ гр. Лорисъ-Меликовъ *«достигъ такихъ успѣшныхъ результатовъ, что нынѣ Россія можетъ вновь спокойно вступить на путь мирнаго развитія»*. Этотъ рескриптъ и эти слова дали Лорису ободрительный толчекъ, и такъ какъ въ то же время состоялось назначеніе А. А. Абазы министромъ финансовъ, то вмѣстѣ съ нимъ Лорисъ принялся обдумывать дальнѣйшіе планы *«мирнаго развитія Россіи»*, не подозрѣвая, что крамола сильнѣе, чѣмъ когда либо, разрабатывала свои планы развитія.

XLI.

(1880—1881 г.).

Ослѣпленіе графа Лориса-Меликова.—Планъ собиранія представителей земствъ въ реформаторскія комиссіи въ Петербургѣ.—Его осуществленіе.—1 марта.

И дѣйствительно, пока графъ Лорисъ-Меликовъ занимался, такъ называемыми, внутренними вопросами, подъ вліяніемъ все усиливавшейся въ немъ иллюзіи достигать порядка посредствомъ либеральныхъ поблажекъ обществу, главные дѣятели крамолы съѣзжались массою въ Петербургъ, чтобы снова обсудить вопросъ о цареубійствѣ... Лорисъ-Меликовъ именно этого-то и не подозрѣвалъ; схваченъ былъ одинъ изъ коноводовъ крамолы, Михайловъ; Лорисъ-Меликовъ думалъ, что этимъ арестомъ онъ добивалъ кружокъ злоумышленниковъ, а между тѣмъ, тутъ же въ Петербургѣ, немедленно по арестѣ Михайлова, на его мѣсто выступаетъ Желябовъ и съ большею, чѣмъ когда-либо, энергіею злоумышленники не только разрабатываютъ свои планы покушенія на жизнь Государя, но производятъ усиленную пропаганду между учащеюся молодежью, имѣя въ своемъ распоряженіи свою типографію, свой органъ печати и своихъ агентовъ...

И вотъ, когда Государь въ концѣ ноября вернулся въ Петербургъ, уже цѣлый планъ дѣйствій въ лагерѣ террористовъ былъ готовъ къ осуществленію.

Такому успѣху анархіи не мало способствовала роковымъ образомъ политика Лориса-Меликова и его сотрудниковъ...

Едва Государь вернулся въ Петербургъ, какъ поднесенъ былъ ему новымъ министромъ финансовъ Абазою къ подписанію указъ объ отмѣнѣ акциза съ соли... Лорисъ-Меликовъ восторженно говорилъ объ этой мѣрѣ, какъ о великомъ благодѣяніи для Русскаго народа, имѣющемъ будто-бы произвести самыя благія послѣдствія въ смыслѣ усиленія Государевой популярности... Въ этомъ онъ убѣдилъ Государя, но въ обществѣ въ это время мало раздѣляли энтузіазмъ Лориса-Меликова, говоря основательно, что тягость акциза на соль была слишкомъ ничтожна для каждой крестьянской семьи, чтобы съ отмѣною его она почувствовала какое-нибудь существенное матеріальное улучшеніе въ своемъ быту, и что слѣдовательно на эту мѣру скорѣе слѣдовало смотрѣть, какъ на либеральный фейерверкъ, подъ аккомпанииментъ искуственно подогрѣтыхъ газетныхъ статей въ честь новаго министра финансовъ.

Гораздо нужнѣе была въ это время усиленная дѣятельность для противодѣйствія крамолѣ; но, какъ я сказалъ, въ томъ то и заключалась роковая дѣятельность Лорисъ-Меликова, что, думая только о какомъ то дѣйствіи на общественное мнѣніе, онъ съ изумительною, непостижимою легкомысленностью относился къ своимъ обязанностямъ верховнаго начальника полиціи, вслѣдствіе чего обнародованіе указа объ отмѣнѣ соляного налога совпадало съ устроеніемъ въ Петербургѣ главнаго революціоннаго комитета...

Мало того, подходя близко къ Лорису-Меликову, можно было замѣчать въ немъ какое-то пренебреженіе къ поли-

цейскимъ своимъ функціямъ, вызванное ребяческою мыслью что полиція есть грубая и слѣпая сила, а что надо дѣйствовать на общество интеллигентными способами...

Только этимъ можно было объяснить, что градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ это самое тревожное и опасное время Лорисъ-Меликовъ назначилъ какого-то всѣмъ неизвѣстнаго, полицейскаго полковника Федорова, который не имѣлъ ни ума, ни положенія. ни опыта, ни авторитета, ни престижа и, какъ будто, для того и былъ возведенъ въ должность градоначальника города и его полиціи, чтобы на себѣ свидѣтельствовать о томъ пренебреженіи, въ которомъ, по непостижимому заблужденію. Лорисъ-Меликовъ держалъ всю полицію вообще. Такимъ образомъ, эпоха въ концѣ 1880 года, когда партія крамолы, находившаяся въ Петербургѣ, была сильнѣе, чѣмъ когда-либо, какъ разъ совпадала съ фактомъ доведенія полиціи въ Петербургѣ до небывалаго разслабленія...

И вотъ, вѣрный своимъ иллюзіямъ, вѣрный своимъ роковымъ заблужденіямъ, Лорисъ-Меликовъ представляетъ въ началѣ 1881 года докладъ Государю, въ которомъ онъ рѣшается убѣдить Государя въ *благотворныхъ послѣдствіяхъ* принятой правительствомъ системы возвращенія жизни къ ея правильному теченію; при этомъ онъ говоритъ Государю объ удовлетворенныхъ стремленіяхъ благомыслящей части общества, и о томъ, что поколебленное довѣріе къ силѣ и прочности правительственной власти возстановлено и укрѣплено въ народѣ. Всѣ эти отрадныя явленія въ русской жизни Лорисъ-Меликовъ приписываетъ волшебному дѣйствію *имъ принятыхъ мѣръ*...

А писалъ онъ объ этомъ потому, что вслѣдъ за изложеніемъ отрадныхъ явленій своей власти и своихъ мѣропріятій слѣдовала главная часть доклада: первая часть

доклада была, такъ сказать, вступленіемъ, послѣ котораго Лорисъ-Меликовъ заявлялъ передъ Государемъ, что дальнѣйшее успокоеніе Россіи впереди, и легко можетъ быть осуществлено расширеніемъ, такъ сказать, общественной самодѣятельности. По мысли Лорисъ-Меликова *возстановленнымъ* спокойствіемъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы заняться разработкою внутреннихъ реформъ въ томъ, въ чемъ онѣ недодѣланы, но при этомъ слѣдуетъ въ подражаніе тому, какъ сдѣлано было при крестьянской реформѣ, приглашать представителей земствъ и городовъ на участіе въ совѣщаніяхъ отдѣльныхъ комиссій, имѣющихъ разработать дальнѣйшія реформы и мѣропріятія.

Достойно вниманія, что въ этомъ докладѣ Лорисъ-Меликовъ, съ свойственнымъ ему добродушіемъ, даетъ понять, что онъ врагъ западнаго народнаго представительства, дабы нельзя было предлагаемыя имъ приглашенія земскихъ экспертовъ принять за попытки вводить конституцію.

Но и съ этими украшеніями Лорису-Меликову не удалось сразу склонить Государя на свою сторону. Изъ разговоровъ того времени я запомнилъ, что Государю приписывали слова, обращенныя съ Лорису-Меликову, въ которыхъ онъ прямо упрекалъ Лориса-Меликова въ желаніи проводить конституцію. Въ кружкахъ около Лориса-Меликова только объ этомъ докладѣ и говорилось, и въ одной изъ дамскихъ политическихъ гостиныхъ того момента, гдѣ средоточіемъ былъ Абаза, велись оживленные разговоры на тему конституціи, причемъ болтливый Лорисъ-Меликовъ представлялъ себя очень умнымъ политикомъ, когда говорилъ, перефразируя слова Александра II объ освобожденіи крестьянъ, что лучше революцію вводить сверху, чѣмъ давать ей подниматься снизу...

Придавая особенно важное значеніе имъ придуманному, сообща съ политическими друзьями, плану либеральныхъ реформъ, Лорисъ-Меликовъ неоднократно съ нимъ обращался къ Государю, и по странной случайности достигъ въ своихъ стараніяхъ лишь 1 марта 1881 года... Государю былъ преподнесенъ проектъ правительственнаго сообщенія. Государь начерталъ на немъ свое согласіе, повелѣвъ лишь, чтобы прежде обнародованія оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ, который назначался 4 марта.

Но пока Лорисъ-Меликовъ съ такою ребяческою страстностью добивался отъ Государя его согласія на созывъ въ комитетъ земскихъ представителей, ни онъ, ни поставленный имъ во главу Петербурга градоначальникъ, понятія не имѣли о томъ, какія крупныя и рѣшительныя мѣры принимали заговорщики для осуществленія цареубійства.

Чтобы судить о томъ, какъ въ этомъ отношеніи былъ непостижимо слѣпъ графъ Лорисъ-Меликовъ, достаточно припомнить, что наканунѣ 1 марта Государь пріобщался св. тайнъ, и когда его поздравляли, то онъ говорилъ съ сіяющимъ лицомъ: поздравьте меня вдвойнѣ: Лорисъ мнѣ возвѣстилъ, что послѣдній заговорщикъ схваченъ, и что травить меня уже не будутъ!..

Когда же говорилъ эту ужасную ложь своему Государю Лорисъ-Меликовъ?—Какъ разъ въ то время, когда Кобызевъ, послѣ долговременной работы въ подвалѣ дома на Малой Садовой, оканчивалъ съ своими сотрудниками мину, имѣвшую быть взорванною въ минуту проѣзда Государя 1 марта, и когда Перовская подготовляла къ тому же дню трехъ человѣкъ съ бомбами, имѣвшихъ быть разставленными по набережной Екатерининскаго канала.

Полиція не только не знала о двухъ покушеніяхъ, подготовленныхъ къ 1 марту, но не мѣшала Кобызеву цѣлыя ночи устраивать въ двухъ шагахъ отъ Невскаго проспекта свою мину въ подвалѣ...

Первое покушеніе на Малой Садовой не осуществилось, такъ какъ Государь не проѣхалъ по той улицѣ. Но на Екатерининскомъ каналѣ Богу угодно было дать цареубійству совершиться.

По насмѣшкѣ судьбы, заговорщики знали о возможности проѣзда Государя по набережной Екатерининскаго канала, и три преступника были поставлены съ бомбами въ рукахъ на свои посты, пока Перовская на другой сторонѣ улицы—съ платкомъ въ рукахъ давала сигналы; а полиція не только не знала о томъ, что три бомбы ждутъ русскаго Государя на набережной Екатерининскаго канала, но не могла знать и того, что Государь можетъ проѣхать по этой набережной.

Перовская съ своими тремя исполнителями ждала Государя на набережной, гдѣ ни одного не было полицейскаго!..

Несмотря на душную и тревожную атмосферу, въ которой мы жили въ это время, безъ увѣренности въ руководящей нами власти, катастрофа для всѣхъ насъ была ужасною неожиданностью: по появлявшимся прокламаціямъ, по броженію умовъ въ университетѣ мы догадались, что партія террористовъ бодрствуетъ, но мы не подозрѣвали, что полиція была доведена Лорисомъ до такой степени безсилія и неспособности, что покушеніе на жизнь Государя среди бѣлаго дня стало доступно всякому первому встрѣчному.

Во многихъ мѣстахъ Петербурга взрывъ двухъ бомбъ былъ слышенъ и принятъ былъ за одинокіе какіе то вы-

стрѣлы. Лорисъ, какъ мнѣ разсказывали, во время взрыва находился въ кабинетѣ министра государственныхъ имуществъ Валуева; и весело болталъ; однако, услыхавъ эти звуки взрыва, онъ смутился невѣдѣніемъ ихъ причинъ и немедленно уѣхалъ. Я жилъ въ это время на Захарьевской, и былъ дома, ничего не подозрѣвая. Только въ четвертомъ часу дня прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ служащихъ съ ужасною вѣстью, что на Государя было смертельное покушеніе, и что его умирающимъ повезли въ Зимній Дворецъ...

Немедленно одѣвшись въ галунный мундиръ, я поѣхалъ на площадь Зимняго Дворца... Увы, при взглядѣ на толпы, безсознательно-тоскливо двигавшіяся на площади, или стоявшія въ какомъ-то оцѣпенѣніи, при видѣ уже массы экипажей сомнѣнія не могло быть: что-то случилось. Почти немедленно по пріѣздѣ пришлось пережить страшное душевное сотрясеніе...

Раздался первый ударъ исаакіевскаго благовѣста къ вечерней службѣ, и едва онъ раздался, какъ изъ двери собственнаго подъѣзда Зимняго Дворца, съ обнаженною головою, вышелъ старикъ князь Суворовъ и сквозь рыданія сказалъ: Государь скончался!

Это была ужасная минута. Ни одной подобной не пережилъ ни до сего, ни послѣ. Сразу припомнились пророческія слова Императрицы, годъ назадъ сказанныя о значеніи ея молитвы, какъ охраны Государевой жизни. Она скончалась, и первое покушеніе было смертельно. И сразу всѣ мы очутились передъ какою то темною и мучительною неизвѣстностью. Мы были всѣ такъ далеки отъ идеи новаго царствованія, вдругъ наступившаго, и еще дальше были отъ новаго царствованія, начавшагося цареубійствомъ.

Съ первой минуты свершающагося въ нашихъ глазахъ историческаго событія, съ перваго взгляда на площадь стало для каждаго ясно, что народнаго безпорядка, какъ немедленнаго послѣдствія катастрофы, нельзя было ждать. Негодованіе къ преступленію, ужасъ совершившагося событія и состраданіе къ несчастному монарху, павшему жертвою преступленія,— эти три чувства сливались въ каждомъ человѣкѣ въ эту минуту на площади; малѣйшій проблескъ не только сочувствія преступленію, но равнодушіе въ комъ либо схватывались людьми изъ народа, какъ поводъ искать мести за пролитую кровь, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ площади мы видѣли сцены расправы народа съ заподозрѣнными личностями, народъ ихъ хваталъ и велъ къ полиціи, во дворѣ главнаго штаба образовался внезапно какой то пріемный постъ, и туда народъ волочилъ каждаго, кто ему казался подозрительнымъ. Я упоминаю объ этомъ фактѣ, какъ о важномъ историческомъ свидѣтельствѣ, насколько пылкая удача задуманнаго преступленія была безумна и безцѣльна, какъ политическое событіе, разсчитанное, очевидно, на народные безпорядки... Чувства, которыя испытывалъ народъ въ эти минуты, были сильны и глубоки, но даже подъ вліяніемъ подозрѣнія, вдругъ зарождавшагося въ немъ къ тому или къ другому лицу, народъ не позволялъ себѣ дать волю своимъ чувствамъ, и велъ схваченнаго къ полицейской власти. Начали съѣзжаться маршъ-маршемъ отряды казаковъ, но мы чувствовали и сознавали, глядя на тысячи и тысячи пораженнаго скорбью народа, что эти казаки были не нужны, и народъ самъ былъ въ эту минуту надежнѣйшею охраною и опорою полнѣйшаго порядка.

Еще яснѣе мы это увидѣли и поняли въ ту минуту,

когда въ открытыхъ парныхъ саняхъ проѣхали среди этихъ тысячей народа Новый Государь съ Супругой изъ Зимняго Дворца къ себѣ въ Аничковъ Дворецъ. Легко понять, что прочитали на заплаканномъ лицѣ Государя Александра III тысячи глазъ, на него устремленныхъ, и то благоговѣніе, съ которымъ вся эта громадная толпа разступалась и, обнажая головы, крестилась, глядя на Него, крестила Его и сквозь слезы изображала собою море благословляющихъ Новаго Царя русскихъ людей, все это съ какою то сверхъестественною силою обличало безумную безполезность цареубійства и безуміе упованій, на него возложенныхъ тѣми, которые въ невѣдѣніи народа могли мечтать о безпорядкахъ среди народа.

Съ площади я отправился въ Зимній Дворецъ. Тамъ все было полно пріѣзжающихъ со всѣхъ концовъ Петербурга узнать о случившемся. Въ комнату, гдѣ лежалъ Государь, никого не пускали: тамъ были врачи и хирурги. Дежурнымъ при Государѣ камердинеромъ оказался Костинъ, бывшій камердинеромъ при покойномъ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Опять ужасъ смерти насъ сталкивалъ, опять мы обнялись въ порывѣ скорби и воспоминаній. Я попросилъ его мнѣ дать что-нибудь на память о Государѣ; онъ вынесъ мнѣ съ его письменнаго стола гусиное перо, гладко обстриженное, сказавши: вотъ перо, которымъ въ послѣдній разъ Государь писалъ, — и далъ мнѣ тоже окровавленное перо отъ султана каски. Быть можетъ, этимъ перомъ бѣдный Государь подписалъ Свое согласіе на злосчастномъ докладѣ Лориса-Меликова о созывѣ земскихъ представителей въ реформатскую коммиссію.

Въ корридорѣ я наткнулся на Лориса. Не забуду его физіономіи. Блѣдный, изнуренный и какъ бы убитый,

онъ стоялъ, прижатый къ стѣнѣ, и съ кѣмъ то говорилъ. Невольно, глядя на эту роковую историческую фигуру, я слышалъ, какъ душа задавала вопросъ: что выражаетъ это лицо въ эту минуту? Ужасъ угрызеній, смертный приговоръ надъ собою, какъ надъ государственнымъ дѣятелемъ, слишкомъ поздно сознавшимъ свою неспособность, свои заблужденія, или того же легкомысленнаго Лориса, растеряннаго и ошеломленнаго отъ того, что сейчасъ онъ провожалъ до подъѣзда новаго Государя, и этотъ новый Государь ни звука ему не сказалъ?.. Тогда на вопросъ не было отвѣта; но, увы, черезъ два дня я припомнилъ этотъ вопросъ вечера 1 марта, и понялъ, что тогда передо мною стоялъ озабоченный подозрѣніемъ немилости царедворецъ. Смерть его благодѣтеля-Государя явилась для него не тѣмъ, чѣмъ должна была быть, причиною его конца, но случайнымъ эпизодомъ, подъ ударомъ котораго онъ даже не почувствовалъ и не понялъ роковой связи съ своею политическою ролью. Бѣжать съ поста, бросивъ власть, онъ, разумѣется, въ эту минуту не могъ. Но онъ могъ, забывъ о себѣ, ужаснуться своей отвѣтственности за полную безпомощность полиціи въ минуту, когда всѣ поняли, что эта безпомощность полиціи являлась угрозою надъ новымъ Государемъ. Объ этомъ онъ не подумалъ; но о продолженіи разговоровъ, прерванныхъ минутою 1 марта, на тему либеральныхъ реформъ, Лорисъ уже думалъ въ вечеръ съ 1 на 2 марта, и политическія гостиныя, гдѣ онъ черпалъ свое вдохновеніе и слушалъ либеральныя рѣчи, какъ ни въ чемъ не бывало, уже 3 марта манили къ себѣ Лориса-Меликова.

Настало утро 2 марта. Назначенъ былъ торжественный выходъ для вступавшаго на престолъ Императора Александра III.

Не запомню за все время моей придворной службы такого многолюднаго выхода во Дворцѣ, какъ въ это утро. Буквально всѣ залы были переполнены съѣхавшимися лицами. Не взирая на эту толпу, во всѣхъ залахъ царило какое-то торжественно-печальное безмолвіе... Не только не раздавалось нигдѣ разговоровъ, не было нигдѣ даже разговора шепотомъ или въ полголоса. И о чемъ въ эти минуты можно было говорить?

Когда двери открылись, и мы увидѣли грядущаго Государя, молчаніе стало еще торжественнѣе. Съ Императрицею подъ руку Государь вышелъ въ залъ. Войдя, Онъ остановился и заговорилъ... На первыя два слова хватило у него власти надъ душевнымъ состояніемъ, но не болѣе, голосъ порвался, все лицо преисполнилось душевной скорби, и слезы брызнули изъ глазъ. Преодолѣвъ снова порывъ печали, Государь продолжалъ и отчеканивалъ свои слова, заключавшія въ себѣ обращеніе къ каждому изъ насъ, съ увѣренностью найти содѣйствіе трудному дѣлу, на Него возлагаемому Богомъ въ такія ужасныя минуты...

Затѣмъ мы отправились большимъ выходомъ на молебствіе въ Большую церковь Зимняго Дворца.

Въ городѣ царилъ полнѣйшій порядокъ, нигдѣ никѣмъ не нарушившійся. И какъ наканунѣ, такъ и въ этотъ день восшествія на престолъ новаго Государя главнымъ охранителемъ порядка вездѣ былъ народъ...

Подробности ужаснаго событія 1 марта были уже всѣмъ извѣстны... Главная изъ нихъ набрасывала прекрасный свѣтъ на образъ Царя-Мученика въ послѣднюю минуту Его жизни. Когда первая бомба только повредила карету, въ которой Онъ ѣхалъ, кучеръ сказалъ Государю, что довезетъ Его благополучно; но Государь не захотѣлъ

бѣжать отъ опасности и забылъ о себѣ потому, что были ранены въ Его конвоѣ люди. И Онъ направился ихъ осмотрѣть, и тогда была пущена въ него вторая бомба прямо подъ ноги...

Такимъ образомъ, свою смерть Русскій Государь соединилъ съ подвигомъ героизма и съ заботою сердца о другихъ, пострадавшихъ за него.

XLII.

(1881 годъ).

Императоръ Александръ II.

Сотни тысячъ народа начали наполнять собою Петропавловскій соборъ, гдѣ лежало тѣло убитаго Царя, посвятившаго 26 лѣтъ царствованія тѣмъ преобразованіямъ, которыя, по мнѣнію его совѣтниковъ, должны были обезпечить благосостояніе Россіи и счастье народа...

Нѣтъ сомнѣнія, что между этими сотнями тысячъ набожно прощавшагося съ своимъ Государемъ народа — не мало было лицъ, предававшихся у этого гроба размышленіямъ надъ этимъ Царемъ, надъ этимъ царствованіемъ и надъ этою кончиною...

Въ числѣ этихъ многихъ, погружавшихся въ глубокое раздумье у гроба почившаго Государя, былъ и я; мнѣ тогда было 42 года, — возрастъ, при которомъ я могъ сознательными и отчетливыми воспоминаніями прослѣдить это драматическое царствованіе, и составить себѣ представленіе о личности самого Государя и объ отношеніяхъ ея къ историческимъ событіямъ царствованія...

Какъ человѣкъ, Императоръ Александръ II былъ добрый, мягкій и чувствительный — чувствительный сердцемъ и чувствительный умомъ; легко воспріимчивый къ мыслямъ и впечатлѣніямъ, онъ въ то же время легко

схватывалъ вопросы, съ которыми знакомился, но не любилъ надъ ними призадумываться и въ нихъ углубляться. Любившій и цѣнившій съ молодости общество умныхъ людей, Императоръ Александръ II еще Цесаревичемъ многое зналъ въ области общаго, такъ сказать, образованія, и вступилъ на престолъ весьма образованнымъ человѣкомъ. Нѣкоторые увѣряли, что Наслѣдникъ Николая I находился до самой кончины отца въ его опекѣ и былъ ограниченъ въ свободѣ своего духовнаго развитія. Это безусловно невѣрно. Николай I давалъ полную свободу духовному міру своего Наслѣдника, и основывалъ ее на полнотѣ къ нему своего довѣрія. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ думалъ о государственныхъ вопросахъ, какъ хотѣлъ, и даже могъ дозволять себѣ прямое противодѣйствіе министрамъ своего отца, нисколько не возбуж, ни подозрѣнія, ни недовѣрія своего отца-Государя. Кот я былъ близокъ ко двору Александра II, я ясно видѣл что Онъ менѣе довѣрчивъ къ духовному міру своего наслѣдника, чѣмъ къ нему былъ довѣрчивъ Николай I. Когда живъ былъ покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ, мы всѣ замѣчали въ послѣдніе два года его жизни, что Государь, его Родитель, не разъ отдавалъ себя подъ власть впечатлѣній, похожихъ на оттѣнки подозрительности. Когда Наслѣдникомъ сдѣлался его братъ Александръ Александровичъ, считавшійся любимымъ сыномъ своего отца, эта особенная привязанность къ нему не помѣшала Александру II тоже быть по отношенію къ нему въ извѣстныхъ случаяхъ подозрительнымъ. Цесаревичъ Александръ это чувствовалъ, и отношенія Государя къ Наслѣднику оттого иногда бывали щекотливы и усложнены... Совсѣмъ противоположное было въ отношеніяхъ Николая I къ своему Наслѣднику... Я помню, напримѣръ,

курьезное проявленіе этой полной самостоятельности Наслѣдника Николая I, въ томъ видѣ, въ какомъ его передавалъ моимъ родственникамъ бывшій при Николаѣ I его послѣднимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибиковъ. Николай I поручилъ Бибикову составить примѣнительно къ имъ сдѣланной работѣ инвентарій по Юго-Западному краю, когда онъ былъ въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ, общій для всей Россіи проектъ инвентарей, какъ главную подготовительную работу для освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Наслѣдникъ, прямо и открыто противодѣйствовавшій Бибикову при введеніи инвентарей въ Юго-Западномъ краѣ, еще болѣе прямо и рѣшительно сталъ въ оппозицію Бибикову, какъ истру внутреннихъ дѣлъ, для этой общей работы, и, чи тогда предсѣдателемъ государственнаго совѣта, ..зилъ категорично Бибикову, что онъ все сдѣлаетъ отъ него зависящее, чтобы помѣшать его проекту инвентарей пройти въ государственномъ совѣтѣ... И онъ сдержалъ слово. Не то, что такой фактъ, но десятая часть такого личнаго проявленія самостоятельности была бы и во снѣ даже немыслима при Александрѣ II въ его Наслѣдникѣ, но при Николаѣ I, основанная на его безграничномъ довѣріи къ Наслѣднику, она была естественнымъ явленіемъ.

Благодаря этой самостоятельности, Александръ II, вступивъ на Престолъ, не былъ ни минуты застигнутымъ въ расплохъ новизною своего положенія: Онъ давно былъ такъ сказать, освященъ довѣріемъ къ нему своего Отца, давно былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, давно посвященъ во всѣ мельчайшія тайны Самодержавія самымъ убѣжденнымъ его представителемъ. Къ тому же до самаго конца своей жизни Императоръ Николай свою семейную жизнь

не отдѣлялъ ни какою стѣною отъ государственной. При женѣ и при дѣтяхъ онъ говорилъ о государственныхъ дѣлахъ всегда. Слѣдовательно, не только кабинетъ, но семья Государя были государственною школою для его наслѣдника. Но, не взирая на то, въ двухъ важныхъ областяхъ Александръ II оказался въ день своего вступленія на престолъ малосвѣдущимъ: это внутренняя жизнь Русскаго государства со всѣми ея историческими, бытовыми и политическими деталями, а вторая область была весь почти западно-европейскій міръ либеральныхъ доктринъ, на который, немедленно послѣ смерти Николая I, всѣ почти умные люди той эпохи накинулись не только какъ на Америку для Россіи, но какъ на якорь ея спасенія и источникъ ея врачеванія отъ тѣхъ многихъ недуговъ, которые тогда всѣ приписывали замкнутому будто бы и личному Самодержавію Николая I, и которыми легкомысленно объясняли наши тогдашнія военныя неудачи въ Крыму.

Это малое знаніе внутренней русской жизни объясняло то странное упорство, съ которымъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ пошелъ противъ геніальной мысли инвентарей, порученной Николаемъ I осуществленію Бибикова, и это же самое незнаніе русской жизни объяснило впослѣдствіи ту легкость, съ которою тотъ же Александръ, но уже Императоромъ, отдался вліянію зачинщиковъ крестьянской реформы, безъ малѣйшей критики ихъ смѣлыхъ замысловъ съ точки зрѣнія потребностей внутренняго государственнаго строя.

Усвоивши себѣ, можно сказать, безсознательно всю твердыню Самодержавія въ такой школѣ, какъ царствованіе Николая I, Онъ, Александръ II, ни на мгновеніе не сомнѣвался въ правѣ и въ силѣ сдѣлать все, что Онъ

захочетъ, но въ тоже время это безсознательное усвоеніе себѣ Николаевскаго Самодержавія и это незнаніе русской жизни произвели то, что Онъ не могъ провѣрить пристрастныя и лживыя обвиненія, взводимыя либералами на царствованіе своего Отца, не отличавшія случайности и мелочи отъ тѣхъ устоевъ, учрежденій и началъ, которыя составляли не только силу Его державы, но были потребностями Его народа, и эти то основы русскаго строя Онъ не умѣлъ отстаивать, какъ неприкосновенныя, въ ту минуту, когда либералы захотѣли все царствованіе Николая и весь внутренній строй государства сдѣлать отвѣтственными за разные случайные недуги русской жизни...

Оттого съ самаго начала почти царствованія Александра II случилось роковое qui pro quo, которое рѣшило судьбу всего царствованія, и привело его ко всѣмъ печальнымъ событіямъ расплаты за безпочвенный либерализмъ; Александръ II отдалъ Свое Самодержавіе въ руки тѣхъ, которые имъ воспользовались, какъ единственнымъ средствомъ это Самодержавіе поколебать и обезсилить... Александръ II не понималъ, что, принимая на себя иниціативу въ либеральномъ походѣ противъ великаго царствованія своего отца, онъ въ то же время, не зная, какъ я сказалъ, ни внутренней жизни Россіи, ни органическихъ твердынь этого царствованія, давалъ ломы тѣмъ, которые, подъ предлогомъ устраненія злоупотребленій, ломали весь фундаментъ русской государственной крѣпости.

Знай онъ внутреннюю жизнь Россіи, знай онъ внутренній смыслъ царствованія своего отца, Александръ II, съ своею воспріимчивостью ко всему прекрасному, съ своимъ здравымъ смысломъ и съ своею способностью

быстро усваивать себѣ предметъ, явился бы хозяиномъ своего реформаторскаго дѣла, умѣлъ бы отличать устои и принципы отъ деталей и злоупотребленій, умѣлъ бы въ массѣ заграничнаго либеральнаго реформаторскаго хлама разобраться, отстраняясь отъ негоднаго для Россіи, и изъ царствованія своего отца создалъ бы твердый фундаментъ для обновленія русла старинной руской жизни. Тогда бы ему не пришлось отдавать Самодержавіе напрокатъ тѣмъ, которые изъ него сдѣлали ломъ противъ старой самодержавной Россіи, подъ предлогомъ, что это была Николаевщина, а, наоборотъ, онъ подчинилъ бы всѣхъ своихъ сотрудниковъ по реформамъ дисциплинѣ Николаевскаго Самодержавія, и всѣ реформы могли бы совершиться такъ же просто и хорошо, какъ построена была Николаемъ I николаевская желѣзная дорога.

И вотъ, началась эра реформъ на третьемъ году Александровскаго царствованія. Чтобы ее повести разомъ и успѣшно, нѣкоторыми изъ реформаторовъ той первоначальной эпохи, былъ задуманъ своего рода психическій планъ, на дѣйствіе котораго былъ разсчитанъ гладкій путь для всей реформаторской работы.

Психическій этотъ планъ заключался въ томъ, что Государю представили, въ самомъ началѣ его царствованія, всю тогдашнюю дворянскую Россію, которая составляла, въ сущности, 9/10 всего русскаго образованнаго общества, какою то скрытою противъ него оппозиціонною силою.

Планъ этотъ имѣлъ важную практическую цѣль. До своего вступленія на престолъ Александръ II, какъ Цесаревичъ, не только не находился въ либеральной средѣ, а тѣмъ паче подъ ея вліяніемъ, но, напротивъ, какъ я тому приводилъ доказательство въ рѣзкомъ ан-

тагонизмѣ Цесаревича съ Д. Г. Бибиковымъ по вопросу объ инвентаряхъ, скорѣе принадлежалъ къ средѣ—если не консервативной, то, во всякомъ случаѣ, высшей аристократической, гдѣ либеральнымъ вѣяніямъ доступа было весьма мало.

Только по вступленіи на престолъ Императору Александру II—поневолѣ пришлось прислушиваться къ либеральнымъ голосамъ, такъ какъ, принявши Россію въ самый острый періодъ Крымской войны, и раздавленный, такъ сказать, ея бременемъ, онъ сталъ слышать съ одной стороны объясненіе нашихъ военныхъ неудачъ политическимъ режимомъ своего отца, а съ другой стороны, указаніе исхода изъ этого положенія только въ либеральныхъ внутреннихъ реформахъ...

Но такъ какъ по привычкамъ, по вкусамъ, по убѣжденіямъ Александръ II пребывалъ въ общеніи, какъ я сказалъ, съ высшимъ дворянскимъ обществомъ, и такъ какъ въ началѣ своего царствованія, по примѣру его отца, его домашняя жизнь сливалась съ государственною въ томъ смыслѣ, что Государь былъ весьма общителенъ, по вечерамъ приглашалъ своихъ близкихъ, давалъ обѣды и прислушивался къ разнымъ мнѣніямъ и къ разнымъ голосамъ, то либералы не имѣли подъ ногами почвы, на которой они могли бы дѣйствовать, и могли всегда опасаться, что ихъ вліянію будетъ противодѣйствовать та анти-либеральная среда, въ которой по привычкѣ и по вкусамъ Александръ II былъ въ постоянномъ общеніи... Изъ этой среды могъ раздаться голосъ, предупреждающій Государя о замыслѣ подчинить его вліянію либераловъ, а такъ какъ Государь былъ въ этомъ отношеніи очень самолюбивъ и врядъ ли желалъ показать себя подъ чьимъ-либо вліяніемъ, то, разумѣется, либералы имѣли полное

основаніе опасаться той среды высшаго общества, гдѣ Государь былъ у себя дома по вкусамъ.

И тогда они прибѣгли къ тому, чего вправѣ были опасаться отъ своихъ политическихъ противниковъ противъ себя: они понемногу, исподволь начали говорить о томъ, что анти-либеральная дворянская или аристократическая партія разсчитываетъ своимъ вліяніемъ на Государя удерживать его отъ либеральныхъ реформъ, столь нужныхъ для блага Россіи и для славы его царствованія, и что это вліяніе для нихъ тѣмъ болѣе доступно, что въ ближайшей придворной средѣ эта дворянская партія имѣетъ своихъ вліятельныхъ представителей...

Этотъ планъ сталъ удаваться и, какъ всегда у насъ это бываетъ, осуществленію его помогли всего болѣе тѣ, противъ которыхъ была направлена интрига, своимъ покорнымъ и безгласнымъ поведеніемъ: ни атома борьбы не проявилось съ самаго начала между вступающими на поле дѣятельности либералами и между смирявшимися и смолкавшими передъ возбуждавшимся противъ нихъ подозрѣніемъ консерваторами, и въ прекрасный день Государь Александръ II оказался всецѣло подъ вліяніемъ либераловъ не по убѣжденію, не по симпатіямъ къ нимъ, но въ сознаніи необходимости показать свою волю противъ какой-то дворянской оппозиціи, никогда не существовавшей, но нарисованной его воображенію ловкими либералами...

Эта политика либераловъ длилась все время, и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. До вступленія на престолъ Александръ II былъ антипатично настроенъ даже къ идеѣ сервитутовъ. На второй годъ своего царствованія онъ сталъ уже говорить о необходимости начать крестьянскую реформу сверху, чтобы предупредить ее снизу, но при

этомъ онъ еще не допускалъ мысли объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Два года спустя, когда либералы ему представили, что дворянская партія будто бы не допускаетъ даже мысли освободить крестьянъ съ землею,—чего на самомъ дѣлѣ не было,—Государь рѣшилъ, что освобожденіе будетъ сдѣлано съ землею, и на одномъ совѣщаніи, ударивъ по столу рукою, сказалъ, что освобожденіе будетъ съ землею, потому что такова его воля, а другой воли онъ не признаетъ. Очевидно, эта энергичная рѣшимость была направлена все противъ той же несуществовавшей дворянской оппозиціи, по заказу либераловъ ставшей на горизонтѣ какимъ то угрожающимъ фантомомъ. Я помню, какъ въ началѣ царствованія даже такая скромная и такая глубоко преданная Государю гостиная, какъ моихъ родителей, гдѣ царили карамзинскія преданія, была имъ заподозрѣна въ фрондерскомъ и въ оппозиціонномъ характерѣ только потому, что въ ней говорилось открыто объ опасностяхъ, угрожающихъ Государю и государству отъ всемогущества либераловъ.

Но всего выразительнѣе и печальнѣе была та перемѣна, которая произошла въ самой домашней жизни Государя, и которая заключалась въ томъ, что однажды принятая традиція Николая I, сливавшаго свою гостиную и своихъ близкихъ съ кабинетомъ и съ государственными людьми, вдругъ прекратилась, и государство, переставъ быть предметомъ разговора въ гостиной Государя, изолировалось только въ его кабинетѣ и въ разговорахъ съ министрами и съ государственными людьми.

Отчего же это могло произойти?

Тутъ объясненіе кроется въ тѣхъ душевныхъ тайнахъ, которыми сопровождалось развитіе въ Государѣ, его личности реформатора, и въ борьбѣ, которая въ немъ

одномъ сосредоточилась между его личными взглядами, вкусами и принципами, и между внушенными ему подозрѣніями противъ всего тогдашняго дворянскаго общества. Такъ что уже въ началѣ его царствованія было много драматичнаго въ этомъ духовномъ мірѣ Александра II, по натурѣ вовсе не готовившагося и не созданнаго для такой сложной духовной борьбы. Государь чувствовалъ себя во власти глухого раздраженія противъ попытокъ, какъ я сказалъ, сочиненной либералами дворянской оппозиціи; въ тоже время аристократической и сентиментально-утонченной натурѣ Государя были антипатичны демократическіе пріемы и инстинкты призванныхъ имъ къ политической дѣятельности либераловъ, и, наконецъ, въ третьихъ, его прельщала до извѣстной степени роль великаго реформатора, все шире и славнѣе развертывавшаяся на сценѣ не только русской, но и всемірной жизни.

И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ трехъ одинаково сильныхъ, но совсѣмъ различныхъ двигателей, Александръ II дошелъ, совершенно понятно, до минуты, когда гостиная рѣчь о государственныхъ дѣлахъ для него стала прямо непріятною, подвергая его необходимости или услыхать какое-нибудь обвиненіе по адресу руководителей тогдашней политики либераловъ, или пробудить въ немъ упрекъ самому себѣ при затрогиваніи симпатичныхъ, но обреченныхъ на безмолвіе струнъ, или же опасеніе въ немъ вызвать въ какомъ-либо вопросѣ борьбу его личныхъ мыслей съ тѣми, которымъ онъ покорно подчинялся, или же, наконецъ, пробудить въ немъ чувство противорѣчія съ самимъ собою. Несомнѣнно, все это вмѣстѣ повліяло на рѣшеніе Государя изолировать государственное дѣло въ тайникахъ своего кабинета и рѣзко дѣлить свою жизнь на двѣ никогда не сходившіяся половины,—жизнь

Государя съ министрами и жизнь частнаго человѣка съ семьею и со всѣми, въ разговорахъ обо всемъ, кромѣ государства. Никогда не забуду навсегда врѣзавшагося во мнѣ впечатлѣнія, еще съ юныхъ дней, когда при малѣйшемъ словѣ, сказанномъ кѣмъ-либо въ гостиной Государя о государственномъ вопросѣ, вдругъ на лбу Государя показывались складки, и лицо его принимало недовольное, даже раздраженное выраженіе...

Десять лѣтъ спустя послѣ начала царствованія, къ этимъ двигателямъ его души, создавшимъ для него тяжелую духовную жизнь, присоединилась четвертая глубокая черта, еще тяжелѣе другихъ: это сознаніе неблагодарности людей и неискренности воспѣваемыхъ въ его честь похвалъ.

Тогда уже въ немъ несомнѣнно явилось разочарованіе къ роли реформатора, и какое-то невѣріе во всѣ тѣ акты, которые онъ подписывалъ, будто бы, ко благу Россіи.

Обманутый, недовѣрчивый, разочарованный, Государь вошелъ въ такую эру своей жизни, гдѣ отдавалъ уже себя подъ власть не столько людей, сколько какого-то рока, и тогда сталъ понятенъ тотъ полный Шекспировскаго драматизма историческій моментъ, про который я разсказывалъ со словъ покойнаго шефа-жандармовъ, генерала Потапова, когда онъ обратился къ нему съ словами: «я, кажется, ему не сдѣлалъ ничего добраго, за что же онъ противъ меня»?..

Таковъ былъ человѣкъ въ этомъ Государѣ, и таково было вліяніе этого человѣческаго въ немъ за все его царс[illegible]ованіе...

Добрый, нѣжный, чувствительный, воспріимчивый ко всѣмъ оттѣнкамъ деликатности, переполненный самыхъ

благихъ намѣреній, какъ могъ бы онъ насладиться своимъ царствованіемъ, если къ нему пріобщены были всѣ вліянія серьезныя, вмѣсто одного лживаго вліянія либераловъ, потребовавшихъ отъ него, кромѣ безпочвенныхъ реформъ, насилія надъ его прекрасною и деликатною душою, и сдѣлавшихъ его узникомъ своихъ собственныхъ страданій.

Оттого тяжелая отвѣтственность передъ исторіею своего народа ложится за царствованіе Александра II и за его конецъ на нашихъ либераловъ. Они — и только они — сдѣлали изъ Александра II мученика, страдавшаго и царившаго въ мірѣ, гдѣ ни онъ не понималъ народъ, и гдѣ народъ его не понималъ.

Оглавленіе второй части.

Стран.

68 258 AA A 30